Краснодарский университет МВД России

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Материалы
Международной научно-практической конференции

(15 сентября 2017 г.)

Том I

Краснодар
2017

УДК 343
ББК 67.408
У26

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук, профессор (председатель);
И. А. Паршина, кандидат юридических наук, доцент
(заместитель председателя);
И. В. Танага, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);
П. В. Максимов, кандидат юридических наук;
А. З. Хун, кандидат юридических наук, доцент

Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 15 сент. 2017 г. : в 2 т. / редкол.: К. В. Вишневецкий, И. А. Паршина, И. В. Танага, П. В. Максимов, А. З. Хун. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2017. – Т. I. – 316 с.

У26

ISBN 978-5-9266-1333-6 (т. I)
ISBN 978-5-9266-1283-4

В сборнике опубликованы материалы Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности», состоявшейся в Краснодарском университете МВД России 15 сентября 2017 г.

Для профессорско-преподавательского состава, докторантов, адъюнктов, курсантов, слушателей, студентов образовательных организаций и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 343
ББК 67.408

ISBN 978-5-9266-1333-6 (т. I)
ISBN 978-5-9266-1283-4

© Краснодарский университет
МВД России, 2017

Бабаев Михаил Матвеевич,
Заслуженный деятель науки РФ,
горюридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
отдела уголовно-правовых исследований
Российского государственного университета правосудия;
Пудовочкин Юрий Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий отделом уголовно-правовых исследований
Российского государственного университета правосудия

Риски в сфере принятия уголовно-политических и уголовно-правовых решений: понятие и виды

Принятие решений в сфере уголовной политики и уголовного права не просто важнейший аспект их активного существования в нашем обществе. Это альфа и омега всей антикриминальной деятельности государства. По сути принятие решений и их реализация, собственно, составляют содержание этой деятельности, а ее результативность в значительной степени предопределяется качеством лежащих в ее основе решений. Говоря о принятии решений, мы понимаем весьма обширную область социальной практики, которая включает в себя два основных блока: законотворчество и правоприменение. В каждом из них есть множество ситуаций принятия решений, различных по своему содержанию, последствиям, предпосылкам. Это и законодательная инициатива о разработке уголовного закона, и акт его утверждения, и решение о возбуждении уголовного дела, и приговор, и т.д. Углубляться в детальный анализ видов и механизма принятия уголовно-правового и уголовно-политического решения в рамках настоящей публикации нет необходимости. На данном этапе исследования достаточно просто констатировать, что эти решения составляют саму суть уголовной политики и, как любое решение, принимаемое в сфере социального управления, они таят в себе множество рисков, ибо принимаются в условиях неопределенности и с неопределенными представлениями о возможном результате.

Переходя к исследованию сути проблемы, начнем с того что все риски в сфере принятия уголовно-политического или уголовно-правового решения, можно свести к трем категориям:

а) риски, возникающие в процессе законотворческого обеспечения интересов развития уголовного права в целом и его институтов как стабильного и эффективного инструмента (института) государственного реагирования на преступления и лиц, виновных в их совершении;

б) риски, возникающие как социальные и правовые последствия процессов реализации принятых уголовно-политических и уголовно-правовых решений;

в) риски, возникающие как социальные и правовые последствия применения законов правоохранительными и судебными органами.

Эти риски характеризуются весьма существенными особенностями.

Во-первых, во всех случаях они порождены органично связанными друг с другом функциями, носителями которых являются специально уполномоченные на то государственные органы. Во-вторых, каждая из этих функций реализуется, как правило, в виде официального решения, принятого с соблюдением особых нормативно закрепленных процедур, и обладающего статусом уголовного закона или акта, имеющего силу уголовного закона (приговор суда).

Наконец, в-третьих, все уголовно-правовые и большинство уголовно-политических решений являются не индивидуальными, а коллективными. Их формулирует, принимает коллективный субъект, который и становится субъектом коллективного риска. Кстати, могут возразить: если говорить о судебных приговорах, то только часть из них выносится на основе коллегиального решения (тремя федеральными судьями или судом с участием присяжных заседателей), тогда как в значительной части случаев приговор постановляет судья единолично. Однако это не меняет сути дела, поскольку в юридическом смысле правосудие вершит не судья (Иванов, Петров, Сидоров), а суд. Конституция РФ и уголовно-процессуальное законодательство не знают такого понятия – «приговор судьи». Поэтому есть все основания сказать: именно суд и является коллективным субъектом риска.

Естественная специфика коллективного решения, принимаемого в условиях риска, состоит прежде всего в том, что оно складывается из мнений входящих в коллектив индивидов. Стоит отметить, что субъекты принятия ответственных решений в интересах общества также неоднородны с точки зрения своего отношения к риску и способам его минимизации. Все они так или иначе различаются по своим личностным характеристикам.

Вот почему принятие решений в условиях риска является не только организационно-управленческим, но и психологическим процессом, в рамках которого проявляются такие особенности каждого человека-члена коллектива как совокупность политических взглядов и ориентаций, приоритетов и предпочтений, идеалов и убеждений, притязаний и целеполаганий, интеллектуальный и культурный уровень, профессионализм, нравственные представления (добро и зло, справедливость и несправедливость) и др.

Правовые решения, как и любые иные, всегда принимаются в ситуации неопределенности, исполненной рисками. Поскольку же неопределенность всегда предлагает не одну, а много возможностей (вариантов, шансов) действовать, возникает неизбежная ситуация выбора.

Принятое решение – это и есть результат (продукт) выбора между альтернативами, оставленными для обсуждения в результате критического анализа всех возможных вариантов. Причем, остается таких альтернатив, как правило, не две, а гораздо больше. Множественными могут быть и критерии предпочтения одной из них.

Выбор не только, как было сказано, неизбежен, но и необходим, ибо из всех возможных принято должно быть не просто решение, а тот его вариант, который, став законом, окажется наиболее эффективным инструментом воздействия на внешние рискогенные ситуации, опасности и угрозы, в целях борьбы с которыми принимается то или иное решение. Другими словами, только толковый и тщательный выбор из многих вариантов способен дать в руки правоохранительным органам и судам документ, действительно полезный для дела борьбы с преступностью.

Такова идея. Однако анализ законодательства убеждает, что на самом деле выбирается далеко не всегда наилучшее из возможного. Не только потому, что само понятие «наилучшего» - субъективно, дискуссионно и разным людям видится по-своему. В реальных вариативных ситуациях в дело идут многие иные, предпочтительные для субъекта принятия решения критерии выбора, в том числе и те, что, в конечном счете, делают «продукт выбора» ущербным. Или оружием со смещенным прицелом.

Оставим в стороне анализ достаточно сложного комплекса причин такого явления. Выделим лишь одну, но чрезвычайно важную составляющую этого комплекса. Всякий раз, прежде, чем нажать на кнопку голосования и осуществить тем самым свой правовой выбор, каждый участник голосования делает свой нравственный выбор. Независимо от того, достаточно ли отчетливо он сам в этот момент осознает, что принятие уголовно-политического или уголовно-правового решения – это акт не только юридической, но и серьезной нравственной значимости, поскольку последствия принимаемого решения будут долго определять судьбы тысяч и тысяч людей.

Нравственный выбор – это основанный на моральных ценностях выбор человеком модели своего поведения. Это выбор между правдой и ложью, бескорыстием и выгодой, допустимым и недопустимым. Это выбор, продиктованный совестью, моральной ответственностью и чувством долга.

Такие, на первый взгляд, простые истины должны быть (опять же, - по идее), нравственным компасом для всех субъектов принятия решения, если учесть одно специфическое условие коллективной законотворческой практики.

Каждый член коллектива при обсуждении проекта решения обязан однозначно высказывать свое мнение, т.е. иными словами, оказывать тем самым давление на коллективное мнение. Совсем не редкость, когда предложенная им или группой лиц формула становится нормативным актом, но актом ошибочным, нуждающимся в корректировке или полной отмене. Грозит ли это чем-нибудь автору/авторам проекта и всем голосовавшим за него?

Сравним: если рядовой гражданин, индивидуальный предприниматель открыл собственное кафе, парикмахерскую, мастерскую, он «поставил на кон» только собственные средства и силы. Провал бизнеса – это банкротство, потеря денег и имущества, беспощадные долги и т.д.

Но за неверное и даже вредное коллективное уголовно правовое решение фактически не отвечает никто из принявших его. Формула проста: решение принимают одни, а страдают в конечном счете не они, а совсем другие, - невинно, незаконно, несправедливо привлеченные к уголовной ответственности, осужденные люди. Решает узкий круг, а отвечает неопределенное множество.

Согласимся, что это – иные условия социальной практики, совершенно своеобразное соотношение свободы и ответственности при выборе варианта решения. И здесь становится очевидной и несомненной истина: принятие коллективного решения в условиях перманентно существующего риска - это и для каждого участника, и для коллектива в целом - глубокая нравственная проблема. Главным стимулятором и критерием ответственного отношения к делу здесь могут быть только нравственные принципы личности.

Выработка решения, о котором мы говорим, по сути представляет собой действие, поступок. В частности, его содержание можно свести к совокупности следующих видов действий:

1. Соотнесение: а) реального деяния, с нормативным понятием преступления (квалификация, предъявление обвинения, вынесение приговора с назначением наказания); б) реального деяния с нормативным и доктринальным понятием преступления и с признанной в обществе категорией «общественная опасность» (криминализация); в) действующей нормы с признанной в обществе категорией «общественная опасность» (декриминализация).

2. Принятие решения, основанного на выборе варианта действий.

Изложенная в такой форме схема позволяет, по нашему мнению, подчеркнуть, что каждый ее элемент есть конкретное действие, поступок. А далее следует логическая цепочка: действие всегда влечет за собой некие последствия: позитивные и негативные, ожидаемые и неожиданные. Последствия (явления и процессы) в своей значительной части образуют некое поле неопределенности, поскольку заранее предвидеть и оценить можно в лучшем случае лишь некоторые из них. Остальное – неопределенность. Неопределенность немыслима без риска; любое решение в ситуации неопределенности есть решение рискованное. Более того, любое такое решение само умножает риски.

Следовательно, принимая правовое решение (совершая действие, поступок) его коллективный автор всегда рискует. Иначе и быть не может, ибо, как мы уже подчеркивали, человеческая активность во всех ее проявлениях рискогенна.

Для того, чтобы учет и анализ рисков был осознанным и полным, а механизм воздействия на них – эффективным, требуется формирование четких представлений о том, какие конкретно риски таятся в принятии уголовно-политических и правовых решений. Рассмотрим этот вопрос на примере принятия решений законотворческого характера, выделив две группы рисков.

Первая включает в себя риски, которые сопровождают подготовку текста законопроекта и все последующие процедуры, которые он проходит. Назовем для краткости только некоторые из них: риск подготовки проекта людьми, недостаточно компетентными в специальных вопросах, которым посвящен проект; риск недостаточного экспертного контроля проекта; риск постановки на голосование проекта, который не прошел или лишь формально прошел все стадии обсуждения с участием специалистов – ученых и практиков, представителей общественности; риск оставить неучтенными полезные критические замечания и т.д.

Вторая группа рисков – те, что возникают (могут возникнуть) после вступления законодательного акта в законную силу и начала его реализации. Эта группа в свою очередь делится на две части:

а) риски в сфере проблем собственно уголовного права и уголовной политики. Они представляют собой опасность: незаконного привлечения граждан к уголовной ответственности; рассогласования уголовной политики с реальной криминальной обстановкой в стране и ее регионах; коллизии нового закона и базовых основ политики государства в сфере борьбы с преступностью; коллизии нового закона и норм действующего законодательства; принятия еще одного криминологически и социально необоснованно нового закона; несоблюдения четких критериев разграничения преступлений и иных правонарушений; возникновения «пробельности» и избыточности криминализации деяний;необоснованного и неоправданного расширения рамок судейского усмотрения в сфере карательной практики и при определении оснований уголовной ответственности; возникновения несогласованности положений о неотвратимости, целесообразности уголовного преследования и уголовной ответственности; принятия новых законов без достаточного научного сопровождения и при отсутствии системы экспертных оценок; возникновение мертвых норм; деструкция и десистематизация уголовного закона1.

б) Риски в сфере социально-политической и экономической жизни общества – это опасность: провокации усиления социальной напряженно-

[1] О многих из перечисленных выше фактов А.И. Коробеев писал как о дефектах уголовной политики (См.: *Коробеев А.И.* Уголовно-правовая политика современной России в сфере законотворчества: «свободная в своей причине?» // Современные проблемы уголовной политики: мат-лы V Международ. науч.-практ. конф., 3 окт. 2014 г.: в 3 т. / Под ред. А.Н. Ильяшенко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2014. – Т. I. - С. 71-73). Представляется обоснованным оценить их и в качестве рисков.

сти и конфликтности; неприятия закона населением и/или снижения авторитета закона, наконец, превращения закона в нелегитимный акт; непомерного и необоснованного возрастания бюджетных трат; использования закона в политических целях; свертывания экономической инициативы и инвестиционной привлекательности государственных программ; нарушения конституционных прав граждан и т.п.

В специальной литературе принято трактовать риск как вероятность наступления неблагоприятного исхода или ненаступления желаемого. Но в реальной жизни взаимосвязь здесь чаще всего не однолинейна, в частности, когда неблагоприятные явления или процесс фактически перечеркивают возможность наступления благоприятных.

Последовательно развивая мысль о том, что риск пронизывает все без исключения сферы жизнедеятельности современного общества, представляется необходимым упорядочить наши представления о нем, используя традиционный для анализа любого множества метод – метод типологизации. Это большая и актуальная тема. Раскрыть ее в полном объеме рамки данной работы не позволят: слишком велик перечень возможных критериев типологизации и слишком объемным оказался бы анализ рисков под этим углом зрения. Однако кратко коснуться некоторых аспектов дифференциации рисков представляется необходимым.

Первый и самый наглядный критерий градации – это область социальной практики, в которой проявляют себя риски. В преломлении к теме исследования важно подчеркнуть, что риски возникают не только в сфере экономики, экологии, международных отношений и т.д. (назовем их позитивными областями). Риски свойственны также двум антагонистически связанным областям нашей жизни – криминальной и антикриминальной.

В каждом из социальных сегментов риски также неоднородны, они варьируются по признакам субъекта, содержания, источникам и пр.

Так, позитивные области жизнедеятельности содержат в себе две категории рисков:

а) Криминогенные – то есть такие характеристики общественных отношений, такие их деформации, которые несут в себе вероятность (угрозы, опасности) совершения преступлений либо общественно опасных поступков. Это область известных криминологии социальных по природе криминогенных факторов, включающая также факторы потенциально криминогенные. Они порождаются объективным развитием негативных областей жизни и далеко не всегда адекватной и своевременной реакцией общества на происходящие в них события и изменения.

б) Уголовно-правовые – то есть индивидуальные, социально-психологические риски совершения преступления лицом, которое занято тем или иным определенным видом деятельности. Риск совершить преступление и (или быть обвиненным) при осуществлении предпринимательской деятельности, занятии медицинской практикой, оказании юриди-

ческих услуг или услуг налогового агента – наиболее зримые риски этой категории1 (они восходят к известному афоризму о том, что между оптимизацией налогообложения и уклонением от уплаты налогов существует грань толщиной с тюремную решетку). Источник таких рисков, по преимуществу, неопределенность границ допустимого и недопустимого в позитивных областях.

В области криминальной (то есть при совершении преступления) также проявляют себя риски. Они порождаются ситуацией неопределенности, в которой объективно пребывает лицо, совершающее преступное деяние, и распадаются на две группы:

а) Риск неуспеха – то есть вероятность по тем или иным причинам не совершить преступление вовсе, или не довести его до конца, или получить не тот результат, на который рассчитывал преступник. Здесь сказывается, очевидно, и «профессионализм» самого преступника, и влияние обстановки совершения преступления.

б) Риск разоблачения – это вероятность того, что совершенное преступление будет обнаружено, раскрыто, преступник изобличен, обвинен и передан суду, наказан в уголовно-правовом порядке2. Источник риска в данном случае – правоохранительная практика, а потому, понятно, что чем выше степень такого риска, тем лучше.

Криминальные риски имеют место при совершении любых преступлений. Проявляют они себя и в ситуации, когда преступление совершается представителями государства, как принято говорить, в ложно понятых интересах службы, например, в ситуации уголовного преследования и судебного разбирательства (при фальсификации доказательств, принуждении к даче показаний, незаконном проведении оперативных мероприятий, вынесении неправосудного приговора).

---

[1] Отрадно отметить, что такие риски в последнее время все чаще становятся предметом специального анализа в литературе. Редко – в собственно научной литературе (едва ли не единственная специальная работа здесь: Никифоров А.В. Уголовно-правовые риски налогового агента: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014). Значительно чаще – в аналитических материалах для представителей тех или иных профессий, см.: Константинова Д. Уголовно-правовые риски юристов // LEGAL INSIGHT. – 2016. – № 10 (56). [Электронный ресурс]: http://legalinsight.ru/ugolovno-pravovye-riski-yuristov (дата обращения: 27.08.2017 г.); Лучино А.А. Уголовно-правовые риски бизнеса и как их устранить [Электронный ресурс]: http://anwaltnn.ru/analitika/ugolovno-pravovye-riski-biznesa-i-kak-ix-ustranit.html (дата обращения: 27.08.2017 г.); Панушко С., Шакирова М. Уголовно-правовые риски директоров и главных бухгалтеров в оффшорных правоотношениях // Юридический справочник руководителя. – 2010. – Июль. [Электронный ресурс]: http://www.delo-press.ru/articles.php?n=6140 (дата обращения: 27.08.2017 г.); Сердюк А.В. Уголовно-правовые риски госконтракта // Строительная орбита. – 2014. – № 10 (132). [Электронный ресурс]: http://www.kniazev.ru/information/16370 (дата обращения: 27.08.2017 г.).

[2] Такие риски под именем «криминотропных» были проанализированы в литературе, пожалуй, лишь однажды, см.: Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. – М.: Норма, 2008. – С. 90 – 116.

Наконец, в области антикриминальной, в сфере политических, нормативных и правоприменительных решений, также возникают и реально проявляют себя риски. Они представлены двумя разновидностями:

а) Риск принятия/непринятия решения, который непосредственно связан с учетом/неучетом криминогенных рисков и определяет вероятность разработки и возведения в закон того или иного предписания, направленного на противодействие преступности. Преимущественная сфера таких рисков – правотворчество.

б) Риск реализации принятого решения, который таит в себе вероятность наступления прогнозируемых или непрогнозируемых отрицательных последствий принятого антикриминального решения. Сфера этих рисков – правоприменение.

Все отмеченные риски находятся в весьма тесных взаимных отношениях. С одной стороны, криминогенные риски определяют фон разработки уголовной политики; с другой стороны, риски принятия/непринятия решений могут ослаблять или, напротив, усиливать риски криминогенные. Риски реализации актов правотворчества могут непосредственно влиять на объем и степень вероятности уголовно-правовых рисков. Все вместе они детерминируют показатели рисков криминальных. Связи эти, прямые и обратные, в ряде случаев имеют характер детерминационных.

Непосредственным предметом уголовно-политических исследований должны быть, в первую очередь, риски, возникающие в позитивной антикриминальной деятельности субъектов уголовно политики. Риск здесь может рассматриваться в разных аспектах:

а) субъект совершает привычное для него (рутинное) профессиональное действие (квалифицирует деяние, разрабатывает закон и т.д.), руководствуясь установленными правилами и процедурами, призванными минимизировать любые негативные последствия его действия, но несмотря на это наступают некоторые негативные последствия, риск которых никогда не является исключенным и наступление которых, по большому счету, не зависит от субъекта;

б) субъект выполняет свою профессиональную деятельность, принимает уголовно-политическое или уголовно-правовое решение (например, квалифицирует деяние как преступление), учитывая в полной мере или, напротив, не учитывая вероятность наступления негативных последствий от такого решения;

в) субъект противодействия преступности принимает непривычное, нестандартное, непредписанное традицией или устоявшейся доктриной действие, направленное к достижению максимального эффекта, сознавая, что такое решение может не привести к положительному результату (например, принимает законы об ответственности юридических лиц, об уголовном проступке, создает новый прецедент и др.).

Каждый из этих аспектов предполагает свой механизм минимизации рисков. Где-то (п. «а») необходимо акцентировать внимание на инфраструктуре уголовной политики и уголовного права, где-то (п. «б») – на профессионализме субъекта принятия решения, где-то (п «в») – на качестве информационного и интеллектуального обеспечения принимаемого решения. Этот механизм может включать и организационные, и правовые компоненты. Опыт внедрения последних в текст уголовного закона уже имеется (хотя он и не в полной мере осознан). Так, ст. 60 УК РФ предусматривает необходимость учета при назначении наказания таких факторов, как влияние назначенного наказания на его исправление и на условия жизни семьи осужденного. Учет этих обстоятельств и есть учет вероятности наступления неопределенных последствий от назначенного наказания (как позитивных, так и возможных негативных).

В рамках реализации классификационного метода исследования имеет смысл обратить внимание еще на одну значимую градацию рисков. Речь идет о видах, выделяемых на основе показателей явности и изученности рисков.

Прежде всего, риски отчетливо распадаются на те, что существуют ныне в объективной реальности (например, криминогенные риски безработицы, проституции и т.д.), и те, которые существуют лишь в потенции, которые только могут себя проявить в будущем, прогностические риски, содержание и механизм которых нам сегодня дан исключительно на уровне прогноза, иногда граничащего с фантазиями (к примеру, риски создания людей с генетически запрограммированными качествами или риски создания этнического оружия).

И те, и другие риски же, в свою очередь, целесообразно разделять на явные (те, что в полной или не в полной мере осознаны и исследованы – те же риски безработицы или уголовно-правовые риски при наличии правовой неопределенности в регулировании тех или иных отношений) и латентные, - те, что реально существуют, но не известны обществу (не известны в полной мере и специалистам) и потому не воспринимаются как опасные, не осознаются, следовательно, не включаются в орбиту анализа при разработке и принятии того или иного решения, например, риски чрезмерного ограничения свободы в процессе уголовно-правового нормотворчества или риски истощения бюджета). Наконец, явные риски также могут иметь различную степень «явленности». Есть риски, хорошо исследованные наукой, популяризированные среди населения и нашедшие отражение в массовом сознании (пожалуй, каждому известны наиболее криминальные районы в своем городе, известная опасность «легких» паролей от личных кабинетов в интернет-пространстве и пр.). Вместе с тем, есть риски, явный характер которых доступен только определенной группе людей, как правило, профессионалов, которые в силу разных причин (от по-

литической или экономической целесообразности до злого умысла либо легкомыслия) могут скрывать угрозы и опасности от «рядовых» граждан.

Такая градация имеет, как представляется, прямое отношение к формированию круга рискологических задач субъектов уголовной политики: потенциальные риски должны быть максимально полно и точно прогнозируемы, латентные риски должны быть переведены в разряд явных, а явные – доведены до сведения всех заинтересованных лиц, в чьей компетенции реагирование на риски и принятие соответствующих решений.

Изложенное относительно видов рисков, сопровождающих процесс разработки и принятия уголовно-политического и правового решения, естественно, не может претендовать на полный и всеохватный анализ проблемы рисков в уголовной политике и в праве. Оно призвано, пожалуй, лишь наметить контуры этой большой темы и доказать, что риски во всем их многообразии, претендуют сегодня на статус зрелой, актуальной проблемы. А проблемы требуют, чтобы их «обслуживали»: анализировали, оценивали, прогнозировали, принимали решения с целью снизить их остроту, а при возможности и ликвидировать. Иначе проблемы разрастаются до масштабов, исключающих возможность с ними справиться. Это в полной мере (и может даже, в первую очередь) относится к проблеме риска.

Подобно тому, как в криминологической науке информация о состоянии и динамике преступности, характеристике личности преступника, причинах преступности приобретает по-настоящему высокую и реальную научно-познавательную ценность только как исходный материл для решения профилактических задач, повторим, - подобно этому, материалы рискологических исследований имеют реальный социально-значимый смысл только как информационная база процессов управления риском. Именно эта сторона дела – управление риском, возможность контроля неопределенности и риска – есть главное, во имя чего стоит обязательно обращаться к учению о риске и что качественно отличает бытовые общеизвестные представления о риске от научных.

Пудовочкин Юрий Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий отделом уголовно-правовых исследований
Российского государственного университета правосудия
Бабаев Михаил Матвеевич,
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
отдела уголовно-правовых исследований
Российского государственного университета правосудия;

Неопределенность уголовно-правовых норм

В современную эпоху неопределенности ни один феномен не может иметь однозначной оценки, в том числе и сам феномен неопределенности. В рамках настоящей публикации конкретизируем некоторые представления о неопределенности уголовно-правовых норм, сознавая при этом что таковая может рассматриваться, в том числе, в зависимости от позиции исследователя, либо как дефект права, либо как отражение стратегии адаптации права в динамично меняющимся внешним условиям.

Исходной точкой рассуждений полагаем необходимым признать понятие правовой определенности[1], а именно ту его часть, которая наполнена материально-правовым содержанием и обращена к качеству закона и правового регулирования в целом. Вопрос этот может считаться в достаточной степени решенным Европейским судом по правам человека. В одном из знаковых для понимания этой проблемы постановлений он указал: «Норма не может считаться “законом”, если она не сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину сообразовывать с ней свое поведение: он должен иметь возможность – пользуясь при необходимости советами – предвидеть, в разумной применительно к обстоятельствам степени, последствия, которые может повлечь за собой данное действие. Эти последствия не обязательно предвидеть с абсолютной определенностью: опыт показывает, что это недостижимо. Более того, хотя определенность весьма желательна, она может сопровождаться чертами окаменелости, тогда как право должно обладать способностью идти в ногу сменяющимися обстоятельствами. Соответственно, во многих законах неизбежно используются термины, которые в большей или меньшей степени расплывчаты: их толкование и применение – задача практики»[2].

[1] В рамках настоящей публикации мы не склонны проводить различия между понятиями «правовая определенность» и «определенность права», полагая их синонимичными; хотя, как известно, в науке представлены и иные суждения на этот счет.

[2] Постановление ЕСПЧ от 26.04.1979 по делу «Санди Таймс против Соединенного Королевства» (жалоба № 6538/74).

На аналогичных позициях стоит Конституционный Суд РФ. Приведем несколько его принципиальных суждений на этот счет: «правовая определенность как элемент нормативного содержания принципа правового государства означает, что из сферы правового регулирования необходимо устранять двойственные, амбивалентные нормы с неопределенным юридическим смыслом»[1]; ограничение в конституционно значимых целях прав и свобод человека и гражданина «должно быть для поддержания правовой определенности нормативного регулирования выражено в федеральном законе ясно, четко и недвусмысленно»[2]; равенство граждан может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания толкования правовой нормы всеми правоприменителями[3]; необходимо, чтобы участники правоотношений «могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в том, что приобретенное ими на основе действующего законодательства право будет уважаться властями и будет реализовано, т.е. в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действенности их государственной защиты»[4].

Специальные исследования практики Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека, где собственно этот принцип сформировался, подтверждают, что материально-правовой определенности соответствуют значения, во-первых, ясности и, во-вторых, стабильности правового регулирования[5]. Рассмотрим их последовательно.

Вопрос о ясности уголовно-правовых норм, хотя сам по себе на отраслевом уровне и не артикулирован точно, составляет одно из приоритетных направлений их юридического анализа, причем как высшими судебными инстанциями (Конституционным и Верховным Судом РФ), так и представителями правовой доктрины. Для его исследования наука обращается к таким феноменам, как противоречия (Б.В. Яцеленко), системность (А.И. Рарог), пробелы (М.А. Кауфман), коллизии (З.А. Незнамова), язык закона (М.Б. Кострова), подконституционность закона (А.В. Елинский). При этом вполне закономерно, что основной вектор анализа состоит, по преимуществу, в поиске на каждом из этих участков дефектов права и их осмыслении (явно или неявно) с позиций правовой определенности.

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 № 174-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2012. – № 4.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 30.03.2012 № 9-П // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 15. – Ст. 181.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2012 № 29-П // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 51. – Ст. 7323.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2005 № 11-П // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 48. – Ст. 5123.

[5] Сидоренко А.И. Принцип правовой определенности в судебной практике: имплементация решений Европейского суда по правам человека: дис. ... канд. юрид. нук. – Пермь, 2016. – С. 12.

Важно вместе с тем подчеркнуть, что далеко не всегда видимая неясность права составляет его дефект, угрожающий определенности правовых предписаний.

П.С. Яни, рассуждая о проблемах толкования закона, совершенно верно пишет: «одинаковое и правильное восприятие запрета теми, кому он адресован, не рассматривается в качестве критерия определенности уголовно-правовой нормы; более того, неодинаковое восприятие нормы не только субъектами, на регулирование поведения которых рассчитан уголовно-правовой запрет, но и даже самим правоприменителем нельзя рассматривать в качестве критерия для отнесения данной нормы к числу неопределенно регулирующих ту или иную группу экономических отношений»[1].

На необходимость дополнительных критериев признания внешней неясности и неопределенности дефектом права указывает (порой прямо, порой косвенно) Конституционный Суд РФ. В частности, он признает:

- Само по себе неустановление федеральным законодательством уголовной ответственности за те или иные деяния не нарушает конституционные права граждан, в отношении которых эти деяния совершены, и не препятствует использованию ими в целях защиты своих прав и законных интересов иных правовых средств[2]. Под пробельностью регулирования следует понимается формальное отсутствие регулирования общественных отношений, нуждающихся в этом с точки зрения требований защиты конституционных ценностей и реализации конституционных принципов, включая неурегулированность отдельных материальных либо процедурных компонентов в структуре моделируемого нормой правоотношения, либо фактическое отсутствие должного, т.е. обеспечивающего эффективное нормативное упорядочение соответствующих отношений, регулирования[3]. Формальный пробел в тексте нормы может «сниматься» в результате ее конституционно-правового истолкования на основе применения принципов системности и конституционности, рассматривая не только вербальное выражение проверяемого законодательного текста, но выявляя его конституционно-правовой смысл, должное конституционно-правовое содержание. Если же при рассмотрении положений правового акта в нормативном единстве с другими его положениями и иными правовыми актами и с уче-

---

[1] Яни П.С. Неопределенность уголовно-правового регулирования отношений в сфере экономики: действительная и мнимая // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. – 2012. – № 2. – С. 21.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2007 № 515-О-О. Документ официально не опубликован. [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online (дата обращения: 17.08.2017 г.).

[3] Информация «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016). Документ официально не опубликован. [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online (дата обращения: 17.08.2017 г.).

том смысла, придаваемого этому акту официальным и иным толкованием, не обнаруживается необходимый фрагмент правового регулирования, тогда констатируется наличие законодательного пробела. Пробельность закона может являться основанием проверки его конституционности, если возникший пробел приводит к такому истолкованию и применению закона, которое нарушает или может нарушить конкретные конституционные права[1];

- Под неопределенностью регулирования следует понимать такие недостатки нормотворчества, как размытость терминологии, нечеткость правореализационных механизмов, когда они создают предпосылки для устанавливаемых решениями Конституционного Суда нарушений конституционной законности. «Неопределенность в понимании нормы может быть преодолена путем систематического толкования с учетом иерархической структуры правовых норм, предполагающей, что толкование норм более низкого уровня должно осуществляться в соответствии с нормами более высокого уровня. При невозможности же использования аналогии закона … возможна аналогия права и требования добросовестности, разумности и справедливости»[2]; «необходимая степень определенности правового регулирования может быть достигнута ... с помощью даваемых Верховным Судом Российской Федерации разъяснений по вопросам судебной практики»[3].

О том же напоминает и Европейски Суд по правам человека, когда постановляет: «формулировать нормы права с абсолютной точностью может быть трудной задачей… определенная степень гибкости нормы может быть даже желательной, с тем чтобы позволить национальным судам разрабатывать свое законодательство в свете своего мнения о том, какую меру подлежит применить в интересах правосудия»; «…как бы четко ни была составлена правовая норма, ее применение затрагивает неизбежный элемент судебного толкования, поскольку всегда будет иметь место необходимость разъяснения вызывающих сомнение вопросов и приспособление к конкретным обстоятельствам. Наличие сомнения в отношении пограничных фактов само по себе не делает правовую норму непредвидимой в ее применении. Подобным образом и тот факт, что такая правовая норма мо-

[1] Информация о работе Конституционного Суда Российской Федерации в 2008 году и выявленных в практической деятельности пробелах в законодательстве. Документ официально не опубликован. [Электронный ресурс]: http://www.ksrf.ru/Decision/Generalization/Pages/InformationJob.aspx (дата обращения: 17.08.2017 г.).

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 966-О-П // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 2, 2008

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П // «Собрание законодательства РФ», 06.01.2014, № 1, ст. 79

жет иметь более чем одно толкование, не означает, что она не соответствует требованию «предсказуемости» по смыслу Конвенции»[1].

Таким образом, все неясности и неопределенности только тогда становятся дефектом права, когда они, во-первых, непреодолимы в процессе выполнения профессиональной правоприменительной деятельности и требуют корректировки права, во-вторых, когда они создают опасность нарушения или реально нарушают права и свободы граждан.

В свете обсуждаемых вопросов на важное свойство неопределенности правовых предписаний обратил внимание Н.В. Кичигин. Автор пишет: «правовая неопределенность (неопределенность в праве) – такое состояние правового регулирования, которое характеризуется пробелами, коллизиями, иными дефектами и порождает для субъектов правоотношений юридические и иные риски». Следовательно, акцентирует он внимание дальше, не каждый правовой пробел, коллизия или иной правовой дефект означают одновременное наличие правовой неопределенности, а лишь те, которые создают юридические риски, содержанием которых выступают негативные последствия для участника правоотношений в виде юридических санкций. При этом автор признает, что неопределенность в праве порождает и иные риски: финансовые, экономические, репутационные и т.д.[2].

Представляется, что связка «неопределенность – риск» методологически оправданна, когда мы рассуждаем о неопределенности как о дефекте права. Риск служит фактором, который позволяет правильно интерпретировать и второй из ранее выделенных аспектов определенности – стабильность правового регулирования. Если оставить в стороне те аспекты стабильности, которые связаны по большей части с уголовным процессом (неизменность судебных решений, их исполнимость), то к материально-правовым ее проявлениям можно отнести:

- стабильность закона, предполагающую недопустимость неоправданно частых, и тем более противоположных по содержанию, его изменений;

- стабильность практики в части толкования признаков составов преступлений, иных уголовно-правовых понятий и конструкций, подходов к квалификации;

- прогнозируемость и предсказуемость правоприменительного решения, в том числе в части назначенного наказания

В целом такая стабильность направлена к тому, чтобы обеспечить простые требования: человек уже сегодня должен знать о том, как ему следует вести себя завтра; соблюдая или не соблюдая сегодня правила поведения, он должен быть уверен в том, каким будет его правовой статус завтра.

---

[1] Постановление ЕСПЧ от 17.02.2004 по делу «Маестри (Maestri) против Италии» (жалоба № 39748/98)

[2] Кичигин Н.В. Правовая неопределенность и юридические риски в экологическом праве: постановка проблемы // Актуальные вопросы публичного права. Научно-практический журнал. – 2014. – № 4. – С. 36 – 51.

Стабильность правового регулирования не означает его косности и неизменности. Напротив, Конституционный Суд РФ не раз признавал, что «в случаях, когда предусматриваемые уголовным законом меры перестают соответствовать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения, федеральный законодатель обязан привести уголовно-правовые предписания в соответствие с новыми социальными реалиями»[1]; причем внося изменения в регулирование мер уголовно-правовой защиты, он «должен основываться на учете фактического состояния общественных отношений в конкретно-исторических условиях, предопределяющих необходимость повышенной защиты тех или иных прав и законных интересов граждан, обеспечивая при этом соразмерность уголовной ответственности защищаемым уголовным законом ценностям при соблюдении конституционных принципов равенства и справедливости»[2]. По другому вопросу (связанному с оборотом орудия) Суд также высказался вполне ясно: «федеральный законодатель с учетом указанных обстоятельств на каждом историческом этапе, принимая во внимание условия развития общества, состояние правопорядка, уровень криминогенной обстановки и другие значимые факторы, вправе в рамках предоставленной ему дискреции по-разному определять порядок оборота оружия, включая условия прекращения права приобретать, хранить, носить и использовать оружие с тем, однако, чтобы был обеспечен баланс между защищаемыми Конституцией Российской Федерации ценностями, для которых оружие представляет потенциальную угрозу, и правом каждого на свободное занятие предпринимательской и иной экономической деятельностью и сопряженное с ним право иметь необходимое для такой деятельности имущество»[3].

В этом отношении критика частых изменений уголовного закона только по причине того, что эти изменения происходят, является не вполне обоснованной, даже при том, что стабильность закона сама по себе представляет значимую уголовно-политическую ценность. Нестабильность тогда создает повод для упрека, когда не в полной мере учитывает или вовсе игнорирует возможные риски скорого или очередного изменения закона либо устоявшегося подхода к его интерпретации и применению.

Вопрос о риске, конечно, требует отдельного анализа. Тем не менее, в рамках этой части работы хотя бы общих чертах имеет смысл обрисовать тот круг опасностей, который создается неясностью и нестабильностью

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 2.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 № 4-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2006. – № 3.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.04.2015 № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 4.

уголовно-правовых норм. С учетом того, что определенность права возведена в ранг одного из ее принципов, несоблюдение ее (неопределенность) чревата последствиями, также имеющими принципиальное значение для правовой системы. Это:

- нарушение баланса в системе разделения властей,
- неэффективность судебной защиты,
- отрицание достоинства личности,
- нарушение равенства граждан,
- возможность злоупотребления правом,
- падение доверия граждан к закону и действиям государства,
- нарушение баланса конституционно защищаемых ценностей,
- возможность произвольного толкования закона правоприменителем,
- возможность повторного (неоднократного) привлечения к ответственности,
- несоразмерность ограничения прав и свобод конституционно значимым целям,
- недопустимая, неэффективная, несправедливая дифференциация ответственности,
- несправедливость и негуманность правоприменительных решений.

Наряду с этим, неясность и непредсказуемость закона таят возможность наступления массы иных последствий, простирающихся глубоко в область социальных и иных отношений: невозможность прогнозирования бизнес-стратегий, психологическая тревожность, нигилистическое отношение к праву и т.п.

Эти риски придают особое звучание пробелам, неясностям, нестабильности. В отсутствие же таковых рисков неопределенность в праве приобретает совершенно иное значение, отражая процесс превращения права в «открытое произведение» (У. Эко).

На примере налогового права А.В Демин убедительно доказал, что использование правовых средств с открытой структурой вызвано необходимостью, во-первых, предоставить участникам правовых отношений алгоритмы правомерного поведения в ситуациях неопределенности в праве и, во-вторых, придать праву большую гибкость для оперативного реагирования на эволюцию объекта правового регулирования. Подобные юридические средства заключают в себе элементы неопределенности на уровне законодательства; но вместе с тем, они позволяют снять состояние неопределенности на уровне конкретной правовой ситуации. В конечном итоге обеспечивается единообразие в понимании и применении налоговых норм, достигается должный уровень правовой унификации. Тенденция к расширенному использованию в процессах правообразования относительно-определенных компонентов (принципов, оценочных понятий, судебных доктрин, договорных форм, дискреционных, бланкетных и диспозитивных норм, открытых перечней, авторитетных рекомендаций, рамочных зако-

нов, квалифицированного молчания закона, расчетного и вмененного налогообложения и пр.) и вовлечение в него массовых субъектов (судов, правоприменяющих органов, международных организаций, органов межгосударственной интеграции, частных лиц и их ассоциаций) позволяет сделать право более динамичным, «подвижным» и адекватным изменяющимся реалиям повседневной жизни[1].

Такая «позитивная неопределенность», конечно же, также не обходится без рисков. Можно предположить, что напротив, она их множит. Но главная опасность в данном случае исходит не от самих «открытых средств», а он того, насколько субъект права способен ориентироваться в них и работать с ними. Здесь уже риски возникают на фоне недостаточной подготовленности правоприменителей, недостаточности их знаний, нарушения коммуникативной связи между субъектами правовых отношений.

ПудовочкинЮрийЕвгеньевич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий отделом уголовно-правовых исследований
Российского государственного университета правосудия
Бавсун Максим Викторович,
доктор юридических наук, доцент,
заместитльначальника Омской академии МВД России

Влияние идеологии постмодерна на содержание уголовно-правового воздействия

Традиционным является представление о пребывании современного общества в состоянии так называемого постмодерна[2], который в свою очередь характеризуется недоверием к традиционным реалистическим концепциям, разочарованием в прежних идеалах и ценностях[3], способностью повлечь за собой «…радикальное изменение во всех сферах человеческого существования»[4]. Разочарование и отрицание, как две составляющие постмодерна в полной мере коснулись и российского общества, где пик реализации тотального ниспровержения пришелся на начало 90-х годов прошлого

[1] Демин А.В Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2014. – С. 13.

[2] См.: *Гилинский Я.И.* Девиантность и социальный контроль в мире постмодерна: краткий очерк // Общество и человек. 2015. № 3-4. С. 97-98. Следует при этом отметить, что все более распространенным является мнение, согласно которому мы начинаем выходить из состояния постмодерна и контрмодерна, постепенно, вступая в эру сверхмодерна, пока еще не имеющего четких границ. См.: *Кургинян С.Е.* О развитии за пределами модерна: зачем нам это нужно? // Россия XXI. 2011. № 4. С. 6-17.

[3] *Философия.* Энциклопедический словарь. М., 2006.

[4] *Андерсон П.* Истоки постмодерна. М., 2011.

столетия, будучи обусловленным обстоятельствами политического свойства[1]. Вполне естественно, что сам факт реализации процессов подобного рода не может не сказаться на всех сферах жизнедеятельности человека, включая и уголовно-правовой аспект регулирования общественных отношений. Замена ценностного ряда всегда влечет за собой последствия масштабного и зачастую тотального характера, оказывая соответствующее влияние на все сферы жизнедеятельности общества, включая его политическую, экономическую, общесоциальную или иные составляющие. Процесс трансформации уголовного закона задан теми же тенденциями, которые характерны в целом для развития современного социума, неизбежно соответствуя ему, являясь прямым выражением его идеологии.

Следствием происходящих в последние три десятилетия изменений стало отсутствие сколько-нибудь значимого единства в мировоззренческих представлениях относительно номенклатуры и содержания базовых ценностей, что во многом выступает в качестве причины заметного распада некогда существовавшего (или по крайне мере, официально декларированного) социального единства и цельности. Увеличение множества ценностных и в целом идеологических систем и весьма жесткая конкуренция между ними (прежде всего, конкуренция за человека – главного носителя, последователя и воплотителя идей) составляют неотъемлемую и во многом определяющую характеристику текущего момента. Его отражение мы наблюдаем сегодня и в содержании системы уголовно-правового воздействия, цельность которой невозможно сохранить в нынешних условиях при доминировании начал отрицания.

В сфере уголовного права (как и в обществе в целом) идеологические потрясения коснулись самих основ отрасли, ее центральных, смыслообразующих, традиционных институтов. Прежде всего, это относится к достаточно серьезным переменам в отношении к уголовному наказанию, его сути и роли в механизме правового регулирования общественных отношений. По своим масштабам и последствиям эта перемена значительно шире, чем просто реализация начал гуманизма в данном институте. Она влечет переподчинение всего уголовного права уже другим категориям, находящимся над уровнем собственно уголовно-правовых отношений, выполняя при этом роль средства обеспечения государственной политики в построении общества нового порядка. Происходящие при этом изменения,

[1] На этот же временной отрезок приходится и значительное количество работ, направленных на обоснование степени важности деидеологизации уголовного законодательства и уголовной политики. Работы подобного плана в своей основе были направлены на обоснование идей отрицания прежних достижений, а отчасти и на закрепление (хотя и не всегда осознанное) промежуточных итогов реализации начал постмодерна. См., например: *Похмелкин А.В., Похмелкин В.В.* Идеология и уголовная политика. М., 1992. С. 25-27; *Липкин А.* Тоталитаризм и «оторванные от жизни идеалы» // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 31; *Гозман Л., Эткинд А.* От культа власти к власти людей // Нева. 1989. № 7. С. 158.

как правило, носят разнонаправленный характер, что в первую очередь обусловлено отсутствием в самой государственной политике единого начала. Последнее обстоятельство, кстати, также выступает в качестве одного из постулатов постмодерна, придающего государству принципиально иную роль в регулировании общественных отношений, в сравнении с ранее устоявшимися представлениями.

В свою очередь множество идейных платформ привело, во-первых, к неопределенности идейного поля и ценностных ориентиров, а во-вторых, к идейному расколу общества и ожесточению в противостоянии между представителями различных идейных систем, что в совокупности, по вполне естественным причинам, выступает мощным фактором дезориентации общественного сознания на всех его уровнях. Как частное проявление глобальных процессов, происходящих в современном обществе, сфера уголовно-правового воздействия находится под влиянием постоянного противостояния различных, зачастую прямо противоположных друг другу идей, что в целом типично именно для постмодерна. Отражение этих идей мы в полном объеме наблюдаем сегодня в тех изменениях и дополнениях, которые вносятся в уголовный закон, неоднородность которого в результате отсутствия идейного наполнения таких изменений сегодня не вызывает сомнений. И дело здесь даже не в отдельных, вполне конкретных новеллах, а в их идейном наполнении, которое, начиная с 90-х годов прошлого столетия стремительно меняется. Смена идеи, обусловленная трансформацией ценностных ориентиров, привела к нынешнему, весьма аморфному состоянию средств уголовно-правового воздействия. Система таких средств находится под постоянным влиянием идей как раз не способствующих, а зачастую наоборот, потворствующих пороку, начиная в такой ситуации выполнять роль правовой отрасли, обслуживающей интересы нового рода. Что характерно, трансляция так называемого нового видения типична далеко не только для российской действительности, но и в целом для процессов, происходящих на мировом уровне.

Показательным в этом отношении является пример с достаточно активно разворачиваемой компанией по обоснованию выгоды от легализации так называемых «легких» наркотиков. С учетом ее трансляции на уровне Организации Объединенных Наций, можно сделать вывод и о масштабности того влияния, которому сегодня подвергается общественное сознание, а также уголовно-правовое воздействие как явление, «обслуживая» интересы подобного рода[1]. В этом же ряду стоят и многие решения Европейского суда по правам человека. Например, акты ЕСПЧ о неправомерно-

[1] Заявление сделанное, действующей под ее эгидой, комиссией по противодействию наркотикам, указывает на необходимость фактической легализации наркотиков во всем мире, так как карательные меры якобы уже доказали свою неэффективность и чрезвычайную затратность.*Гилинский Я.И.* Уголовное законодательство в современной России: критические заметки // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матлы XII научн. практ. конф. М., 2015. С. 40-41.

сти отказа в проведении гей парада в Москве; о принятии к рассмотрению (после нескольких лет раздумий) жалобы объединенной оппозиции о нелегитимности проведения выборов в Государственную Думу Российской Федерации в 2003 г. и др. Или: Постановление Европейского суда по правам человека от 7 октября 2010 г. Дело «Константин Маркин против России», в котором формулируется вывод о доминировании в России «гендерного предрассудка», заключающегося в восприятии женщин как главных воспитателей детей[1], на основе чего критической оценке была подвергнута позиция Конституционного Суда Российской Федерации относительной особой, связанной с материнством социальной роли женщины в обществе[2]. Это также и одно из последних решений ЕСПЧ о дискриминационном характере закона о гей-пропаганде, признавшее данный нормативный акт не соответствующим ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (свобода выражения мнения) и ст. 14 (запрет дискриминации)[3].

Данный список можно продолжать практически до бесконечности, однако суть решений подобного рода едина, представить в рамках идей мультикультурализма и плюрализма, предложенных постмодерном, возможность безболезненного сосуществования противоположных по своей сущности идей. Отсюда и метания законодателя от бездумно воспринимаемой и реализуемой безграничной свободы, до создания предпосылок для уже хорошо известного контроля везде и во всем. С одной стороны мы наблюдаем активно навязываемые нам представления о «прелестях» свободной любви, «пользе легких» наркотиков и т.д., с другой сталкиваемся с реанимацией прежних форм предупреждения преступности. Стремление государства, когда сознание общества строится уже на ином (в отличие от 25-30 летнего периода давности) ценностном базисе, внедрить отдельные средства предупреждения преступлений вызывают лишь внутренний конфликт, разделяя общество на тех, кто за и кто против. Отсюда и возрождение различных форм общественного контроля в виде народных дружинников, казачьих патрулей, использования присяжных заседателей в районных судах и т.д. наталкивается на апатию масс (неверие в результат, нежелание поддерживать), преодоление которой с трансформированной системой ценностей не представляется возможным. В новых условиях невозможно добиться сколь-нибудь положительного результата прежними средствами,

---

[1] [Konstantin Markin v. Russia] (жалоба № 30078/06) (I секция) (извлечение). URL: http://base.garant.ru/12185346/#ixzz3gW6nNL9r. (дата обращения: 22.02.2015 г.).

[2] *Голубкова М.* Конституционный Суд Российской Федерации поставил свои решения выше международных / Мария Голубкова // Российская газета. 2013. 7 дек. // URL :http://www.rg.ru/2013/12/07/reg-szfo/sud.html. (дата обращения: 02.05.2017 г.).

[3] *Закон* о гей-пропаганде нарушает свободу выражения мнений - ЕСПЧ принял решение по жалобе активистов из России // URL.: https://zakon.ru/discussion/2017/6/20/zakon_o_gej-propagande_narushaet_svobodu_vyrazheniya_mnenij__espch_prinyal_reshenie_ po_ zhalobe_aktiv (дата обращения: 03.07.2017 г.).

эффективность которых напрямую зависит именно от общественного сознания, от позитивного отношения к ним со стороны абсолютного большинства. При отсутствии такого отношения возможна обратная ситуация, когда при видимой активности государства в лице законодателя, и отсутствии при этом должного результата, будет происходить дальнейшая деградация авторитета власти, утрата веры в государство как регулятора общественных отношений и его способности сохранять контроль над преступностью.

В результате в сознании современного общества сегодня происходит постепенное размывание понятия нормы, стирание граней между дозволенным и недозволенным, девиантным-разрешенным и девиантным-запрещенным, что в сочетании с попытками вернуть прежние формы контроля, откровенно дезориентирует всех, начиная от законодателя и правоприменителя, заканчивая гражданами, не относящимися ни к тем, ни к другим. Отсюда современные оценки законодателя с позиции «взбесившегося принтера»[1]; правоприменителя и обывателя же в сложившихся условиях можно только пожалеть, так как ориентироваться в «отпринтованных законах» сегодня практически невозможно.

Фрагментизация, основанная на описанных выше процессах, делает свое дело и очевидных перспектив ухода от нее сегодня не просматривается, что, к сожалению, делает недостижимой поставленную И.М. Клейменовым цель формирования «конструктивной уголовной политики»[2]. Подчиненность уголовно-правового воздействия ведущим трендам общественного развития, скорее, ставит вопрос о дальнейшем росте феномена бессилия уголовного закона. Чем больше законодатель криминализирует деяний, тем более бессильным становится уголовно-правовое воздействие[3]. Изначально заложенный в его содержание конфликт, основанный на трансляции прямо противоположных друг другу идей, такое бессилие лишь усиливает, фрагментируя при этом не только систему уголовно-правового воздействия, но и, что самое главное, ее восприятие на уровне общественного сознания.

Современное положение дел в части идеологической составляющей воздействия на преступность уголовно-правовыми средствами, таким образом, характеризуется крайней нестабильностью, что свидетельствует о переходном периоде ее развития. Основная проблема этого этапа обуслов-

---

[1] *Бешенство* принтера: Госдума стала принимать в три раза больше законов // URL.: http://www.mk.ru/politics/2015/09/28/beshenstvo-printera-gosduma-stala-prinimat-v-tri-raza-bolshe-zakonov.html (дата обращения: 10.06.2017 г.).

[2] См.: *Клейменов И.М.* Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации: автореферат докт. юрид. наук. Омск, 2015. С. 21-23.

[3] *Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М.* Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия // Российский криминологический журнал. 2016. № 3. С. 423-424.

лена тем, что после отказа от прежних идей и вытекающих из них ценностей государство пока не предложило чего-либо принципиально нового, что определяло бы основные направления его развития. Государственная политика, а соответственно, и политика правовая, включая и ее уголовно-правовой аспект, носят довольно спонтанный, фрагментарный характер, не имея целостной основы. В результате действующий УК РФ представляет собой не систему запретов, образуя монолит внутренне взаимосвязанных норм охранительного характера, которые рождены в целях реализации основной идеи, а некий схоластический перечень разрозненных и часто противоречащих друг другу предписаний. Их отдельные группы нередко действительно являются выражением некоторых, но, как правило, совершенно не взаимосвязанных идей, которые указывают на наличие в обществе не правовой идеологии, а идеологии классов, отражающей интересы отдельных групп людей в ущерб всем остальным[1].

В такой ситуации крайне важно понять, что именно стоит за той или иной уголовно-правовой нормой, какая идея и какая социальная сила, поддерживающая эту идею. Динамика уголовного закона в этом отношении есть динамика движения той или иной социальной группы и социальной идеологии по шкале силы и влияния.

Отсутствие центральной идеи в формировании системы уголовно-правового воздействия привело к неоднородности уголовного законодательства, причем это в равной степени относится как к нормотворческому, так и правоприменительному аспектам. Между тем, сегодня как никогда именно «разумное использование» уголовного права становится возможным лишь при наличии в нем центральной идеи или их совокупности, которые и наполняли бы его вполне осмысленным, целесообразным содержанием. Поскольку уголовное право есть продукт «рукотворный», оно с необходимостью реализует те идеи, которые будут в нем сознательно воплощены «автором», «создателем» права. При этом речь в данном случае идет об идеях, составляющих основу отрасли, фундирующих ее и образующих концептуальное ядро. Важно, как отмечает А.В. Наумов, не снизить уровень концептуальных начал, не растворить их в постановке более конкретизированных целей и задач[2], поскольку «концепция – это не просто замысел, теоретическое построение чего-либо, но теоретическое построение, подчиненное какой-либо общей идее»[3].

---

[1] *Байков А. Ф.* Предпосылки формирования и сущность правовой идеологии. URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=736. (дата обращения: 29.11.2012 г.).

[2] *Наумов А. В.*Идеологические основы уголовного закона // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: сб. науч. тр. Саратов, 2008. С. 57–58.

[3] *Звечаровский И.* О концепции развития уголовного законодательства России // Уголовное право. 2005. № 3. С. 45.

Закладывая в законодательные предписания какую-либо идею, мы закономерно ожидаем и некоторого эффекта от самого уголовного права, и прогнозируемых сдвигов в общественном восприятии уголовно-правового воздействия. Важной при этом становится правильная оценка современного состояния сложившегося в обществе психологического климата, а также учет предыдущего багажа его духовного развития, без которого невозможно получить сколько-нибудь стройную систему идей, которая бы в той или иной мере отвечала настроению большинства[1]. Хорошо известно, что если «внешние корректирующие факторы действуют в одном направлении с внутренней регуляцией этноса, совпадают с ней, то многократно возрастает нравственно-психологический объединяющий потенциал, при котором возникает необходимая урегулированность отношений внутри этноса и за его пределами»[2].

В противном случае уголовно-правовое воздействие оказывается в некоем социально-психологическом вакууме. Формально имея вполне легитимный статус, фактически оно не находит поддержки у большинства членов российского общества, становясь, таким образом, слабым и неэффективным в процессе своей реализации. Подобное характерно именно для случаев непонимания обществом или неприятия им тех идей, которые «навязываются» ему сверху законодателем, но не имеют поддержки на уровне общественной психологии.

К сожалению, отечественная наука не создала четких представлений о содержании уголовно-правового сопровождения той или иной общественно-политической идеологии. Некогда утвердившийся тезис о деполитизации права, о господстве права над сферой политики и идеологии сегодня играет «плохую роль», уводя исследователей от анализа идейных основ принимаемых уголовно-правовых решений, а искусное и искусственное сужение сферы идеологических и политических дискуссий, сопровождаемое активно поддерживаемым государством укреплением господствующего положения одной светской и одной религиозной системы, делает такие исследования едва ли не опасными. В то же время, такие исследования необходимы, они соответствуют уровню сверхмодерна, призванного избавить современное общество в первую очередь от разрозненности (в том числе и в праве), объединить его посредством доминирования центральной идеи или их совокупности. В любом случае следует отметить, что подобного рода трансформация неизбежна, она обусловлена не только исторически, но и в целом выступает закономерным этапом развития общества, движение которого лишь в направлении отрицания приведет к дальнейшим стадиям его разрушения.

---

[1] О необходимости исследования предыдущих этапов духовного развития общества в ходе формирования идеологии см.: *Биккенин Г. Я.* Идеология, ее особенности и формы. М., 1964. С. 21.

[2] *Козаченко И. Я.* Социально-ценностные ориентиры Уголовного кодекса России 1996 г. // Российский юридический журнал. 1997. № 3. С. 24.

Беляева Лариса Ивановна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России

Реализация в деятельности МВД России международных стандартов предупреждения правонарушений несовершеннолетних

Международные стандарты это, как известно, правила, принципиальные положения, принятые на международном уровне по вопросам предупреждения преступности и направленные на совершенствование деятельности государств в этой области.

Принципы и требования, касающиеся предупреждения правонарушений, в том числе несовершеннолетних, вырабатываются Организацией Объединенных Наций (ООН), Советом Европы (СЕ), Содружество Независимых Государств (СНГ) и другими международными организациями.

Подавляющее большинство документов, содержащих положения о предупреждении преступлений, разработано ООН.

Предупреждение преступлений - внутреннее дело каждого государства, вмешательство в которое исключается. Именно поэтому все правила и стандарты имеют рекомендательный характер.

Тем не менее, государства стремятся учитывать эти рекомендации в своей деятельности, руководствуясь общими целями и задачами в деле обеспечения безопасности от криминальных посягательств.

Российское государство в этом вопросе достаточно внимательно относится к рекомендациям по предупреждению преступлений и иных правонарушений. Эти рекомендации находят отражение и в деятельности МВД России, в том числе в области предупреждения правонарушений несовершеннолетних.

Основные документы, касающиеся предупреждения правонарушений несовершеннолетних, по содержанию можно объединить три группы:

- документы общего характера;
- документы, посвященные вопросам предупреждения правонарушений;
- документы, относящиеся к предупреждению правонарушений несовершеннолетних.

Документы общего характера содержат в себе положения принципиального свойства, определяющие методологические и аксиологические подходы к предупредительной деятельности. Это такие документы как:

- Всеобщая декларация прав человека (1948 г.);
- Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.);
- Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1955 г.);

- Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.);
- Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.);
- Декларация о правах умственно отсталых лиц (1971 г.);
- Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания (1975 г.);
- Декларация о правах инвалидов (1975 г.);
- Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (1979 г.);
- Конвенция против пыток и других жестоких бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.);
- Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (1987 г.);
- Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (1988 г.);
- Руководящие принципы для эффективного осуществления кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (1989 г.).

Основные идеи этих международных документов, относящихся к предупреждению правонарушений несовершеннолетних, следующие: незыблемость прав и свобод человека; гуманное отношение к человеку; уважение к личности ребенка; предупреждения правонарушений; комплексная социальная политика.

Ряд международных документов посвящены именно вопросам предупреждения правонарушений в целом.

К числу таких документов относятся такие как:

- Декларация IV Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1970 г.);
- Каракасская декларация (1980 г.);
- Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами (1981 г.);
- Миланский план действий и Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка (1985 г.);
- Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988 г.);
- Рекомендации относительно международного сотрудничества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка (1990 г.) и другие.

Основные идеи этих документов, применительно к предупреждению правонарушений несовершеннолетних, таковы: предупреждение имеет первостепенное значение; роль семьи, школы, труда в воспитании незаме-

нима; участие общественности в предупреждении правонарушений обязательно; улучшение условий жизни необходимо; специальная подготовка кадров обязательна.

Вместе с тем международное сообщество, уделяя первостепенное внимание детям и молодежи, исходит из того, что здесь необходима более глубокая воспитательная работа, обеспечивающая развитие личности и предупреждение правонарушений. Исходя из этого ООН приняты документы, непосредственно посвященные вопросам предупреждения правонарушений и преступности несовершеннолетних и подготовки кадров для этого. Это:

- Минимальные стандартные правила, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила» 1985 г.);
- Конвенция о правах ребенка (1989 г.);
- Руководящие принципы для предупреждения преступности среди несовершеннолетних («Эр-Риядские принципы» 1990 г.);
- Правила защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (1990 г.).

Особое место среди этих документов занимает Конвенция о правах ребенка[1], в которой закреплены основные положения принципиального свойства, имеющие значение для предупреждения правонарушений несовершеннолетних. В ней изложено положение о том, что основы предупреждения правонарушений несовершеннолетних составляют строгое соблюдение и защита их прав. В Преамбуле к Конвенции о правах ребенка обращается внимание на то, что дети имеют право на особую заботу и помощь, что семья - основная ячейка общества, которая является естественной средой для взросления ребенка и благополучия всех ее членов, в особенности, детей. Как следует из Конвенции, семье необходима защита и содействие, которые позволят ей в полном объеме выполнять обязанности по воспитанию детей, что исключает правонарушения из жизни ребенка.

Конвенция ориентирует государства на защиту прав ребенка, минимизацию уголовных процедур.

Положения, прямо касающиеся предупреждения преступности несовершеннолетних, закреплены в Руководящих принципах ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних[2].

В обобщенном виде основные идеи международных документов о предупреждении правонарушений несовершеннолетних состоят в следующем: политика предупреждения относится ко всем детям; предупредительная политика имеет комплексный характер; ее задача успешная - подготовка к жизни в обществе всех детей и молодых людей; предупреждение - постоянная задача первостепенной важности; особое гуманное обращение

[1] Сборник международных стандартов и норм ООО в области правосудия в отношении несовершеннолетних. Москва. 1998 год. С 23-50.

[2] Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Руководящие принципы, принятые в Эр-Рияде) / Там же. С. 51-102.

с несовершеннолетними правонарушителями; правовая защита несовершеннолетних; специальная подготовка лиц, работающих с несовершеннолетними.

Эр-Риядские принципы содержат в себе рекомендации, касающиеся предупреждения преступности среди несовершеннолетних. Как следует из указанного документа, в целях предупреждения преступности несовершеннолетних необходимо осуществлять следующие меры:

- обеспечение социализации, социальной справедливости и равенства возможностей всех детей;
- оказание помощи детям, относящимся к группам повышенного риска;
- недопущение необоснованного контакта детей правонарушителей с формальной системой правосудия;
- осуществление специализированного судопроизводства в отношении несовершеннолетних;
- ресоциализация несовершеннолетних правонарушителей;
- предупреждение рецидива преступлений и иных правонарушений.

Идея предупреждения правонарушений несовершеннолетних находит отражение и в «Пекинских правилах», где подчеркивается значение конструктивной политики предупреждения правонарушений несовершеннолетних.

Стоит подчеркнуть, что МВД с вниманием относится к рекомендациям, содержащимся в международных документах по вопросам предупреждения правонарушений несовершеннолетних. Анализ ряда нормативных правовых актов МВД позволяет делать такой вывод. Обратимся к конкретным положениям. Одной из основных идей международных документов о предупреждении правонарушений несовершеннолетних является вывод о важности обеспечения ребенку защиты и заботы, необходимых для его благополучия (ч. 2. ст. 3. Конвенции о правах ребенка; п. п. 1.1., 1.3 Пекинских правил; п. 5. Эр-Риядских принципов). Это положение международных документов находит выражение в следующих нормативных правовых актах МВД: приказе № 19; приказе № 845 (п. 2.2; 2.4); приказе № 1166 (п. 37.23; 37.25)[1].

Положение международных документов об оказании помощи родителям (опекунам) в выполнении обязанностей по воспитанию детей (ч. 2 ст. 18 Конвенции о правах ребенка; п. 12, 13, 14 Эр-Риядских принципов) закреплено в п. 33.4; 33.8.2 приказа МВД России № 845.

[1] Приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений (в ред. Приказов МВД России от 29.01.2009 № 60; от 21.08.2010 № 618; 25.12.2010 № 883); приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 «Об утверждении инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних»; приказ МВД России от 31.12.2012 № 1166 «Вопросы организации деятельности участкового уполномоченного полиции».

Международные документы ориентируют государства на принятие мер к защите ребенка от злоупотреблений и небрежного обращения (ст. 19, 20 Конвенции о правах ребенка; п. п. 5 , 15 Пекинских правил; п. 5 Эр-Риядских принципов). В целях реализации указанного положения соответствующие предписания закреплены в приказах МВД России №19 (п. 9.3); № 845 (п. 2.15); № 744 дсп. (п. 2.1.3; 2.1.6)[1]; № 1166 (п. 5.3, п. 37.23; 37.25).

Международное сообщество обращает внимание государств на важность и необходимость привлечения общественности к работе по предупреждению правонарушений несовершеннолетних (п.п. 1.3, 25 Пекинских правил; п.п. 2, 32-39 Эр-Риядских принципов).

Анализ ведомственных нормативных правовых актов свидетельствует, что в них содержатся положения, в которых эти рекомендации реализованы (п. 2.4 приказа № 19; п. 33.10 приказа № 845; п. 36.6, 37.9 приказа 1166).

Международные документы обращают внимание государств на необходимость осуществления мер по снижению возможности совершения преступлений несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних (ст. 19, 33, 34, 35, 36 Конвенции о правах ребенка; п. 24.1 Пекинских правил; п. 49 Эр-Риядских принципов). Легко обнаружить, что этому вопросу в деятельности МВД уделяется большое внимание. Достаточно обратиться к приказам №19 (п. 14.5; 14.6; 15.3; 15.4; 15.7); № 845 (п. 11.4; 12.1.1); № 1166 (п. 37.24; 64.2), чтобы найти подтверждение этому.

Пекинские правила рекомендуют немедленно ставить в известность родителей (опекунов) в случае задержания несовершеннолетнего (п. 10.1). П. 2.10 приказа № 845 содержит в себе это предписание, становясь, таким образом, обязательным.

В Эр-Риядских принципах отмечается, что одним из условий организации предупреждение правонарушений несовершеннолетних является четкое определение обязанностей компетентных организаций, учреждений, сотрудников, участвующих в деятельности по предупреждению. Это положение реализовано в приказах МВД России: № 198, №744 дсп., № 260, № 557, № 839[2], № 845, № 1166 и др.

П.п. 45, 60, 64 Эр-Риядских принципов рекомендуют государствам обеспечивать взаимодействие и координацию органов и учреждений,

---

[1] Приказ МВД России от13.11.1998 г. № 744 (дсп) «О мерах по совершенствованию розыскной деятельности органов внутренних дел»

[2] Приказ МВД России от 20.09.1994 г. № 260 «О введении в действие Наставления по организации работы городских, районных органов внутренних дел и линейных органов внутренних дел на транспорте»; приказ МВД России от 12.07.2014 г. № 557 «О внесении изменений в приказ МВД России от 09.04.2013 г. № 198 «Об утверждении перечня должностей сотрудников внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных выносить постановления о помещении на срок до 48 часов в центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей»»; приказ МВД России от 01.09.2012 г. № 839 «О совершенствовании деятельности центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей».

участвующих в предупреждении правонарушений несовершеннолетних. Целый ряд нормативных правовых актов МВД содержит в себе требования организации взаимодействия и координации деятельности органов и учреждений, участвующих в предупреждении правонарушений несовершеннолетних. Это приказ № 260; № 845 (п. 11.3, 11.4, 21.1.1, 33.3.3, 33.5); № 31 дсп; № 147/481; № 19 (п. 9.3, 14.5, 14.6, 15.4); № 1166 (п.5.3, 37.23, 37.27)[1].

В документах ООН акцентируется внимание на специальной подготовке лиц, работающих с несовершеннолетними (п.п. 12.1, 22 Пекинских правил; п. 9 Эр-Риядских принципов). Эта рекомендация воспринята, и требование о специализации полицейских установлено п. 33.10 приказа № 845.

Анализ только некоторых нормативных правовых актов МВД России, затрагивающих вопросы предупреждения правонарушений несовершеннолетних, позволяет сделать вывод о том, что в них международные стандарты по организации предупреждения правонарушений несовершеннолетних реализованы. При этом необходимо отметить, что реализация стандартов не предполагает обязательного текстового переноса из документа в документ. Здесь важно, что принимаются во внимание основные идеи, заключенные в положениях и рекомендациях.

Бойко Александр Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Южно-Российского института управления
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»

Эвфемизмы в политике и юриспруденции

Пролог или аперитив. Мы живем или точнее принуждены жить в мире наглой рекламы, фейковых новостей, политических блефов. И холеный нувориш от экономики, и придавленный матушкой-нуждой обыватель, и воротила политики все чаще используют возможности современной информационной сферы, собственные речи и слова для сокрытия истинных целей и мотивов своего поведения, для манипуляций общественным мнением – посредством распыления фантазий и иллюзий, методом беззастен-

[1] Приказ МВД России от 19.01.2015 г. № 31 дсп «Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних , защите их прав»; Приказ Минтруда и социального развития РФ, МВД РФ от 20.06.2003 г. № 147/481 «О взаимодействии органов и учреждений социальной защиты населения и органов внутренних дел в организации профилактической работы с беспризорными и безнадзорными несовершеннолетними».

чивого раздувания обмана, эксплуатации даже самых заветных слов в качестве фигового листка своих гнусных вожделений и делишек. Как там, у незабвенного М.М. Задорнова: «ничего, что мы жулики, главное – назваться ассоциацией». Переход к рынку в российских реалиях привел к формированию новой породы людей – homozhulikos на базе homosapiens. Как-то неловко, но посредством вольтижировки слов можно выкрутиться.

Немного теории. Язык давно объявлен видовым признаком человека[1]; наряду с приручением огня, прямохождением, способностью изготавливать орудия труда и пр. При этом исследователи подчеркивают разницу между языком как набором звуков, что свойственно всем высшим животным[2], и языком как способностью обобщать информацию, что присуще только человеку. Для публичных же политиков и юристов язык суть основное «орудие труда», а богатство и образность речи – не личная блажь, но суровая необходимость. Ритор XVIII века В.К. Тредиаковский, раздумывая о выразительных возможностях русского языка, так определял его многостороннее назначение: «Всем одного и того ж общества должно необходимо и Богу обеты полагать, и государю в верности присягать, и сенаторов покорно просить, и судей умилостивлять, и на площади разговаривать, и комедию слушать, и у купца покупать, и солдатам уступать, и работных людей нанимать, и приятелей поздравлять, и на слуг кричать, и детей обучать, и жену приговаривать, и письма писать, и хвалить, и хулить, и советовать, и отводить, и обвинять, и отправлять, и чего не должно? Но все сие токмо что природным языком»[3].

В целом народный язык развивается медленно, рефлексируя на подвижки жизни «с умом», вводя в свой лексикон неологизмы и иностранные слова только после их тщательной проверки (адаптации), приноравливая их к своим нуждам и возможностям. Так, если латынь как официальный язык была отвергнута Францией еще в 1629 году, то в России того времени терминология «умершего» языка лишь входила в моду: «латинский язык… в кругах высшей знати именовался языком «единоначальствия», что подчеркивало его функциональную престижность, и в XVII в. он причисляется уже «к лику коренных языков Московской Руси – грече-

---

[1] *См.*: *Blumenbach J.F.* On the natural variety of mankind. – London, 1865. P. 83-84.

[2] *К. Вейлэ* (Элементы человеческой культуры. – СПб., 1914. С. 47-48) приводил данные из работы Мюллера-Ляйера XIXв., согласно которой у кур и голубей насчитывается по 12 различных звуков, у собак их будто бы 15, а у рогатого скота – 22, в то время как разговорный запас простолюдина обнимает около 300 слов. «Таким образом, – делалось заключение, – различие между человеком и животным оказывается совсем не столь громадным, как мы обыкновенно предполагаем». Правильно и поныне: интеллект и диапазон речи современных молодых мажоров и бабуинов с Рублевки и из спецкварталов Подмосковья, а также телеведущих молодежных программ на ЦТ свидетельствуют об этом, подтверждают это весьма крепко.

[3] Русская риторика: Хрестоматия. – М.: Просвещение, 1996. С. 73.

ского и славянского»[1]. Лингвогенез нашей страны многое испытал по ходу развития: становление канцелярской речи и юридическую казуистику в эпоху приказов; запреты на брань[2] и «политически опасные» слова[3] при абсолютизме; реформу отечественной орфографии в 1918 году[4]; длинный путь от кириллицы к современному русскому языку[5]; утрату звательного падежа, нескольких времен глагола, двойственного числа.

Язык живет во всех пластах жизни любого народа, ведет себя самосохранительно, но имеет обслуживающий персонал в лице филологов. В русле общественного разделения труда они занимаются всем лексическим хозяйством, параметрируют его на сферы, избирают и совершенствуют методы анализа языка, цепко сторожат классические устои речи от разрушения и порчи, вырабатывают профессиональные термины, посвященные исключительно языковедческой деятельности. От них мы знаем, что такое

---

[1] Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Юрид. литература, 1990.С. 54.

[2] Лишь в 1763 г., по Указу Екатерины II «О неупотреблении в указах и повелениях брани и поносных слов», в нашей стране было запрещено «сверху» использовать нецензурные слова в официальных распоряжениях и вообще в казенных бумагах.

[3] После Великой французской революции 1789 года императорскими указами в России были запрещены к употреблению по политическим соображениям термины «гражданин», «общество», «свобода». Павел I не дозволял подданным козырять и словом «Отечество».

[4] Великий интеллигент, ученый и духовник нашей страны, в молодости сочинил трактат в защиту старой орфографии, за что в 1928 году был направлен на 5 лет в Соловки, а в трактате были такие пункты: «6. Новая русская орѳография, упрощенная для изучения детям и иностранцам, есть порча и снижение русской грамотности. 7. Всякая орѳография с ростом культуры, с ростом тех требований, которые к ней предъявляются, (напротив – *А.Б.*) становится труднее для изучения» (из первого рассуждения); «5. Новая орѳографія еще более отдалила русский языкъ отъ церковно-славянскаго, сделавъ его еще более труднымъ и непонятнымъ… Уничтоживъ «Ѳ», они… хотятъ предать забвенію ту ненавистную связь, которая существовала когда-то между Византіей и Русью, Россіей. Уничтоживъ «Y» (ижицу), они пытались достигнуть еще более ужасныхъ целей: отторгнуть Россію отъ небесной благодати (вспомнимъ те слова, которые пишутся черезъ «Y»)». – *Дмитрій Лихачев.* Медитаціи на тему о старой, традиціонной, освященной, исторической русской орѳографіи, попранной и искаженной врагомъ Церкви Христовой и народа Россійскаго, изложенныя въ трехъ разсужденіяхъ Дмитріемъ Лихачевымъ февраля 3 дни 1928 г. // Статьи ранних лет. – Тверь: Тверское областное отделение Российского фонда культуры, 1993. С. 8,13,14.

[5] Изначально в кириллице было 43 буквы; так много потому, что первоначальный славянский алфавит создавался на базе греческого и в него попали буквы для звуков греческого языка, которых не было у славян. Очищение алфавита от лишних букв происходило медленно: в 1710 г., при утверждении «гражданской азбуки» Петр I из лишних букв для звуков *пси, кси, фита, ижица, омега, иже, зело, ять, юс малый* и *юсбольшой* решился упразднить только *юсы*, *кси* и *омеги*. К большевистской реформе грамматики обузных букв осталось лишь четыре – I, фита, ижица и ять, но и они оказались уничтоженными. Одновременно в нашем языке шли и противоположные процессы: так в 1735 году национальный алфавит пополнился буквой «й», а в 1797 году – буквой «ё».

аллегория, архаизм, жанр, инверсия, памфлет, подтекст, прототип, романтизм, сюжет, эзопов язык и пр.[1]

В состав языка входят такие ингредиенты, как общеупотребительные и литературные слова, архаизмы и неологизмы, жаргон, просторечная лексика, терминологический фонд. На гигантской дороге эволюции постепенно утрачивается роль эпонимов или праслов (земля, огонь, вода, солнце и пр.), ставших родителем для новых терминов, противополагаемых эпониму или дополняющих его. Таких первичных слов с однозначным содержанием в лексике любой нации осталось очень мало. Напротив, огромен и все разрастается пласт многозначных слов, с помощью которых выражается отношение человека к объектам в зависимости от его знаний, настроений, угла зрения… К ним в первую очередь относятся синонимы – слова, посвященные одному предмету, но выражающие его отдельные стороны и потому соперничающие между собой в этом смысле[2], и антонимы – противоименные или противозначительные слова, к которым прибегают, дабы рельефнее выразить отличие одного явления, предмета или понятия от другого[3].

Теперь сугубо по делу. В языковом фонде нации филологи выделяют еще и эвфемизмы – квазиразновидность синонимов, образовавшуюся для замены первичных слов, признанных нежелательными для публичного воспроизводства. Эвфемизмы в истинном их понимании – плод культурного табу; прямо сказать нельзя, так воспользуемся более щадящим вариантом. «У нас, как и у других народов нередко, (чтоб не называть предмета, особенно неприятного, своим настоящим именем), вместо него употребляют имя собственное или вообще другое слово: так, напр. говорят вместо «смерть» (удар) – Кондрашка (Кондрашка хватил)..; вместо черт – нечистый, нелегкая; вместо медведя – Мишка, Михаил Иванович Топтыгин»[4].

---

[1] *Привожу по*: *Тимофеев Л.И.* и *Тураев С.В.* Краткий словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1978. – 223 с.

[2] Великий бунтарь Отечества в своем автобиографическом сочинении вспоминает урок благостной синонимии, который преподал на его глазах «зеленому» еще дворовому – только принятому на службу мальчишке – опытный барский слуга: «ты *спишь* (здесь и ниже по цитате курсив наш – *А.Б.*) щенок, а барин изволит *почивать*… ты *ешь*, а барин изволит *кушать*»(*Герцен А.И.* Былое и думы / Предисл. В.А. Путинцева. – М.: Детская литература, 1973. С. 78).

[3] Чаще всего антонимами пользуются люди творческих профессий (поэты, ораторы, писатели) для создания контрастных образов и резкого противопоставления крайностей: «сердцу изведать сладчайшую боль» (А. Блок), «мама, ваш сын прекрасно болен» (В. Маяковский), «смотри, ей весело грустить, такой нарядно обнаженной» (А. Ахматова), «убогая роскошь наряда» (Н. Некрасов), «Война и мир» Л. Толстого, «Толстый и тонкий» А. Чехова, «Живые и мертвые» К. Симонова. – *См.* об этом: *Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.* Занимательная стилистика. – М.: Просвещение, 1988. С. 36-37.

[4] *Михельсон М.И.* Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). – М.: TERRA, 1994. С. 166.

Э.А. Вартаньян сообщает о великолепной эвфемистической находке своей случайной собеседницы-старушки, которая нарекла верзилу, усердно «перерыкивающегося» со львом в зоопарке, «февраликом». На недоумение ученого (зачем так сложно, ведь на язык слова просится слово «придурок»), та отвечала: «что у февраля дней не хватает, что в голове у верзилы ума»[1]. Вот такой изумительный ход мысли и речи!

Итак, под эвфемизмом понимается спасительный заменитель, более приличный или нейтральный эквивалент для этикетно нежелательного или слишком интимного термина. Эвфемизм по сравнению с заменяемым им словом менее точен в характеристике явления, зато сохраняет некий порог такта и благочиния. Но так было прежде. А ныне эвфемистика политическая и юридическая произрастают на иной гидропонике и иных расчетах. Далее будем вести речь без прикрас, сдержанности и эвфемизмов.

1. Древние говорили, что человек есть животное двуногое, бесперое. Со временем оно стало и зело разговорчивым (особенно это относится к публичным управленцам), а еще позже – животным, научившимся кормиться за счет других с помощью словесного обмана, надувательства, мошенничества. Способов на сей гигантской дороге открыто и эксплуатируется великое множество, как и средств противодействия им (присяга в судах, ответственность за клевету и оскорбление, экстремистские высказывания и призывы…).

2. Народные, поэтические и прочие эвфемизмы обычно порождаются стремлением уйти от неприличий либо украсить речь, а вот эвфемизмы в политике и юриспруденции густо окрашены корыстью. Сравни: а) если от желудка по Наполеону происходят революции, а по Фридриху II – культура, то нынешний парад эвфемизмов – плод вульгарного политического мошенничества, а не позывов системы пищеварения; б) если во Франции политический режим издревле принято обозначать как неограниченную власть, умеренную песнями, то в Отечестве тайные помыслы и неуклюжести управления смягчаются политической, юридической и языковой набожностью.

3. Наши обществоведы, телеведущие федеральных каналов и некоторые ученые[2], в совокупности составляющие ядро биндюжников пропаганды, с упоением и подобострастием, с надеждой быть замеченным и отмеченным, повторяют вождистскую лексику, не особо понимая ее смысл: образовательные траектории, линейка товаров, эффективные менеджеры, социальные лифты, инновации, тьюторы, импортозамещение и пр. В общем, почти по Чехову, заметившего, что в пламенных речах соотечественников жалких слов бывает больше, чем в любом трактире тараканов.

---

[1] *Вартаньян Э.А.* Путешествие в слово. – М.: Просвещение, 1987. С. 169.

[2] Как тут ни вспомнить сетования великого А.С. Пушкина: «Всегда так будет и бывало, таков издревле белый свет; ученых много, умных мало».

4. Родина переживает очередной неэволюционный период своей истории, когда принято хулить прежний строй жизни, а непререкаемость становится базовым фоном публичных дискуссий, когда на обложках книг и в периодике пестрят революционные призывы и названия, строятся смелые прогнозы, лихо обличаются прежние юридические нормативы, когда обыватель призывается в сообщники обновленцев, а формирующийся бытовой и правовой уклад объявляется самым приемлемым и производительным. Так всегда бывает, ибо идущий к общественным закромам новый правящий класс должен скрывать истинные причины реформирования страны (банальный передел материальных накоплений предыдущих поколений и природных ресурсов в свою пользу), в том числе с помощью эвфемизмов. Как следствие, на поверхность социальной мысли вбрасываются очередные (вместо сладкой мечты о коммунизме) политические химеры – типа идеологии прав и свобод человека и гражданина (без обязанностей), тезиса о приоритете личного интереса перед коммунальными потребностями, призывов к выборочному применению закона (только так называемых «правовых» нормативных актов)…

4. Теперь приведем наиболее гротескные примеры эвфемистического угара в Отечестве: а) умышленное, намеренное, злостное неисполнение хозяевами российской жизни одной из всего 4-х конституционных обязанностей скромно наречено «минимизацией налогообложения»; б) самые известные экономические макропреступники или казенные хищники, для прикрытия (криминальных) причин появления своего богатства выступающие и как «акробаты благотворительности» (по Григоровичу), получили невинное прозвище «олигархов»[1]; в) банальное казнокрадство даже в Уголовном кодексе выглядит как некое простительное «нецелевое использование» бюджетных и прочих общественных средств; г) натуральные вышибалы в политической, юридической и законодательной лексике конвертированы в забавных коллекторов; д) в конце прошлого века, когда временно победившие либеральные тусовщики именовали государство своего проживания «этой страной» и когда принимался Уголовный кодекс, случилась показательная замена состава «измены Родине» на «государственную измену» (очень широкое поле для рассуждений о том, кто кому изменяет).

5. Дижестив или эпилог[2]. Несмотря на активные призывы криминалистов сделать текст УК идеальным (кратким, ясным и точным, пожертвовав оценочными суждениями и бланкетностью, освободив его для дости-

[1] Псковский поэт XIX века А.Н. Яхонтов напророчил: «Ловко ли подделал банковские чеки, Попросту ли схапал, обморочив всех, Говорят; увлекся! Все мы человеки! Знать, попутал грех!». И все: никаких правовых последствий!

[2] Нарицательное названиенапитков, которые подаются после еды и, как считается, помогают перевариванию пищи. Аперитив, напротив, – яства для улучшения аппетита, употребляемые до еды.

жения отраслевой девственности от презумпций разного рода), этому не бывать. Лишь два обстоятельства в подтверждение. Первое. Возможности современного русского языка для регуляции преступного поведения велики, но не беспредельны. Юридический тезаурус страны уже давно вобрал в себя целую треть национальной лексики (60 тысяч слов)[1], что недопустимо много (филологи рекомендуют задействовать для целей управления не более 10% лексического запаса нации). Пришло время вынужденных интеллектуальных обобщений и речевых абстракций (1), что вряд ли возможно в стране, где господствуют вкусы лавочника и поголовное юридическое образование, а также отсева слабоинформативных единиц текста и межотраслевой селекции (2) – для поиска общих (объединительных) терминов.

Второе. Современный национальный язык характеризуется многозначностью словарного фонда. Филологи давно зафиксировали то обстоятельство, что примерно 80% слов любого современного европейского языка, имеющего длительную литературную традицию (а «великий и могучий» к таковым безусловно относится), многозначны[2]. На такой основе обеспечить единообразие управления и юридического регулирования будет ох, как нелегко! Реагировать на полисемию праву возможно только двумя способами – либо конкретизацией (дальнейшим ростом – куда уж более!) лексики, либо бóльшей свободой употребления законодательных текстов (аналогия, прецедент), но здесь криминалисты находятся в самом ущемленном положении. Былинный русский витязь на распутье.

Приведенные выше трудности и вытекающие из них перспективы – последствия объективного порядка. А вот искусственные эвфемизмы есть очевидное проявление политической корысти, хищного индивидуального или кланового интереса (по Гельвецию – могущественного чародея Вселенной) правящего класса. Стадное увлечение эвфемизмами представляет собой грех самодельный, вожделенный, намеренный, осуществляемый в целях скрыть намного бóльшие грехи говорящего, пишущего либо поучающего. Надо открыто признать и прямо заявить, что жонглирование данной разновидностью синонимии в политической и юридической лексике вовсе не безобидное дело, ибо провоцирует революционное буйство, блокирует индивидуальность ученых и пропагандирует стадность гуманитарной мысли, ведет к стагнации общественного развития.

И последнее: если кто-то поймет настоящие мысли в качестве протеста против экономического, социально-политического и юридического обновления страны, он ничего не понял, либо не хочет понять, либо не в состоянии это сделать. Вырабатывай, слушатель и читатель, свое отношение к эвфемизмам. Sapientisat[3].

---

[1] *Савицкий В.М.* Язык процессуального закона. Вопросы терминологии. – М.: Наука, 1987.С. 286.

[2] *См.*: *Будагов Р.А.* Человек и его язык. – М., 1976. С. 236-244.

[3] Умному достаточно или умный поймет – *лат.*

Бурлаков Владимир Николаевич,
доктор юридических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного университета

Современная уголовная политика противодействия преступности

Уголовная политика противодействия преступности ставит в повестку дня вопросы, которые заставляют еще раз осмыслить за и против нормы, которые корнями уходят в недавнее прошлое. К таким вопросам относятся уголовный проступок и административная преюдиция.

В уголовном праве царской России понятие уголовный проступок появляется в конце XIX века. В течение XX века по известным причинам социалистическое право отказалось его использовать, хотя уголовный закон оперировал понятиями: преступление, не представляющее большой общественной опасности, преступление небольшой тяжести, малозначительное преступление.

В сентябре 2016 г. стал активно обсуждаться вопрос о внесении в уголовный кодекс РФ категории уголовного проступка. Какие причины могли актуализировать этот вопрос? Пролагаем, что, во-первых, желание продолжить модернизацию уголовного законодательства с оглядкой на мировой опыт, и во-вторых, попытка снизить масштаб криминализации поведения, чтобы разгрузить правоохранительную систему, в основном, судебную. Сторонники уголовного проступка ссылаются на потенциально положительные последствия такого нововведения, как то оно снизит уровень тюремного населения, смягчит стигматизацию, уменьшит нагрузку на судебную систему, сократит рецидивную преступность. Действительно, такие последствия реально прогнозируемы. Однако полностью не осознаются проблемы и негативные последствия, которые появятся вместе с положительными эффектами.

Если рассматривать данный вопрос в историческом аспекте, то можно отметить следующее. Законодательство России последовательно реализовывала идею подразделения преступлений по категориям. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных последней редакции (1885 г.) все преступления были разделены на две части: преступления и проступки. Однако кроме материального критерия дифференциации (социальной опасности) другие признаки не были конкретизированы, хотя очевидно, что к ним нужно было бы отнести размер санкции и форму вины. В Уголовном уложении 1903 г. законодатель предложил уже трехчленное разделение преступлений: тяжкие преступления, преступления, проступки. Достоинством Уложения в решении этого вопроса был четкий критерий разделения по видам санкции.

В советский период во всех уголовных кодексах законодатель уделял внимание совершенствованию категоризации преступлений. В соответ-

ствии с Основными началами уголовного законодательства 1924 г. все преступления были разделены на две группы: наиболее опасные для основ советского строя и все иные. Удачно был сформулирован критерий разделения – предел санкции, причем для первой группы был установлен нижний ее предел, не подлежащий смягчению, а для второй группы – высший предел наказания. В период действия уголовного кодекса 1960 г. отдельной нормы о категориях преступлений не было. Правда, в Основах уголовного законодательства 1958 г. в редакции 1970 и 1977 годов использовались понятия тяжкого преступления, преступления, не представляющего большой общественной опасности, а в УК РСФСР до 1977 г. в ст. 51 «Освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд» называлось малозначительное преступление. Начиная с 1991 г. уголовное законодательство разделило все преступления на четыре категории. Вначале это было сделано в Основах уголовного законодательства 1991 г. в статье 9 «Классификация преступлений», не вступивших в силу, и затем в действующем УК РФ 1996 г., в ст.15 «Категории преступлений». При этом были использованы два критерия: форма вины и тяжесть наказания.

Итак, можно сделать вывод, основанный на предшествующем периоде развития уголовного законодательства России: понятие «уголовный проступок» на протяжении последних ста лет сознательно не использовалось, и законодатель считал важным такое включение новой категории преступлений в закон, если оно не нарушит системность основных положений и институтов уголовного законодательства.

При разработке новых законоположений важное значение имеет сравнительно-правовой аспект. Заметим, что в законодательстве многих странах мира преступления классифицируются на две или три группы, и самые незначительные именуются терминами, соотносимыми с понятием уголовного проступков. Например, в США в Примерном уголовном кодексе дано трехчленное деление преступлений, и уголовным проступком считается любой мисдиминор, наказание за которое не превышает тюремное заключение на срок до шести месяцев либо штраф в размере 500 долларов. По УК Франции 1992 г. уголовно наказуемые деяния разделяются на три группы: на преступления, проступки, нарушения. За преступления установлено наказание в виде лишения свободы. Нарушения, как умышленные так и неосторожные, наказуемы только штрафом либо лишением или ограничением прав. Согласно УК Швейцарии 1937 г. уголовные правонарушения разделены на две группы: преступления и проступки. Ст. 9 гласит: преступлением является преступное деяние, подлежащее наказанию каторжной тюрьмой. Проступком является преступное деяние, подлежащее наказанию тюрьмой в качестве наиболее тяжкого. Аналогичное разделение преступлений предусмотрено в Уголовном кодексе Голландии 1886 г., действующим по сей день. Закончить сравнительный обзор можно классификацией преступных деяний в УК Латвийской Республики 1998 г., т.к.

она созвучна с предложением сторонников уголовного проступка в России. В ст.7 этого кодекса уголовно наказуемые деяния подразделяются на преступления и уголовные проступки. Выделяется три категории преступлений: менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие. К уголовным проступкам отнесены деяния, которые караются лишением свободы до двух лет или более мягким наказанием.

Итак, сделаем вывод, который следует из сравнительного исследования: понятие уголовного проступка не чуждо современному уголовному праву многих стран, и согласно установленным в нем критериям оно относится к деяниям небольшой общественной опасности.

Наконец, необходимо оценить предлагаемую новеллу в аспекте согласования ее с основными положениями и институтами уголовного права, и опасности нарушить его систему, устойчивость и эффективность. То есть, речь должна идти о пределах модернизации уголовного законодательства, которая бы не размывала грань между преступлением и проступком и не подрывала основание уголовной ответственности.

Отметим, что простым сценарием решения обсуждаемого вопроса была бы замена первой категории преступления, предусмотренной в ст. 15 УК РФ: преступления небольшой тяжести категорией уголовного проступка (как в УК Латвийской Республики). Для того, чтобы снизить количество судимого населения и понизить уровень стигматизации, достаточно внести в часть вторую ст. 86 «Судимость» следующее дополнение: Лицо, осужденное за уголовный проступок либо освобожденное от наказания, считается несудимым. Очевидно, что в этом случае уголовно-правовые преференции преступления небольшой тяжести будут сохранены за уголовным проступком.

Но проблемы могут возникнуть, если классификацию преступлений, предусмотренную в ст. 15 УК РФ, дополнить новой самостоятельной категорией уголовного проступка. Можно назвать проблемы, которые будут следствием такого сложного сценария.

1) Можно ли считать лицо, совершившее уголовный проступок преступником?

2) Каким станет порядок изменения категории преступления на менее тяжкую (ч. 5 ст. 15).

3) Изменится ли перечень преступлений, за совершение которых предусмотрен пониженный возраст уголовной ответственности (ч. 2 ст. 20).

4) Потребуется ли при такой классификации изменение системы наказаний, их видов и пределов.

5) Будет ли признаваться совокупностью преступлений совершение лицом преступления и уголовного проступка (ст.17).

6) Будет ли признаваться рецидивом преступлений судимость за совершение повторное совершение умышленного уголовного проступка (ст. 18).

7) Возможна ли уголовная ответственность за покушение на совершение уголовного проступка (ч. 2 ст. 30).

8) Возможны ли против уголовного проступка действия, образующие обстоятельства, исключающие преступность деяния (ст. 37 и др.).

9) Потребуются ли изменения в правилах назначения наказания, предусмотренные статьями 68, 69, 70 УК.

10) Допустимо ли условное осуждение в отношении осужденных за уголовный проступок (ст. 73).

11) Потребуются ли изменения при осуждении за уголовный проступок в нормы об освобождении от уголовной ответственности и от наказания (глава 11,12, 14).

Итак, вывод, который следует из перечня проблем, возникающих в случае реализации предложения об уголовном проступке по сложному сценарию, состоит в том, что возникшие при этом трудности не оправдываются возможными положительными последствиями. Либерализация уголовной политики государства не должна уподобиться модернизации уголовного законодательства ради модернизации, а должна вытекать из коренных изменений состояния преступности. Уменьшение же нагрузки на правоохранительную систему, в том числе, судебную, само по себе, не может снизить масштаб криминализации общественно опасного поведения.

В последнее время вопрос о необходимости составов преступлений с административной преюдицией стал актуальным в связи с возвратом ее законодателем в УК РФ, и количество таких составов постоянно увеличивается. Прежний уголовный кодекс, как известно, ее не содержал. В теории уголовного права есть сторонники и противники административной преюдиции. Прежде всего, отметим, что под прикрытием ее осуществляется возврат специальной повторности (неоднократности) как условия усиления уголовной ответственности. Не лучше ли тогда возвратить ст. 15 УК РФ в лоно действующего уголовного права? Административная преюдиция, вольно или невольно, но превращает личность правонарушителя в основание дифференциации правовой ответственности, отодвигая на второй план само деяние. Это приводит к избыточной криминализации и повышению планки карательного компонента уголовного права. И, наконец, возникает ситуация непреодолимого противоречия между правовыми принципами (ст. 3-7 УК РФ) и административной преюдицией. Поэтому нужно отрицательно оценить обращение законодателя к практике моделирования составов преступлений с административной преюдицией.

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
Сапрунов Александр Георгиевич,
доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Предотвращение корыстных преступлений в отношении лиц преклонного возраста как объект научного исследования

Из имеющихся исторических источников известно, что первые суждения о жертве преступного посягательства сформировались еще в конце XIX – начале XX века. Однако, происхождение слова „жертва“ остается спорным в науке. Предполагают, что это слово впервые начали употреблять во французском языке и оно носило ритуальный характер[1]. Французское слово „victime“, как и английское „victim“ происходит от лат. „victima“ (жертва), что характеризует живое существо, принесенное в жертву богу. Со временем ритуальный характер слова „жертва“ приобретает другое значение и толкование, которое позже становится центральной категорией виктимологии – науки, изучающей закономерности процесса превращения человека в жертву преступления; изучает количественные и качественные характеристики жертв преступлений, закономерности их взаимоотношений с преступниками с целью совершенствования форм и методов предупреждения преступности.

Особое значение приобретает характеристика поведения жертвы преступного посягательства. В то же время вопрос о целесообразности изучения поведения жертвы впервые начали рассматриваться в работах Г. Гассера, Б. Мендельсона, Г. Гентинга, которые считали, что поведение жертвы преступления имеет неслучайный характер, поскольку совершение общественно опасного деяния зависит не только от лица, которое его совершает. Обычно, поведение жертвы преступления граничит с противоправным, которое способствует преступлению, либо провоцирует его совершение[2]. Также установлено, что не только противоправное поведение лица может привлекать повышенное внимание преступников, но и ее бездействие, может способствовать тому, что человек оказывается в роли жертвы.

---

[1] Полубинский В.И. Правовые основы учения о жертве преступления / В.И. Полубинский. – Горький. 1979.

[2] Ващенко И. Формирование нравственного поведения как направление виктимологической профилактики / И. Ващенко // Социальная психология. – 2007. – Специальный выпуск.

Значение потерпевшего и его поведение, как определяет Г.М. Миньковський, может быть производным, поскольку зависит от таких особенностей, как: физиологическое состояние человека (алкогольное опьянение, усталость, состояние здоровья (недостатки органов чувств и восприятия), психологические особенности личности (характер, темперамент, мышление, внимание и др[1]. Изучение указанных особенностей, влияющих на поведение жертв преступных посягательств, привлекает внимание как ученых так и практиков, поскольку в большинстве случаев окончательное вынесения решения по уголовному делу во многом зависит и от поведения потерпевшего. Поэтому только с учетом личности и поведения последнего возможно разработать эффективные меры воздействия в отношении потенциальных жертв преступного посягательства.

Основываясь на изучении трудов отечественных и зарубежных ученых, можно прийти к выводу, что поведение потерпевшего (жертвы преступления) имеет значительное влияние на формирование у преступника намерения совершить преступление. Соглашаемся с позицией Ю.М. Антоняна, который определяет, что в большинстве случаев жертва – активный элемент в предкриминальной ситуации, а для того, чтобы определить роль потерпевшего в механизме конкретного преступления необходимо, прежде всего, установить: а) в какой мере ситуация, содержащая условия, способствующие совершению преступления, сложилась за счет потерпевшего; б) каким было объективное содержание ситуации и насколько адекватно потерпевший воспринял причиненный ущерб; в) каким образом потерпевший повлиял на формирование личностной установки преступника, которая реализовалась во взаимодействии с ситуацией, в результате чего был причинен вред; г) какие личностные качества потерпевшего сделали его уязвимым для преступника[2].

Д.В. Ривман отмечает, что наиболее весомым для виктимологического исследования остается вопрос о детерминации значения предкриминальной и криминальной ситуаций и место, которое занимает в их формировании и реализации будущая жертва, которая превратилась в реального потерпевшего.

На основании этого можем утверждать, что в механизме конкретного преступления особое значение имеет криминогенная ситуация, то есть событие или состояние, которое побуждает человека к принятию решения совершить преступление. Криминологическое значение виктимного поведения жертвы преступления является очевидным, поскольку поведение выступает одной из составляющих механизма преступления и требует необходимого изучения и анализа. В то же время характер и размер причиненного вреда потерпевшему зависит от роли в механизме преступного поведения. Взаимосвязь преступника и потерпевшего определяется в конечном итоге для определения основных мер предупреждения преступности.

---

[1] Миньковский Г.М. Криминология / [Г.М. Миньковский, Н.Ф. Кузнецова, Г.Н. Голоднюк, А.И. Гуров, Ю.Г. Козлов, Э.Ф. Побегайло]. – М.: Изд-во МГУ, 1994.

[2] Ривман Д.В. Криминальная виктимология / Д.В. Ривман. – СПб.: Питер, 2002

Некоторые ученые отождествляют понятия жертва и потерпевший от преступления. Заслуживают внимания определение зарубежных специалистов относительно понятия "потерпевший". Например, в научной литературе Германии, относительно правового статуса потерпевшего, указано, что потерпевшим, как правило, признается лицо, правам которого причинен вред или в сферу права которого произошло неправомерное вмешательство. В приложении к принятой Генеральной Ассамблеей ООН "Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью" от 29 ноября 1985 года. было задекларировано, что жертвы – это лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное нарушение их основных прав в результате действия или бездействия, еще не является нарушением национальных уголовных законов, но являющегося нарушением международно-признанных норм, касающихся прав человека.

В юридической литературе распространено мнение, что "жертва преступления" – понятие более широкое, чем понятие "потерпевший от преступления". Жертва в виктимологическом смысле, – это человек (сообщество людей в любой форме интеграции), которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, независимо от того, признано оно в установленном законом порядке потерпевшим или нет. В результате проведенного анализа норм действующего законодательства, а также мнений ученых, можно прийти к выводу, что понятие "потерпевший" в основном применяется в уголовном и уголовно-процессуальном праве, а понятие "жертва" в виктимологии.

Следует отметить, что вероятность стать жертвой от преступного посягательства для разных людей неодинакова. Указанную вероятность в криминологии определяют виктимностью, так как виктимность – это повышенная способность человека в силу ряда присущих ей личностных свойств, при определенных объективных или субъективных обстоятельствах стать жертвой преступного посягательства. Особое научное и практическое значение имеет сам процесс превращения человека в жертву преступления, то есть вследствие каких отрицательных явлений объективного и субъективного характера люди на индивидуальном или групповом уровне становятся наиболее уязвимыми для преступных посягательств.

В ряде случаях возникновению преступного замысла и совершению преступления способствуют такие личностные качества потерпевшего, как: его поведение, взаимоотношения с субъектом преступления, физические и социальные признаки, психологическое состояние. Поэтому поведение потерпевших может по-разному проявляются в ситуациях, связанных с преступлением. Практически каждый человек, даже при идеальном поведении может стать потерпевшим от преступления, но есть люди у которых уровень виктимности выше, чем у других. Как уже отмечалось, к

ситуациям, в которых, на объективную возможность совершения преступления влияет поведение жертвы, следует отнести и случаи отсутствия необходимой реакции на действия, которые могут быть преступными. Криминологическое значение имеет как положительное, так и отрицательное поведение жертвы преступления. Например, в рамках криминогенной ситуации поведение жертвы может быть оценено как правомерное, нейтральное или неправомерное. Именно неправомерное поведение в подавляющем большинстве случаев выступает провокацией к совершению преступления. То есть, поводом, или одним из условий возникновения передкриминальной ситуации, которая потом трансформируется в преступление, может являться неправомерное поведение потерпевшего, содержащее в себе признаки того или иного правонарушения и послужить источником конфликта и провокацией преступления. Случаи неправомерного поведения потерпевших чаще всего случаются при совершении таких преступлений, как: убийство, телесные повреждения, грабежи, разбои и т.д.. Роль жертвы в криминологическом механизме преступления может быть разнообразной – от нейтральной до максимально провоцирующей преступника на совершение общественно опасного деяния.

Как правило, потерпевший может служить условием совершения субъектом преступления общественно опасного деяния. Довольно часто потерпевший оценивает сложившиеся обстоятельства с точки зрения собственных интересов в зависимости от моральных и психологических особенностей, которые могут иметь значительное влияние в преступной ситуации. Такие психологические особенности у лиц преклонного возраста, как, например, чрезмерная доверчивость и добродушие, неосмотрительность могут привлечь повышенный интерес преступников, которые ищут "легкой наживы".

Криминологическое значение исследования виктимности лиц, заключается, прежде всего, в разделении жертв по определенным признакам, которые тесно связаны с решением практических задач по предупреждению преступности, поскольку облегчает деятельность правоохранительных органов по выявлению потенциальных жертв и проведение с ними работы направленной на предотвращение преступности. Для достижения этой цели имеет важное значение классификация жертв преступлений в зависимости от возраста, пола, вида профессиональной деятельности, морально-психологических особенностей лиц и др.

Отношение к жертве как к обязательному объекту криминологического исследования впервые четко прослеживается в работах Бенджамина. Мендельсона[1]. В основу своей наиболее известной работы «Происхождение и доктрина виктимологии» Б. Мендельсон положил результаты анали-

[1] В подавляющем большинстве изданий Б. Мендельсона характеризуют как основоположника виктимологии в целом, хотя в некоторых изданиях его имя связывают только с одним из направлений, а именно: с так называемой позитивистской виктимологией (см., например:*Navies P., Francis P., Jupp V.*Victimisation: Theory, ResearchandPolicy. NY, 2003. P.). Мыпридерживаемсяпервойтрактовки.

за данных интервью с лицами, включенными в процесс рассмотрения в суде дел о различных преступлениях: преступниками, свидетелями, следователями, т. е. со всеми, кто так или иначе был осведомлен о преступлении. Для этого им была подготовлена обширная анкета, написанная на доступном языке и содержащая более трехсот вопросов по проблемам, относящимся к различным сферам интереса криминологической науки. Основываясь на анализе полученных данных, Мендельсон пришел к тому выводу, что одним из факторов преступления обычно были регулярные отношения между обидчиком и жертвой. В качестве первого шага в осмыслении результатов своего исследования он предложил свою типологию жертв:

1. Полностью невиновная жертва. Такой жертвой может быть признан ребенок или полностью невменяемый человек.

2. Жертва с незначительной виной. Этой жертвой могла бы быть женщина, которая легкомысленным поведением провоцирует спонтанное нападение на себя.

3. Жертва, которая является столь же виновной, как и обидчик. Сюда могут относиться те, кто своим поведением целенаправленно провоцирует обидчика к совершению преступления.

4. Жертва, более виновная, чем обидчик. Сюда относят тех, кто подталкивает другого к совершению преступления.

5. Наиболее виновная жертва. Это происходит, когда преступник (он же - жертва) был убит лицом, который совершал действия, относящиеся к самозащите.

6. Воображаемая жертва. Это - люди, страдающие от умственных расстройств типа паранойи, ошибочно приписывающих себе качества жертвы[1].

Разработки Мендельсона вызвали широкий отклик среди криминологов, несмотря на целый ряд высказанных в его адрес критических замечаний2. Стоит отметить, что основоположник продолжал активную творческую деятельность, внеся в итоге самый весомый вклад в развитие виктимологии. Уже в 1975 г. Б. Мендельсон опубликовал монографию «Общая виктимология», в которой развил свою концепцию виктимологии, связав ее с созданием «клинической» или «практической» виктимологии, в орбиту которой должны быть включены не только жертвы преступлений, но и жертвы природных катаклизмов, геноцида, этнических конфликтов и войн[3].

Такого рода подход представляется нам достаточно интересным с точки зрения перспективы развития социальных наук, не исключая и криминологию.

Другим «отцом» виктимологии принято считать Ганса фон Гентига. В таком качестве его рассматривают в силу того значения, которое имела

---

[1] *Mendelsohn B*. The Origin of the Doctrine of Victimology // Excerpta Criminologica. 1963. № 3. P. 239–244.

[2] Schafer S. The Victim and His Criminal. NewYork, 1968.

[3] РивманД.В. Криминальнаявиктимология. СПб, 2002. .

для завоевания новой наукой своих «прав гражданства» книга «Преступник и его жертва»[1]. В ней он прежде всего стремился изучить жертву как «элемент окружающей среды». «Цель Гентига состояла в том, чтобы обеспечить двойную структуру для изучения преступления как альтернативу традиционному, одномерному (unidimensional) подходу, сосредоточенному на преступнике. До этого времени криминологические объяснения преступного поведения сосредоточились на социокультурных характеристиках, биологических отклонениях и психологическом состоянии преступника. Большинство теорий, пытаясь определять суть причинной обусловленности преступления, предлагало только статические объяснения. Изучение жертвы, ее характеристики, ее отношений и взаимодействий с преступником, ее ролью и ее вкладом в происхождение преступления, казалось, несло в себе большое обещание для того, чтобы преобразовать этиологическую криминологию от статического, одностороннего изучения качеств и признаков преступника в динамическом, ситуативном подходе, который рассматривает преступное поведение как результат динамических процессов взаимодействия»[2].

Г. Гентиг исследовал отношения между «деятельной стороной» (doer), к которой он относил преступника, и «страдательной стороной» (sufferer), к которой он относил жертву. Такой подход с позиций современной виктимологии, которая подчеркивает активную и часто определяющую роль жертвы во взаимодействии «жертва-преступник», мог бы казаться устаревшим. Однако следует иметь в виду систематичность и глубину исследования вопроса Г. Гентигом, работы которого по целому ряду моментов сохраняют свое значение вплоть до настоящего времени.

Г. Гентиг также предложил свою классификацию жертв, которая базировалась на психологических, социальных, и биологических основаниях.[3] Предпосылкой его классификации стала также идентификация жертвы относительно различных факторов риска. Он объединил все виды жертв в три основных класса: общий классы жертв, психологические типы жертв и активированное страдательное лицо (The Activating Sufferer):

• Общий класс жертв:

1. Молодежь, дети. Они слабы физически и с наибольшей степенью вероятности могут стать жертвой нападения. Детство - самый опасный период жизни.

2. Женщины. Женский пол - другая форма слабости, провоцирующей преступление. Слабость женщины даже закреплена в законе, поскольку многие законы основаны на закреплении факта более слабого женского и более сильного мужского пола.

---

[1] Hentig v. H. The Criminal and his Victim. Newhaven, 1948.

[2] Fattah E. Some Recent Theoretical Developments in Victimology // Victimology: An international Journal. Vol. 4. 1979. № 2.

[3] *Hentig v. H*. The Criminal and his Victim. Newhaven, 1948.

3. Старшее поколение. К старшему поколению относится большинство собственников крупных состояний и эквивалентной богатству власти в различных ее проявлениях. И в то же самое время старики слабы физически и нередко умственно

4. Умственно неполноценные лица. Психически больные, глупые люди, а также наркоманы и алкоголики.

5. Иммигранты и, различного рода социальные меньшинства. Иммиграция означает нечто большее, чем просто смена места проживания. Она является причиной устойчивого чувства беспомощности в житейских межличностных отношениях. Неопытный, бедный, и зачастую депрессивный иммигрант - легкая добыча по всем видам преступления.

• Психологические типы жертв:

6. Депрессивный тип. Эти жертвы могут пострадать из-за подавления инстинкта самосохранения. Лишенный такого инстинкта, индивидуум может быть легко подвержен насилию, обману и т.п.

7. Жадный. Этот тип человека представляет собой легкую жертву. Чрезмерное стремление к выгоде затмевает разум, жизненный опыт, внутренний голос, нередко предостерегающий человека против опасности.

8. Экстравагантный. Произвольное, беспричинное, выходящее за общепринятые рамки поведение часто провоцирует преступление.

9. Одинокие и «убитые горем» жертвы. Одиночество, по мнению Гентига, ведет к ослаблению умственных способностей индивида, который поэтому становится легкой добычей для преступников. Убитые горем жертвы часто бывают настолько ошеломлены своими потерями, что становится легкой добычей для преступников всякого рода.

10. Мучитель. Здесь жертва становится преступником. Это может быть психически неуравновешенный отец, который оскорблял жену и детей в течение множества лет, пока один из детей не подрастет и при условии чрезвычайной провокации не убьет его.

11. «Блокированная жертва». Здесь жертва столь запутана в ситуации сложного отношения с преступником, что защитные шаги становятся для нее невозможными.

• Активированное страдательное лицо.

Данный раздел включает в себя всего один элемент.

12. Активированное страдательное лицо. Это имеет место тогда, когда жертва трансформируется в преступника. Множество факторов может выступать такого рода «активаторами» жертвы: личные предрасположения, возраст, алкоголь, потеря самоконтроля.

Гентиг полагал, что подавляющее большинство жертв в силу их действий или поведения несут ответственность за насилие над ними, что не соответствует выводам современной виктимологии, которая не оть до настоящего времени.цлеому ряду моментов сохраняют свое занчение мет-

ров виктимности личности и тп.ческих актов, при анасклонна акцентировать момент ответственности в характеристике жертвы преступления[1].

«Общий класс жертв», согласно делению Г. Гентига, в общем и целом соответствует типам виктимности, определяемым социальным статусом личности. Вместе с тем включение сюда лиц, не только объединенных социальными характеристиками, но и выделенных по внесоциальным факторам (умственно неполноценные лица, лица старшего поколения, молодежь, дети, женщины), говорит об известном несовершенстве предложенной классификации. Деление понятия виктимности осуществлено Гентигом по различным основаниям.

Л.В. Франк определял, что в целях предупреждения совершения отдельных видов преступлений особое значение приобретает классификация потерпевших по таким демографическим признакам: возраст, пол, национальность и т. п.[2]

Вопрос о виктимности и виктимизации пожилых людей, людей старше 60 лет, как уже отмечалось, находится в центре внимания исследователей, несмотря на то, что в целом они в меньшей степени становятся жертвами преступлений, чем представители более молодого поколения, хотя и имеют потенциально высокую виктимность[3]. Во многом это связано с тем, что в развитых странах доля престарелого населения (свыше 65 лет) превышает 14% (в абсолютном выражении это 170 млн. человек)[4]. Возникают новые отношения между старшим и молодым поколениями, меняется роль семьи и внутрисемейных взаимосвязей. Перед обществом встают задачи не только материального обеспечения групп населения старших возрастов (совершенствование и реформирование пенсионного обеспечения), но их медицинского и бытового обслуживания, развития геронтологических служб и учреждений. Поэтому вся проблематика, касающаяся геронтологических проблем, признается актуальной.

Основания для того чтобы старики становились жертвами в современном обществе, совершенно очевидны. Прежде всего, здесь следует назвать социальную изоляцию: разведенные, живущие отдельно овдовевшие или одинокие старые люди считаются особенно склонными становиться жертвами преступлений. Но нередко фактором виктимогенности становится и проживание стариков с более младшим поколением. Необходимость заботиться о них, угроза собственной безопасности ввиду воз-

---

[1] См.: *Wallace H.* Victimology: legal, psychological, and social perspectives. Boston, 1998. P. 11. Анализ трактовки Гентигом основных понятий виктимологии см.: *Ривман Д.В., Устинов В.С.* Виктимология. СПб, 2000.

[2] Франк Л.В. Виктимология и виктимность (Об одном новом направлении в теории и практике борьбы с преступностью) / Л.В. Франк. – Душанбе.

[3] *Ривман Д.В., Устинов В.С.* Виктимология. СПб., 2000. .

[4] См.: *Хижный Э.К.* Старение населения ЕС // Европейский союз на рубеже веков. Пробл.-темат. сб. № 3. М., 2000. С. 167 - 193. Ср.: *Макарян А.С.* Глобализация и человеческий потенциал. М., 2003.

можного старческого слабоумия, а также претензии на материальные средства представителей старшего поколения в семье могут вызывать постоянное раздражение, которое порою разрежается в криминальные действия.

В соответствии с данной ситуацией сложилась характерная типология преступлений против этой группы. Так, например, ввиду их физической слабости они являются предпочтительными жертвами грабежа. Молодые грабители ищут себе для этой цели старых физически и душевно ослабленных, одиноких людей в качестве жертв. В связи с их ограниченным радиусом передвижения и относительно стандартным стилем жизни представители этой группы особенно подвержены нападениям. Так, они должны использовать в основном общественный транспорт, в определенное время получают деньги в банке, или на почте, и в определенное время идут за покупками. Это подвергает их особой опасности стать жертвой воровства, взлома и ограбления. Преступления против пожилых людей зачастую могут иметь для них более серьезные последствия, чем аналогичные преступления для других видов жертв. Так, потеря имущества, особенно того, которое имеет ценность, связанную с воспоминаниями, семейной реликвии и т.п., может иметь чрезмерно сильное воздействие на пожилого человека. Потеря каких-либо материальных ценностей может существенно ограничить его контакт с внешний миром. Нужно иметь в виду и снижение иммунитета, пониженную регенерируемость тканей, другие физические особенности лиц старшего возраста, которые делают для них физическое насилие более опасным по своим последствиям.

Существует много мошенников разного вида (действующих под видом мастера, работника предприятия энергоснабжения для считывания показаний счетчика и т.д.), «специализирующихся» на стариках и многообразные формы их обмана (например, при покупках и ремонте).

Если сравнивать наиболее уязвимые крайние возрастные группы – молодежь и пожилых людей – то статистика заставляет делать вывод о большей степени виктимогенности первой группы. Люди в возрасте от 16 до 24 лет в четыре раза чаще становятся жертвами краж и в три раза более часто - жертвами угона транспортных средств, чем люди в возрасте старше 65 лет.1 Видимо, контрвиктимизирующим фактором здесь выступает образ жизни пожилых людей, который менее часто, чем молодые выходят на улицу, что уменьшает риск кражи или уличного насильственного преступления, а также менее часто посещают различного рода опасные места, ночные клубы, питейные заведения. Возраст и жизненный опыт также позволяют старшим людям выбирать оптимальные варианты поведения с тем, чтобы избегать опасных ситуаций или находить позитивные формы реагирования на криминальные посягательства. Наиболее виктимогенной средой является для стариков семья, а не улица[2].

---

[1] *Navies P., Francis P., Jupp V.* Victimisation: Theory, Research and Policy. NY, 2003.

[2] *Wallace H.* Victimology: legal, psychological, and social perspectives. Boston, 1998.

Однако несмотря на то, что старики реже, чем представители молодежных возрастных групп становятся жертвами, виктимизация для них бывает тяжелее по своим последствиям. Виктимологи указывают на растущий страх перед преступлением. Он может стать самостоятельной фобией, хотя часто бывает не обоснован, в определенном объеме иррационален и основывается на искаженных представлениях о преступности в средствах массовой информации. Однако в связи с осознанием стариками своей особой немощи и уязвимости, он заполняет их полностью. Этот страх усиливает изоляцию и уязвимость. В итоге признается, что проблема виктимизации стариков заслуживает усиленного внимания, выходящего за рамки чисто статистического значения.

В результате проведенного анализа научных трудов, можно говорить о том, что присущие лицам пожилого возраста физиологические и психологические особенности обусловливают повышенное внимание преступников к этой категории лиц. Соглашаемся, что классификация жертв преступлений в зависимости от возраста, пола, социальных и морально-психологических особенностей лиц позволит осуществить распределение жертв по определенным признакам и решить практические задачи по выявлению потенциальных жертв среди лиц пожилого возраста для проведения с ними мероприятий предупредительного характера.

Считаем, что лица пожилого возраста нуждаются в дополнительной защите от преступных посягательств со стороны как государственных, так и негосударственных субъектов предупреждения преступности, путем установления основных причин и условий совершения преступлений в отношении людей преклонного возраста и осуществления мер по их девиктимизации. Лицо преклонного возраста в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств способно стать жертвой преступления. По разным причинам оно не может самостоятельно противостоять преступному посягательству, поэтому возникает вопрос исследования личностных, социальных, физиологических, психологических особенностей лиц пожилого возраста для разработки и осуществления мер, которые позволят снизить виктимность указанной категории лиц.

Гаврилов Борис Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор
Академии управления МВД России

Уголовно-правовая политика назначения наказания: законодательные мифы и реалии правоприменения

Исследуя современные проблемы назначения наказания, автор считает необходимым указать то обстоятельство, что уголовно-правовая политика назначения наказания как и в целом уголовная политика Российской Федерации на протяжении длительного времени отличалась, нередко, волюнтаризмом в законодательном регулировании, от чего она не избавилась и сегодня[1]. Одна из причин этого на протяжении нескольких десятилетий была и в настоящее время остается в недостоверности уголовно – правовой статистики и, соответственно, ее составляющей – судебно-правовой статистики, которая, с одной стороны, для всех очевидна, а с другой, - не способствует выработке государством адекватных мер по борьбе с преступностью.

Одновременно, автор считает необходимым обратить внимание еще на два сущностных обстоятельства:

- первое, это существующая проблема законодательных иллюзий и реалий правоприменения и особенно причин, их обуславливающих;
- суть второго обстоятельства в том, что уголовно-судебная политика выступает как составляющая уголовной политики, отражая не только и не столько деятельность судов по осуществлению правосудия, сколько отражая состояние законности и правопорядка в обществе, которое должно обеспечивать эффективную защиту прав и законных интересов российских граждан.

Это состояние российской уголовной политики Э.Ф. Побегайло назвал кризисным[2]. Известные российские криминологи А.И. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло в своей работе «Российская уголовная политика: преодоление кризиса»[3] проводимую государством уголовную политику признают неадекватной криминальной ситуации, в которой оказалось российское общество, как следствие радикально-либерального подхода как к самой судебной реформе, так и к последующим реформам уголовного и уголовно-процессуального законодательства и особенно, по оценке автора, по вопросам назначения уголовного наказания, о чем ниже изложено.

---

[1] Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты: Монография – М.: Проспект, 2008. – 208 с; и др.

[2] Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С. 112-117.

[3] Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: Норма, 2006. – 144 с.

Прямым последствием этого является то, что в качестве противодействия преступности сегодня зачастую предлагаются, в том числе и законодателем меры по усилению, либо – в меньшей степени – ослаблению тяжести уголовного наказания за отдельные виды преступлений. Особенно наглядно данную идеологию в свое время выразил Д.А. Корецкий[1]. Подобные предложения, по мнению А.Э. Жалинского, - нередко представляют собой ничем необоснованное мнение тех или иных авторов, отмечая при этом необходимость исключения из научной деятельности «демагогии сознательного искажения фактов»[2].

«Пищей» для подобных высказываний может служить введение в действие с 1 июля 2002 г. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Прямым последствием действия в период с 1 июля по 4 ноября 2002 г. его статьи 7.27 явилась декриминализация почти 350 тыс. краж, в том числе с квалифицирующими признаками путем необоснованного для правоприменителей повышения нижнего предела уголовной ответственности за кражи с 1 до 5 МРОТ. И, соответственно, после их криминализации Федеральным законом от 31.10.2002 №133-ФЗ[3] в 2003-2004 гг. произошел значительный рост (на 320 тыс.) краж чужого имущества.

Одна из причин подобных фактов в том, что уголовно-правовая политика, включая уголовно-судебную политику назначения наказания, к сожалению, нередко не располагает достоверными сведениями о реальной опасности того или иного противоправного деяния, последствием чего и явилась политика радикально-либерального подхода к назначению наказания в виде лишения свободы, особенно за коррупционные преступления.

Вместе с тем, среди публикаций ученых и практикующих юристов сегодня по указанной проблеме критикуется либерализм судей или раздаются призывы к усилению уголовно-правовых санкций за преступления, в том числе коррупционной направленности, а в большей степени дается описание криминогенной ситуации (А.И. Долгова[4], В.В. Лунеев[5], П.С. Яни[6] и др.).

---

[1] Корецкий Д.А. Идеологические проблемы борьбы с преступностью // Законность. 2004. № 5. С. 3-4.

[2] Жалинский А.Э. О современном состоянии уголовно-правовой науки // Уголовное право. 2005. № 1. С. 21-24.

[3] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерацииоб административных правонарушениях: Федеральный закон от 31.10.2002 № 133-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. №44. Ст. 4298.

[4] Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003.

[5] Лунеев В.В. Коррупция в России // Государство и право. 2007. № 11. С.20.

[6] Яни П.С. В борьбе с коррупцией эффективны только репрессии // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 58.

В свою очередь, А.В. Куракин, М.В. Костенников считают, что принятие уголовно-правовых мер за совершение коррупционных деяний со стороны государственных служащих должно стоять чуть ли не на последнем месте в борьбе с коррупцией[1]. Так, исследовавший на протяжении многих лет коррупционные явления в обществе, Г.А. Сатаров, не отрицая негативные стороны «силовой» войны с коррупцией, обращает внимание, в свою очередь, на необходимость разработки и реализации комплексной или смешанной стратегии по ее противодействию, предполагающей и уголовные репрессии[2].

В этой связи автор видит свою задачу в анализе конкретных норм Общей и Особенной частей УК РФ:

1) с точки зрения применения судами уголовно-правовых санкций за отдельные виды противоправных деяний, в т.ч. экономической направленности (взяточничество и хищения при квалифицирующих обстоятельствах);

2) с позиции применения положений Общей части УК РФ при применении судами условного осуждения (ст.73 УК РФ);

3) в связи с необходимостью реализации судами положений ст. 69 УК РФ о назначении наказания по совокупности преступлений.

I. При исследовании вопросов применения уголовно-правовых санкций за экономические преступления, автор, обращает внимание, что формированию в последние годы негативной практики назначения наказания способствовало принятие без глубокого анализа криминальной ситуации в России ряда Федеральных законов:

Первый из них – Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ[3], исключивший из санкций абсолютного большинства преступлений средней тяжести и части тяжких преступлений нижних пределов наказания в виде лишения свободы, что привело к разрыву до 30-ти раз и даже более между верхним и нижним пределами размеров уголовного наказания в виде лишения свободы;

- дальнейшая либерализация была продолжена Федеральным законом от 28.12.2008 № 280-ФЗ[4], согласно положениям которого разрыв уго-

---

[1] Куракин А.В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы зарубежных государств: монография / под общ. ред. М.В. Костенникова. Домодедово, 2007. С.5; он же. Вопросы использования зарубежного опыта борьбы с коррупцией в правовом регулировании государственно-служебных отношений // Государство и право. 2003. № 8. С.35. и др.

[2] Антикоррупционная политика: учебное пособие / под ред. Г.А. Сатарова. М., 2004. С.212.

[3] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст.4848.

[4] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции»: Федеральным законом от 28.12.2008 № 280-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. №52 (ч. 1). Ст. 6235.

ловно-правовых санкций увеличился до 40-60раз. Например, за совершение тяжких преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях, как ч.2 ст.201 УК РФ и ч.3 ст.204 УК РФ, суд сегодня может назначить наказание в виде лишения свободы на срок от двух месяцев (минимальный срок лишения свободы, установленный ст.56 УК РФ) до десяти и семи лет, соответственно;

- и, наконец, Федеральным законом от 07.03.2011 № 26-ФЗ[1] законодателем были сняты ограничения нижнего предела уголовного наказания в виде лишения свободы еще с 68 составов преступлений, в т.ч. за отдельные виды особо тяжких преступлений (например, ч.ч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ). И данный разрыв достиг 90-кратной величины, а по ч. 1 ст. 356 УК РФ он сегодня составляет от двух месяцев лишения свободы до 20 лет.

Такие различия между нижним и верхними пределами уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы приводят, по мнению автора, к явным несоразмерностям в размерах назначенных судами наказаний и нарушают уголовно-правовой принцип справедливости[2]. Одновременно данное явление заведомо несет в себе коррупционную составляющую непосредственно уголовного закона. Налицо явный парадокс, что после ряда публичных выступлений автора было замечено и органами законодательной власти[3].

II. Второе обстоятельство, способствующее формированию либерально-радикальной практики назначения наказания, заключается в том, что законодатель значительно расширил возможности проявления коррупционной составляющей в правоприменительной деятельности в виде предоставления суду права назначения условного наказания в виде лишения свободы на срок до 8 лет, включая не только тяжкие, но и особо тяжкие преступления (ч. 1 ст. 73 УК РФ). Так, в Ставропольском крае была осуждена к 7 годам лишения свободы условно и штрафу 24 млн. руб. заместитель Главы администрации г. Зеленокумска Т. Новикова, получившая взятку 400 тыс. руб. за предоставление земельного участка.

При формулировании данного тезиса автор исходил из того, что когда суд при вынесении подсудимому обвинительного приговора за преступления небольшой и средней тяжести постановляет считать назначенное наказание условным, то это адекватно воспринимается и правоприме-

---

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 07.03.2011 № 26-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 11. Ст. 1495.

[2] Гаврилов Б.Я. О соотношении уголовно-правовых принципов и судейского усмотрения при назначении наказания / Монография «Современная уголовная политика России: цифры и факты». М.: Проспект, 2008. С.110.

[3] Материалы Правового управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации парламентским слушаниям на тему «Совершенствование законодательства в сфере уголовно-правовой политики» (исх. от 8.11.2013 №51-03/2753).

нителем, и потерпевшим, а также гражданами и в, целом, российским обществом.

Одновременно крайне негативная ситуация, связанная с судейским усмотрением при назначении наказания, сложилась при назначении судами уголовного наказания за экономические преступления.

Так, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2004-2016 гг. положения статьи 73 УК РФ об условном осуждении применены судами в отношении от 66,0% до 85,2% лиц, преданных суду за квалифицированные виды хищений по ст. 160 УК РФ[1].

Сведения о числе осужденных лиц по ст.160 УК РФ, хищение - ч. 3 и 4 ст. 160 УК РФ (за 2004 гг. – ч. 3 ст. 160):

	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009	2007	2005	2004
Осуждено (всего)	4565	4374	3864	3172	2760	3012	3456	3260	6519	7157	5317
Из них к лишению свободы	571	504	356	290	265	373	371	322	552	751	333
То же (в %)	12,5	11,5	9,2	9,1	9,6	12,4	10,7	9,9	8,5	10,5	6,3
С применением ст. 64 УК РФ	-	-	-	-	-	-	28	13	76	34	37
То же (в %)	-	-	-	-	-	-	0,8	0,4	1,2	0,5	0,7
С применением ст. 73 УК РФ	3017	2888	2514	2099	1848	2071	2462	2466	5296	5929	4528
То же (в %)	66,1	66,0	65,1	66,2	67,0	68,8	71,2	75,6	81,2	82,8	85,2

Одновременно из приведенных ниже статистических данных усматривается и то обстоятельство, что при назначении уголовного наказания за мошенничество (ч.ч. 3, 4 ст. 159 УК РФ), максимальная санкция которого такая же как и по ст. 160 УК РФ, осуждение к реальному лишению свободы применяется почти в 4 раза чаще, а с применением ст. 73 УК РФ – на треть реже, чем к совершившим хищение должностным лицам, что позво-

[1] Некоторое сокращение доли условно осужденных (с 85,2% в 2004 г. до 66,1% в 2016 г.) обусловлено, если это возможно полагать, критическими выступлениями автора на данную тему на парламентских слушаниях в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, на научно-практических конференциях, в т.ч. проводимых с участием Генеральной прокуратуры Российской Федерации, представителей Администрации Президента Российской Федерации и др.

ляет усомниться в соблюдении судами при назначении уголовного наказания принципа справедливости и равенства граждан перед законом.

Сведения о числе осужденных лиц по ст.159 УК РФ – мошенничество - ч.3 и 4 ст.159 УК РФ (2001,2004 гг. – ч.3 ст.159 УК РФ)

	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009	2008	2005	2001
Осуждено (всего)	8399	9521	7693	6996	8644	7972	7374	4639	6369	3761	2964
Из них к лишению свободы	3422	3385	2688	2283	2600	2695	2682	1234	2577	1184	1579
То же (в %)	40,7	35,6	34,9	32,6	30,1	33,8	36,4	26,6	40,5	31,5	53,3
С применением ст. 64 УК РФ	-	-	-	-	-	-	153	36	151	88	404
То же (в %)	-	-	-	-	-	-	2,1	0,8	2,4	2,3	13,6
С применением ст. 73 УК РФ	4087	4835	3964	3793	4920	4350	3948	2582	3290	2356	1136
То же (в %)	48,7	50,8	51,4	54,2	56,9	54,6	53,5	55,6	51,7	62,6	38,3

Еще более негативная ситуация сложилась с назначением наказания за взяточничество. Так, за получение взятки при квалифицирующих обстоятельствах судами в 2001 - 2011 гг. к лишению свободы условно ежегодно приговаривались от 60-80 % от числа осужденных.

Сведения из числа осужденных за получение взятки (ч. 2 - 4 ст. 290 УК РФ); (2012-2014г.г. – ч.ч. 2, 4 - 6 ст. 290 УК РФ); (2001, 2004 гг. – ч.ч. 2 и 3 ст. 290 УК РФ)

	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009	2008	2007	2005	2004	2001
Осуждено (всего)	447	459	462	373	269	1423	1428	1250	1107	1050	863	747	1029
Из них к лишению свободы	254	242	230	122	69	234	385	356	340	223	175	131	231
То же (в %)	56,8	52,7	49,8	32,7	26,5	16,4	27,0	28,5	30,7	21,2	20,3	17,5	22,4

С применением ст. 64 УК РФ	-	-	-	-	-	-	58	-	48	99	67	64	106
То же (в %)	-	-	-	-	-	-	4,1	-	4,3	-	7,8	8,6	10,3
С применением ст. 73 УК РФ	62	84	73	69	73	899	989	855	757	817	683	612	646
То же (в %)	24,4	34,7	15,8	18,5	27,1	63,2	69,3	68,4	68,4	77,8	79,1	81,9	62,8
Штраф	129	132	157	178	125	-	-	-	-	-	-	-	-
То же (в %)	28,9	28,6	34,0	47,7	46,5	-	-	-	-	-	-	-	-

Статистические данные за 2012-2016 гг. свидетельствуют, что условное наказание фактически заменено назначением штрафа, что уже получило негативную оценку в обществе.

III. Весьма широкое распространение судейское рассмотрение получило, по нашему мнению, и при назначении судами наказания по совокупности преступлений. Наглядным проявлением этому видится приговор Басманного районного суда г. Москвы в отношении Е., осужденного за совершение преступлений, предусмотренных ч.4 ст.159 УК РФ (25 преступлений), ч.2 ст. 159 УК РФ (18 преступлений) и ч.1 ст. 159 УК РФ (16 преступлений) к шести годамлишения свободы при условии, что «по каждому из 25 преступлений по ч.4 ст.159 УК РФ наказание в виде лишения свободы назначено сроком на 5 (пять) лет» при том, что по совокупности преступлений наказание Е. могло быть назначено до 15 лет лишения свободы.

Все это позволяет сделать вывод о том, что границы уголовно-правовых санкций и правила их применения, в пределах которых судом может быть назначено наказание, должны быть научно-обоснованными и вполне обозримыми для участников уголовного процесса и тем более для граждан, особенно по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности.

В этом вопросе весьма полезным и заслуживающим внимания является опыт других стран, в том числе США, в которых с 1 ноября 1987 года в качестве элементов (обязательных) формализации при назначении наказаний была применена специальная шкала наказаний (в настоящее время элемент ее обязательности отменен), содержащая абсолютно-определенные санкции (например, от 132 до 146 месяцев лишения свободы), что позволило обеспечить баланс в соблюдении публичных интересов и конкретной личности в области реализации государством уголовно - правовой политики.

С учетом этого, в уголовном законодательстве Российской Федерации необходима детализация обстоятельств, которые суды должны учитывать при назначении наказания в пределах санкции соответствующей уголовно-правовой нормы. Такими конкретными обстоятельствами должны стать:

- во-первых, не совокупность квалифицирующих признаков преступления, которые (от 2 до 7) сформулированы в диспозициях конкретных статей Особенной части УК РФ, а учет каждого из них в качестве самостоятельного и, соответственно, влияющего на назначение наказания;

- во-вторых, предлагается в УК РФ при назначении наказания установить четкие правила учета наиболее распространенных квалифицированных признаков, как насильственный или групповой характер уголовно-наказуемого деяния, вооруженность, размер причиненного ущерба (вреда) и др. при условии, если они не являются квалифицирующими признаками конкретного преступления, с указанием степени влияния каждого признака на размер наказания;

- в-третьих, при назначении наказания должно существовать правило обязательного, а не формального, примеры чего приведены выше, сложения наказаний по совокупности совершенных преступлений, что является абсолютным правилом в условиях действия «шкалы наказаний»;

- в-четвертых, чрезвычайно важно при этом установить корректное соотношение между различными факторами, влияющими на тяжесть противоправного деяния и его общественную опасность, включая смягчающие и отягчающие вину подсудимого обстоятельства.

Законодателю следует также установить, что при назначении наказания суд не вправе выходить за установленные такими правилами пределы наказания. В противном случае судебное решение будет подлежать безусловной отмене. Одновременно суду следует предоставить возможность отойти от установленного законом наказания и мотивированным решением назначить более мягкое или более суровое наказание, хотя и в пределах санкции уголовно-правовой нормы.

Безусловно, что предложенные автором в рамках данной статьи представителям научной общественности и практикующим юристам конкретные меры по снижению коррупционности при назначении наказания требуют решительных законодательных мер в области борьбы с коррупцией, где весьма актуальной является также и проблема имплементации в российское законодательство антикоррупционных конвенций[1].

[1] Хабриева Т.Я. Правовые проблемы имплементации антикоррупционных конвенций // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 4. С. 16–17.

Генрих Наталья Владимировна,
доктор юридических наук, доцент
заведующий кафедрой уголовного права
Северо-Кавказского филиала
«Российского государственного университета правосудия»

Предмет уголовного права в контексте задач современной уголовной политики

В современный период развития общественных отношений, когда процессы глобализации являются важной тенденцией общественного развития, когда почти повсеместно на планете идет мощное переформатирование государственного устройства и межгосударственных связей, уголовное право, очевидно, следует рассматривать не просто как необходимый и естественный элемент нашей правовой реальности, но и как инструмент влияния на иные способы правового регулирования, возможно, как инструмент конструирования нового правового порядка, в котором уголовное право не ограничивается сугубо охранительными функциями.

В условиях нестабильности уголовного законодательства, усиления влияния политической, экономической, и другой конъюктуры на законодательные решения отрасль и наука уголовного права нуждаются в упрочении своих идеологических позиций. Расстояние между наукой уголовного права, уголовным законом и правоприменительной практикой все более увеличивается.

Уже который год мы стоим перед выбором: приспособиться к притязаниям власти на использование уголовного закона как удобного инструмента решения конъюктурных задач или упрочить фундамент позитивного развития правовых отношений.

Теория уголовно-правового регулирования, созданная в советский период развития российского уголовного права, во многом утратила свою актуальность и нуждается в переосмыслении. Перед наукой давно стоит вопрос о создании современной теории, отвечающей новым общественным потребностям.

Российское уголовное право, рецептивное по своему политико-правовому происхождению, все же всегда отличалось самобытностью.

В условиях существующих в стране социальных изменений, общего усложнения социальных процессов происходит дальнейшее развитие уголовно-правового регулирования как составляющей механизма действия уголовного права.

О необходимости обновления уголовного закона и права в целом много раз высказывались российские ученые-юристы, хотя согласия в вопросе модернизации содержания предмета уголовного права как фундаментального, определяющего критерия отрасли, по-прежнему нет.

Утверждение о том, что предмет уголовно-правового регулирования составляют общественные отношения, в отечественной юриспруденции стало «общим местом». Вместе с тем, характеристика самого общественного отношения и подходы к определению видов отношений, составляющих предмет уголовного нрава, не являются едиными. Основываясь, в принципе на единой философской платформе и методологических позициях общей теории права, авторы приходят к самым разным, порой противоположным, выводам. При этом налицо отчетливая тенденция включать в круг уголовно-правовых как можно большее число видов отношений, что свидетельствует либо о переоценке регулятивных возможностей уголовного права, либо о смешении предмета и метода уголовно-правового регулирования.

Обратим внимание лишь на некоторые научные позиции, которые образуют своего рода «интеллектуальные матрицы», на основе которых создаются и к которым тяготеют те или иные «частные» учения о предмете уголовного права. Учитывая также, что все теоретические построения предмета уголовного права сходятся в необходимости включения в него общественных отношений, возникающих в связи с совершением преступления, представляется возможным оставить за рамками анализа оценку специалистами этого вида отношений, его субъектов, содержания и объекта. Ограничимся анализом того, что связано с включением в предмет уголовного права иных, кроме обозначенных, общественных отношений.

Одной из «матричных» концепций предмета уголовного права может служить учение, признающее в качестве такового, наряду с традиционными отношениями, возникающими вследствие совершения преступления, еще и наиболее важные и ценные для личности, общества и государства стороны общественных отношений, перечисленных в ч. 1 ст. 2 УК РФ, в рамках которых осуществляется поведение лица, регламентированное уголовным законом. Важно обратить внимание, что представители этой концепции (Н.М. Кропачев, И.Э. Звечаровский) оспаривают тезис о том, что каждая отрасль права регулирует свой собственный, качественно особый вид общественных отношений. Они указывают: «Общественное отношение столь многогранно, что охватить его каким-то одним режимом правового регулирования практически невозможно. Разные проявления одного и того же общественного отношения для их упорядочения и нормального функционирования требуют наличия различных отраслевых юридических режимов регулирования»1. Отсюда делается вывод, что не столько предмет, сколько режим правового регулирования (метод, принципы, функции, механизм) лежит в основе отраслевого строения права.

[1] Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России. СПб., 2001. С. 15; Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск, 1989. С. 31-32; Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование: механизм и система. СПб, 1999. С. 52.

Предмет же правового регулирования фактически един у всех отраслей права и таковым является вся совокупность существующих общественных отношений. Вместе с тем, сознавая, что отрасли права, каждая в отдельности, регулирует лишь «часть предмета права», авторы вынуждены признать наличие и специфику отраслевых предметов правового регулирования, называя таковыми «сторону», «аспект» общественных отношений, складывающихся в самых различных, по наиболее ценных и важных областях общественной жизни.

Такая позиция, как представляется, содержит внутреннее противоречие, не позволяющее в полной мере с ней согласиться. По нашему мнению, включение в предмет уголовно-правового регулирования всех наиболее цепных отношений, вряд ли, оправданно. Как справедливо заметил В.В. Мальцев «упомянутые общественные отношения обусловливаются более фундаментальными (нежели общественно опасное поведение) реалиями социальной действительности (определенным способом производства, обмена, распределения и потребления) и их содержание, в итоге, не зависит ни от уголовного права, ни от общественно опасного поведения людей. Естественно, что такие отношения не могут быть определены как уголовно-правовые»[1].

Заметим также, что включение в предмет уголовного права базисных отношений неоправданно его расширяет, по существу лишая уголовное право строго определенного вида общественных отношений, выступающих в качестве его предмета; оно превращает уголовное право в «метаправо», регулирующее весь спектр социальных взаимосвязей, и отвергает саму возможность отраслевого деления права, исходя из предмета правового регулирования[2].

Определенной попыткой «примирить» рассмотренную трактовку предмета уголовного права с общетеоретическими представлениями о наличии у каждой отрасли собственного предмета регулирования как особого вида общественных отношений можно считать популярное в научной среде суждение о включении в предмет уголовного права так называемых общепредупредительных отношений, возникающих в связи с изданием (вступлением в силу) уголовного закона.

Одним из первых на них давно обратил внимание А.В. Наумов, указав что «уголовно-правовые нормы призваны воздействовать на волевое поведение людей в двух направлениях: чтобы заставить аморально и асоциально настроенных лиц воздержаться от совершения преступлений и чтобы применить к лицам, нарушившим уголовно-правовой запрет, санкцию, предусмотренную нормой Особенной части. ... Установление

---

[1] Мальцев В.В. Введение в уголовное право. Волгоград, 2000. С. 84.

[2] Обоснованную критику рассматриваемой теории см. также: Шишко И.В. Экономические правонарушения: вопросы юридической оценки и ответственности. СПб., 2004. С. 109-166.

государством правового запрета означает наложение юридических обязанностей на участников регулируемых им общественных отношений, так как они после ною должны воздерживаться от нежелательного для государства поведения. Отрицать за уголовно-правовыми запретами роль праворегулирующего начала - значит утверждать, что они не упорядочивают поведение людей в обществе»[1].

Эту позицию разделяют В.Д. Филимонов, А.И. Бойцов, Н.А. Лопашенко и другие ученые[2].

Близость концепции общепредупредительных отношений к изложенной выше позиции Н.М. Кропачева и И.Э. Звечаровского видится в том, что здесь та самая «сторона» («аспект») общественных отношений, которая, согласно их теории, «выпадает» на долю уголовного права, обозначена в качестве самостоятельного вида регулируемых уголовным правом отношений.

Таким образом, можно согласиться с имеющимся в науке мнением о том, что ни базисные отношения, ни общепредупредительные не вправе претендовать на роль предмета уголовно-правового регулирования. Тем не менее, нельзя игнорировать и того очевидного факта, что уголовное право так или иначе влияет на эти отношения, что вполне объяснимо, во-первых, взаимосвязью, системным единством всех существующих в обществе отношений, а во-вторых, общим свойством всех правовых отраслей упорядочивать эти отношения.

Согласованию научных позиций и углублению представлений о предмете отрасли уголовного права, на наш взгляд, может служить высказанный ранее тезис о необходимости последовательного расчленения его на предмет уголовно-правовой охраны, предмет уголовно-правового воздействия и предмет уголовно-правового регулирования.

Термин «предмет правового регулирования», как отмечается в литературе, имеет свои оттенки в зависимости от того, в каких целях он исследуется[3].

Напомним, что принципиальных разночтений между представленными определениями предмета правового регулирования нет.

Они, действительно, отражают лишь различные аспекты этого понятия: отношения, составляющие предмет права, регулируются им, а регулирование происходит посредством организации и упорядочения этих отно-

---

[1] Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). Волгоград, 1973. С. 14-15.

[2] Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 80-81; Уголовное право России. Общая часть. Учебник / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 32; Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право. М., 2009. С. 5.

[3] См.: Лукашев М.А. Предмет правового регулирования как категория теории государства и права. Автореферат ди. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 14.

шений за счет создания некоторых нормативных моделей поведения их участников. Таким образом, предметом уголовно-правового регулирования необходимо признать группу однородных общественных отношений, которые могут и должны регулироваться уголовным законодательством, нормы которого создают определенные модели поведения их участников при наступлении тех или иных юридических фактов.

В первом приближении предметом уголовно-правового регулирования следует признавать отношения, возникающие в связи с причинением вреда объектам уголовно-правовой охраны. В отечественной науке по поводу этой разновидности отношений нет единой позиции. «Общим местом» является мысль о том, что такие отношения возникают в случае совершения преступления между государством и лицом, совершившим преступление. Однако за рамками этого тезиса исследователи кардинально расходятся в характеристике предмета уголовно-правового регулирования. Основная «линия разлома» связана, прежде всего, с характеристикой юридического факта, порождающего уголовно-правовые отношения.

Одни ученые в структуре предмета уголовно-правового регулирования выделяют особую группу отношений (регулятивных), возникающих в связи с причинением вреда объектам уголовно-правовой охраны при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, в рамках которых на основании уголовного закона граждане наделяются правом на причинение вреда при защите от общественно опасных посягательств[1].

Другие авторы включают в круг регулируемых уголовным правом отношения, обусловленные совершением общественно опасных деяний лицами, находящимися в состоянии невменяемости. Третьи (А.А. Чистяков) в дополнение признают предметом уголовно-правового регулирования особый вид отношений, возникающих в связи с приготовлением к преступлениям небольшой пли средней тяжести, а равно в связи с добровольным отказом от преступления, в рамках которых обязанность лица претерпеть неблагоприятные последствия в связи с совершением этих действий не возникает.

Некоторые ученые в качестве самостоятельной группы отношений, урегулированных уголовным правом, признают «отношения компромисса», которые возникают на основе норм, направленных на предотвращение вредных последствии преступления, устранение или смягчение вредных

[1] См.: Наумов А.В. Введение в уголовное право (лекция) // Государство и право. 1993. №11. С. 72-75; Яцеленко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования. М., 1996. С 44. Чистяков А.А. Уголовная ответственность и механизм формирования ее основания. М., 2002. С 76. Ображиев К.В. Предмет уголовно-правового регулирования // Российский криминологический взгляд. 2009. №2. С. 296.

последствий совершенного преступления, склонение виновного к сотрудничеству с правоохранительными органами[1].

Есть, далее, мнение (В. К. Дуюнов), что уголовно-правовые отношения возникают также в связи с совершением малозначительных деяний, а также в связи с нарушением уголовно-правового запрета лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности. Наконец, по утверждению некоторых ученых (А.А. Чистяков), уголовно-правовые отношения могут возникать и в случае судебной ошибки, когда осуждается лицо, не совершавшее преступления; в них присутствует форма реализации уголовной ответственности, но отсутствует ее содержание.

Все эти позиции объединяет стремление признать уголовно-правовыми отношения, возникающие на основе деяния, не содержащего признаки состава преступления. С таким подходом сложно согласиться. Прежде всего нельзя, на наш взгляд, включать в круг регулируемых уголовным правом отношения, связанные с правомерным причинением вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Еще Н.С. Таганцев, писал: «Право обороны не создается государством, а только признается и санкционируется им... Уступка государственной власти охраны личности и ее прав, сделанная частными лицами и общиной при сформировании государства, предполагает реальную, а не фиктивную охрану, и только в том случае личная охрана не может иметь места, когда ненарушимость прав, порядок и спокойствие действительно охранены государством»[2].

Сказанное относительно права необходимой обороны в полной мере применимо и к пониманию сущности иных обстоятельств, исключающих преступность деяния. Прирожденный, естественный характер права на причинение вреда в экстремальных ситуациях для защиты собственных интересов, интересов других лиц, общества или государства, не позволяет признать, что отношения, возникающие в связи с такими фактами, основаны на нормах уголовного закона, и следовательно, являются уголовно-правовыми. Поэтому, есть достаточные основания для того, чтобы согласиться со специалистами, которые усматривают в отношениях, возникающих в связи с анализируемыми фактами причинения непреступного вреда, не уголовно-правовой, а конституционный характер[3].

Что же касается отношений, возникающих в связи с совершением социально вредных деяний при отсутствии признаков состава преступле-

---

[1] См.: Аминов Д.И., Ревин В.П. Задачи, схемы и алгоритм квалификации по уголовному праву (Общая и Особенная части). М., 1999. С. 7.

[2] Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С 194,196.

[3] См.: Уголовное право. Общая часть, Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. С. 22; Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России. СПб., 2001. С. 17.

ния, то они также не могут претендовать на роль самостоятельных уголовно-правовых отношений. Н.Ф. Кузнецова справедливо указывает, что «тот, кто не совершает преступлений - для уголовного права безразличен»[1].

Определяя в уголовном законодательстве основания и условия привлечения лиц к уголовной ответственности в случае причинения ими вреда охраняемым отношениям, государство устанавливает существенные ограничения для реализации собственного права уголовного наказания, вводит своего рода «флажки», заходить за которые оно не в состоянии. Тем самым четко обособляются собственно уголовно-правовые отношения, в рамках которых определяется судьба лица, совершившего преступление. Нормы, устанавливающие такие ограничения, определяют юридические параметры факта, порождающего уголовно-правовые отношения. Они включаются в механизм уголовно-правового регулирования на самых ранних его этапах, определяя условия возникновения правового отношения между государством и лицом, совершившим преступление.

В случае если причиненный вред не обладает признаком уголовной противоправности, уголовное правоотношение не возникает. Это не означает, что полностью прекращается (разрывается) связь между причинителем вреда и государством. Так, например, малозначительное деяние может содержать признаки административного правонарушения и влечь соответственно возникновение административно-деликтного отношения; причинение вреда лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, влечет возникновение и развитие правоотношений на основе Закона РФ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Особого внимания здесь заслуживает причинение вреда лицом, находящимся в момент совершения деяния в состоянии невменяемости, правовые последствия которого определены непосредственно в УК РФ. Однако это обстоятельство можно отнести, скорее, на счет недостатков уголовного закона. При последовательном воплощении в УК РФ учения об уголовно-правовых отношениях законодателю следовало бы согласиться с мнением высказанным в период обсуждения концепции уголовно-правовой реформы группой отечественных юристов о необходимости исключения из УК РФ положений относительно последствий совершения общественно опасного деяния лицами, не способными нести уголовную ответственность, и формулирования их в самостоятельном законе[2].

Причинение вреда при отсутствии в деянии признаков состава преступления требует иной, нежели уголовно-правовая, регламентации. Возникающие при этом отношения не могут признаваться уголовно-

---

[1] Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 64.

[2] См.: Игнатов А.Н., Красиков Ю.А., Побегайло Э.Ф. и др. Концептуальные начала уголовного законодательства Российской Федерации // Советская юстиция. 1992. № 3. С. 2.

правовыми по ряду признаков: их регулирование основывается на иных, нежели уголовно-правовые принципы; их субъектом может выступать не только государство, но и органы общественности: права и обязанности лиц, вовлеченных в правовой конфликт подобного рода, определяются не уголовным законом, а правовым актом иной отраслевой принадлежности; средства правового воздействия на причинителей вреда в рамках этих отношений не являются уголовно-правовыми. Таким образом, к уголовно-правовым отношениям могут быть отнесены лишь те, которые возникают в связи с совершением преступления, то есть общественно опасного деяния, содержащего все признаки законодательно установленного состава.

Традиционным является взгляд на них как на единый вид отношений, имеющих публично-правовую природу и возникающих между лицом, совершившим преступление, и государством. Однако в последнее время в отечественной науке, исходя из анализа возможностей и направлений использования диспозитивного метода в механизме уголовно-правового регулирования, была высказана позиция, ставящая этот тезис под сомнение. Речь идет о признании потерпевшего участником уголовно-правовых отношений и соответственно - изменении конфигурации самих этих отношений. При этом обратим внимание на имеющиеся в литературе суждения относительно того, что участие потерпевшего в механизме уголовно-правового регулирования приводит к возникновению особой группы правоотношений, наряду с традиционными отношениями между государством и лицом, совершившим преступление.

Предлагающая такой взгляд Э.Л. Сидоренко отмечает: «В сфере уголовного права существуют различные по содержанию, субъектному составу и моменту возникновения правоотношения. Помимо собственно субординационных связей между государством и преступником по поводу совершения преступления, в сфере уголовно-правового регулирования существуют горизонтальные правоотношения между потерпевшим и преступником, между потерпевшим и лицом, совершившим уголовно значимое, по непреступное деяние, между потерпевшим и государством»[1].

На наш взгляд, изложенная концепция весьма уязвима. И дело не в том, что она частично основана на положениях, не нашедших отражения в уголовном законе. Основной упрек, как представляется, заключается в том, что за самостоятельные виды уголовно-правовых отношений здесь выдаются отдельные правовые связи между тремя участниками одного правоотношения: государством, потерпевшим и лицом, совершившим преступление. Такой подход, по сути дела, размывает устоявшееся понимание уголовного права как отрасли публичного права, возвращает практику к временам ранней правовой истории, когда уголовно-правовой конфликт регулировался самостоятельно преступником и потерпевшим без участия или при слабом контроле со стороны государства.

[1] Сидоренко Э.Л., Карабут М.А. Частные начала в уголовном праве. СПб., 2007. С. 27.

Уголовно-правовой конфликт - это, прежде всего, конфликт человека и всего общества, объединенного в государство. Государство в уголовно-правовых отношениях выступает ключевой фигурой, которая вправе привлекать потерпевшего для реализации собственных функций и в любом случае обязано обеспечить его безопасность. Но государство никогда не оставляет потерпевшего наедине с преступником, оно всегда присутствует в отношениях между ними. Потому расчленять отношения между государством и лицом совершившим преступление, государством и потерпевшим, лицом, совершившим преступление, и потерпевшим на три самостоятельных вида вряд ли оправдано; они составляют различные аспекты одного многостороннего уголовно-правового отношения.

В условиях формирования современной правовой модели взаимоотношений государства и личности подход, позиционирующий уголовное право в качестве средства ограничения государственного принуждения и защиты прав человека, представляется наиболее перспективным для совершенствования механизма уголовно-правового регулирования.

Голик Юрий Владимирович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
Московской Академии Следственного комитета РФ
Коробеев Александр Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Дальневосточного федерального университета,
заслуженный деятель науки РФ

Зигзаги уголовно-правовой политики России: из огня да в полымя

«Федеральное Собрание состоит из двух палат –
Совета Федераций и Государственной Думы»
Ч. 1 ст. 95 Конституции России
«Федеральные законы принимаются Государственной Думой»
Ч. 1 ст. 105 Конституции России

Исследуя вопрос о тенденциях уголовно-правовой политики России в сфере законотворчества, мы обратили внимание на любопытную закономерность: почти каждая канущая в Лету Дума накануне своего ухода принимает ряд резонансных законов, резко и заметно меняющих конфигурацию правового поля уголовной юстиции. При этом какой-либо отчетливо выраженной объективной необходимости в таких изменениях не просматривается, и никто позже не может внятно объяснить: зачем и для чего это было сделано.

Так, Федеральным законом РФ №162-ФЗ от 8 декабря 2003 г. из Уголовного кодекса РФ была изъята конфискация имущества как вид уголовного наказания. В пояснительной записке к проекту Закона предложение исключить конфискацию из УК мотивировалось «весьма низкой эффективностью» этого вида наказания.

Между тем такое решение законодателя не представляется юридически и социально обоснованным. Положения ст. 15 Конституции РФ о преимущественном действии перед национальным законодательством международных соглашений обязывают Россию к соблюдению ратифицированных ею международно-правовых актов. Ряд международных конвенций, например, конвенции ООН «О борьбе с финансированием терроризма», «Против транснациональной организованной преступности», европейская конвенция «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности», конвенция Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию», предусматривают конфискацию имущества как вид уголовного наказания. В частности, конвенция ООН «Против транснациональной организованной преступности» определяет конфискацию как «окончательное лишение имущества по постановлению суда».

С отменой конфискации в России во многом утратила свою силу превентивная функция уголовного закона. Ведь ясно, что современные экономические преступники больше всего боятся не привлечения к уголовной ответственности, не осуждения как такового, а конфискации имущества, оставляющей их лишь с «потребительской корзиной», как у большинства рядовых законопослушных граждан. Вот почему в отечественной литературе высказана пока еще никем не опровергнутая гипотеза, что исключение в 2003 г. из «лестницы наказаний» конфискации имущества есть такой пример «неприкрытого и демонстративно-вызывающего лоббирования интересов экономической преступности в уголовном законодательстве, которого не было за всю историю существования русского и российского уголовного права».

По нашему мнению, конфискацию имущества нельзя было исключать из действующей системы наказаний. В настоящее время, с учетом нынешнего состояния общества и государства на современном этапе развития российской уголовно-правовой политики, не существовало предпосылок для отказа от применения этого вида наказания. Такой отказ не был воспринят общественным правосознанием как справедливый. По крайней мере общепредупредительный эффект от применения этого наказания сохраняется даже при весьма скромных масштабах его применения в судебной практике. С другой стороны, мы предостерегали и от искусственного расширения рамок применения этого института: бесспорно имеющиеся негативные черты в конфискации имущества могли легко перечеркнуть все ожидаемые плюсы от таких нововведений1.

Объективности ради следует заметить, что после ратификации в феврале 2006 г. Конвенции ООН по борьбе с коррупцией Государственная Дума РФ (уже нового созыва) приступила к экспертизе поправок, возвращающих норму о конфискации имущества в Уголовный кодекс . В конечном итоге конфискация была восстановлена в УК РФ. Обращает, однако, на себя внимание то обстоятельство, что конфискация имущества вернулась в лоно уголовного законодательства не как вид наказания, а в качестве «иной меры уголовно-правового характера».

В результате конфискация имущества в нынешнем ее виде представляет собой некий симбиоз ранее известного вида наказания с одноименным названием и уголовно-процессуальной меры (обычно именуемой «специальной» конфискацией). Назначать подобную меру в случае совершения лицом преступлений, перечисленных в п. «а» ч. 1 ст. 1041 № УК РФ, стало правом, а не обязанностью суда. В итоге конфискация имущества в настоящее время в судебной практике встречается крайне редко. В 2008 г. зафиксировано всего 511 случаев назначения судами этой меры, в 2009 г. – 587, в 2010 г. – 679, в 2011 г. – 671, в 2012 г. – 565, в 2013 г. – 921, в 2014 г. – 1178, в 2015 г. – 1801, в 2016 г. - 1929. Перевод конфискации в категорию «мер безопасности», как предлагается в уголовно-правовой доктрине, не исправит положения дел. Лишь с восстановлением ее в системе уголовных наказаний и включением в санкции норм Особенной части УК РФ можно связывать надежды на ее возрождение и широкое применение в судебной практике.

Другой обнаруженной нами закономерностью в деятельности «уходящих в прошлое» Госдум можно считать зигзагообразный характер принимаемых ими решений: все они укладываются в диапазоне от подчеркнуто демонстративного ужесточения уголовной репрессии до явно необоснованного (под лозунгом либерализации) ее ослабления. Внешне все это выглядит как шараханье из крайности в крайность, из огня да в полымя.

В качестве примера сошлемся на Федеральный закон РФ от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ, которым были сняты нижние пороги наказания в виде лишения свободы в санкциях сразу 68 статей Особенной части УК РФ. Эта законодательная акция привела к тому, что институт «судейского усмотрения» превратился, по сути, в «судебный произвол». Нигде в мире у суда нет возможности за тяжкое преступление назначать наказание в виде лишения свободы на срок от 2-х месяцев до 15 лет (ч. 4 ст. 111, ч. 3.ст. 186 УК РФ).

С другой стороны, Федеральным законом РФ от 6 июня 2016 г. №375-ФЗ установлено, что в случае совершения хотя бы одного из преступлений террористического характера (и ряда других преступлений) при частичном или полном сложении сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы может достигать 30 лет, а по совокупности приговоров – 35 лет.

Не удержалась от подобных законодательных метаморфоз и Госдума 6-го созыва. В июле 2016 г. Уголовный кодекс «обогатился» новой редакцией ст. 116 Побои (Федеральный закон РФ от 3 июля 2016 г. №323-ФЗ). В результате побои стали иметь уголовно-правовой окрас только в случае нанесения их близким лицам, а равно из хулиганских побуждений, либо по мотивам, которые в последнее время в народе для краткости именуются «экстремистскими». В примечании к статье давалось толкование понятия «близкие лица», носившее чрезвычайно размытый характер. Подобный нормотворческий пассаж подвергся резкой, но обоснованной критике со стороны специалистов (и теоретиков и практиков)1. Зачищать уголовно-правовую поляну от «законодательного мусора» пришлось Госдуме нового созыва, которая Федеральным законом от 7 февраля 2017 г. №8-ФЗ изменила редакцию ст. 116 УК и привела ее в более или менее удобоваримый вид. Но не до конца.

Судите сами. В настоящий момент сфера действия ст. 116 УК РФ ограничена одним важным обстоятельством: деяние для того, чтобы стать уголовно наказуемым, обязательно должно быть совершено по одному из мотивов: хулиганские побуждения, мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Во-первых, возникает недоуменный вопрос: почему в качестве криминообразуещего признака выбран хулиганский мотив (который не фигурирует даже в перечне обстоятельств, отягчающих наказание), а, например, не мотив в виде «совершения преступления из мести за правомерные действия других лиц» (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ)?

Во-вторых, за «бортом» вновь сформулированного уголовно-правого запрета оказался весьма значительный по объему массив так называемых «семейных или домашних побоев», совершаемых по иным, чем вышеперечисленные, мотивам. В результате такой своеобразной криминализации получилось, что относительно распространенное и типичное уступило дорогу редкому и исключительному.

Восстановить образовавшийся пробел в уголовной наказуемости побоев предлагается за счет института административной преюдиции.

В ст. 1161 УК РФ сформулировано правило: нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, влечет уголовную ответственность.

Итогом такой (уже обновленной) законодательной конструкции может стать парадоксальная ситуация, когда серия систематически нанесенных de-facto жертве побоев (даже не зарегистрированных как административные проступки) потребует их квалификации по ст. 117 УК как истяза-

ние, а часть из этой серии побоев, не оформленная как административные правонарушения в виде вступивших в законную силу решений суда, не сможет быть квалифицирована по ст. 116 УК.

Весьма показательным является отношение законодателя к экономическим преступлениям и предпринимательскому сословию как потенциальному субъекту этих преступлений.

После известных слов «Не надо кошмарить бизнес!» началась большая, безудержно трогательная забота о нем. Все, включая законодателей, стали стараться перещеголять друг друга в этой заботе. Как следствие, в УК РФ появились статьи, призванные смягчить удары уголовно-правовой дубины о головы несчастных (см., например, ст. 761 , примечания к ст.ст. 178, 174, 198,199, 2001 , 2003 УК).

Но возникает вопрос и обратного свойства: а бизнес может кошмарить нас? Оказывается, может. И у него это неплохо получается (фальсификация продуктов питания, алкоголя, лекарств, деятельность коллекторов, мошеннические действия строительных, риэлтерских, управляющих жилищных компаний etc). К сожалению, список этот можно продолжить.

Блестящую интегративную оценку сложившейся ситуации дал известный криминолог И.М. Мацкевич, который, характеризуя «особое отношение» государства к предпринимателям, пишет: «Во-первых, сама по себе постановка этого вопроса возмутительна. Почему они (предприниматели) уверены, что они совершат преступление. Не потому ли, что это повседневный побочный результат их деятельности?

Во-вторых, чем они принципиально отличаются от других, скажем так, обычных граждан, которые также уличаются в совершении, например, кражи колбасы из магазина. Тем, что первые крадут колбасу, а вторые крадут миллионы рублей?

Наконец, в-третьих, почему за кражу колбасы виновные в этом лица могут быть приговорены к наказанию в виде лишения свободы, а предприниматели, виновные в хищении миллионов рублей, могут быть приговорены только к штрафу и условному наказанию?».

Добавим: если «простые граждане» совершают свои преступления, как правило, тайно, то предприниматели действуют открыто, на глазах у сотен и миллионов людей, будучи убежденными, что их не подвергнут «кошмарам» уголовного преследования. Это, как известно, другой уровень общественной опасности, требующий ужесточения наказания, а не смягчения. У нас же все наоборот.

Иная крайность (раскассирование в 2012 г. общей нормы об ответственности за мошенничество и искусственное создание шести дополнительных «эксклюзивных» составов этих преступлений в целях якобы повышения эффективности борьбы с экономической преступностью) также не достигла ожидаемого результата. Более того, Конституционный Суд РФ вынужден был признать одну из таких доморощенных новелл (ст. 1594 УК) не вполне соответствующей Конституции России. Законодателю после этого пришлось срочно изымать данную статью из УК РФ.

В попытках обнаружить детерминанты столь хаотически-спонтанного противоречиво-непоследовательного поведения Госдумы в процессе осуществления ею законотворческой деятельности обратим внимание на следующее.

Выступая 6 декабря 2016 г. на IX Всероссийском съезде судей Президент России В.В. Путин, среди прочих важных моментов, отметил: «…нужно признать, что наше правовое поле меняется очень быстро, слишком быстро и порой несистемно, что создает немало угроз процессам правоприменения»2. И это действительно так. Достаточно сказать, что еще в 2007 г. Российский конгресс уголовного права посвятил свою сессию проблеме системности в уголовном праве, где она анализировалась в десятках докладов3. И в последующем данная проблема находилась постоянно в поле зрения наших коллег4. Но законодателем призыв этот воспринят не был.

В случаях проявления непоследовательности, бессистемности и хаотичности в изменении уголовного закона мы сталкиваемся с элементарным нежеланием чиновников, готовящих проекты законов, привлекать специалистов – это для них слишком хлопотно. При этом они даже не скрывают своих мотивов и иногда открыто об этом говорят.

Между тем уже давно (в том числе и не без нашего участия) выработан механизм решения указанных проблем. Имеется и соответствующий алгоритм его реализации, включающий и разработку Концептуальных основ уголовно-правовой политики (они уже созданы, и не в одном варианте)1, и формулирование доктрины уголовного права, и проектирование нового Уголовного кодекса (хотя бы в виде принятия его в обновленной редакции). Но воз и ныне там.

И если только существует шанс сдвинуть его с места, то делать это надо сию минуту, сейчас, пока нынешняя Госдума (палата №7) находится в поре расцвета законотворческих сил. Ибо к концу своего срока она вполне может продлить отмеченную выше дурную закономерность и подарить нам очередной «букет» популистски, вроде бы, оправданных, но на деле абсолютно нежизнеспособных уголовных законов.

Готчина Лариса Владимировна,
доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права
Санкт-ПетербургскогоуниверситетаМВД России

О перспективах уголовной политики и противодействия наркопреступности

В марте 2017 г. в Совете Федерации обсуждался законопроект «Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.)», подготовленный авторским коллективом Высшей Школы Экономики. В соответствии с ним предполагается в ближайшей перспективе исключить из перечня преступлений преступления небольшой тяжести и некоторые средней тяжести с их переводом в категорию уголовного проступка. Эта категория не будет предполагать судимость, уголовно-правовые последствия которой социально значимы. На основании действующих статей УК РФ, к уголовному проступку могут отойти преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228, ст.ст. 228.2, 228.3, ч. 1 ст. 231, ст. 233, ч.1 ст. 234, ч. 1 ст. 234.1 УК РФ. Это вызовет потребность иных законодательных изменений, в первую очередь, статьи 821 УК РФ, так как за уголовный проступок не планируется предусматривать наказание в виде лишения свободы. Кроме того, прогнозируется всплеск деяний, которые сегодня охватываются вышеуказанными статьями УК РФ. В частности, незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в значительном размере, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка без цели сбыта растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в значительном размере перейдут в уголовно латентный массив. То есть таковыми станут сегодня преступные действия с наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами «как бы для себя».

Таким образом, необходимо констатировать, что многочисленные изменения законодателем редакций статей 228-234.1 УК РФ не всегда характеризуются последовательностью и объективностью, большинство изменений внесено без анализа диспозиций и санкций других статей, в результате чего нарушено соотношение системы ценностей, защищаемых уголовным законом.

«Одной из основных негативных тенденций современного российского законотворчества в сфере уголовного права является спонтанность и субъективность в принятии уголовно-политических решений». С этим мнением нельзя не согласиться. Подходы и оценки проблемы, а также пути ее разрешения, содержащиеся в различных документах стратегического планирования – фрагментарны и непоследовательны .

Опыт легализации деяний с наркотическими средствами «как бы для себя» зарекомендовал себя по-разному в Европе.

Например, чешские власти с 1 января 2010 года легализовали продажу не только так называемых мягких наркотиков, но и даже некоторых их «тяжелых» аналогов, «определив минимальное количество наркотических средств (в граммах: марихуаны – 15, героина – 1,5, кокаина – 1, гашиша – 5, амфетамина – 2; пять доз ЛСД и до 40 галлюциногенных грибов), хранение которых обернется не уголовной, как раньше, а административной ответственностью. Правительства Польши и Словакии, встревоженные таким «социальным экспериментом», заявили о создании специальных приграничных подразделений полиции, так называемых «заградительных отрядов» против ввоза «дури». Для сравнения: в Польше, например, до сих пор можно загреметь на три года даже за одну дозу марихуаны. А за распространение и производство наркотиков грозит лишение свободы до 8 лет. Тем временем в польских молодежных интернет-блогах уже появились адреса, где в Чехии можно купить «наркоту» и по каким ценам. Марихуана легализована, когда до конца не решен вопрос о том, где и как будут продаваться легализованные наркотики: под госконтролем в специализированных кафе и барах, как в Голландии, или же это дело оставят на откуп «бизнесу». Кстати, в той же Голландии власти не раз изъявляли желание покончить с наркотуризмом.

В не меньшей степени они обеспокоены и перспективой организации «наркотуров» в Чехию» . «В связи со вступлением в силу нового закона, цены на наркотики в Чехии снизились на 30-40 %. Однако, как отмечают эксперты, в стране официальных мест их продажи нет, и торговля остается нелегальной. Согласно статистике, 28 % чехов моложе 24 лет хотя бы раз в год курят траву, что является наивысшим показателем в Евросоюзе. По данным Европейского мониторингового центра по наркотикам и наркомании (EMCDDA), в Старом Мире именно чешская молодежь – лидер по курению марихуаны. Некоторые правительства ЕС уже выразили обеспокоенность чешским экспериментом».

Суть спора вокруг отказа от контроля над наркотиками разъясняется во Всемирном докладе о наркотиках за 2008 год, подготовленном еще УНП ООН. В пользу такого отказа выдвигались аргументы, связанные с экономикой, здравоохранением и безопасностью. По мнению исполнительного директора УНП ООН Антонио Мария Коста, экономическое обоснование следующее: «необходимо легализовать наркотики и тем самым увеличить налоговые поступления. Этот аргумент по принципу легализовать и обложить налогом аморален и экономически неоправдан. Он предлагал ввести налог на порок, который из поколения в поколение выплачивали бы группы маргиналов (потерянных для общества наркоманов) для стимулирования оживления экономики. Может быть сторонники такой меры выступают и за легализацию и обложение налогом других трудно-

контролируемых видов преступной деятельности, таких как торговля людьми?». Он убежден, что «любое сокращение расходов на борьбу с наркотиками (вследствие сокращения расходов на правоохранительную деятельность) будет сведено на нет значительным ростом затрат на здравоохранение (из-за резкого роста потребления наркотиков).

Другие заявляли, что после легализации можно избежать возникновения угрозы массовой наркомании путем введения государственного регулирования рынка наркотиков. Речь вновь шла о наивной и недальновидной позиции. Во-первых, чем жестче контроль, тем быстрее можно ожидать появления параллельного (преступного) и более масштабного рынка, что лишает эту концепцию смысла. Во-вторых, принятие таких изощренных мер контроля по силам только нескольким (богатым) странам» . Его тезис не вызывает у нас сомнения: «Не следует забывать одну простую истину: наркотики наносят вред не потому, что их контролируют, а их контролируют потому, что они наносят вред».

Еще во Всемирном докладе о наркотиках за 2004 год УНП ООН акцентировало внимание на необходимости «сбалансированности профилактических мер и правоохранительных мероприятий» , в 2008 году выделяло «самую серьезную озабоченность организованной преступностью» . В связи с этим, исполнительный директор УНП ООН обратился к государствам-участницам с настоятельным призывом провести незамедлительно перенастройку программных ориентиров в направлении усиления мер контроля над преступностью без ослабления мер контроля над наркотиками. Доклад за 2009 год резюмировал: международному сообществу необходимо совмещать мероприятия по снижению предложения наркотиков с мероприятиями по сокращению их спроса и интегрировать национальные усилия в международные стратегии .

Таким образом, не вызывает сомнения то, что планируемые проектные «революционные» изменения российской уголовной политики в сфере уголовного права требуют серьезной доработки, оценки экспертным сообществом, основанном на системном основательном анализе теории и практики применения норм права. Только в таком случае перспективная уголовная политики России не нанесет непоправимого противодействию преступности.

Гришко Александр Яковлевич,
доктор юридических наук,профессор,
профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Нижегородской академии МВД России

Реализация основных направлений уголовной политики в нормах уголовно-исполнительного права

Уголовная политика вещь не абстрактная. Она находит свое материальное воплощение, в том числе, в сфере исполнения наказаний, в их целях, в частности. Можно сказать, что наказание, его исполнение является завершающим этапом в системе мер воздействия на преступность. Качество исполнения наказания во многом определяет эффективность уголовной политики в целом и по ее отдельным параметрам в частности.

Отсюда важность уголовно-исполнительного права в достижении целей уголовного наказания, определенных в уголовном праве: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений (ст. 43 УК РФ).

Говоря о реализации уголовной политики в нормах уголовно-исполнительного права хотелось остановиться прежде всего на целях наказания, их реализации. Среди указанных целей автор выделяет прежде всего цель предупреждения преступлений. Акцентирование на нем внимания обусловлено тем, что, по его мнению, данная цель нуждается в совершенствовании не только в плане ее реализации в уголовно-исполнительном законодательстве, но и в необходимости уточнения ее содержания.

Долгие годы в криминологической литературе дебатировался вопрос о понятиях: «профилактика», «предупреждение», «борьба с преступностью» и других смежных понятиях. Результатом этих дебатов стало их законодательное закрепление в федеральных законах «О противодействии экстремисткой деятельности», «О противодействии терроризму», «О противодействии коррупции». В данных законах наряду с названными понятиями нашла закрепление такая криминологическая дефиниция, как противодействие преступности.

Систематический анализ его понятия позволяет сделать вывод, во-первых, о идентичном его трактовании во всех трех указанных законах, во-вторых, что своим содержанием оно охватывает более широкий круг мер, направленных не только на недопущение преступлений, но и устранение их последствий. Согласно приведенным законам противодействие преступности включает в себя: предупреждение преступлений, включающее в себя деятельность по выявлению и устранению причин преступлений (профилактика преступлений); пресечение, раскрытие и расследование преступлений (борьба с преступностью); минимизацию и (или) ликвидацию последствий преступлений.

Сопоставляя приведенные понятия и цели уголовного наказания можно сделать вывод, что последние не включают в себя минимизацию последствий совершенного преступления. Под ними автор понимает, прежде всего, возмещение вреда, причиненного преступлением.

Значение последнего в плане защиты прав и законных интересов потерпевшего трудно переоценить. Между тем, ситуации в этой сфере в последние годы еще более актуализируется. Если количество зарегистрированных преступлений в 2016 году по сравнению с 2015 годом сократилось на 9,6%, то сумма причиненного преступлениями ущерба увеличилось на 28%. При этом возникают проблемы возмещения вреда как на досудебный стадии, так и на стадии реализации решения суда о возмещении вреда лицами, отбывающими наказания. Проведенное авторское исследование в отдельных регионах показало, что доля возмещенного вреда на досудебной стадии составляет 25-28%, на стадии исполнения наказания в виде лишения свободы – чуть более 1%. Среди осужденных удельный вес лиц, погашающих иски, составляет лишь 60%.

В плане решения данного вопроса законодатель предпринял определенные меры. В частности при решении вопроса об условно-досрочном освобождении и замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания суд учитывает полное или частичное возмещение вреда, причиненного преступлением (ч. 1 ст. 79, ч. 1 ст. 80 УК РФ). Это позволяет сделать вывод, что приведенное является аргументом для изменения целей наказания. Одной из них должна быть не предупреждение преступлений, а противодействие им.

Уголовно-исполнительное право призвано обслуживать уголовное право - это известная аксиома. Поэтому насколько это реализуется в действующем уголовно-исполнительном законодательстве и в практике его применения является одним из резервов повышения эффективности исполнения уголовных наказаний. И здесь сразу возникает, что называется «мировоззренческий» вопрос - наличие в УК РФ цели наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ) и отсутствие цели исполнения наказания в УИК РФ.

Более того, УИК РФ определяет цели уголовно-исполнительного законодательства и не определяет цели исполнения наказания. Но ведь они могут быть обеспечены не самим фактом их закрепления в УИК РФ, а реализацией норм последнего.

Представляется, что в уголовно-исполнительном законе исходя из его названия и предназначения, цель исполнения наказания должна быть обозначена в виде обеспечения достижения целей наказания: исправление осужденного и противодействие преступлениям.

Закрепление такой нормы должно лежать в основе определения и применения основных средств исправления осужденных, определения сущностной стороны исполнения наказания. При исполнении наказания в виде лишения свободы она будет заключаться в самом факте изоляции от

общества. Во всем остальном правовое положение осужденного не должно отличаться от правового положения других граждан за определенными исключениями, обусловленными фактом изоляции. На законодательном уровне должен быть определен исчерпывающий перечень запретов и ограничений для осужденных. Возможности администрации исправительного учреждения по ухудшению правового положения осужденного должны быть сведены до минимума. Административное усмотрение должно допускаться только в целях его улучшения условий отбывания наказания.

Одним из актуальных вопросов в рассматриваемом аспекте является соотношение принципов уголовного и уголовно-исполнительного права.

Парадоксально, но факт: сегодня состояние принципов, их выражение такое, что они реализуются в нормах Общей и Особенной частях УИК РФ, но не сформулированы в определениях на законодательном уровне.

Анализ принципов, закрепленных в ст. 8 УИК РФ, и принципов, имеющих место в УК РФ (ст. 3-7) позволяет сделать вывод о рассогласовании в этой части норм уголовного и уголовно-исполнительного права. Это проявляется в следующем:

1. В уголовном законе речь идет о принципах уголовной ответственности (ч. 2 ст. 2 УК РФ), а в уголовно-исполнительном законе – о принципах уголовно-исполнительного законодательства (ст. 8 УИК РФ).

2. В уголовном законе описано содержание принципов, в уголовно-исполнительном законе они только названы.

3. Уголовно-исполнительный закон в отличие от уголовного закона не содержит принципа справедливости, хотя практика реализации уголовно-исполнительного закона свидетельствует о необходимости его закрепления в УИК РФ.

Здесь следует отметить попытку устранить указанные противоречия, предпринятую авторами теоретической модели «Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». В данной модели раскрываются не только существующие принципы уголовно-исполнительного законодательства, но и формулируются новые (справедливости, целесообразности, участие общества и граждан в исправлении осужденных, в защите их прав и законных интересов) [1 - с.29].

Закрепление новых принципов и раскрытие содержания действующих безусловно будет способствовать большей преемственности уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Основой для этого должна быть норма уголовно-исполнительного права, закрепляющая не принципы уголовно-исполнительного законодательства, а принципы исполнения уголовных наказаний. При такой формулировке действительно уголовно-исполнительные принципы будут продолжением принципов уголовной ответственности (ч.2 ст.2 УК РФ).

Одной из составляющих в деле реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики является определение понятия личности осужденного.

Речь в частности идет о степени распространения понятия личности осужденного на лицо, освобожденное от дальнейшего отбывания наказания, судимость с которого не снята или не погашена. Возникает вопрос насколько правомерно понятие личности осужденного связывать с наличием или отсутствием у лица судимости.

В уголовно-исполнительном праве имеет место устоявшаяся точка зрения, согласно которой понятие личности осужденного связано с началом и окончанием отбывания наказания. В соответствии с ней наличие судимости не является признаком, характеризующим личность, как осужденного. Представляется, что это не совсем так. Отнесение судимости как к последствию наказания является несостоятельным. Последствия наказания в виде судимости по своему содержанию в целом ряде случаев имеют такой характер, который субъективно может восприниматься как наказание (например, запрет на определенные работы, административный надзор).

«Судимость как своеобразный уголовно-правовой испытательный срок для лица, отбывшего наказание, по существу означает превентивное, продолжающееся уголовное наказание, которое становится дополнительным наказанием в случае совершения нового преступления», - Н.В. Витрук [2 - с.1302].

В подтверждение изложенному уместно привести Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, в которой значительное место уделено вопросам постпенитенциарной адаптации лиц, освобожденных от дальнейшего отбывания наказания, предупреждению новых преступлений, совершаемых ими.

В плане кардинального решения вопросов постпенитенциарной адаптации, предупреждения постпенитенциарного рецидива Концепция предполагает создание самостоятельной службы - службы пробации. Отсюда можно сделать вывод, что постпенитенциарная адаптация из предмета уголовно-исполнительной политики, может превратиться в один из предметов уголовно-исполнительного права и основанием для утверждения о наличии его подотрасли - постпенитенциарного права.

Трудно переоценить значимость реализации уголовной политики в сфере недопущения жестокого или унижающего человеческое достоинство обращение или наказание.

Показатели, характеризующие реализацию указанных прав при отбывании уголовных наказаний, свидетельствуют о наличии проблем в данной сфере. Одной из них освобождение осужденных по болезни. Наличие тяжелого заболевания является одной из причин смертности в исправительных учреждениях.

Сравнительный анализ численности лиц, умерших от заболеваний в ИУ в 2016 г. до решения суда и после направления материалов в суд, показал, что более половины тяжело больных осужденных умирают, не дождавшись рассмотрения ходатайства судом о досрочном освобождении в связи с болезнью.

Одной из норм, обеспечивающих реализацию права на жизнь и здоровье, является норма, содержащаяся в ст. 81 УК РФ. В судебной и уголовно-исполнительной практике возникает целый ряд вопросов, связанных с ее реализацией. Так, до настоящего времени законодателем четко не решен вопрос о характере освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью осужденного, т.е. является ли такое освобождение безусловным и окончательным либо оно представляет собой условное освобождение со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями для освобождения лица.

Не решен вопрос об основаниях и условиях прохождения обязательного лечения осужденными после их освобождения в связи с болезнью, не дана правовая оценка современной практики причинения осужденными умышленного вреда своему здоровью в период отбывания наказания.

Практический интерес исследования института освобождения от наказания в связи с болезнью обусловлен отсутствием на практике единого подхода к решению данного вопроса. Так, одни правоприменители считают, что единственным основанием освобождения от отбывания наказания по болезни является наличие тяжелой болезни и поэтому не учитывают иные, уголовно-правовые и уголовно-исполнительные критерии (условия) освобождения. Другие, напротив, полагают, что выявление тяжелого заболевания недостаточно для освобождения, необходимо при этом учитывать тяжесть совершенного преступления, назначенный и отбытый срок наказания, поведение осужденного в период отбывания наказания, наличие непогашенных судимостей на момент освобождения и др. Судебные ошибки, возникающие при применении данного института, вызваны отсутствием в уголовном законе четкого решения вопроса о необходимости учета названных выше обстоятельств при освобождении, а также отсутствием соответствующих разъяснений Верховного суда Российской Федераций.

Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 51 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного суда от 21 апреля 2009 года № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» и от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» разъясняет что по смыслу части 2 статьи 81 УК РФ, при решении вопроса об освобождении лица от наказания определяющее значение имеет установление судом наличия у осужденного тяжелой болезни, препятствующей отбыванию им назначенного наказания. Рассматривая соответствующее ходатайство осужденного, суд оценивает медицинское заключение специальной медицинской комиссии или учреждения медико-социальной экспертизы с учетом Перечня заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, утвержденного Постановлением Правительства

Российской Федерации, а также принимает во внимание иные обстоятельства, имеющие значение для разрешения ходатайства по существу.

Указанное постановление не отвечает на вопросы, встречающиеся в уголовно-исполнительной и судебной практике. Устанавливая «иные обстоятельства» и не раскрывая их, постановление тем самым создает условия для административного и судейского усмотрения при решении вопроса досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания в связи с тяжелой болезнью, оно не способствует усилению защиты прав и законных интересов осужденных с тяжелым заболеванием.

В уголовно-исполнительной практике имеют место случаи обращений осужденных, имеющих тяжелые заболевания, из-за отсутствия условий для их социальной и медицинской реабилитации, оставить их после истечения срока отбывания наказания в исправительном учреждении. В разрешении данного вопроса можно обратиться к опыту, имеющегося в отдельных зарубежных странах. Так, согласно УИК Польши, в случае, если освобождаемый из тюремного учреждения нуждается в больничном лечении, а его состояние здоровья не позволяет на перевод в публичную больницу, он остается на лечении в тюремном учреждении до момента, когда его состояние здоровья сделает возможным такой перевод (ст. 167а параграф 4). Данная норма применяется лишь тогда, когда освобожденный выразит согласие на лечение в тюремном учреждении. Это должно быть подтверждено его подписью в личной медицинской документации (ст.167а параграф 5).

При рассмотрении вопроса о досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания по рассматриваемому основанию возникает тема решения вопроса в отношении осужденных, которые по своим криминолого-личностным характеристикам не могут быть освобождены от отбывания наказания досрочно в связи с тяжелой болезнью. Представляется, что для таких осужденных должны быть созданы особые условия отбывания наказания, позволяющие родственникам, близким посещать его и оказывать ему помощь. Видимо для этого потребуется создание соответствующих отделений в исправительных учреждениях, лечебных исправительных учреждениях.

Иванцов Сергей Вячеславович,
доктор юридических наук, профессор,
ученый секретарь Ученого совета
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Современная культурология и обстоятельства, способствующие совершению преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей

Следует отметить, что длительное время культурологический аспект в системе обстоятельств, способствующие совершению преступлений, был обделен вниманием криминологов. Вместе с тем взаимосвязь между культурой и преступностью очевидна, поскольку она (культура) носит многоаспектный характер. Безусловно, культура оказывает влияние на все стороны общественной жизни, будь то отдельный человек или общество в целом. При этом именно культура формирует человека и детерминирует его поведение. Культурная среда может способствовать сдерживанию противоправного поведения (например, из-за страха перед наказанием или по морально-этическим соображениям), а может и вызывать такое поведение (например, под влиянием криминальной субкультуры). Именно поэтому культурологические аспекты являются неотъемлемой частью криминологического изучения преступности. Криминологическое изучение преступности, в свою очередь, предопределяет то или иное предупредительное воздействие на преступность[1]. В свое время Ч. Беккариа сформулировал бесспорное утверждение, согласно которому «лучше предупреждать преступления, чем карать за них»[2]. Предупреждение же преступлений как комплексная и многоаспектная деятельность неразрывно связано с установлением и воздействием на обстоятельства, способствующие совершению соответствующих общественно опасных деяний. Такими обстоятельствами (факторами, детерминантами) являются причины и условия совершения преступлений[3].

Можно заключить, что конкретное уголовно наказуемое деяние осуществляется под воздействием сочетания внешних (объективных) и внутренних (субъективных) по отношению к лицу причин и при наличии содействующих тому условий. При этом в механизме преступного, равно как

[1] См.: Иванцов С.В. К вопросу о реализации предупредительной функции уголовного закона // В сборнике: Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции. 2016. С. 70-75.

[2] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. - М.: Фирма «Стелс», 1995. С. 230.

[3] См.: Максимов С.В. Краткий криминологический словарь. - М.: Юристъ, 1995. С. 15-16.

и любого другого человеческого поведения, присутствуют факторы не только, ему благоприятствующие, но и препятствующие[1]. Именно к последним и относятся мероприятия по предупреждению преступлений, ориентированные на устранение причин и условий совершения общественно опасных деяний.

Принимая во внимание определяющую роль побуждений в виде ненависти и вражды в механизме преступлений экстремистской направленности, непосредственные причины их совершения необходимо искать в мотивационной сфере личности и особенностях ее формирования (в том числе и под воздействием культурной среды). Мотивы преступлений экстремисткой направленности не возникают неожиданно, «сами по себе», а формируются в психике личности под воздействием внешних факторов, существующих в обществе и входящих во взаимодействие с внутренним миром индивида[2]. Изучение уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности, совершенных с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, позволяет выделить факторы, способствующие формированию внутренней побудительной основы совершения данных уголовно наказуемых деяний.

Во-первых, это негативные условия нравственного развития личности, связанные с отрицательным влиянием ближайшего окружения[3]. При этом наибольшее значение имеет психологический климат в семье[4], в школе, на работе. Указанное влияние ближайшего окружения не ослабевает и по достижении лицом совершеннолетия. Более того, молодые люди могут уже не искать, а определиться со сферой своих интересов, выбрать для себя круг общения и если таковые связаны с экстремистскими идеями и действиями, то, образно говоря, «круг замыкается» и молодой человек полностью погружается в соответствующую сферу отношений и поступков. Не встречая противодействия со стороны своих родных и близких, такие молодые люди могут дойти до противоправного и даже преступного поведения[5].

---

[1] См.: Абызов К.Р. Маракулин Д.А. Состояние, структура и динамика преступлений экстремистской направленности // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2013. №2. С. 69-72.

[2] Узембаева Г.И. Самодетерминация как системное свойство преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей // Общество и право. 2016. № 2. С.332-333.

[3] Данилова С.И. Классификация причин и условий, способствовавших совершению преступления // Актуальные проблемы работы органов внутренних дел: Сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. - М.: ВНИИ МВД России, 2001. С. 37.

[4] См.: Ашин А.А., Левицкая А.Г. Преступность несовершеннолетних: криминологический анализ региональной ситуации // Преступность в разных ее проявлениях и проблемы организованной преступности / Под общ. ред. А.И. Долговой. - М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004. С. 36-40.

[5] См.: Иванцов С.В., Ивасюк О.Н., Калашников И.В.Криминологическая характеристика и предупреждение организованной преступности с участием несовершеннолетних. Учебно-методическое пособие. - Москва, 2014.

Например, отец Надежды Толоконниковой, одной из участниц скандально известной панк-группы «PussyRiot», осужденной за хулиганство, совершенное по мотивам ненависти либо вражды, нисколько не стесняясь, рассказывает различным средствам массовой информации, что является идеологом данной группы и именно он написал текст песни явно экстремистского содержания, которую исполняла его дочь во время совершения преступных действий в Храме Христа Спасителя[1].

Экстремистские побуждения могут формироваться и (или) усиливаться и под воздействием конфликтных отношений между различными группами внутри молодежной среды[2]. Многочисленные конфликты приобретают субкультурную окраску, об этом свидетельствуют факты быстрого распространения среди молодежи криминальной субкультуры и соответствующих организационных форм преступной деятельности»[3].

Полагаем, что субкультурные объединения и существующие между ними конфликты, в том числе возникающие и существующие в среде сети «Интернет», действительно могут придавать окружению молодых людей те свойства, которые способствуют их приобщению к экстремистской идеологии. Вместе с тем далеко не все субкультурные разногласия обязательно имеют экстремистский или иной криминальный подтекст, поэтому следует обращать внимание именно на те конфликты, которые основаны на крайних формах неприятия определенных социальных групп, позволяющих говорить о ненависти или вражде по отношению к последним[4].

Кроме того, экстремизм, в том числе и молодежный, не обязательно возникает в сети «Интернет» и только затем выходит «за пределы виртуальной реальности». По изученным уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности нами было обращено внимание и на такое использование сети «Интернет», как размещение в ней видеофайлов, отражающих ту или иную экстремистскую акцию (например, избиение человека определенной национальности), с соответствующими комментариями к ним. То есть молодые люди сначала совершали насильственное или иное преступление экстремистской направленности, снимая свои действия на

---

[1] См.: Отец Толоконниковой объявил себя идеологом PussyRiot // Электронный ресурс: URL: http://www.km.ru/v-rossii/2012/10/10/delo-pussy-riot/694500-otets-tolokonnikovoi-obyavil-sebya-ideologom-gruppy-pussy (дата обращения: 9 июля 2015г.).

[2] См.: Мусаелян М.Ф. Криминологические особенности современного российского молодежного экстремизма // Российский следователь. 2009. №10. С. 21.

[3] См.: Ростокинский А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. …канд. юрид. наук: 12.00.08. - М., 2008. С. 13.

[4] См.: Иванцов С.В. Криминологическая обоснованность уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 08 октября 2015 г. - Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2015. С. 368-375.

видеокамеру, а затем демонстрировали сделанное неограниченному кругу лиц, восхваляя свое деяние и возбуждая тем самым ненависть и вражду в обществе. В таких случаях можно говорить о «двойной публичности» экстремистских действий, когда одно публично совершенное деяние становится поводом и основой для других публичных действий, при совершении которых уже используется сеть «Интернет». Не исключены и факты он-лайн трансляции совершаемых экстремистских действий. Поэтому сеть «Интернет» может служить как средой, в которой формируются экстремистские идеи и взгляды, так и средством совершения преступлений экстремистской направленности лицами с уже сформированными мотивами ненависти и вражды.

Во-вторых, столкновение лица с ситуациями несоответствия между потребностями и фактически имеющимися (или осознаваемыми как таковые) средствами их удовлетворения. Экстремистская идеология очень проста и укладывается в формулу «во всем виноваты другие, так действуй же против них», что может относиться к представителям власти, лицам иной расы, религии или национальности и т.д. Учитывая же доступность сети «Интернет», нетрудно предположить, что эта формула, обрастая бесчисленным множеством интерпретаций и форм выражения, может обнаруживаться в самых различных электронных ресурсах, прежде всего, в социальных сетях. Принадлежность лица к той или иной экстремистки настроенной группе в Сети дает ему ощущение того, что он является частью объединения единомышленников, преследующих понятные ему цели, позволяющие избавиться от мыслей о своей неустроенности и иных проблем, выплеснуть накопившуюся агрессию при кажущемся отсутствии опасности привлечения к ответственности. Запрещенность же соответствующих действий уголовным законом при его крайне редком применении и явной мягкости одновременно придает преступлениям экстремистской

направленности эффект «запретного плода» и ощущение потенциальной безнаказанности[1].

И третье, связанное с первыми двумя факторами повышенное стремление потенциального экстремиста оценивать ситуации только с позиции противопоставления своего «Я» во взаимосвязи с группой, представителем которой он является («МЫ»), другим, ненавистным ему социальным группам и их представителям («ОНИ»). Именно в этом и кроется

основа для нетолерантного, ксенофобского, а затем и враждебного отношения к определенным группам в обществе[2].

Конечно же, на формирование и развитие выделенных факторов большое влияние оказывают общие причины и условия преступности в целом, состоящие в объективных противоречиях, существующих в различных сферах общественной жизни.

---

[1] Узембаева Г.И. Указ.соч. С. 340.

[2] См.: Суслова М.Н. Влияние политических условий на развитие ксенофобии в России и США: дис. …канд. полит.наук: 22.00.02. – М., 2012. С. 3-4.

По мнению С.Н. Фридинского, причины увеличения числа экстремистских проявлений вытекают из совокупного действия трех групп основных факторов:

- экономических (экономические кризисы, влекущие безработицу, обнищание большой части населения, криминализацию различных частей экономики; значительное социальное расслоение; привлекательность определенной территории с позиции наличия больших запасов природных ресурсов или выгодного географического положения, что может создавать почву для разрастания сепаратистских намерений);

- социально-политических (ослабление государственной власти и бездействие ее силовых структур; высокая коррумпированность; криминализация общества; содействие экстремизму со стороны зарубежных общественных организаций, финансирующих экстремистскую деятельность);

- идеологических (отсутствие в государстве идеологической концепции, поддерживаемой большинством населения)[1].

Исходя из основных направлений противодействий экстремизму, выделяемых в Стратегии противодействия экстремизму, условия соответствующих преступлений и правонарушений кроются в законодательной, правоприменительной, политической, образовательной и иных сферах жизни общества.

Среди прочих причин и условий совершения преступлений и иных правонарушений ряд ученых отдельно выделяет негативное влияние средств массовой информации, прежде всего на несовершеннолетних[2]. Полагаем, что к отрицательно воздействующей информации необходимо относить не только демонстрацию преступных способов разрешения различных конфликтов и романтизацию криминального образа жизни, но и формирование у граждан негативного представления о сотрудниках правоохранительных органов, а равно о правовой системе государства в целом. В контексте рассматриваемой темы следует отметить и тенденциозные подбор и подачу информации о преступности и иной асоциальной деятельности мигрантов, а равно опубликование иных сведений, способствующих распространению негативного отношения к лицам определенной расы, национальности, вероисповедания и т.д. Наряду со средствами массовой информации не следует забывать и воздействии информационно-телекоммуникационных сетей, прежде всего сети «Интернет». Широта охвата аудитории у Интернет-ресурсов ничуть не меньше, а подчас и гораздо больше, чем у той или иной газеты, журнала или телепередачи.

---

[1] См.: Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. …докт. юрид. наук: 12.00.08. - М., 2011. С. 10.

[2] См.: Булатецкий П.С. Влияние средств массовой информации на насильственную преступность (криминологический аспект): автореф. дис….канд. юрид. наук: 12.00.08. - М., 2013. С. 6.

Как сказано в Стратегии противодействия экстремизму, сеть «Интернет» и другие информационно-телекоммуникационные сети приобрели статус основного средства коммуникации, как для экстремистских, так и для террористических организаций, использующих данные сети для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии[1]. При этом информационно-телекоммуникационные сети общего пользования, в том числе сеть «Интернет» являются наиболее перспективными средствами пропаганды экстремистской деятельности вследствие оперативности предоставления соответствующей информации, относительно низкой стоимости технологии создания и распространения таких сведений, сложности, а в большинстве случаев невозможности привлечения к ответственности лиц, размещающих экстремистские материалы, в силу отсутствия системы международных соглашений и законодательства, регулирующих вопросы борьбы с распространением экстремистских материалов на сайтах в зарубежных государствах[2]. При осуществлении международного экстремизма используются Интернет-сайты, зарегистрированные, как правило, на сервере другого государства (более 90% всех русскоязычных сайтов, характеризующихся экстремистской и террористической направленностью фактически находятся за рубежом, то есть вне пределов российского правового поля)[3].

Фактическое воплощение приведенных причин и условий в конкретные преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, во многом зависит от качества деятельности правоохранительных органов. В качестве одной из причин роста числа преступлений экстремистской направленности отмечается отсутствие единого механизма построения работы правоохранительных органов по пресечению деятельности незарегистрированных объединений экстремистского толка, при этом в ряде случаев оперативные подразделения оставляют вне поля зрения проблему устранения источника общественной опасности[4].

Таким образом, что непосредственная причина преступлений экстремистской направленности, в том числе совершаемых с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных

---

[1] См.: п. 12 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 г., Пр-2753) // Официальный сайт Совета безопасности Российской Федерации: URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html (дата обращения: 17 августа 2017г.).

[2] См.: Жукова О.С. Правовые меры противодействия информационному экстремизму: автореф. дис. …канд. юрид. наук: 05.13.19. – Воронеж, 2006. С. 6.

[3] См.: Корнилов Т.А. Международные аспекты противодействия экстремизму: автореф. дис. …канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2011. С. 24.

[4] См.: Гринь В.Я. Предисловие // Организация экстремистского сообщества: проблемы квалификации и доказывания: пособие / П.В. Агапов и др.; под ред. В.В. Меркурьева; Академия Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2013. С.5.

сетей, кроется в мотивационной сфере виновных лиц, основу которой образуют ненависть либо вражда в отношении определенных социальных групп. Данные мотивы возникают, существуют и развиваются в психике личности не сами по себе, а под воздействием внешних культурологических условий, находящихся в плоскости причинного комплекса преступности в целом. Средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные сети как «носители» культуры в данных преступлениях играют двоякую роль: с одной стороны, они являются средством и связаны со способом их совершения; с другой – оказывают криминогенное воздействие на психику неограниченного круга лиц, формируя ненависть или вражду по отношению к тем или иным социальным группам. Наибольшее воздействие средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные сети оказывают на несовершеннолетних. То есть данные преступления при их совершении одновременно порождают условия для увеличения числа потенциальных последователей экстремистской идеологии, а значит и для прироста соответствующих уголовно наказуемых деяний. В настоящее время можно говорить об экстремистской идеологии, которая все больше замещает нишу, образовавшуюся вследствие отказа от идеологии советского времени без создания альтернативной модели, пригодной для восприятия и использования в современных условиях. Своеобразным рупором этой идеологии и выступают средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные сети, тогда как основным адресатом является молодежь, часть которой поддается на простые для восприятия и следования идеологические посылы и готова ретранслировать их дальше[1].

Игнатов Александр Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

Антикриминогенный потенциал транзитивного периода (на примере Крыма)

Республика Крым является уникальным государственным образованием. Его уникальность определяется спецификой географического и геополитического положения, сложным многонациональным, этническим и конфессиональным составом населения и другими факторами, а также

[1] См., подробнее: *Иванцов С.В., Узембаева Г.И.*Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовые и криминологические аспекты**:** монография. -М., из-во «Юрлитинфом». Сер. Уголовное право. 2018.

имеющими место сегодня сложными политическими и социально-экономическими процессами[1]. Все явления и процессы, которые происходят в Крыму сегодня, имеют ряд характерных особенностей в основном геополитического и транзитивного характера. Именно транзитивный период, который в текущий момент переживают жители Крыма, представляет, на наш взгляд, наибольший криминологический интерес, как с точки зрения криминогенного, так и антикриминогенного потенциала и возможностей его реализации.

Следует учитывать, что в любом обществе, не говоря уже о транзитивном обществе, тем более переживающем период становления государственности, существует целый ряд противоречий: политических, социальных, экономических, межнациональных, религиозных и прочих. Однако не сами противоречия несут угрозу криминологической безопасности, а ошибки при их регулировании и разрешении, при которыхпротиворечия из более или менее управляемого состояния переходят в новое, непредсказуемое, являющееся порой прямой угрозой безопасности государства. Транзитивный период, необходимость адаптации к новой структуре государственного управления и качественно новое правовое поле требует максимальной активизации усилий как всей системы государственного управления, так и каждого отдельного ее представителя. Объективна сложность ситуации, а также неспособность или нежелание качественно выполнять свои служебные функции отдельными представителями власти несет в себе угрозу принятия ошибочных управленческих решений. Криминогенный потенциал таких ошибок в условиях обострения противоречий в обществе всем хорошо известен[2]. В тоже время, следует учитывать не только деструктивный, но и конструктивный, в частности, антикриминогенный потенциал указанных процессов.

Проводимое нами изучение общественного мнения об ощущении уровня безопасности от криминальных угроз населением Крыма (2013 г.-2016 г.) позволило выявить позитивные тенденции относительно уровня обеспокоенности населения криминогенной обстановкой в регионе. Так, исходя из результатов исследования 2016 г., в принципе население обеспокоено криминогенной обстановкой – 92% (суммарный показатель индикаторов шкалы «да, очень волнует» и «скорее волнует, чем нет»). Но по сравнению с 2013 г. в текущем году наблюдается более спокойное отно-

[1] Криминологический анализ угроз экстремистского характера в Крымском федеральном округе: монография / А.Н. Игнатов, А.А. Кашкаров, Д.В. Новиков. – Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2016. – 208 с.

[2] Игнатов А.Н. Современные угрозы криминологической безопасности Республики Крым // В сборнике: Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации Материалы Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к годовщине вхождения Республики Крым и города федерального значения Севастополя в состав Российской Федерации. Под общей редакцией С.А. Буткевича. 2015. – С. 43-48.

шение населения Крыма к криминогенной обстановке регионе. Так, в 2013 г. 46% опрошенных отмечали, что криминогенная обстановка их очень волнует, а 50% заметили, что этот вопрос их скорее волнует, чем нет; в 2016 г. ситуация незначительно изменилась в лучшую сторону – 43% указали, что данный вопрос вызывает у них по-прежнему серьезные опасения, а 49% скорее обеспокоены криминогенной обстановкой. Соответственно, если в 2013 г. 4% респондентов указали, что их не волнует криминогенная ситуация в регионе, то в 2016 г. этот показатель составил 8%.

Что касается динамики изменений позиции населения относительно характера потенциальных угроз, то респонденты испытывают опасения по поводу: собственности – 82% опрошенных (в 2013 г. – 74%); своей жизни – 62,8% опрошенных (в 2013 г. – 64,5%); личной свободы – 50% опрошенных (в 2013 г. – 53%); личного достоинства – 46,3% опрошенных (в 2013 г. – 52,5%); половой неприкосновенности – 47% опрошенных (в 2013 г. – 46,4%) [1]. Ситуация относительно повышения уверенности граждан в возможности защитить свою свободу и достоинство позволяет сделать предположение о постепенном оздоровлении социально-политического климата в регионе и утверждении роли государства в защите прав и свобод граждан.

Рассмотрим некоторые аспекты антикриминогенного потенциала транзитивного периода развития Крыма.

Создание нового субъекта федерации, не говоря уже о создании на его территории свободной экономической зоны, предполагает достаточно большие финансовые вливания в виде инвестиций, субсидий, дотаций и пр., необходимые для создания и обеспечения деятельности органов власти, развития инфраструктуры регионального и локального значения, поддержания правопорядка, торговли, сферы услуг, развития социальных форм культуры, образования и здравоохранения, освоения и использования природных ресурсов и т.д. Безусловно, это наряду с правовой неурегулированностью многих аспектов новых экономических отношений несет угрозу расхищения данных средств и ресурсов, крупномасштабных злоупотреблений и превышений должностных полномочий, коррупции и т.д. В то же время, развитие экономики и обеспечение более-менее адекватного уровня жизни населения, а также надлежащего уровня обеспечения функционирования органов власти является фактором, сдерживающим низовой уровень корыстных и должностных, в т.ч. коррупционных, преступлений, порождаемых тотальной нищетой и недофинансированием, обуславливающих восприятие «государственных» денег как единственно возможного источника улучшения материального положения.

[1] Игнатов А.Н. Ощущение безопасности от криминальных угроз населением Крыма (по материалам опросов населения 2013 и 2016 гг.) // В сборнике: Актуальные вопросы обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности в Крымском федеральном округе: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2016. – С. 8-16.

Одним из объективных факторов, который существенно повлиял на снижение экономической преступности в Крыму, является введение экономических санкций ЕС и США в отношении Крыма. Так, например, введение санкций и, соответственно, отсутствие международных поставок существенно повлияло на работу транспортной инфраструктуры, которая (в частности морская) традиционно использовалась для перемещения через границу различного рода контрабанды. Этому же способствовало и существенное осложнение отношений с Турцией, которая выступала основным поставщиком контрабанды в Крым по морским портам. Ранее торговые порты Крыма и их таможенные посты также активно использовались для реализации различного рода схем по уклонению от уплаты налогов, связанных с возвратом НДС, под видом экспортной деятельности имитировалась отгрузка зерновых культур и пр. Позитивным образом отразилась на указанных процессах и так называемая «гражданская блокада» Крыма со стороны Украины, в частности, существенно снизился уровень контрабанды, ввозимой в Крым через автомобильные пункты пропуска.

Указанные факторы в значительной мере способствуют и обструкции внешних, с точки зрения источника, угроз экстремизма и терроризма. Санкции и блокады существенно затрудняют кадровое и ресурсное обеспечениеи поддержку экстремистской и террористической деятельности в Крыму из-за рубежа.

Курортные регионы, традиционно являются сферой реализации криминальных рейдерских технологий[1], направленных как на захват земли, так и целых производственных и санаторно-курортных комплексов. Однако, детерминированные транзитивностью нынешнего периода жизни Крыма моратории и ограничения по операциям с землей, застройкой и пр. существенно снизили криминальные риски в данной сфере.

Большинство должностных лиц органов публичной власти в регионе имели опыт работы в органах публичной власти в так называемый «украинский период», что наложило свой негативный отпечаток на сознание и мировосприятие крымских чиновников. В то же время, существенные трансформации органов публичной власти Крыма имеют значительный антикриминогенный потенциал.

Так, одним из немаловажных фактов для снижения уровня преступности в органах публичной власти местного (муниципального) управления является разделение полномочий городского головы. В соответствии с украинским законодательством городской голова выступал как руководитель представительного и исполнительного органа местного самоуправления, что позволяло сконцентрировать в руках крымских городских голов (мэров) большое количество административного ресурса: это и местные

[1] Кудрявцева Л.В., Ставило С.П. Организационные основы криминологического изучения причин и условий преступности в курортном регионе // Общество и право. – 2014. – № 4 (50). – С. 175-177.

избирательные комиссии и местные громады, которые зависят от процедур, связанных с выделением торговых мест и площадок (особенно в курортный сезон), выделение земель в частную собственность и аренду и пр. В процессе же трансформации местных органов в Крымском федеральном округе произошло разделение местных (муниципальных) органов публичной власти, что способствует реализации основного принципа организации публичной власти – принципа сдержек и противовесов. Также позитивно следует отметить существенное сокращение количества депутатского корпуса, связанного с трансформацией существовавших в Крыму городских, поселковых и сельских советов в муниципальные образования – городские округа, городские поселения и сельские поселения. Так, согласно административно-территориальному устройству АР Крым в республике существовало 16 городских советов, 38 поселковых советов и 234 сельских совета, после административной реформы 2014 года в Крыму создано 11 городских округов, 4 городских и 250 сельских поселений. Существенно сокращено и количество мандатов в представительных органах сельских поселений, которые ранее признавались сельскими и поселковыми (с 5 543 чел. до 2 587 чел.), а также число депутатов крымских городов[1].

Антикриминогенный потенциал указанных преобразований, как справедливо указывает А.А. Кашкаров, обусловлен усилением конкуренции на стадии избирательной компании, в ходе которой конкуренты и представители общественности будут стараться изучить кандидата, указать его сильные и слабые стороны, «высветить темные» стороны биографии, а также усилением гражданского (общественного) контроля за деятельностью народных избранников во время их каденции, с целью определения их профессиональной компетенции[2].

Одной из угроз криминологической безопасности Республики Крым является достаточно высокий уровень преступности в регионе. Деятельность «традиционного» криминалитета осложняют процессы конкуренции-консолидации «крымских» и иных «российских» преступных сообществ. Понятно, что вхождение в состав государства новых территорий влечет за собой процесс криминального передела как самих территорий, так и сфер влияния преступного мира. Также ситуация усложняется наличием устоявшихся связей криминалитета полуострова с организованной преступностью на территории Украины. В то же время, опыт противодей-

[1] Кашкаров А.А. Факторы снижения уровня должностной преступности в органах публичной власти в Крыму после вступления в состав Российской Федерации // В сборнике: Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к годовщине вхождения Республики Крым и города федерального значения Севастополя в состав Российской Федерации. Краснодарский университет МВД России Крымский филиал. 2015. – С. 333-336.

[2] См. Там же.

ствия организованной преступности конца прошлого века, а также возможность избавиться на территории полуострова от «пережитков» прежней украинской криминально-клановой структуры социального управления и откровенного криминала обусловили неприятие и открытое сопротивление населением Крыма многим попыткам современного российского криминала (как общеуголовного, так и организованного) внедриться в социальную структуру региона.

Следует отметить немалую заслугу в этом и правоохранительных органов Крыма. Свидетельством этому являются и позитивные изменения в динамике уровня преступности в регионе, и возрастание доверия к ним со стороны населения. Так, проводимое нами изучение общественного мнения об ощущении уровня безопасности от криминальных угроз населением Крыма (2013 г.-2016 г.) показало, что треть опрошенных респондентов (данные 2016 г.) дали утвердительный ответ (29%) на вопрос относительно способности правоохранительных органов противостоять преступности и существенно минимизировать ее уровень. Следует отметить, что по сравнению с данными опроса 2013 г. этот показатель увеличился на 9%. Соответственно, уменьшилось (на 12%) количество тех, кто не уверен, что правоохранительные органы не способны эффективно противодействовать преступности (с 59% в 2013 г. до 47% в 2016 г.)[1].

Одной из наиболее острых и специфических современных угроз криминологической безопасности Республики Крым, имеющей как «внутренний», так и «внешний» характер, является угроза нелегальной неконтролируемой миграции [2]. Антикриминогенный потенциал транзитивного периода в данном случае проявляется в том, что внутренняя миграция (субъекты Российской Федерации - Республика Крым - субъекты Российской Федерации) находится сегодня практически полностью под контролем государства и имеет преимущественно плановый характер. «Внешнюю» нелегальную миграцию и ее криминогенный потенциал существенно ограничивает санкционное положение «изоляции» Крыма со стороны, прежде всего, европейских государств. Отсутствие легальных миграционных потоков снижает риски нелегальных проявлений данного процесса и позволяет аккумулировать силы правоохранительных органов.

---

[1] Игнатов А.Н. Ощущение безопасности от криминальных угроз населением Крыма (по материалам опросов населения 2013 и 2016 гг.) // В сборнике: Актуальные вопросы обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности в Крымском федеральном округе: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2016. – С. 8-16.

[2] Игнатов А.Н. Современные угрозы криминологической безопасности Республики Крым // В сборнике: Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации Материалы Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к годовщине вхождения Республики Крым и города федерального значения Севастополя в состав Российской Федерации. Под общей редакцией С.А. Буткевича. 2015. – С. 43-48.

Крым является поликонфессиональным и экуменическим регионом в котором традиционно представлены православие, ислам суннитского толка, иудаизм, караизм, а также католичество и армянское апостольское христианство. Большинство русских, украинцев, греков и болгар исповедует православие, крымские татары, татары, узбеки – исламсуннитского толка, большинство азербайджанцев – мусульмане-шииты, также распространены протестанты, католики и иудеи. Полиэтнический состав населения Крыма также обуславливает наличие различных религиозных течений и конфессий, но и детерминирует риски противостояния и проявлений ненависти и вражды на данной почве[1]. Катализатором указанных рисков, как известно, являются миграционные процессы, которые, как указывалось, преимущественно плановые, однако интенсивные и неизбежные на данном этапе развития крымского социума. В то же время, как верно отмечает В.П. Гамаюнова, именно полиэтничность и поликонфессиональность Крыма и историческим путем эволюционировавшая способность населения региона к мирному, продуктивному в плане культурного и социального взаимодействия, сосуществованию являются главными антикриминогенными факторами пребывания и успешной адаптации мигрантов в регионе[2]. В нынешних экстремальных условиях жизнедеятельности способность населения региона к мирному, продуктивному в плане культурного и социального взаимодействия, сосуществованию неизбежно повышается.

Говоря о экстремальности жизнедеятельности социума транзитивного периода как криминогенном и/или антикриминогенном факторе, хотелось бы отметить следующее.

Как отмечает Н.В. Чудина-Шмидт, все понимают, что переходные периоды связаны с разными сложностями, они поднимают те проблемы, о которых еще вчера и речи быть не могло, затрагивают такие сферы человеческой жизни, в которых уже давно все было определено, структурировано, отлажено и работало по установленному шаблону. В условиях современного «переходного периода» каждый гражданин Крыма находится в ситуации не только неопределенности своего положения, потерянности и непонимания того, что с ним происходит, но и в условиях внутренней экстремальности, где сталкивается с необходимостью принятия активного участия в событиях, происходящих в связи с трансформацией социальной

---

[1] Игнатов А.Н., Кашкаров А.А. Тенденции проявлений экстремизма и терроризма в Крымском федеральном округе и пути повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по противодействию им // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 2 (14). – С. 127-137.

[2] Гамаюнова В.П. Криминогенные и антикриминогенные факторы пребывания мигранта в современной полиэтнической и поликонфессиональной среде (на примере Республики Крым)// Актуальные вопросы обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности в Крымском федеральном округе: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 16 июня 2016 г. / под общ. ред. С. А. Буткевича. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2016. – С. 137-143.

и правовой системы из одной в другую. Такое состояние приводит к таким последствиям, которые проявляются в виде дисгармонии и повышенного уровня психического и психологического напряжения. Что впоследствии вызывает у индивида состояние паники, стресса, невроза и, соответственно, переходит в естественное в таких условиях поведение, связанное с активными действиями, зачастую носящими в себе деструктивный потенциал, и выражающийся в виде социально неодобряемых (негативных) поступках. Именно такое поведение и поступки, а, соответственно и настроения получают статус – экстремальных, т.е. таких, которые в своем потенциале несут угрозу конструктивному развитию любой системы, не исключение и социальная, и политическая, и правовая. Население Крыма, столкнулось с проблемами не только формального перехода из одной государственной системы в другую. А так же с необходимостью личного участия в этом переходе, затрагивая не только уровень внешних условий, факторов и ситуаций. А и с необходимостью переосмысления, на достаточно глубоком уровне, связанного с внутриличностной переоценкой и пересмотром всей системы ценностей, норм и правил поведения, а так же с учетом их включения во все сферы жизнедеятельности [8, с. 169][1]. Такая ситуация, на наш взгляд, в определенной степени действительно была характерна для переходного периода 2014-2015 гг.

Экстремальность условий жизнедеятельности, обусловленная сегодня уже не столько переходом из одной государственной системы в другую, сколько стремительными трансформациями глобальной системы человеческих ценностей и миропорядка в целом, воздействием внешних по отношению к нашей стране факторами, а также особенностями Крыма как ее региона, качественно меняет вектор своей направленности – с деструктивной на стимулирующую и консолидирующую. Сегодня можно смело вести речь не только об эволюционировавшей способности населения региона к мирному, продуктивному в плане культурного и социального взаимодействия, сосуществованию относительно межнационального и межконфессионального сосуществования. По нашему мнению, можно утверждать, что население Крыма серьезно «закалилось» в экстремальных условиях и выработало значительный иммунитет и неприятие к криминалу и связанным с ним угрозам. Население испытывает реальную потребность в реализации, как в личностном, так и в экономическом и ином плане. Именно эту потребность и «закалку» в экстремальных условиях существования необходимо рассматривать в качестве мощного антикриминогенного фактора. Естественно это возможно лишь при условии обеспечения легальной возможности удовлетворения потребности населения в реализации накопившегося потенциала.

[1] Чудина-Шмидт Н.В.Экстремальное поведение в переходный период // Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 13 марта 2015 г. / под общ. ред. С.А. Буткевича. Симферополь: ДИАЙПИ, 2015. – С. 166-170.

Карнаушенко Леонид Владимирович,
доктор исторических наук, профессор
начальник кафедры теории и истории
права и государства
Краснодарского университета МВД России
Федоренко Сергей Александрович,
кандидат юридических наук
начальник научно-исследовательского отдела
Краснодарского университета МВД России

Правовая культура трансформирующегося общества

Ключевые слова: право, правовая культура, деформация правовой культуры, аномия, соционормативная система, трансформирующееся общество, информация.

Масштабные трансформации российского общества создали условия для генезиса ряда глубоких противоречий, непосредственно связанных с духовной, социальной и экономической сферами. В сложившихся непростых условиях функционирование основных социальных институтов и подсистем претерпело существенные изменения, как позитивного, так и деструктивно-дезорганизационного плана. Подобные тенденции в развитии социальной системы оказались детерминированы высокими скоростями происходящих процессов научно-технологических изменений, в основе которых – прогресс информационно-компьютерных, микропроцессорных и телекоммуникационных технологий. Несмотря на поступательный, в целом, характер модернизации, ее скорость и глубина способствовали возникновению кризисных явлений, как своего рода «шока инноваций», к которому общество (в силу разных причин) оказалось не готово.

Сложившееся противоречивое положение в российском обществе на сегодняшний день детерминировано протеканием системных социальных проблем, среди которых целесообразно акцентировать внимание на:

– информационной асимметрии и информационном неравенстве, вследствие чего различные регионы России с различной степенью успешности оказались интегрированы в глобальное информационное общество, что привело к зримым профессиональным, имущественным, ментальным последствиям;

– информационной перегрузке, значительно ухудшающей усвоение социально значимой информации, дезориентирующей людей – особенно в процессе социализации и воспитания;

– стихийной социализации как следствии нарастания процессов флуктуации различных подсистем и сфер российского общества;

– криминализации сознания значительной части российского общества как результата активизации институциональных механизмов трансляции массовой культуры;

– распространенности коррупции и сильных позициях организованной преступности вследствие структурного кризиса российской экономики, глубоких социальных проблем, острого социального неравенства;

– кризисном состоянии системы культуры российского общества, ценностном, мировоззренческом, соционормативном «вакууме», идейной поляризации (а по ряду вопросов и острой конфронтации) между социальными группами.

В сложившихся сложных условиях трансформационные процессы российского общества приобретают ряд дисфункциональных черт, отягощенных действием объективных и субъективных факторов. В противоречивом положении оказываются инструменты регуляции поведением людей, социальных действий и взаимодействий; в этих условиях возрастают риски генезиса и развития масштабных социальных конфликтов. Особенно важное значение в упорядочивании социальных действий и взаимодействий имеют социокультурные, духовно-нравственные инструменты. Глубоко проникая в человеческое сознание, укореняясь там, они обеспечивают стабильное, предсказуемое, рациональное поведение людей на основе понимания и осознания ими своих мотивов (смысложизненных ценностей, мировоззренческих основ социума и т.п.).

Формирование системы социокультурных координат индивидов дает возможность создать устойчивую, долговременную духовную систему, позволяющую добиться осознанного, инициативного, добровольного сотрудничества людей во имя обеспечения стабильности общества, удовлетворения основополагающих потребностей и интересов человека, прежде всего, в безопасности, устойчивости, предсказуемости повседневной жизни. Такое состояние достигается лишь в условиях, когда человек уверен в том, что не только он соблюдает требования социальных норм, но и окружающие его люди; при этом к нарушителям социальных норм в обязательном порядке применяются инструменты социального контроля с широким санкционным репертуаром.

В настоящее время беспокойство исследователей вызывает дезорганизация системы социокультурной регуляции поведением людей, одним из значимых элементов которой является правовая культура. Как отмечает С.И. Иванов, «российское общество переживает противоречивый и болезненный период радикальной трансформации сложившейся правовой культуры. Этот процесс, несомненно, требует специальной рефлексии, которая должна быть предварена осмыслением самого феномена правовой культуры»[1].

[1] Иванов С.И. Модернизация правосознания и правовой культуры общества в современной России (политико-правовые аспекты): дис. … канд. юрид. наук. М., 2008.

Трансформирующееся общество меняет «правила игры» для людей, групп, общностей, организаций. В данном аспекте особенно тревожным выглядит состояние духовного, ценностного, мировоззренческого вакуума. С точки зрения Э. Дюркгейма, особую опасность представляет отрицание социальных норм, разрушение единства социокультурной системы и, как следствие, ослабление механизмов социального контроля, прежде всего, над отклоняющимся поведением[1]. В этих условиях правовая культура играет ключевую роль, именно от ее состояния зависит стабильность общества, его отдельных «групп риска», в первую очередь, молодежи (характеризующейся маргинальным социальным статусом).

Следует отметить, что правовая культура представляет собой интегральный элемент современного общества. Важная роль правовой культуры в процессе регуляции поведением людей не вызывает сомнений. Как отмечает Л.А. Петручак, правовая культура – исторически сложившаяся, обусловленная экономическим, политическим, социальным и духовным уровнем развития общества разновидность культуры, которая материализуется в формировании, передаче, сохранении правовых ценностей, служащих ориентиром юридически значимого поведения, и представляет собой качественное состояние правовой системы, степень правового развития личности и общества[2]. В.А. Медведев акцентирует внимание на правовой культуре как обусловленной экономическим, политическим, социальным и духовным уровнем развития общества разновидностью общей культуры, представляющей собой меру освоения и использования накопленных человечеством правовых ценностей, передаваемых в порядке преемственности от поколения к поколению[3].

Правовая культура является обособленным элементом социокультурного пространства, не имеет полных совпадений с другими культурными сферами (материальной, духовной, политической и др.). Правовая культура представляет собой особое состояние жизни социума качественного содержания под воздействием различных факторов. Феномен правовой культуры включает в себя правовые ценности, которые имеют место в той или иной стране, а также этический аспект социальных отношений по поводу права, законов, других юридических явлений. Кроме того, правовая культура позволяет минимально и избирательно применять инструменты государственного принуждения к соблюдению гражданами норм права, добиться от них осознания необходимости и важности личной заинтересованности в неукоснительном соблюдении законов. Стоит также обратить внимание на многоуровневый характер правовой культуры, где, кроме уровня правосознания, выделяется и уровень правового развития субъекта

[1] Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М., 1994.

[2] Петручак Л.А. Правовая культура современной России: теортико-правовое исследование: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2012.

[3] Медведев В.А. Правовая культура российского общества: особенности и тенденции развития: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2004.

(человека, различных групп, всего населения), который проявляется, прежде всего, в его правовой активности[1].

В начале XXI в. значительно возрастает роль информационного фактора в социуме. В этой связи целесообразно указать на критическую значимость получения качественной, упорядоченной социальной информации при формировании правовой культуры. Подобные правовой культуре социокультурные явления в принципе совершенно нежизнеспособны, если не опираются на достаточный уровень интеллектуального, образовательного, культурного развития людей. Многие конструкты правовой культуры сложны для понимания (а, главное, осознания) личной и, одновременно, общественной целесообразности.

Следует принимать во внимание то обстоятельство, что познающий субъект должен осознать важность права в жизни общества, отвергать социал-дарвинистские, агрессивные установки, постулирующие «жизнь без правил». Именно этого добивается от него так называемое «взрослое общество», обеспечивая гармонию в процессе преемственности и смены поколений.

Примеры из истории развития российского государства, зарубежных стран убедительно доказывают важность построения правового государства, верховенства права, осуждения антиправовых действий всеми гражданами, общественными, политическими силами. В частности, в период между 1905 и 1917 гг. в нашей стране произошло несколько вопиющих, «резонансных» криминальных происшествий, всколыхнувших общественность, которым так и не была дана правовая оценка. В частности, речь идет о расстреле мирной демонстрации 9 января 1905 г., бессудных казнях восставших в Москве в декабре 1905 г., «ленском расстреле» мирной демонстрации рабочих 1912 г. В последнем случае министр внутренних дел Макаров, выступая перед депутатами Государственной Думы, заявил: «Так было, так и будет!». При этом главный виновник расстрела безоружных рабочих ротмистр Трещенков был просто уволен со службы и разжалован в рядовые [2]. Власть демонстративно использовала так называемое «избирательное правосудие» с тем, чтобы морально сломить своих политических оппонентов, посеять в их сознании чувство бесполезности, обреченности сопротивления. Однако достигнут был, как известно, совершенно обратный эффект. После насильственного захвата власти большевиками в октябре 1917 г. они стали «платить той же монетой» своим противникам, только лишь в 1918 г. устроив бессудные казни императорской семьи Романовых (июль 1918 г.)[3] и сотен так называемых «заложников» после по-

[1] Загородский В.В. Правовая культура в контексте прав и свобод человека и гражданина // Общество и право. 2009. №4.

[2] Александров А.Л., Томилов В.Г. Два ленских расстрела // Восточно-Сибирская правда. 28 мая 1996 г.

[3] http://www.xliby.ru/istorija/istorija_rossii_s_drevneishih_vremen_do_konca_xx_veka/p10.php (дата обращения: 30.10.2017).

кушения на В.И. Ульянова-Ленина (август 1918 г.)[1][8]. Соответственно, граждане нашей страны, не знающие ее историю, рискуют повторить ошибки своих предков, пренебрегавших правом, позволявшим себе использовать антиправовые методы в острой политической борьбе за власть.

Не менее опасно пренебрежение правом в обыденной, повседневной жизни людей. Культ силы, занятие боевыми единоборствами, приобретение (зачастую незаконное) травматического, огнестрельного, холодного оружия дает мнимое «преимущество» людям, которые так стараются доминировать над остальными (по аналогии с архаичным обществом); однако это будет происходить лишь до тех пор, пока они не «пересекутся» с более сильным, агрессивным или просто невменяемым, готовым «пойти на все», вплоть до убийства, противником. Именно так в «бандитских разборках» 1990-х г. погибли тысячи людей, которые были убеждены в своей силе и власти над окружающими. Вместе с тем, лишь право способно представлять собой справедливые и адекватные правила жизни в государстве, не позволяя социуму быть поглощенным «войной всех против всех», хаосом, насилием, массовым беспорядками, где будут доминировать самые сильные, жестокие и агрессивные. Именно поэтому формирование правовой культуры невозможно без опоры на имеющиеся у познающего субъекта знания – исторические, социальные, правовые и т.д. Получение и обмен информацией в процессе социализации играет ключевую роль, именно так передается социальное и культурное наследие подрастающим поколениям. Поэтому результатом усвоения сообщений, в которых содержится антисоциальная, антиправовая информация, может стать, в том числе, деформация правовой культуры. Однако в информационном обществе начала XXI в. информационная перегрузка и «информационный шум» становятся его атрибутивной характеристикой.

Стоит отметить, что лишь формирование правовой культуры, начиная с подросткового возраста, может гарантировать правопорядок в государстве, поддерживаемый не угрозой применения или применением легитимного насилия, а именно силой убеждения людей. Как раз в этом и заключается регулятивный потенциал правовой культуры, не всегда используемый в российских условиях начала XXI в. В этом нам видится суть достаточно опасной социальной проблемы.

Формирование правовой культуры, вместе с тем, осложнено действием ряда факторов. В частности, коммуникативно-информационные мероприятия, направленные на формирование правовой культуры подрастающего поколения, «накладываются» на ряд объективных факторов, в числе которых – кризис институтов семьи и образования. Необходимо также учитывать выход на первый план инструментов и каналов стихийной социализации, где ведущую роль играют телевидение и Интернет. Зачастую они существенно деформируют некритическое, лабильное сознание подрастающего поколения, в результате чего виртуальная, «ненастоя-

[1] https://www.sovrhistory.ru/events/special/57c565a4ee3cf8291ed94978 (дата обращения: 30.10.2017).

щая» реальность начинает интегрироваться в физическую, повседневную, проникая в сферу социальных практик молодежи, становясь стилем и образом жизни. Следует также принимать во внимание и действие субъективных факторов, непосредственно детерминируемых социально-возрастными и социально-психологическими характеристиками молодых людей.

Необходимо подчеркнуть, что в современном российском обществе процесс формирования правовой культуры существенно осложнен общим достаточно высоким уровнем криминализации социальной среды, как следствие, – проникновением установок криминальной контркультуры в значимые структурные элементы духовной жизни общества: искусство, мораль и т.п. В данном случае сказывается социальный контекст существования правовой культуры.

Именно тесной интеграцией правовой культуры с другими элементами российской системы культуры и объясняется кризис, начавшийся с начала 1990-х г. и не преодоленный в настоящее время. Общее падение культурного и образовательного уровня на фоне возросшей активности криминальных структур создали симбиоз социально опасных факторов, грозящих отклоняющейся правовой социализацией подрастающего поколения и, как следствие, вхождением во взрослую жизнь миллионов россиян с деформированным правосознанием, правовым нигилизмом, толерантным отношением к криминалу.

С точки зрения В.А. Медведева, «успешное решение экономических, политических и социальных задач невозможно без повышения правовой культуры общества, воспитания у каждого гражданина глубокого уважения к закону, формирования готовности непосредственно и активно участвовать в претворении его положений в повседневную жизнь. В этой связи правовую культуру можно рассматривать как одну из важнейших предпосылок и необходимое условие формирования правового государства»

Кибальник Алексей Григорьевич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета

Псевдоуголовная ответственность юридических лиц за налоговые преступления

Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ[1] внесены очередные изменения в Уголовный кодекс РФ: в этот раз серьезной ревизии подверглись составы налоговых преступлений. Одной из самых примечательных новелл стало прямое указание на возможность совершения этих

[1] Российская газета. 2017, 4 августа.

преступлений не просто физическим лицом-управленцем, но и, в целом, организацией-плательщиком налогов, сборов и страховых взносов; организацией, выполняющей обязанности налогового агента; организацией-страхователем.

Также организация (попутно с виновным субъектом) в примечаниях к статьям 199, 199[1] названа в качестве субъекта уплаты суммы недоимки и соответствующих пеней, а также суммы штрафа в размере, определяемом в соответствии с Налоговым кодексом РФ, при освобождении лица от уголовной ответственности. В примечании № 2 к вновь введенной статье 199[4] УК РФ в качестве субъекта уплаты соответствующих сумм недоимок, пеней и штрафа (в размере, определяемом в соответствии с законодательством России об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний) наряду с виновным лицом снова названа организация-страхователь, в которой тот работает.

Рассматриваемая новелла уголовного законодательства породила у многих авторов закономерный вопрос: можно ли в настоящее время говорить о том, что по существу, в России введена уголовная ответственность юридических лиц (организаций)?

Хорошо известно, что проблема введения в России уголовной ответственности юридических лиц (организаций) обсуждается не первое десятилетие и имеет своих сторонников и противников. Особые значение и резонанс она приобрела с опубликованием в октябре 2011 г. официального законопроекта Следственного комитета РФ о введении уголовной ответственности юридических лиц за преступления экономической направленности, а также за ряд экологических, экстремистских и террористических преступлений[1].

Некоторые авторы могли посчитать или посчитали, что Федеральный закон № 250-ФЗ открыл «прямой путь» к официальному признанию юридических лиц субъектами преступления, если не в классическом понимании, то, по крайней мере, именно «по существу». Однако буквальное прочтение новых редакций перечисленных статей УК РФ не дает оснований для столь оптимистичного вывода и наталкивает на весьма невеселые рассуждения.

Хорошо известно, что англо-американское уголовное право (как родоначальник института корпоративной уголовной ответственности) и воспринявшее его положения законодательство стран континентальной Европы исходят из возможности совершения преступления юридическим лицом (организацией) и его уголовной репрессии, преимущественно, в силу принципа *строгой ответственности корпораций*. Смысл этого принципа сводится к тому, что для наступления уголовной ответственности органи-

[1] Российская газета. 2011, 12 октября.

зации достаточно лишь объективной стороны состава преступления, когда установлен сам факт нарушений закона и не требуется доказывания вины корпорации-правонарушителя[1]. То есть применительно к организации не нужно устанавливать традиционное психологическое виновное отношение, свойственное человеку. Она (организация) признается виновной в силу факта совершения противоправного деяния.

Очевидно, что к юридическому лицу применяются особые виды наказания (уголовно-правового воздействия): штраф, ограничение либо запрет на определенные виды деятельности, отзыв лицензии, принудительная реорганизация или ликвидация, и т.п.

Наконец, и это очень важно, во всех правовых системах, допускающих уголовную ответственность юридических лиц, действует жесткое правило: уголовная ответственность организации не исключает персональную уголовную ответственность лица, совершившего преступное деяние от имени корпорации, в связи с ее деятельностью и/или в «ее пользу».

Можно ли говорить о появлении в российском УК после изменений, внесенных Федеральным законом № 250-ФЗ, всех перечисленных признаков уголовной ответственности юридических лиц? Думаю, что нет.

Во-первых, хотя в диспозиции перечисленных статей действительно есть «упоминание возможности» совершения преступления организацией, но по смыслу санкций наказанию могут подлежать только субъекты-управленцы либо, в крайнем случае, применительно к ст. 199^4 УК РФ, лица-работники такой организации. О корпоративной уголовной ответственности (ни «строгой», ни вообще какой-либо) говорить невозможно – более того, в соответствии с примечаниями к перечисленным статьям УК РФ, освобождаются от ответственности опять-таки не организации, а конкретные физические лица.

Во-вторых, что также очевидно, данный закон ничего не сказал о мерах собственно уголовно-правого характера в отношении организаций, «совершивших» то или иное налоговое преступлений.

Можно ли говорить о тенденции «склонения» российского законодательства в пользу осуществления дальнейших шагов по признанию юридических лиц субъектами уголовной ответственности?

Даже если признать наличие такой тенденции, очевидно, что де-юре юридические лица станут в России такими субъектами после введения для них специальной системы наказаний, ограничения действия принципа вины только в отношении физических лиц, и т.д. и т.п. И даже если (весьма осторожно) все-таки говорить о существовании указанной тенденции, то нельзя не отметить, что она воплощается в совершенно *причудливых формах и с искаженным содержанием*.

---

[1] *Smith J.C.* Criminal Law. 10th ed. London: Lexis Nexis, 2002. P. 201-202.

По существу, в действующих редакциях примечаний к статьям 199, 199^1 и 199^4 УК РФ содержится совершенно уникальное новшество: преступление совершает лицо-управленец (или, в крайнем случае, служащее лицо), а организация наделена полномочием «выкупа» его вины за совершенное деяние или «выкупа» его ответственности (наказания).

Действительно, с какой стороны не подойти, получается парадокс: по букве закона, если такое лицо впервые совершит налоговое преступление, а «расплатится» за него организация, оно (лицо) должно быть императивно освобождено от уголовной ответственности (со всеми вытекающими юридическим последствиями). Учитывая, что например, пороговое значение крупного размера неуплаченных налогов, сборов и страховых взносов, являющегося в ст. 199 УК РФ криминообразующим признаком, определено в 15 миллионов рублей (!). Поистине, чудны дела законодателя…

Даже если соглашаться с необходимостью снижения уровня репрессивности за экономические преступления, политикой «либерализации» самого уголовного законодательства, такого рода законодательные решения идут вразрез с его задачами, а также принципами личной виновной ответственности и справедливости. А как иначе можно истолковать ситуацию, когда Уголовный кодекс не просто предоставляет налоговому преступнику «законную» индульгенцию, но и «предоставляет» возможность расплатиться за преступные грехи лица за счет его же собственной организации? Учитывая, что такие преступления совершаются лицами-управленцами организаций, последние всегда будут материально покрывать грязные дела своих «начальников». На совершенно законных основаниях…

Козаев Нодар Шотаевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

К вопросу обеспечения безопасности информационного пространства в условиях глобализации

В условиях формирования глобально информационного пространства вопросы обеспечения информационной безопасности занимают одно из главных мест. Неслучайно в принятой лидерами «восьмерки» ведущих мировых держав (в том числе и России) Хартии глобального информационного общества информационный потенциал рассматривается как основа демократии, экономического роста, создания системы эффективного управления в различных сферах общественной жизни. Вместе с тем, что также отмечено на международном ровне, общество пока не располагает действенными механизмами контроля использования информации. Главную про-

блему составляет упорядочивание информационных потоков, что сделать очень и очень сложно вследствие развития трансграничных коммуникационных систем.

Попыткой урегулировать данные вопросы и определить порядок взаимодействия стран в этой сфере явилась Конвенция о киберпреступности 2001 г. Однако отмечается, что отдельные государства, присоединившиеся к ней, до настоящего времени так и не привели национальное законодательство в соответствие с ней. Россия до сих пор не ратифицировала данную Конвенцию, хотя отечественные эксперты активно участвовали в ее разработке. Напомним, что в 2005 г. РФ присоединилась к данной Конвенции , однако вскоре отозвала свою подпись . Главным доводом в принятии такого решения и одновременно проблемой стал поиск приемлемых условий трансграничного доступа к компьютерным системам, которые до настоящего времени так и не найдены. Российская сторона усматривает в некоторых положениях Конвенции, например, п. «b» ст. 32 прямую угрозу своему суверенитету и безопасности. Между тем, данная Конвенция помимо довольно таки полной классификации киберпреступлений предусматривает порядок взаимодействия стран, чьи охраняемые национальным уголовным законом интересы пострадали от действий киберпреступников, а также некоторые вопросы хранения и использования личной информации клиентов интернет-провайдеров при расследовании преступлений. Как видим, потребность в присоединении к Конвенции и имплементации ее положений есть. Ведь не секрет, что Россия относится к одному из самых кибер-криминогенных регионов планеты, а Конвенция позволяет сформировать действенные инструменты борьбы со злоупотреблениями информационными технологиями. Вместе с тем аналитики видят более перспективной для России малазийскую инициативу IMPACT, которая также способствует международной интеграции в данном направлении. Да, действительно сегодня в России создано достаточно жесткое и работоспособное уголовное законодательство, позволяющее противодействовать преступности в кибер-пространстве. Однако уповать на то, что мы сами исключительно своими силами сможем обуздать данное явление, было бы крайне самонадеянно.

По оценкам специалистов от нормального функционирования глобальных компьютерных сетей во многом зависит экономика и обороноспособность стран мира . Не случайно ЮНЕСКО выработано весьма широкое определение информационных технологий, под которыми понимается комплекс взаимосвязанных научных, технологических, инженерных дисциплин, изучающих методы эффективной организации труда людей, занятых обработкой и хранением информации; вычислительная техника и методы организации и взаимодействия с людьми и производственным оборудованием, их практические приложения, а также социальные, экономические и культурные проблемы. Интеграция данного определения в его сущностном выражении в правовую систему России во многом способствовала изменению уголовной политики в части регламентации уголовного запрета

в сфере использования информационных технологий. Так, в УК РФ появились санкции за неправомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ, нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети. Напомним, что до принятия УК РФ 1996 г. распространенным было мнение, что отдельной группы компьютерных преступлений не существует, а есть лишь составы преступлений, модифицированные под влиянием электронно-вычислительной техники. С принятием действующего УК РФ точки зрения по этому поводу сводятся к выделению преступлений против информационной безопасности (варианты: компьютерной информации, электронной информации) и преступлений, где информационные технологии в узком смысле используются в качестве средства или орудия совершения преступления. Во многом благодаря подходам, выработанным в ходе обсуждения вопросов информационной безопасности на международном уровне, в Российском уголовном праве сформировалась дихотомическая система с одной стороны защиты конституционных прав на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, с другой стороны – защиты от злоупотреблений этими правами, а также от негативной информации.

Огромное значение для развития российского уголовного права в сфере защиты от кибер-преступлений сыграл Модельный УК для стран-участниц СНГ от 17 февраля 1996 г., где в гл. 30 раздела XII «Преступления против информационной безопасности» помимо традиционных составов информационной тематики упоминается об изготовлении с целью сбыта, а равно сбыте специальных программных или аппаратных средств для получения неправомерного доступа к защищенной компьютерной системе или сети (ст. 290). В плане дальнейшего развития уголовно-правовых институтов в сфере кибер-безопасности интерес представляет и ст. 289, рассматривающая как деяние небольшой тяжести несанкционированное копирование или иное неправомерное завладение информацией, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, а равно перехват информации, передаваемой с использованием средств компьютерной связи. В качестве обстоятельств, усиливающих ответственность (до особо тяжкого преступления) там указаны принуждение (под различными угрозами) к передаче информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях; применение насилия над лицом или его близкими; совершение деяния с целью получения особо ценной информации; причинение тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности или иных тяжких последствий и т.д.

Таким образом, имплементация норм международного права, направленных на борьбу с кибер-угрозами выступает сегодня скорее как перспективное направление для отечественного уголовного законодательства, хотя многое из того, что отражено в международных соглашениях существенным образом повлияло на законотворческую работу при установлении уголовного запрета в сфере использования информационных технологий.

Корецкий Данил Аркадьевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Южного федерального университета,
заслуженный юрист России
Исакова Юлия Игоревна,
кандидат юридических наук, доктор социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права и криминалистики,
декан юридическогофакультета ДГТУ

Уголовное законодательство и судебная практика: тенденции и эффективность

Даже поверхностный анализ криминологической ситуации в современной России показывает, что на фоне стабилизации и даже статистического снижения преступности, наше общество столкнулось с целым рядом опасных тенденций ее развития. К ним следует отнести: фактический рост общей преступности и ее отдельных видов, который по-прежнему нивелирует латентная преступность и особенно искусственная ее разновидность; увеличение доли повторной преступности (рецидива), которая составляет уже более 57% от всех зарегистрированных преступлений; рост преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, как алкогольного, так и наркотического (их удельный вес составляет 34,1% и 2,3% соответственно); более частое использование преступниками информационных технологий; широкое распространение новых коррупционных практик в системе государственных и муниципальных органов; интенсивные процессы вовлечения граждан в экстремистскую и террористическую деятельность и т.д.

На этом фоне остается невысоким уровень уверенности российских граждан в защищенности своих личных и имущественных интересов от преступных посягательств. Согласно последним результатам опроса граждан он составил всего 38,6%, а почти половина опрошенных (49%) не чувствует себя огражденными от возможных преступлений[1]. Все это снова ставит на повестку дня вопросы повышения эффективности правоприменительной и судебной практики, а также качества уголовного закона.

Следует отметить, что Уголовный Кодекс Российской Федерации за 20 лет изменялся более 150 раз Федеральными законами, при этом в 360 статей внесено более полутора тысяч поправок, а некоторые статьи менялись по 10 и более раз! Декларируемые цели реформирования отечественного уголовного законодательства - гуманизация и либерализация уголовного законодательства; уменьшение репрессивного потенциала уголовно-

[1] Работа полиции: доверие и оценки. Результаты социологического исследования ВНИИ МВД России, проведенного в декабре 2016 года. https://мвд.рф/publicopinion

правовых норм; снижение возможностей использования УК в целях давления на бизнес и т.д. На самом же деле, как отмечалось в научных публикациях, все обстоит ровно наоборот: происходит расширение (расползание) сферы уголовно-правового регулирования (в Особенной части действующего УК РФ добавились 72 новые статьи, что составляет более 25% ее нынешнего объема). Растет число норм, носящих не материальный, а формальный характер. При этом в основе столь серьезных законодательных изменений лежат не глубокие и обстоятельные криминологические исследования, а умозрительные представления законодателя или реакция на нашумевшие уголовные дела. Некоторые авторы справедливо замечают, что «декриминализация и депенализация деяний происходит по выборочному принципу – в отношении отдельных групп населения (например, предпринимателей), под влиянием различных групп лоббирования»[1].

На фоне набирающих силу процессов криминализации стали более отчетливо просматриваться тенденции смягчения наказания и гуманизации ответственности, что приводит к размыванию концентрата кары. При этом некоторые исследователи стали высказывать мнение о необходимости еще большей гуманизации и либерализации уголовной политики. Так, по мнению В. Радченко, ужесточение законодательства и усиление карательной практики судов ведет только к неблагоприятным изменениям социальной структуры страны в виде возрастания уровня криминальной среды, а избыточная численность «тюремного населения» отрицательно сказывается на уровне рождаемости. Что же касается гуманизации уголовного законодательства и практики его применения, то ее «нельзя расценивать как проявление либерализма, наоборот, она является необходимостью для постепенного оздоровления социальной обстановки в стране»[2].

Такую позицию поддерживают и другие авторы, считая, что сам по себе механизм привлечения к уголовной ответственности и ее реализация в целом (прежде всего система исполнения наказания в виде лишения свободы) являются одновременно средством культивирования преступности[3].

На наш взгляд, даже 8-е месте в мире и 1-е в Европе по количеству заключенных на 100 тыс. населения не может служить оправданием для дальнейшей гуманизации и либерализации законодательства в России. Многие видимо забывают, что только за последние 10 лет число убийц,

---

[1] Корецкий Д.А., Шимбарева Н.Г.Фундаментальные принципы уголовного права и современная юридическая практика//Противодействие современной преступности: проблемы теории и практики. Сб. научн. Трудов// Саратов, 2014, с.10-14; Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г. А. Есаков, Р. О. Долотов, М. А. Филатова, М. А. Редчиц, К. А. Цай. М.: Центр стратегических разработок, 2017. С. 11.

[2] См.: Радченко В. Борьба с преступностью как часть социальной политики // Законность. 2008. № 10.

[3] Подробнее об этом: Босхолов О. С.. Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. Изд. 2-е, перераб. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР»,2004.

отбывающих наказание в местах лишения свободы, выросло более чем на 10,2%; число лиц, 3 и более раза отбывавших наказание в исправительных учреждениях, увеличилось почти в 1,5 раза; в ближайшее время очевидно понадобится строить дополнительные учреждения для лиц, осужденных пожизненно (их число ежегодно увеличивается примерно на 200 человек) и т.д. Указанные цифры говорят сами за себя – при том уровне криминальной активности населения, государству еще рано снижать репрессивное начало.

Вместе с тем, недопустимо безосновательное "шараханье" от либерализации до ужесточения уголовно-правовых норм. По большому счету, массированные изменения уголовного закона свидетельствуют о сохранении (а возможно, и усилении) признаков системы социалистического права, отражающих идею примата государства над правом. С помощью уголовного права пытаются решить утилитарные конъюнктурные задачи. На многих законопроектах - ощутимый налет популизма. Недаром многие известные российские ученые настойчиво обращали внимание на отсутствие официальной концепции реформирования уголовного законодательства[1].

Между тем, изменения уголовно-правовых норм должны вытекать из четко определенной уголовной политики государства (в настоящее время практически отсутствующей) и отвечать задачам общей и специальной превенции преступлений, чего в настоящее время, к сожалению, не происходит.

Так, например, в июле 2016г. Госдума приняла закон о декриминализации побоев, нанесенных посторонним лицом, так называемый "закон о шлепках". Дескать, если бить не очень сильно, без расстройства здоровья, то это уже не преступление, а административное нарушение. А если бьют друг друга члены семьи, то уголовная ответственность сохранялась. Естественное устранение необъяснимой диспропорции привело к тому, что и для членов семьи уголовную ответственность отменили. А ведь в дореволюционные времена пощечина заканчивалась дуэлью! К тому же, законотворцы вряд ли читали пункт 9 Приказа Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н (ред. от 18.01.2012) "Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека", где говорится, что к "безобидным" побоям относятся "ссадина, кровоподтек, ушиб мягких тканей, включающий кровоподтек и гематому, поверхностную рану и другие повреждения, не влекущие за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности…" К "другим повреждениям" судебно-медицинские эксперты относят и вырванный клок волос, и исполосованную ремнем спину, и разовые уколы иглой или прижигания сигаретой. Синяки и гема-

[1] Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В. «Концепция развития уголовного законодательства России до 2020 года: постановочный этап». http://www.crimpravo.ru

томы на лице временной нетрудоспособности не порождают и тоже относятся "всего-навсего" к побоям, хотя в таком виде не только на работе не появишься, но и из дома стыдно выйти…

Общественная опасность деяния определяется не только по наступившим последствиям, но и по характеру обусловивших их действий. Публичные побои (кто бы и кого не бил) нарушают атмосферу общественной безопасности, вызывают страх у очевидцев, которые чувствуют, что тоже могут стать жертвами подобного насилия. У виновного, напротив, происходит закрепление антиобщественной установки личности, которая в дальнейшем проявляется во все более дерзких и опасных преступлений. Разбойник, насильник и убийца "дебютировал", как правило, избивая себе подобных.

К тому же, уголовная статья за побои, являлась нормой "двойной превенции": наказывая агрессора за малозначительное преступление, она одновременно способствовала "затуханию" его антиобщественной установки и профилактике более серьезных преступлений. Уголовная ответственность гораздо серьезней, чем административная, контроль за уголовными делами и отчетность по ним строже, и то добиться возбуждения уголовного дела жертве бывает нелегко. При таких обстоятельствах трудно предполагать, что внимание полиции будет привлекать административный деликт "побои совершенные первый раз". На практике ослабление ответственности означает, что внимание к этому виду правонарушений можно ослабить. Так что декриминализация этой нормы приведет не к сохранению семьи, и не к защите родителей от ответственности "за шлепки" (ни одного еще за шлепок не осудили, даже резонансное дело, когда усыновленный малыш "сам" и кипятком обварился, и с лестницы упал – живого места не было - и то кончилось ничем). Подобная "гуманизация" открывает путь к росту тяжких преступлений как в бытовой сфере, так и за ее пределами.

Иными словами, современное состояние уголовного законодательства не вызывает удовлетворения практически ни у одной значимой социальной группы. Напротив, в результате разбалансированности уголовного законодательства, превратившееся в «лоскутное одеяло», оно стало накладывать негативный отпечаток на правоприменение, и особенно судебную практику.

Рассмотреть потенциал уголовного наказания через призму судебной практики представляется достаточно интересным и весьма важным для поиска негативных факторов и скрытых резервов повышения эффективности борьбы с преступностью.

Как известно, с учетом действующего законодательства российские судьи стали обладать широкой свободой усмотрения в назначении наказания, включая даже изменение категории преступления на менее тяжкую (ст.15 ч.6 УК РФ), хотя это объективная категория преступления. Попытка

экономии на уголовной репрессии и сокращение карательности наказания при достаточно низкой эффективности компенсационно-восстановительного процесса, сказывается на степени доверия граждан судебным органам. Так, из всего массива обращений, поступивших в приемную Уполномоченного по правам человека Российской Федерации в 2016 году (13 366 обращений в этой сфере) самое большое количество жалоб граждане высказывают в связи с нарушениями в области вынесения справедливых приговоров, определений и постановлений.

Указанные выше цели и благие намерения должны соответствовать реалиям, однако даже поверхностный анализ результатов судебной практики в целом по России, говорит об обратном. Рассмотреть потенциал применения уголовного закона в целом и уголовного наказания, в частности, через призму судебной практики представляется достаточно интересным и для поиска негативных факторов и скрытых резервов повышения эффективности борьбы с преступностью.

По мнению некоторых исследователей, «анализ предусмотренной УК РФ системы наказаний свидетельствует о слабой ее действенности и малой эффективности. Ее компоненты неадекватно отражаются в судебной практике, что заметно снижает общий потенциал уголовного наказания. Все это вызывает необходимость корректировки как самой системы уголовных наказаний, так и сложившейся судебной практики»[1]. Но дело здесь не только в коллизиях уголовного законодательства, но и в человеческом факторе. Однотипные обстоятельства совершения преступлений должны по идее иметь и однотипные, единообразные и типичные судебные решения. Однако наделение судей чрезмерной самостоятельностью и расширением возможности судейского усмотрения приводитк серьезным перекосам.

Казалось бы, что никакой альтернативы ответственности в виде лишения свободы за совершение такого особо тяжкого преступления как убийство нет. Оказывается, что есть. Так, за 2016 год условно осужденных за убийство оказалось 50 человек, 9 из которых были признаны виновными в убийстве при отягчающих обстоятельствах (в 2015 году таковых было 52, в том числе один - по ч. 2 ст. 105 УК РФ). К счастью, суды Ростовской области за указанный период не принимали таких лояльных решений.

Не менее адекватной выглядит и практика вынесения обвинительных приговоров за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности. Так, за изнасилование суды Российской Федерации в 2016 года в 84% случаев назначали наказание в виде лишения свободы. Число условно осужденных насильников за указанный период составило 154 человек, 48 из которых были признаны виновными в квалифицированном изнасиловании, а 14 – в особо квалифицированном.

---

[1] Адилов З.А. Потенциал уголовного наказания и проблемы его эффективности в борьбе с преступностью. Автореф… дисс. канд. юрид. наук. Махачкала, 2003. С. 6.

Если говорить о так называемой карательной практике – практике применения лишения свободы. Так, в 90-х годах прошлого столетия удельный вес осужденных к лишению свободы составлял более трети от всех привлеченных к уголовной ответственности (в 1991 г. – 34,9%), в 2016 году - 27,8%. При этом некоторые правоведы не видят в этом большой проблемы, ибо суммируют реальное лишение свободы с условным, как это сделал профессор Г.А. Есаков, выступая на парламентских слушаниях в Москве 5 апреля 2017 года по вопросу обсуждения дорожной карты развития уголовной политики на 2017–2025 годы. По его словам наказание в виде лишения свободы вместе с условным осуждением занимает порядка 60% (в 2016 году – 53,6%)**.**

Подводя итог, следует отметить, что в современный период борьбой с преступностью в настоящее время всецело занимается правоохранительная система. Более того, и к большому сожалению, упор в этой деятельности делается не на упреждение, а на реакцию на уже совершенное преступление. Судебная деятельность, как элемент системы борьбы с преступностью, представляет собой процесс противостояния двух частей социального социума, некую «социальную битву» законопослушных граждан и преступников[1]. От того, насколько законно, обоснованно и справедливо будет вершиться правосудие, будет формироваться убежденность граждан в надлежащей защите их прав и свобод со стороны государства. Посредством судебной практики вырабатывается и формируется правосознание граждан. Различного рода издержки и перекосы, излишний либерализм, чрезмерная и необоснованная суровость принимаемых судебных решений способны самым негативным образом повлиять на общество, в том числе и на состояние правопорядка и законности в государстве.

Кузнецов Александр Павлович,
доктор юридических наук, профессор
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ
профессор кафедры социально-правовых дисциплин
Приволжского института повышения квалификации ФНС России

Правоприменительная практика в разъяснениях Пленума Верховного суда Российской Федерации

Введение в проблему. Конституция Российской Федерации как основной закон государства, имеющий высшую юридическую силу и прямое действие в качестве значимых приоритетов закрепила правовую охрану наиболее важных, значимых благ и интересов личности, общества и госу-

[1] Аванесов Г.А. Криминология. М., 1984. С. 335-336.

дарства. В реализации данных требований особое место занимает судебная власть, которая исходя из конституционных положений осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Судебная власть, являясь независимой ветвью власти призвана защитить конституционные права и свободы граждан, обеспечивать разрешение возникающих в обществе конфликтов на основе права и осуществить юридический контроль за деятельностью всех субъектов общественной жизни[1]. Осуществляя судебный контроль от имени государства, судебная власть, таким образом, играет важную роль в укреплении законности в противодействии преступлениям и правонарушениям. В системе судебной власти значимое положение занимает Верховный суд Российской Федерации, который осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за ее деятельностью и дает разъяснения по вопросам судебной практики, обеспечивая, таким образом ее единообразие.

Верховный суд Российской Федерации действует в составе: Пленума Верховного суда, Судебной коллегии по гражданским делам, Судебной коллегии по уголовным делам, Военной коллегии. Пленум Верховного суда, являясь коллегиальным органом, обеспечивает единообразную реализацию судебной практики в точном соответствии с законом. Основываясь на обобщении судебной практики, проводимых исследованиях, судебных решениях, полученных статистических материалов высшая судебная инстанция дает разъяснения практики применения законодательства в том числе и уголовного законодательства.

Проблемы разъяснительной практики в постановлениях высшей судебной инстанции. В целях обеспечения правильного и единообразного применения уголовного законодательства об ответственности за посягательство на личность в связи с вопросами, возникающими в судебной практике Пленум Верховного суда Российской Федерации вынужден был неоднократно давать судам разъяснение отдельных положений уголовного законодательства. Однако, несмотря на предпринимаемые попытки решить все возникающие проблемы высшей судебной инстанции не удалось. Более того, некоторые разъяснения по применению уголовного законодательства не отличаются юридико-технической точностью, в ряде случаев вступают в противоречие с положениями закона, что не способствует правильному и четкому их пониманию, сформулированных в уголовно-правовых нормах положений. Учитывая это автор считает необходимым обратить внимание на ряд неудачных, спорных разъяснений данных высшей судебной инстанции.

[1] См.: *Кузнецов А.П.* Преступления против правосудия: учебное пособие / А.П. Кузнецов. – Чебоксары, 2015. С. 6.

1.Трактовка понятия «умысел». Так, Пленум Верховного суда Российской Федерации в постановлении № 1 от 27 января 1999 года «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (в ред. постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 06.02.2007 г. № 7; от 03.04.2008 г. № 4; от 03.12.2009 г. № 27) в п. 5 указал, что убийство двух или более лиц следует квалифицировать «по п. «а» ч.2 ст. 105 УК РФ, если действия виновного охватывались единым умыслом и были совершены, как правило, одновременно[1].

Рассматривая конкретное действие, связанное с убийством Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ от 13 сентября 2011 года № 50-011-41 уточнила данное выше определение отметив при этом, что «действие виновного подлежит квалификации, как убийство двух лиц в случае, когда у него имелся единый умысел на убийство двух или более потерпевших, а также в случае совершения осужденным нескольких убийств, совершенных в разное время и не объединенных единым умыслом»[2].

2.Трактовка понятия «беспомощное состояние». Неоднозначной в данном постановлении представляется разъяснение в п. 7 понятие лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. В данном п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ разъясняется, что убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, «подлежит квалифицировать как умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство». К лицам находящимся в беспомощном состоянии Пленум относит, в частности тяжелобольных и престарелых, малолетних детей, лиц страдающих психическими расстройствами, лишающих их способности, правильно воспринимать происходящее[3].

Иная оценка беспомощного состояния потерпевшей содержится в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации № 11 от 15 июня 2004 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», разъяснившего, что изнасилование и носильные действия сексуального характера следует признавать совершенными с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица в тех случаях, когда оно в силу своего физического или психического состояния (слабоумие и другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние, малолетний или престарелый возраст и т.п.) не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий, либо оказать сопротивление виновному лицу».

---

[1] Бюллетень Верховного суда РФ 1999. № 3 С. 3.

[2] Бюллетень Верховного суда РФ 2012. № 3 С. 16.

[3] Бюллетень Верховного суда РФ 1999. № 3 С. 3.

Одновременно с этим, Пленум высказал свою позицию в отношение признания состояния опьянения, как беспомощного состояния. При оценке обстоятельств изнасилования, а также совершения насильственных действий сексуального характера в отношении потерпевшего лица, находившемуся в состоянии опьянения он констатировал, что «беспомощным состоянием в этих случаях может быть признана лишь такая степень опьянения, вызванная употребление алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, которая лишало это лицо, например, потерпевшую женщину, возможность оказать сопротивление насильнику»[1].

В данном случае не имеет юридического значения для признания совершенных указанных действий с использованием беспомощного состояния потерпевшего: было ли лицо приведено в беспомощное состояние самим виновным или оно находилось в беспомощном состоянии независимо от действий лица, совершившего указанное преступление.

Поэтому остается неясным вопрос, почему в постановлении Пленума Верховного суда № 1 от 27 января 1999 года беспомощное состояние потерпевшего при убийстве не признается беспомощным, как это указано из приведенного выше документа. Непонятна причина уклонения Пленумом от оценки состояния опьянения или сна как беспомощного. Более того Президиум Верховного суда РФ регулярно исключает этот квалифицирующий признак из обвинительных приговоров об убийстве[2].

3. Трактовка понятия «организованная группа». Непоследовательными, а в ряде случаев противоречивыми выглядят разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного суда РФ широко применяемого в статьях Особенной части УК РФ квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака «организованная группа»). Обращает на себя внимание, что Пленум, давая многочисленные толкования указанного криминообразующего признака в каждом конкретном случае трактует их поразному, что не соответствует положениям действующего уголовного законодательства.

---

[1] Бюллетень Верховного суда РФ 2004. № 8 С. 2.

[2] *Рарог А.И.* Роль судебной практики в развитии науки уголовного права// Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Шестой Международной научно-практической конференции 29-30 января 2009 г. – М.: Проспект, 2009 С. 7.; *Панченко П.Н.* Судебный контроль как фактор обеспечения законности при применении уголовного закона в процессе проведения предварительного расследования // Судебный контроль как средство правовой защиты участников уголовного судопроизводства от возможных нарушений при проведении предварительного расследования: Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции, 28-29 мая 2012 года / Под редакцией А.В. Бондара, Р.В. Ярцева.- Н.Новгород, 2013 С. 270; Рарог А.И. Уголовно-правовые позиции Верховного суда РФ // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: delegelataetdelegeferende: Материалы международной научно-практической конференции (Ярославль, 23-24 июня 2016 г.) / Л.Л. Кругликов. Отв. ред. заслуженный деятель науки РФ, профессор Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль. 2016-С.48.

Известно, что понятие «организованная группа» законодатель сформулировал в ч. 3 ст. 35 УК РФ, указав при этом, что: «Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений»[1].

Исследование правоприменительной практики о преступлениях против собственности, даваемой в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ показало, что он неоднократно предпринимал попытки толкования признака «организованная группа»[2], используемого в различных статьях УК РФ, в том числе и включенных в главу 21 УК РФ «Преступления против собственности». Однако, указанные разъяснения не отличались единообразием, содержали множество противоречий, несоответствий законодательным характеристикам организованной группы, сформулированным в ч. 3 ст. 35 УК РФ.

Примером может служить постановление Пленума Верховного суда № 1 от 27 января 1999 года в абзаце 4 п. 10 разъяснившего, что «организованная группа это группа из двух и более лиц объединенных умыслом на совершение одного или нескольких убийств»3.

В другом постановлении Пленума Верховного суда от 10 февраля 2000 года № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе указывается, что организованная группа характеризуется устойчивостью более высокой степенью организованности, распределением ролей, наличием организатора и руководителя[4].

---

[1] Собрание законодательства РФ 1996 № 25 ст. 2954.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности» от 5 сентября 1986 года № 11 (с изм., внесенными Постановлением Пленума от 30 ноября 1990 г. № 14); Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 мая 1990 г. № 3 «О судебной практике по делам о вымогательстве» // Сборник действующих постановлений Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам с комментариями и пояснениями / Под ред. В.И. Радченко. М., 1999. С. 326; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3. С. 2; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3. С. 2-6; Постановление Пленума Верховного Суда от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 7; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»// Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам. - Москва.: Проспект, 2015,- С. 85.

[3] Сборник постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации. Разъяснения по уголовным делам. 1967-2011. – М. Юрид.лит., 2011.с.142.

[4] Сборник постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации. Разъяснения по уголовным делам. 1967-2011. – М. Юрид.лит., 2011.с.150.

Как установлено в постановлениях Пленума Верховного суда РФ отсутствует разъяснение признаков устойчивости и объединения группы заранее; необоснованно проводится замена словосочетания «объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений» на «объединение умыслом». Такой подход не позволяет провести отграничения по признакам организованной группы от иных форм соучастия. Все это свидетельствует о том, что Пленум путем толкования вышел за рамки своих полномочий, фактически подменил законодателя, расширил, а в ряде случаев изменил содержание криминобразующих признаков.

Не случайно, существующие разъяснения подверглись справедливой критике со стороны ученых, отмечавших, что правоприменительная практика не может прийти к единому мнению о признаках организованной группы, что существенно затрудняет вменение данного квалифицирующего обстоятельства.

В связи с этим представляется, что Пленум Верховного суда РФ должен разъяснять правоприменительную практику в рамках сформулированных в законе положений, то есть понятие и признаки организованной группы следует трактовать строго в соответствии с ч. 4 ст. 35 УК РФ. В этом случае, высшей судебной инстанции необходимо привести во всех Постановлениях толкование исследуемого термина в единую форму.

4. Толкование признака «вооруженность». Рассогласованной следует признать трактовку признака вооруженности при совершении преступлений содержащейся в ряде постановлений Пленумов Верховного суда РФ. Так, в п. 5 постановления Верховного суда РФ № 1 от 17 января 1997 года «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» указывается, что «использование участниками нападения непригодного к целевому применению оружия или его макетов не может рассматриваться в качестве признака их вооруженности»[1].

Следует отметить, что п. 12 постановления Верховного суда РФ № 5 от 12 марта 2002 года «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» подчеркивается, что «ответственность по статьям 222, 226 УК РФ наступает за незаконный оборот, хищение либо вымогательство не только годного к функциональному использованию, но и неисправного либо учебного оружия, если оно содержало пригодное для использования комплектующие детали или если лицо имело цель привести его в пригодное состояние и совершило какие-либо действия по реализации этого намерения»[2].

В п. 23 постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое указывается», что «разбой не может квалифицироваться, как вооруженный

[1] Сборник постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации. Разъяснения по уголовным делам. 1967-2011. – М. Юрид.лит., 2011. С.142.

[2] Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам.- Москва: Проспект, 2015 С. 55.

если виновный демонстрировал или угрожал заведомо негодным или не заряженным оружием либо его имитацией»[1].

В более позднем определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 6 октября 2011 года № 8- 011-87 СП говорится о том, что «квалификация разбоя, как совершенного с применением оружия достаточно угрозы оружием лицам подвергшимся нападению, или третьим лицам в подтверждение готовности его применения для цели разбоя». Как видно указанная судебная инстанция под применением орудия понимает не только его применение как таковое, но и состояние готовности его применения, то есть лишь одну демонстрацию оружия[2].

Противоречивая позиция в отношении признака вооруженности была сформулирована в п. 4 постановления Пленума Верховного суда РФ № 45 от 15 ноября 2007 года «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» согласно которой «Применение в ходе совершения хулиганства незаряженного, неисправного, непригодного оружия (например, учебного) либо декоративного, сувенирного оружия, оружия- игрушки и т.п. дает основание для квалификации содеянного по пункту «а» статьи 213 УК РФ»[3].

Такое противоречивое толкование признака вооруженности расходится со сложившейся в уголовно-правовой науке позиций, поставившей в затруднительное положение практику применения уголовного законодательства. На отмеченные недостатки в разъяснительной деятельности высшей судебной инстанции неоднократно обращали внимание ученые криминалисты[4].

---

[1] Бюллетень Верховного суда РФ 2003. № 2 С. 6.

[2] См.: *Панченко П.Н.* Судебный контроль как фактор обеспечения законности при применении уголовного закона в процессе проведения предварительного расследования//Судебный контроль как средство правовой защиты участников уголовного судопроизводства от возможных нарушений при проведении предварительного расследования: Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции, 28-29 мая 2012 года / Под редакцией А.В. Бондара, Р.В. Ярцева.- Н.Новгород, 2013 С. 272.

[3] Бюллетень Верховного суда РФ 2008. № 1 С. 3.

[4] *Рарог А.И.* Роль судебной практики в развитии науки уголовного права// Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Шестой Международной научно-практической конференции 29-30 января 2009 г. – М.: Проспект, 2009 С. 7.; *Панченко П.Н.* Судебный контроль как фактор обеспечения законности при применении уголовного закона в процессе проведения предварительного расследования // Судебный контроль как средство правовой защиты участников уголовного судопроизводства от возможных нарушений при проведении предварительного расследования: Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции, 28-29 мая 2012 года / Под редакцией А.В. Бондара, Р.В. Ярцева.- Н.Новгород, 2013 С. 270; *Рарог А.И.* Уголовно-правовые позиции Верховного суда РФ // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: delegelataetdelegeferende: Материалы международной научно-практической конференции (Ярославль, 23-24 июня 2016 г.) / Л.Л. Кругликов. Отв. ред. заслуженный деятель науки РФ, профессор Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль. 2016-С.48.

5. Трактовка понятия «общее покровительство и попустительство по службе». Примером отсутствия единообразного толкования уголовно-правовых положений могут служить разъяснения высшей судебной инстанции, которая дает различные по объему толкования криминообразующих признаков: в одних случаях они необоснованно сужаются, а в других неоправданно расширяются, что противоречит сформулированным в уголовном законе положениям. Так, Пленум Верховного суда РФ № 6 от 10 февраля 2000 года «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» под взяткой рекомендует признавать получение вознаграждение за общее покровительство по службе. Такая трактовка статьи 290 уголовного закона сузило сферу действия уголовно-правового запрета, так как в указанном правовом предписании законодатель определил ответственность, как за общее покровительство, так и за попустительство по службе[1]. Позитивным следует признать, что практика не восприняла данное разъяснение и в «полном соответствии с законом квалифицирует как получение взятки принятие незаконного вознаграждения именно за общее покровительство от лица, не находящегося в служебной зависимости от взяткополучателя»[2].

6. Трактовка понятия «должностное лицо». В процессе применения уголовного закона у правоприменителя возникают затруднения в определении понятия должностного лица. Пытаясь разрешить указанные противоречия Пленум Верховного суда в пункте 2 названного постановления разъяснил понятие должностного лица в котором указал, что: «в соответствии с примечанием к статье 285 УК РФ субъектом уголовного преступления - получения взятки, предусмотренного статьей 290 УК РФ, может быть лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, па также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формирований Российской Федерации»[3].

Обращает на себя внимание две неточности, допущенные в разъяснении. Во-первых, Пленум расширил сферу законодательной регламентации понятие «должностное лицо», распространив его на все статьи Особенной части УК РФ. Во-вторых, некорректно использовал словосочетание уголовное преступление, что предполагает наличие других преступлений не уголовных.

---

[1] Бюллетень Верховного суда РФ 2000. № 4; 2007 № 5; 2011 № 2.

[2] *Рарог А.И.* Роль судебной практики в развитии науки уголовного права// Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Шестой Международной научно-практической конференции 29-30 января 2009 г. – М.: Проспект, 2009 С. 6.

[3] Собрание законодательства Российской Федерации 1996

В Постановлении Пленума Верховного суда от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практики по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» в п. 2 со ссылкой на примечание 1 к ст. 285 УК РФ предлагается аналогичная трактовка понятия должностного лица[1]. Таким образом можно сделать вывод, что допущенная ошибка в понятия должностного лица осталась неисправленной.

Отметим, что в более позднем Постановлении Пленума Верховного суда, а именно Постановление от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практики по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях (в ред. Постановления Пленума Верховного суда РФ от 3 декабря 2013 года № 33) в п. 1 указывается, что «при разрешении вопроса совершено ли коррупционное преступление должностным лицом, а равно выполняющим управленческие функции в коммерческой и иной организациях» судам следует руководствоваться примечаниями 1, 2 и 3 к статье 285 УК РФ, примечанием 2 к статье 290 УК РФ, примечанием 1 к статье 201 УК РФ, учитывая при этом соответствующие разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практики по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий2». Таким образом, высшая судебная инстанция своим разъяснением вновь закрепила допущенную ошибку в толкование понятия должностное лицо.

7. Трактовка понятия «причинение вреда здоровью». Спорное разъяснение, не основанное на научных толкованиях содержится в п. 4 Постановления пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 года № 4 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения». В частности, в нем указывается, что «причинение вреда здоровью человека (ст. ст. 246, 247, 248, 250, 251,252,254 УК РФ) выражается в расстройстве здоровья, временной или постоянной утрате трудоспособности, причинении тяжкого, средней тяжести или легкого вреда одному или нескольким лицам». По мнении А.И. Рарога, сформулированное разъяснения выглядят слишком прямолинейными и категоричными и причинение вреда здоровью не охватывается формой вины в указанных статьях, а это означает, что он может причиняться как по неосторожности, так и умышленно[3]. Полагаем, что умышленное причинение вреда здоровью (тяжкого либо средней тяжести) обладает более высокой степенью общественной опасности, чем названные экологические преступления, и поэтому нуждается в дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против личности[4].

---

[1] См.: Сборник Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам. – Москва: Проспект, 2015. С. 205-214.

[2] См.: Сборник Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам. – Москва: Проспект, 2015. С. 359-360.

[3] См.: *Рарог А.И.* указанная работа. С.7.

[4] См.: *Рарог А.И.* указанная работа. С. 7.

В заключении следует отметить, что высшая судебная инстанция, реализуя свои конституционные полномочия, должна быть последовательной в своих разъяснениях правоприменительной практики, исключить противоречивость даваемых рекомендаций четко выполнять юридико-технические правила толкования уголовно-правовых положений.

Лебедев Семен Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Инновационно-технологические перспективы Российского уголовного законодательства и практики его применения

Предлагая коллегам свое профессиональное видение ориентиров будущего развития уголовного закона и практики его применения, априори замечу, что ключевыми категориями такого развития выступают «инновация», «модернизация» и связанные с ними информационные технологии. Не в угоду модной терминологии, каковой сегодня пронизаны любые научные, политические, производственные, технологические и пр., и пр. процессы жизнедеятельности современного человека, а безусловно признавая действительно проявляющую себя практически во всех пространствах сущность новых жизненных форматов и их перспектив, убежден, что названные категории представляют собой единственно верную идеологическую, а вместе с ней и информационно-технологическую направленность достижения цели обеспечения безопасности уголовно-правовыми и криминологическими средствами. Поэтому обращусь для последующей аргументации своей позиции по означенному поводу к исходным понятиям, сформулированным за пределами сугубо правовых феноменов, хотя, несомненно, с таковыми неразрывно связанным.

Итак, по авторитетному умозаключению специалистов в области экономики, которой, как известно, определяется любое материальное воплощение человеческой жизни в прошлом, настоящем и, вероятнее всего, в будущем, «иннова́ция, нововведе́ние – это внедренное новшество, обеспечивающее качественный рост эффективности процессов или продукции, востребованное рынком. Является конечным результатом интеллектуальной деятельности человека, его фантазии, творческого процесса, открытий, изобретений и рационализации»[1]. Важно подчеркнуть, что по всеобщему признанию специалистов, в качестве инновации может рассматриваться

[1] Википедия / https://ru.wikipedia.org/wiki/Инновация

далеко не всякое новшество или нововведение, а исключительно повышающее эффективность предметной деятельности соответствующей системы. Это имеет принципиальное значение для понимания инноваций в области права и правоприменения и, следовательно, должно определять инновационную составляющую в развитии уголовного закона и связанного с его применением уголовного судопроизводства.

Производная от латинского «innovatio», инновация предполагает обновление, улучшение, совершенствование, связанные с формированием новых знаний, процессов и получением их новых результатов, кардинальными преобразованиями, трансформациями, модернизациями. Одновременно инновация ведет к устранению того, что устарело и мешает эффективности системы. Отсюда всякая система без инноваций обречена на гибель. С инновациями же в ней отмирает только то, что мешает эффективному достижению цели.

Инновация, как правило, связана с модернизацией. При этом модернизация предполагает большей частью техническое или технологическое переустройство того или иного вида деятельности. Буквально термином «модернизация» обозначается «…обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества. Модернизируются в основном машины, оборудование, технологические процессы (например, модернизация компьютера)»[1]. Вместе с тем, процессами модернизации характеризуется переход от традиционного общества к так называемому модерновому. Любая общественная модернизация или модернизация какого-либо вида социальной деятельности «…связана с проведением реформ и инноваций, что сегодня означает переход к постиндустриальному обществу…»[2]. Для социальной системы это «…процесс полной или частичной реконструкции … с целью ускорения развития»[3].

Модернизация общественных отношений закономерно требует адекватных инноваций и модернизаций институтов государства и права, как важнейших инструментов, с одной стороны, управления этими отношениями, с другой, - их защиты от разрушения. Ясно, что безопасное развитие новых общественных отношений невозможно без главного правоохранительного ресурса, каковым являются одновременно уголовный закон и реализующая его система уголовного судопроизводства. Одновременно, должно быть вполне понятным и то, что эффективно обеспечить безопасность таких новых общественных отношений может только адекватный угрозам их безопасности инновационно отформативанный и соответствующим образом модернизированный законодательный и правоприменительный уголовно-правовой механизм.

---

[1] Википедия / https://ru.wikipedia.org/wiki/Модернизация

[2] Там же.

[3] Там же

Таким образом, стремясь к инновационному праву и соответствующему ему инновационному правоприменению, как единственно перспективным модернизированным (читай – современным, совершенным, эффективным и т.п.) моделям правового регулирования и правовой защиты современных и будущих социальных отношений, отвечающих реалиям постиндустриального общества, юридическое сообщество неизбежно столкнется (уже столкнулось!) с необходимостью и целесообразностью как можно более стремительной (дабы не отстать от иных областей жизнедеятельности человека) трансформации уголовного закона и всей системы уголовного судопроизводства в русле подобных инноваций и модернизаций.

Потому с учетом обозначенной терминологии и ее интерпретации для целей обеспечения безопасности от преступности (криминологической безопасности) личности, общества и государства с помощью традиционных институтов уголовно-правовой репрессии и социально-правовой превенции, возьму на себя смелость представить на суд юридической общественности идею, которая, по сути, выступает футурологической идеологической концепцией уголовного закона и уголовно-правового правоприменения постиндустриального общества.

Откровенно говоря, ведущаяся сегодня, главным образом в научном криминалистическом сообществе, дискуссия об уголовно-правовой политике и ее концептуальном оформлении для достижения цели предупреждения преступности мало заботит автора. Причем, именно потому, что каким бы ни был ее результат (хотя, если честно, при сегодняшнем состоянии процесса означенной дискуссии, ее целенаправленного результата достичь вряд ли возможно), он все равно не способен обеспечить требуемой временем и, тем более, весьма недалеким будущим, эффективности уголовно-правовой политики. Весьма красноречивым, как представляется, аргументом для такого, способного показаться кому-либо категоричным, вывода стал очередной сюжет обсуждения концепции уголовно-правовой политики, инициированного в рамках парламентских слушаний Комитетом Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству 5 апреля 2017 года[1].

У многих, ознакомившихся с этим сюжетом, специалистов, как, собственно, и тех, кто участвовал в означенном мероприятии, судя по последовавшим за ним комментариям, возникал главный вопрос: для чего нужна представленная авторским коллективом специалистов Высшей школы экономики на обсуждение юридической общественности новая концепция уголовно-правовой политики? Хотя, думается, что ответ на такой, вполне резонный вопрос, очевиден: всякая концепция уголовной политики в целом, или той ее части, которую мы привыкли называть уголовно-правовой, должна быть нацелена на обеспечение безопасности человека, общества и государства от преступности. Однако с такой генеральной целью ни собственно новоявленная концепция, ни одна из реплик развернувшейся в от-

[1] См.: https://www.youtube.com/watch?v=yWb0G6bB_hs&feature=youtu.be).

вет на нее дискуссии, оказались никак не связанными[1]. Потому и инновационной ее назвать язык не поворачивается.

Ну, и довольно критики, ибо таковой, касающейся, с позволения сказать, законодательных (не говоря уже о правоприменительных) недоразумений в последние, по крайней мере, два десятилетия было предостаточно. К слову, подобная критика, постоянно звучащая в выступлениях на разного представительного уровня научных конференциях уже успела весьма утомить профессиональный разум и своей бесперспективностью только усиливает тенденцию общей социально-правовой апатии, царящей в нашем юридическом пространстве.

Между тем, преступность, как главный объект превентивного контроля уголовной политики в целях обеспечения от нее общественной безопасности, судя по многочисленным информационным источникам, связанным больше с информационной безопасностью, нежели с квалифицированными криминологическим и уголовно-правовыми форматами, демонстрирует сегодня обществу действительно инновационные сюжеты своего активного развития[2]. Можно, однако, заметить, что эта весьма серьезная проблема все же обозначается ныне некоторыми криминологами, в числе каковых старается себя позиционировать и автор статьи[3].

---

[1] Отчасти, аналогичные аргументы обозначили лишь два выступивших на этом мероприятии после основного докладчика оппонента: проф. Пудовочкин Ю.Е. и проф. Максимов С.В.

[2] См.: Киберпреступность / Об угрозах / Лаборатория Касперского / http://www.kaspersky.ru/internet-security-center/threats/cybercrime; Касперский: киберпреступники из России – самые опасные в мире / http://www.bbc.com/russian/news/2016/06/160603_kaspersky_cyber_crime; так же его: https://www.youtube.com/watch?v=1Uie4IAmVnQ; Ермак С. Кибертеррор на пороге / Эксперт-Онлайн совм. с ж-лом «Русский репортер» / http://expert.ru/ural/2016/15/kiberterror-na-poroge/; Лаборатория Касперского: каких киберугроз опасаться в 2017 году? / https://trashbox.ru/topics/106138/-laboratoriya-kasperskogo-kakih-kiberugroz-opasatsya-v-2017-godu; Курпатов А. Четвертая мировая. Сценарии / https://snob.ru/selected/entry/112030; Security Forum в Баку: Киберугрозы – новые, способы защиты – старые / https://digital.report/kiberugrozi-azer/; Марко Герке. Кибербезопасность. Понимание киберпреступности: явление, задачи и законодательный ответ / Международный союз электросвязи. – Швейцария, Женева, 2012; Тенденции киберугроз и высокотехнологичных преступлений / http://www.group-ib.ru/2016-report.html; Сачков И. Киберпреступность. Лекция / https://www.youtube.com/watch?v=WllrcP8OImA и мн.др.).

[3] Горшенков Г.Н. Криминология: научные инновации. – Н.Новгород, 2009; Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза / Криминология: вчера, сегодня, завтра. – Санкт-Петербургский международный криминологический клуб, 2012, № 24 / http://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-kak-novaya-kriminalnaya-ugroza; Овчинский В.С. Новая преступность уже здесь / Круглый стол по полиции будущего / Открытая полиция. Проект Комитета гражданских инициатив / http://openpolice.ru/news/vystuplenie-ministra-mvd-rossii-doktora-yuridicheskih-nauk-na kruglom-stole-po-policii-budushego/; Ларина Е., Овчинский В. Преступность эпохи промышленной революции XXI века / Наш современник, 2017, № 3 / http://www.nash-sovremennik.ru/archive/2017/n3/1703-13.pdf; Лебедев С.Я. Киберкриминология: к систематизации научного знания о технологических инновациях преступности и ее предупреждения / Санкт-Петербургский международный криминологический клуб, 2014 /https://www.youtube.com/-watch?v=NFoQIlBC3tw и др.

Трудно не признавать, что такая новая преступность большей своей частью находится сегодня вне какого-либо серьезного криминологического и уголовно-правового контроля, опять-таки, благодаря тому, что этот социально-правовой контроль лишен адекватного нарастающей инновационной криминальной угрозе собственного инновационного потенциала. Более того, существующая сегодня упомянутая выше научная, а вместе с ней, вполне обоснованно, практическая уголовно-правовая и криминологическая стагнация закономерно создают самостоятельный криминогенный фон, а по большому счету и криминогенный стимул активного инновационного развития преступности. Последняя в этих условиях, конечно же, способна значительно более разрушительно подрывать существующие, явно устаревшие, ресурсы общественной, а вместе с ней и государственной безопасности России.

Актуализация проблемы инновационной модернизации права и соответствующего инновационного правоприменения стремительно возрастает. Отмечая эту тенденцию, специалисты многих отраслей права и правоприменительной практики, выражая серьезную озабоченность неготовностью отечественного (да и не только) законодателя и, главное, правоприменителя оперативно реагировать на происходящие в обществе инновационные перемены, активно выступают за мобилизацию, прежде всего, интеллектуального профессионального ресурса на серьезную и, безусловно, масштабную работу, нацеленную на означенные инновационные изменения в праве и законодательстве. Разумеется, изначально такая работа требует выработки концептуальных положений, которые будут положены в основу предстоящих многочисленных и разносторонних правовых инноваций и модернизаций.

Юристы констатируют, что «…модернизация в праве связана с разработкой новых юридических понятий и конструкций, новыми подходами к регулированию тех или иных групп общественных отношений[1]». Неизбежно потребуется изменение некоторых сущностных характеристик правовых понятий и процессов, внутренних характеристик права. Возникнут новые технологические процессы судопроизводства, юридические конструкции, нетрадиционные подходы к юридическому пониманию, обоснованию и объяснению многих, доселе незнакомых обычной правовой среде, правовых явлений[2].

Применительно к области уголовно-правового обеспечения общественной безопасности свои инновационные коррективы, несомненно, потребуется внести в такие уголовно-правовые институты, как «киберпреступления», «кибернасилие», «киберхищения», «кибероружие», «кибер-

[1] *Грибанов Д. В.* Инновации и модернизация в жизни, экономике и праве: понятийный аппарат / Бизнес, менеджмент и право: научно-практический экономико-правовой журнал / http://www.bmpravo.ru/show_stat.php?stat=864.

[2] Там же.

наркотики», «киберкоррупция», «кибертерроризм» и т.д., и т.п. Безусловно, подобные инновационные изменения материального уголовного права обоснованно повлекут за собой аналогичные инновации в сфере уголовно-процессуального их оформления, скажутся, прежде всего, на адекватных тому правовых механизмах доказывания по соответствующим уголовным делам, оформления вещественных (и не только) доказательств, правовых изменениях уголовно-процессуальных институтов места, времени, способа совершения преступлений и др.

При всей очевидности надвигающегося на правовую систему инновационного «цунами» менее всего, к сожалению, его явные предвестники улавливаются сегодня нашим профессиональным уголовно-правовым сообществом. В подтверждение сего замечу, что даже беглый просмотр тематики многочисленных диссертационных работ, защищенных в последнюю пятилетку в научных и образовательных учреждениях юридического профиля по специальности «уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное» приводит к весьма неутешительному выводу об отсутствии какой-либо масштабной целеустремленности на инновационно-технологическое развитие главного государственного правового инструмента предупреждения преступности, каковым всегда был, есть и, скорее всего, будет, уголовный закон. Убежден, однако, что будет он таковым, опять-таки, если сможет трасформироваться под развивающийся инновационно-технологический потенциал преступности, выступающей главным объектом уголовно-правового контроля.

Справедливости ради, нельзя не отметить, что в многообразии относительно новых научных, главным образом, диссертационных уголовно-правовых и криминологических сюжетов, иногда мелькают названия, способные привлечь внимание специалистов своей некоторой направленностью на инновационно-технологическую перспективу. Однако таковая, как правило, связана, большей частью, с правовой оценкой инновационно- и информационно-технологического ресурса современной преступности, т.е. объекта уголовно-правовой и криминологической превенции[1]. Об иннова-

[1] Тропина Т.Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы: дисс. ... канд. юр. наук. Владивосток, 2005; Старичков М.В. Умышленные преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовая и криминологические характеристики: дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск. 2006; Зинина У.В. Преступления в сфере компьютерной информации в российском и зарубежном уголовном праве: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2007; Комаров А.А. Криминологические аспекты мошенничества в глобальной сети Интернет: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2011; Чекунов И.Г. Криминологическое и уголовно-правовое обеспечение предупреждения киберпреступности: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2014; Сафонов О.М. Уголовно-правовая оценка использования компьютерных технологий при совершении преступлений: состояние законодательства и правоприменительной практики, перспективы совершенствования: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2015; Простосердов М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2016 и др.

ционно-технологической перспективе же самого социально-правового ресурса в этом случае, связанной, скажем так, с инновационной юридической техникой будущего уголовного закона - ни слова. То есть, о новой преступности, слава Богу, специалисты, мало-помалу, задумываются, поскольку она уже с нами, причем довольно близко и в прямом смысле может коснуться буквально каждого, а вот о необходимости модернизации системы, прежде всего, уголовно-правового контроля над ней, - пока, видимо, юридический консерватизм не позволяет.

Да и не только он. Дело, скорее, в отсутствии необходимой для подобной инновации соответствующей ей инновационно-технологической квалификации правоведов[1]. И это касается далеко не только собственно уголовно-правовых профессионалов. До сих пор наше традиционное материальное, а вместе с ним и процессуальное право, в частности, обозначающее, что есть правонарушение (в том числе, преступление), и регламентирующее правовые механизмы воздействия на правонарушителей (преступников), по-прежнему демонстрируют себя в так называемом «аналоговом режиме»[2]. В то время как в противовес существующему правовому «аналоговому устройству» система правоохранительного контроля все более стремится к цифровому формату[3]. Не секрет, что правоохранительная практика сегодня пытается задействовать для целей оперативной и объективной фиксации правонарушений и адекватного реагирования на них современные технические и технологические ресурсы, минимизировать в этом деле обычный человеческий ресурс. В результате подобной модернизации обеспечивается не только адекватность и оптимальность общего правоохранительного реагирования на правонарушения, но и нивелируется известная коррупционная составляющая любого «правоохранительного» процесса с «человеческим лицом». Примером такой правоохранительной инновации могут служить цифровые технологии, применяемые в контроле над участниками дорожного движения. Начинавшееся 7-8 лет назад с установления в крупных городах и на больших магистралях единичных камер фиксации скоростного режима с последующей правовой ре-

---

[1] См.: Право в глобальном контексте. Стенограмма выступлений на пленарном заседании VII Петербургского международного юридического форума. – СПб, 17 мая 2017 года / https://glasnarod.ru/rossiya/85334-stenogramma-vystuplenij-s-plenarnogo-zasedaniya-vii-peterburgskogo-mezhdunarodnogo-yuridicheskogo-foruma/

[2] Допускаю, что приведенное определение скорее тянет на аллегорию, так как не вполне адекватно, опять-таки, с точки зрения технической и технологической материи отражает истинную суть означенного физического феномена, однако позволю предположить, что большинству специалистов суть подобного сравнения, обозначаемого автором в контексте обсуждаемой проблемы, будет понятна. Между тем, для непросвещенных, см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Аналоговое_устройство.

[3] Здесь, кстати, мы уже имеем дело с устройствами, в прямом, а не аллегорическом смысле, подтверждающими истинную суть цифровых инноваций. См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Цифровое_устройство.

акцией в виде так называемых «писем счастья» для автомобилистов, нарушивших установленный скоростной режим дорожного движения, сегодня эта система уже приобрела характер масштабного инновационно-технологического визуально-фискального правоохранитель-ного инструмента предупреждения дорожно-транспортных правонарушений. Безусловно, далее эта система будет только совершенствоваться, наполняясь новым программным обеспечением требуемого правоохранительного контроля в означенной сфере социальных отношений. Конечно же, это непременно будет сказываться на минимизации человеческого фактора, до сих пор задействованного в правоохранительной деятельности, сводя в перспективе существующий кадровый, в частности, полицейский ресурс к минимуму, доведя его функции исключительно до операционно-технологических[1].

Как бы беспокойно и даже, вполне допускаю, негативно не относились к этому непреложному факту сегодняшние ревнители уголовного закона, последний, убежден, тоже ждет уготованная ему уже сегодня на недалекое (максимум 10-15, а то и меньше лет, при сегодняшних темпах развития инновационных технологий) будущее, участь переформатирования из существующей «ручной», от начала и до конца управляемой человеком, привычной ему модели уголовного правосудия (от формирования и совершенствования уголовного законодательства до его реализации) в цифровой уголовно-правовой инструмент регулирования общественных отношений, связанных с совершением преступлений и назначением уголовных наказаний.

Пока тенденция цифровизации коснулась только процессуальной системы уголовного судопроизводства, что представляется вполне закономерным и обоснованным, ибо вначале всегда модернизируется процесс человеческой деятельности[2]. Вместе с тем, недалек тот день, когда на подобные цифровые стандарты перейдет и уголовное законодательство. По крайней мере, вектор подобной модернизации уже задан развитием цифровой экономики, которая, безусловно, будет сопровождаться соответству-

[1] См.: Искусственный интеллект на службе у полицейских / https://www.if24.ru/iskin-na-sluzhbe-u-politsejskih/; Искусственный интеллект поможет полиции в поимке преступников / http://4pda.ru/2016/05/12/296822; Полицейским в Англии будет помогать искусственный интеллект / http://www.bbc.com/russian/features-39879902; Полицеским участком будет управлять искусственный интеллект / https://gazeta.ua/ru/articles/science/_policejskim-uchastkom-budet-upravlyat-ikusstvennyj-intellekt/806077; Первый в мире робот-полицейский приступил к работе / https://hi-news.ru/robots/pervyj-v-mire-robot-policejskij-pristupil-k-rabote.html и др.

[2] См., напр.: Новая система электронного исполнения судебных актов внедряется в московских судах / http://www.trud.ru/article/09-09-2015/1328787_novaja_sistema_elektronnogo_ispolnenija_sudebnyx_aktov_vnedrjaetsja_v_moskovskix_sudax.html.

ющим цифровым правом, в том числе правом, работающим на предупреждение преступлений в сфере экономической деятельности[1].

Таким образом, инновационно-технологическая перспектива российского (как и мирового) уголовного законодательства и соответствующей практики его применения, несомненно, связывается с всеобщим развитием цифровых технологий, в которых на смену человеку приходит искусственный интеллект. Сегодня в авангарде его продвижения стоят информационные технологи. И если профессиональное уголовно-правовое и криминологическое сообщество не возьмет управление этим процессом на себя, то он неизбежно выведет большую часть представителей нынешнего интеллектуального уголовно-правового и криминологического сообщества за пределы этого неизбежного инновационно-технологического прогресса. Ибо разрабатывающим подобные IT-технологии специалистам ничего не останется, как просто перевести уголовный закон и присутствующие в уголовно-правовой литературе более-менее подробные комментарии к нему на цифровой язык, а подготовленные для их реализации в рамках новых уголовно правовых общественных отношений технические уголовно-правовые терминалы, будут технологически адекватно воспринимать такие алгоритмы и выносить по ним соответствующие алгоритмизированные, опять-таки, цифровые судебные решения, предписываемые к исполнению роботами-тюремщиками.

Предвижу, что у многих представителей уголовно-правового и криминологического сообщества (да и не только) подобный сюжет может вызвать не просто критику, а вполне обоснованную (на первый взгляд) иронию. Понимая и даже, отчасти, заранее принимая такую реакцию, позволю себе воспользоваться для ее отражения простым контраргументом. Еще каких-нибудь 12-15 лет назад проблема искусственного интеллекта была предметом обсуждения довольно узкого круга специалистов и, по обыкновению, писателей-фантастов. Сегодня эти, некогда большей частью, фантазии, весьма ярко демонстрируют нашу повседневную реальность[2].

---

[1] См.: Судебный процессор. Правительство обсуждает использование искусственного интеллекта в правовой сфере / https://www.kommersant.ru/doc/3466185.

[2] В подтверждение см.: Роботы в законе: искусственный интеллект в юридической практике / http://blog.liga.net/user/adovbenko/article/28696.aspx; Искусственный интеллект затроллит интернет-мошенников / http://news.eizvestia.com/full/911-iskusstvennyj-intellekt-zatrollit-internet-moshennikov; Как искусственный интеллект может противостоять киберугрозам / https://www.cio.ru/news/121117-Kak-iskusstvennyy-intellekt-mozhet-protivostoyat-kiberugrozam и мн.др

Лозовский Денис Николаевич,
доктор юридических наук, доцент
профессор кафедры криминалистики и правовой информатики
Кубанского государственного университета
Лозовская Наталья Николаевна,
кандидат юридических наук
ст. о/у по особо важным делам
ОСБ МВД по республике Адыгее

К вопросу о понятии термина «расследование преступлений»

Вопросам сущности и содержания процесса расследования в криминалистике уделялось значительно меньше внимания, чем, например, понятию, сущности и содержанию преступной деятельности. Теоретические проблемы расследования рассматривались в трудах таких ученых, как Г.А. Густов, В.А. Образцов, Л.Д. Самыгин, О.Н. Коршунова, О.В. Челышева и некоторых других. Однако, до настоящего времени единая теория расследования преступлений отсутствует. Авторами используются различные термины даже для обозначения названного процесса. В то же время, анализ их трудов позволяет сделать некоторые выводы о сущности и содержании деятельности по расследованию преступлений, а, значит, подойти к решению вопроса о ее методах.

Не смотря на разнообразие авторских подходов к описанию расследования преступлений, как особой деятельности уполномоченных лиц, единство данных подходов состоит в том, что все без исключения криминалисты рассматривают расследование как сложную, структурированную деятельность.

Г.А. Густов и А.А. Кононов справедливо отмечали, что расследование преступлений как реальное явление действительности – есть целеустремленная, обусловленная требованиями закона и другими объективными и субъективными факторами сложная система аналитико – познавательной и практической деятельности уполномоченных лиц, направленная на решение задач предварительного следствия. Она противостоит деятельности лиц, совершающих преступления, и функционирует в условиях противодействия со стороны виновных и их покровителей.1

Позже Г.А. Густов сформулировал более полное развернутое определение понятия расследования в его криминалистическом понимании: это обусловленная требованиями закона, закономерностями преступления и рядом иных объективных и субъективных факторов сложная временная правовая циклично развивающаяся и повторяющаяся в важнейших струк-

[1] Густов Г.А., Кононов А.А. Формирование системы расследования.// Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. СПб., 1999., № 1. – С.77.

турных элементах, связях и отношениях система познавательно – аналитической, оценочной и организационно-процессуальной деятельности следователя и других уполномоченных лиц, цель которой – установление (доказывание) юридической истины и практическое решение возложенных на предварительное следствие задач уголовного процесса[1].

Из приведенных определений видно, что авторы не ограничивают расследование преступлений только познавательными процедурами. В первом случае расследование определяется как аналитико – познавательная и практическая деятельность уполномоченных лиц, в последующем (более развернутом) определении – как познавательно – аналитическая, оценочная и организационно-процессуальная деятельность. На наш взгляд, примененные авторами понятия не вполне конкретны и требуют определенного уточнения, но, не смотря на это, очевидно, что расследование преступлений представляет собой весьма неоднородную деятельность.

Так, О.В. Челышева отмечает, что расследование фактически представляет собой сложную, многокомпонентную деятельность субъекта (субъектов), направленную на поиск источников информации об обстоятельствах события преступления, познание этих обстоятельств, фиксацию полученной информации в установленном порядке, а также преодоление противодействия расследованию. Таким образом, по мнению автора, содержание расследования фактически определяется четырьмя основными видами деятельности, которые могут осуществляться как одновременно, так и в различных комбинациях в зависимости от обстановки расследования:

- познание обстоятельств события преступления;
- поиск источников информации об этих обстоятельствах;
- фиксация полученной информации и ее источников;
- преодоление противодействия расследованию[2].

Не смотря на то, что автор не формулирует определения понятия расследования, из приведенных положений также просматривается неоднородность данной деятельности. Правда, по нашему мнению, в указанных положениях отражены не все виды деятельности, осуществляемые следователем в процессе расследования преступлений. Кроме того, на наш взгляд, не вполне корректно отделять друг от друга такие элементы деятельности, как познание обстоятельств события преступления и поиск источников информации об этих обстоятельствах. Представляется, что поиск является элементом познания и многие методы, традиционно относящиеся к методам познания, в большой степени носят поисковый характер. Например, метод наблюдения, в первую очередь предназначен именно для выявления (поиска) информации об обстоятельствах преступления.

---

[1] Густов Г.А. К разработке криминалистической теории расследования. Избранное: Статьи. СПб., Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ.,2002. – С.27.

[2] Челышева О.В. Гносеологические основы криминалистики (теоретико-прикладное исследование): Монография..СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России. 2003, - С.154.

Большое внимание сущности познавательных процессов при расследовании преступлений уделено О.Н. Коршуновой при исследовании проблем «уголовного преследования».

Под уголовным преследование в узком (процессуальном) смысле автор понимает деятельность, осуществляемую стороной обвинения (прокурором, следователем, дознавателем, частным обвинителем, потерпевшим, его законным представителем и представителем, гражданским истцом и его представителем) в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления[1].

Из этого положения видно, что деятельность следователя по расследованию преступления, в ходе которой изобличается виновный, также является уголовным преследованием. Правда нам представляется, что с другой стороны по содержанию понятие «расследование преступлений» более широкое, чем уголовное преследование, поскольку, как отмечает сама О.Н. Коршунова, «традиционными для криминалистической науки задачами являются выработка методов, приемов и средств не только выявления, изобличения и привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении преступления, но и выявления причин и условий, которые способствовали совершению этих преступлений, для организации профилактики и предупреждения их совершения в будущем

Приемы, способы и средства, призванные способствовать повышению эффективности познавательной деятельности в процессе уголовного преследования, составляют ее сущность»[2].

Описывая деятельность субъектов, осуществляющих уголовное преследование, автор также обращает внимание на ее сложность и многогранность: «Физическая деятельность субъектов уголовного преследования представляет систему действий, направленных на отыскание, исследование и использование в процессе доказывания криминалистически значимой информации, а также отражение в материалах уголовного дела результатов ее исследования и использования; определение и использование способов, приемов и средств наиболее эффективного осуществления деятельности. Элементы этой деятельности могут различным образом распределяться между различными субъектами уголовного преследования. При этом характер распределения может изменяться не только от стадии к стадии, но и в зависимости от этапа (подэтапа) деятельности»[3].

Оригинальный подход к изучению процесса расследования предпринял В.А. Образцов. Автор называет объектом криминалистического изучения и обеспечения поисково-познавательную деятельность (практическое

---

[1] Коршунова О.Н. Теоретические и прикладные проблемы уголовного преследования: Монография. СПб, Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2006, - С.18.

[2] Там же. – С. 21.

[3] Там же. – С. 116.

следоведение) в уголовном судопроизводстве, осуществляемую уполномоченными на то законом органами и должностными лицами, профессионально ведущими борьбу с преступностью уголовно-правовыми средствами[1]. Не смотря на то, что автором употребляется нетрадиционный термин – поисково – познавательная деятельность, из контекста работы видно, что речь идет именно о расследовании преступлений. Употребление же вышеназванного термина, продиктовано стремлением автора, подчеркнуть криминалистический аспект исследования процесса расследования. Не обсуждая корректность используемой В.А. Образцовым терминологии, обратим внимание на то, что, раскрывая сущность указанной деятельности, автор также указывает на ее неоднородность: «Поисково-познавательная деятельность в уголовном судопроизводстве многофункциональна. Она реализуется в рамках нескольких направлений, каждому из которых свойственны свои задачи и средства их решения. Это позволяет выделить следующие относительно самостоятельные виды деятельности: поисковую, фиксационно-удостоверительную, исследовательскую и конструктивную.2

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что расследование преступлений представляет собой соответствующую требованиями закона, обусловленную закономерностями преступления и иными объективными и субъективными факторами сложную, структурированную деятельность следователя и других уполномоченных лиц, целью которой является доказывание обстоятельств расследуемого преступления и решение иных возложенных на предварительное следствие задач.

Расследование преступления представляет собой совокупность нескольких, тесно связанных друг с другом направлений деятельности следователя: поисковой, исследовательской, фиксационно-удостоверительной, организационной, а также деятельности по устранению противодействия расследованию.

[1] Образцов В.А. Объектно-предметная область криминалистики. // Криминалистика. / Под ред. В.А. Образцова. М., Юристъ, 1997. С. 10-11.

[2] Там же. – С. 60.

Прохоров Леонид Александрович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета (КубГУ),
заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный юрист РФ;
Прохорова Марина Леонидовна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета (КубГУ)

О содержании категории «общественная опасность»

Реанимирование в отечественном уголовном законодательстве норм с административной преюдицией породило крайне острые дискуссии относительно допустимости и обоснованности существования этого правового явления и использования подобного приема юридической техники.

Отрицательное отношение к возрождению идеи административной преюдиции высказано целым рядом авторов. Впрочем, и в период «расцвета» этого явления в советский период звучали соответствующие упреки в адрес законодателя[1]. Современными «противниками» административной преюдиции в уголовном праве выступают Н.Г. Иванов, А.Г. Кибальник, А.И. Коробеев, Н.А. Лопашенко, Д.В. Шемякин и др.

Так, Н.А. Лопашенко отмечает, что «рецепция института административной преюдиции в уголовном праве России – тупиковый путь развития этой отрасли права»[2].

Известным основным аргументом, которым оперируют противники использования административной преюдиции в уголовном законодательстве, является утверждение в том, что общественная опасность административного проступка от его повторения не увеличивается, она не может достигать уровня, необходимого для признания его преступным. В русле этих рассуждений Н.Ф. Кузнецова писала, что между преступлениями и административными проступками существует не количественное, а качественное различие. Соответственно, количество проступков не может перерасти в качество преступления[3].

---

[1] См., напр.: Ковалев М.И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1982. С. 3-14.

[2] Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3.

[3] См.: Кузнецова Н.Ф. Главные тенденции развития российского уголовного законодательства // Уголовное право в XXI веке: материалы международной научной конференции (г. Москва, 31 мая – 1 июня 2001 г.). М., 2002. С. 9.

Таким образом, по мнению оппонентов законодателя в части использования административной преюдиции, «суммарный» подход к определению уровня общественной опасности содеянного (проступок + проступок) недопустим, ибо это противоречит объективной природе такого основополагающего критерия преступления, как общественная опасность.

Да, действительно, подобное утверждение можно признать вполне справедливым, если относиться к категории «общественная опасность» как к исключительно объективному показателю – как к способности деяния причинять существенный вред объектам уголовно-правовой охраны. Но при этом игнорировать субъективный фактор, а именно опасность для общества самого деятеля – субъекта правонарушения, не рассматривая его в качестве составной части содержания общественной опасности.

Вместе с тем безоговорочно согласиться с таким подходом вряд ли возможно. Обратимся к закону. Статья 14 УК РФ определяет преступление как виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой наказания. Совершенно очевидно, что законодатель не отделяет категорически деяние от лица, его совершившего (деятеля).

В теории уголовного права содержание категории «общественная опасность» определялась по-разному в зависимости от политической и правовой системы. Отмеченные подходы к пониманию общественной опасности как абсолютно объективной категории в целом, по нашему мнению, возвращают теорию уголовного права исключительно на позиции классической школы.

В то же время получившие признание идеи представителей социологической школы уголовного права можно считать предпосылкой включения субъективной составляющей в содержание понятия общественной опасности. Они нашли широкое отражение не только в зарубежном, но и в отечественном праве. Широкое распространение в системе российского уголовного законодательства получили институты условного осуждения, условно-досрочного освобождения, а также помещения в специальные учреждения несовершеннолетних правонарушителей и лиц, страдающих психическими заболеваниями. УК РФ содержит ряд норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности с учетом личности виновного (ст. ст. 75, 76, 761, 762 УК РФ).

В юридической литературе представлены разные подходы к определению объема понятия степени общественной опасности преступления. Авторы решают, складывается ли она из признаков, указанных в диспозиции соответствующей уголовно-правовой нормы, или же и из иных признаков, находящихся за пределами состава преступления[1]. Но, как бы то ни было, при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что практически все они в понятие общественной опасности включают субъективные компоненты.

---

[1] См.: Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. М., 1989.

Так, А.Д. Соловьев полагал, что степень общественной опасности преступления определяется различными факторами, относящимися и к признакам состава преступного деяния, и находящимися за его пределами. К последним относятся смягчающие и отягчающие уголовное наказание обстоятельства, распространенность преступлений данного вида и т.д.[1] Вместе с тем известно, что названные категории нередко выступают отражением именно субъективного начала (свойства виновного, определенная мотивация и пр.).

С.В. Бородин ограничивал объем понятия степени общественной опасности преступления признаками объекта, а также некоторыми признаками субъекта и субъективной стороны состава преступного посягательства[2]. Таким образом, некоторая субъективная окраска категории «общественная опасность» им не исключалась.

Определяя характер общественной опасности преступления, исследователи нередко в круг ее критериев включают форму вины, иные считают последнюю, наряду с мотивом и целью, показателями степени общественной опасности посягательства[3].

Судебная практика четко придерживается позиции наличия у категории «общественная опасность» некоторой субъективной окраски. Это просматривается в ряде постановлений высшей судебной инстанции.

Так, в постановлении от 11 июля 1999 г. № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» Пленум Верховного Суда РФ отмечал, что «при учете характера и степени общественной опасности преступления надлежит исходить из того, что характер общественной опасности преступления зависит от установленных судом объекта посягательства, формы вины и отнесения Уголовным кодексомпреступного деяния к соответствующей категории преступлений (ст. 15 УК РФ), а степень общественной опасности преступления определяется обстоятельствами содеянного (например, степенью осуществления преступного намерения, способом совершения преступления, размером вреда или тяжестью наступивших последствий, ролью подсудимого (при совершении преступления в соучастии)»[4].

---

[1] См.: Соловьев А.Д. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву. Законодательство и судебная практика. М., 1958. С. 88. См. также: Курс советского уголовного права. Т. 2. Л., 1970. С. 327.

[2] См.: Уголовное право. Общая часть. М., 1966. С. 302.

[3] См., напр.: Полный курс уголовного права: в 5 т. Том I: Преступление и наказание / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. С. 267; Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2014. С. 114.

[4] См.: О практике назначения судами уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 40 от 11 июня 1999 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. №5 (утратило силу).

Созвучное положение содержится и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 (ред. от 29.11.2016 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»[1]. В п. 1 названного документа определено: «Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность)».

Согласуется с нашими представлениями о содержании общественной опасности мнение А.В. Иванчина. Говоря об общественной опасности акта человеческого поведения как основании криминализации, он отмечает, что она слагается из общественной опасности деяния и общественной опасности личности его субъекта[2].

Определяя критерии уровня общественной опасности деяния, автор включает в их систему не только причиненный вред, но и все присущие деянию признаки – характер самого действия (бездействия), вред, форму вины, цель, мотив, признаки субъекта и пр.[3]

Таким образом, субъективное начало, в том числе содержание личностных свойств субъекта преступления, вплетается в понятие общественной опасности совершаемого им деяния. Следовательно, рассматриваемую категорию следует оценивать не как исключительно объективное явление, а конгломерат объективного и субъективного начал, но все-таки с преобладанием первого.

Соответственно, увеличение уровня общественной опасности со стороны субъективной составляющей неизбежно влечет его повышение в целом. Поэтому применительно к отдельным деяниям необходимо признать справедливость использования законодателем административной преюдиции. В частности, это четко проявляется в составе нарушения правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 2641 УК РФ). Вместе с тем вопрос об ее установлении должен рассматриваться применительно к конкретной разновидности делинквентного поведения, а его решение должно быть уместным, глубоко осмысленным, взвешенным и криминологически обоснованным.

---

[1] См.: О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 (ред. от 29.11.2016 г.) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/.

[2] См.: Иванчин А. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с постановлением Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П) // Уголовное право. 2017. № 4. С. 51.

[3] См.: Там же. С. 52.

Шевелева Светлана Викторовна,
доктор юридических наук, доцент,
декан юридического факультета
Юго-Западного государственного университета
Мусьял Ирина Александровна,
младший научный сотрудник кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета

Уголовно-правовая охрана объектов гражданских прав при совершении мошенничества[1]

Основным непосредственным объектом мошенничества является собственность. Специальные составы мошенничества можно охарактеризовать как двуобъектные преступления, где вред причиненняется определенной сфере: сфера предпринимательской деятельности, сфера кредитования, социальная сфера, страховая сфера, сфера компьютерной информации. Не представляется возможным выявить отдельную сферу в ст. 159.3 УК РФ, что ставит под сомнение необходимость существования указанной нормы в качестве самостоятельной. Выявление данного дополнительного объекта влияет на квалификацию, а потому подлежит обязательному выявлению.

В соответствии с ч. 1 ст. 159 УК РФ предметом преступления является имущество и право на имущество. Такая законодательная конкретизация привела к тому, что, по мнению отдельных авторов, мошенничество не является хищением в силу того, что мошеннические действия могут совершаться не только в отношении конкретного имущества, обладающего экономическими и юридическими свойствами, но и в отношении прав на такое имущество[2]. Отдельные ученые полагают, что ч.1 ст. 159 УК РФ предусматривает два самостоятельных состава преступления, разграничение которых основано на предмете преступления[3]. Другие хищение имущества и приобретение права на имущество рассматривают как две самостоятельные формы[4]. Следует поддержать позицию тех ученых, которые

[1] Работа выполнена в рамках государственного задания № 29.7357.2017/БЧ на выполнение проекта по теме «Мошенничество в области научных исследований при выполнении государственного задания»

[2] См., например: Суслина Е.В. К вопросу об объекте мошенничества и иных обманных имущественных посягательств // Российский юридический журнал. 2007. № 1. С. 149-151.

[3] Волженкин Б.В. Мошенничество. С. 20. См. также: Лимонов В. Понятие мошенничества // Законность. 1997. № 11. С. 41;Тамазов И.А. Объект и предмет мошенничества // Современное право. 2010. № 12. С. 129-131.

[4] См.: Клепицкий И.А. Недвижимость как предмет хищения или вымогательства // Государство и право. 2000. N 12. С. 11 – 19; Белов Е.В. Мошенничество с недвижимостью в жилищной сфере: способы совершения и проблемы квалификации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9.

говорят, что: «Мошенничество является формой хищения и обладает всеми признаками хищения, перечисленными в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, с той лишь разницей, что предмет посягательства при мошенничестве шире, чем предмет других форм хищения»[1].

Статья 128 ГК РФ определяя объектами гражданских прав имущество, результаты работ и оказание услуг, интеллектуальную собственность и нематериальные блага, уточняет, что под имуществом понимаются вещи, включая наличные деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, **имущественные права** (выделено авт.). Коль скоро гражданское законодательство имущественные права включает в понятие имущества, очевидно указание в диспозиции ч.1 ст. 159 УК РФ приобретение права на чужое имущество как самостоятельный предмет данного преступления является излишним. Об искусственности данной конструкции говорилось неоднократно[2].

Мы солидарны с теми учеными, которые имущество и право на имущество рассматривают как тождество, а исключение из диспозиции ч.1 ст. 159 УК РФ данного уточнения могло бы завершить давнюю дискуссию о пределах понимания предметапреступления, предусмотренного всеми составами о мошенничестве.

Тем не менее, термин «имущество» является собирательным и разнородным по своему составу. Гражданско-правовая доктрина понимает имущество как вещи материального мира и имущество как право на имущество. Последнее не всегда имеет материальное воплощение, тем не менее в отдельных случаях могущее стать предметом хищения. Например, лицо, намереваясь получить бессрочную аренду на земельный участок по заниженной арендной плате, предоставляет в государственный орган ложную информацию о качестве земель, либо фактических целях ее дальнейшего использования. С точки зрения гражданского права речь идет об праве на имущество (т.е. не вещи), тогда как в доктрине уголовного права общепризнанным является положение о том, что все хищения являются предметными преступлениями, (т.е. предметом хищения является вещь материального мира). Уточнение в диспозиции ст. 159 УК РФ посредством речевого оборота «приобретение права на чужое имущество» ориентирует

---

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 2 т. / Под ред. О.Ф. Шишова. М., 1998. Т. 2. С. 22.. Аналогичная точка зрения: Курс уголовного права / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. Т. 3. С. 436; Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. С. 200; > Вишнякова Н.В. Объект и предмет преступлений против собственности. Омск, 2008. С. 100-101.

[2] См., например: Кочои С.М. Преступления против собственности. М.: Проспект. 2014. С. 4; Кравцов И.А. Спорные вопросы предмета хищений чужого имущества, совершенных с использованием служебного положения // Вестник ВИ МВД России. 2010. №2. С. 90; Уголовное право: часть Общая, часть Особенная / Под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. С. 401.

правоприменителя на то, что мошеннические действия могут быть совершены не только в отношении вещей, но и в отношении права на имущество. Здесь принципиальное значение имеет то обстоятельство, что в гражданско-правовой доктрине «право на имущество» и «имущественное право» - понятия не равнозначные. Право на имущество определяет полномочия собственника (владельца), тогда как понятие «имущественное право» характерно для вещного права, «…которое может быть реализовано путем непосредственного воздействия на вещь, без нужды в активных действиях другого лица, как это имеет место в обязательственных правоотношениях»[1].

В этом смысле самым «растиражированным» спором является спор о возможности (или невозможности) хищения недвижимого имущества[2]. Однако на сегодняшний день можно утверждать, что такая постановка вопроса потеряла свою актуальность, т.к. предметом хищения (особенно мошенничества) являются все объекты гражданских прав, изложенных в ст. 128 ГК РФ, за исключением интеллектуальной собственности и нематериальных благ. Полагаем, рассогласованность понятийного аппарата в доктрине гражданского и уголовного права по данному вопросу должна быть устранена. *Полагаем, если ст. 158 УК РФ дополнить примечанием 1.1. следующего содержания: «Под предметом хищения в статьях настоящего Кодекса понимаются объекты гражданских прав за исключением интеллектуальной собственности и нематериальных благ», то проблема будет разрешена. Такой подход, во-первых, позволит завершить давний спор о правовой сущности мошенничества, во-вторых, сведет на «нет» необходимость указания в диспозиции ст. 159 УК РФ текстуально излишнего оборота «приобретение права на чужое имущество», в-третьих, позволит более оперативно уголовному законодательству «реагировать» на изменения регулятивного законодательства. А самое главное, границы предмета хищения будут существенно расширены, не потеряв при этом четких очертаний*[3].

Данный подход позволит решить ряд сопутствующих, но не менее сложных и важных проблем. Например, криптовалюта, т.е. децентрализо-

---

[1] Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / В.В. Андропов, К.П. Беляев, Б.М. Гонгало и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011.

[2] См., например: См., напр.: Иващенко С.Б. Уголовная ответственность за неправомерное завладение чужим имуществом: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998; Белов Е.В. Мошенничество с недвижимостью в жилищной сфере: способы совершения и проблемы квалификации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012; Клепицкий И.А. Недвижимость как предмет хищения или вымогательства // Государство и право. 2000. № 12. С. 11 - 19.

[3] О необходимости расширения предмета хищения говорит Н.А. Лопашенко, указывая, что необходимо реформировать понятие хищения, предусмотрев в самом этом понятии возможность его совершения в отношении права на имущества. (Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. С. 200.).

ванная электронная валюта, стала предметом проекта закона об уголовной ответственности за оборот денежных суррогатов. Министерство финансов РФ предлагало ввести в УК РФ статью 187.1 «Оборот денежных суррогатов» и установить ответственность в виде штрафа до 500 тысяч рублей либо лишения свободы на срок до четырех лет за изготовление, приобретение в целях сбыта, а равно сбыт денежных суррогатов[1]. Также Минфин РФ предлагал внести изменения в ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», касающиеся запрета операций с денежными суррогатами, в то время как в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предполагалось расширить полномочия Банка России, в соответствии с которыми он смог бы принимать решения о признании того или иного денежного суррогата средством платежа. Права Э.Л. Сидоренко задавая вопрос: «Если легитимность того или иного финансового инструмента определяется исключительно федеральным законодательством, то почему на его признание правомерным влияет решение ЦБ РФ, которое оформляется как подзаконный правовой акт?»[2]. Более того, регулятивное законодательство должно в первую очередь определить вопросы, связанные с легализацией криптовалюты, когда будет доработано законодательство о платежной системе, о лицензировании отдельных видов деятельности, налоговое и банковское законодательство, определены зоны контроля и т.д.

Поэтому любые формы хищения, предметом которых явилась криптовалюта, не подпадает под уголовно-правовую охрану. Учитывая, какой масштаб сегодня приобрели сделки с криптовалютой[3], попыткой «урезонить» данный процесс стало указание Федеральной службы по финансовому мониторингу РФ, что использование криптовалют при совершении сделок является основанием для рассмотрения вопроса об отнесении таких сделок (операций) к сделкам (операциям), направленным на легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование

---

[1] Единый портал для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения // http://regulation.gov.ru/

[2] Сидоренко Э.Л. Стратегии регулирования криптовалюты в российском законодательстве: прогнозы на будущее // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. №2 (71). С. 176-182.

[3] Только по приблизительным подсчетам, в 2016 году по сравнению с 2010 годом объем вычислительной мощности наиболее популярной виртуальной валюты Bitcoin возросла в 100 триллионов раз, а по сравнению с 2015 годом – в 10 раз. Только за последний год оборот криптобирж увеличился в 8,5 раза (с 48 до 415 млн. долларов), число крупных биткойн-компаний – в 3,5 раза (с 14 до 59), а биткойн-автоматов – в 2 раза. Кроме того, существенно возросла стоимость биткойна (далее – BTC): с 0,003 долл. США (начало продаж в апреле 2010 г.) до 607 долл. США в сентябре 2016 г. // Bitcoinscalculatorandcurrency // http://bitkurs.ru/

терроризма[1]. Такой подход напоминает практику работы советских правоохранительных органов, когда за мужеложство привлекались к уголовной ответственности за мужеложство, а за лесбиянство, за неимением соответствующей нормы, привлекали к ответственности за хулиганство.

Для определения границ действия норм о мошенничестве, необходимо выделить обязательные признаки предмета, которые позволят разграничивать составы, предусмотренные ст. 159–159.6 УК РФ от смежных. Доминирующей точкой зрения является выделение трех признаков: физический, экономический и правовой[2], где физический признак означает материальность предмета, экономический свидетельствует, что имущество имеет потребительскую значимость, меновую стоимость, и оно должно быть выделено из естественного состояния, т.е. опосредовано через человеческий труд. Юридический признак указывает на наличие законного владельца, следовательно, для виновного оно должно быть чужим. Таким образом, определение, данное А.А. Южиным: «Под имуществом, как предметом хищения, следует понимать объект материального мира, представляющий определенную экономическую ценность, в который вложен труд человека и приобретенный его владельцем в установленном законодательном порядке»[3], можно назвать классическим.

В то же время отдельные составы преступлений главы 21 свидетельствуют, что далеко не во всех случаях предмет преступления обладает всеми тремя указанными признаками. Например, предметом преступления, предусмотренного ст. 159.3, 159.6 УК РФ являются безналичные денежные средства, которые физическим признаком не обладают. Но коль уж скоро ст. 128 ГК РФ безналичные денежные средства относит к имуществу, очевидно рассматриваемый признак можно признак неким «архаизмом». Данные три критерия в большей мере характеризуют термин «вещь», которая согласно гражданскому законодательству является имуществом. На необходимость исключения физического признака предмета хищения косвенно указывает Н.А. Лопашенко, анализируя положения ч. 3 ст. 158 УК РФ: «Так очень тихо и незаметно в уголовном праве произошла революция в понимании предмета преступлений против собственности (предмета хищений особенно)»[4]. Позволим некоторое отступление. Н.А. Лопашенко критикует законодателя, предусмотревшего кражу только из газопровода, нефтепродуктопровода и нефтепровода, не распространив на все другие виды энергии. Очевидно законодатель исходил именно из того обстоятель-

---

[1] Информационное сообщение «Об использовании криптовалют» // Федеральная служба по финансовому мониторингу URL: http://www.fedsfm.ru/news/957

[2] Сунчалиева Л.Э. Мошенничество (уголовно-правовой и криминологический аспект): дис. … к.ю.н. Ставрополь. 2004. С. 61; См.: Уголовный кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий. М., 1997. С. 336 - 337.

[3] Южин А.А. Мошенничество и его виды. Дис. …к.ю.н. М., 2015. С.79.

[4] Лопашенко Н.А. Указ. соч. С.36.

ства, что содержимое газопровода, нефтепродуктопровода и нефтепровода вполне осязаемы (газ в газопроводе находится в жидком состоянии), тогда как иные виды энергии не могут быть осязаемы в принципе. В силу этого вопрос о «незаметной и тихой революции» остается под сомнением. Физический признак предмета хищения в данном случае сохранен.

Однако мы солидарны с позицией Н.А. Лопашенко, А.В. Шульга[1] и других авторов[2], утверждающих, что давно пора отказаться от «старых» подходов. «Вслед за новыми реалиями и представлениями меняется правовое регулирование экономических отношений и отношений собственности, прежде всего на уровне гражданского права. Изменения происходят постепенно и последовательно, скорее, эволюционным, нежели революционным путем. Не замечать этих перемен на уровне права уголовного уже нельзя»[3]. Действительно, в 2013 году в гражданское законодательство были внесены изменения,[4] согласно которым в качестве объектов гражданских прав были включены безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги. На наш взгляд, выделение физического признака предмета хищения будет противоречить регулятивному законодательству. Поэтому предмет мошенничества обладает только двумя признаками – экономическим и юридическим.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что терминология уголовного и гражданского законодательства должна быть максимально сближена. Касательно предмета хищения – это должны быть все объекты гражданских прав, перечисленные в ст. 128 ГК РФ, за исключением нематериальных благ и интеллектуальных прав. Учитывая, что предмет хищения имеет более широкие границы только в одной его форме – мошенничестве посредством обозначения в диспозиции ч.1 ст. 159 УК РФ «право на имущество», данное обстоятельство вызывает многочисленные споры в теории уголовного права и ошибки на практике. Расширение границ понимания предмета всех форм хищения позволит завершить давнюю дискуссию о предмете хищения в форме мошенничества и даст возможность более оперативно реагировать правоприменительной практике на возникающие новые мошеннические схемы.

---

[1] См.: Шульга А.В. Объект и предмет преступлений, посягающих на собственность, в условиях рыночных отношений и информационного общества: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 12.

[2] См., например: Хабаров А.В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 1999. С. 11.

[3] Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. С. 30-31.

[4] Федеральный закон от 02.07.2013 №142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 145. 05.07.2013.

Щербакова Людмила Михайловна,
доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета

Терроризм и экстремизм: некоторые аспекты криминологического исследования

Жизнь современных людей уже длительный период времени сопровождают такие высоко общественно опасные явления как терроризм и экстремизм, имеющие широкий резонанс в обществе и, соответственно, являющиеся объектами особого внимания у широкого круга специалистов. В настоящее время существуют многочисленные и весьма разнообразные по глубине и практической значимости исследования указанных явлений, их проводят философы, политологи и социологи, журналисты и психологи, географы, историки, юристы различной специализации, другие профессионалы, однако практически перестали проводиться исследования данных явлений криминологами с использованием комплекса разнообразных методов и в различных регионах страны.

Не принижая значимость проводимых представителями разных наук исследований проблем экстремизма и терроризма, считаем целесообразным акцент сделать на том, что реальное проявление терроризма и экстремизма в современных условиях – это конкретные преступления, а терроризм и экстремизм как высоко общественно опасные явления – виды современной преступности, имеющей сложный системно-структурный характер, тесную взаимосвязь с различными социальными явлениями и процессами, которые в условиях игнорирования закономерностей преступности и просчетов в борьбе с ней обладают способностью к их криминализации и к самодетерминации.

Не следует допускать, чтобы в научном пространстве оставалась неисследованной такая область, как выявление во взаимосвязи различных социальных явлений и процессов (экономических, политических, иных) непосредственно порождающих преступность. Эта область исследований остается за криминологами, которые должны выявлять закономерности именно в этой сфере и о полученных результатах информировать экономистов, политиков, социологов, правоохранительные и другие государственные органы, общественность. В процессе социальных преобразований могут и должны быть использованы и криминологические выводы.

Социальная среда в традиционной отечественной криминологии исследуется: во-первых, во взаимодействии с характеристиками личности разных ее типов; во-вторых, в разрезе разных ее уровней; в-третьих, в динамике; в-четвертых, с учетом дифференциации разных сфер жизнедеятельности; в-пятых, с использованием такого методического приема, как

условное выделение преступности в качестве относительно самостоятельного, целостного явления, противостоящего социальной среде, ориентированной на закон.

Следует подчеркнуть, что в самой криминологии существует и другой подход, когда криминологическое исследование рассматривается как частный вариант социологического исследования. По мнению сторонников этой позиции, исследователя не интересует, что именно возникает, его должен интересовать сам процесс совершаемости. Не углубляясь в дискуссию по этому вопросу, полагаем, что отправным пунктом криминологического исследования должна быть сама преступность, так как если ставится задача выявить причины преступности, всегда возникает вопрос: какой именно преступности, с какими характеристиками?

В данном случае нас интересует круг террористических и экстремистских преступлений, однако решить однозначно вопрос о их выделении не предоставляется возможным. В действующем законодательстве находит отражение вся палитра существующих в литературе теоретических определений терроризма и экстремизма, имеющих сложный и многомерный характер, отсюда оно противоречиво, в нем используются разные понятия. Многие существенные вопросы, в частности, что же отличает терроризм и экстремизм, каковы их специфические характеристики – до сих пор вопрос, решаемый по–разному. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. №1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» указано, что «в целях уголовно-правового обеспечения противодействия терроризму и в интересах выполнения международных обязательств Уголовный кодекс РФ устанавливает ответственность за совершение преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 227, 277, 278, 279, 360». Несмотря на то, что Верховный Суд впервые в истории России посвятил отдельные Постановления вопросам квалификации террористического акта и ряда других преступлений террористического характера, остается не мало сложностей в правоприменении, что подтверждает мнение криминологов о необходимости устранения расхождений в формулировках норм различных законов, в том числе, Общей и Особенной частей УК РФ, а также гармонизации норм уголовного, уголовно-процессуального и других отраслей права. Продолжает нуждаться в системном совершенствовании с учетом документов ООН и криминальных реалий вся правовая основа борьбы с экстремизмом и терроризмом .

По данным ГИАЦ МВД России в период с 2004 г. по 2013 г. в стране было зарегистрировано следующее количество террористических преступлений (применен перечень составов, указанный в постановлении пленума): 2004г. – 526; 2005г. – 632; 2006г.- 754; 2007г.- 694; 2008г.- 580; 2009г.-574; 2010г.- 490; 2011г. – 626; 2012г.- 635; 2013г.- 657. Заметный рост террори-

стических преступлений наблюдается в последние несколько лет: в 2014 году число таких нарушений закона впервые превысило 1тыс. и по итогам года составило 1128. За весь 2015 год было выявлено 1538 террористических преступлений, рост составил 36,3%. Увеличение их числа обусловлено в первую очередь приростом до 1 008 (на 28,1%) выявленных фактов участия в незаконных вооруженных формированиях (ст. 208 УК РФ), доля которых в структуре преступлений террористического характера составляла 65,5%. «На динамику роста террористических преступлений в 2015 году повлияло также увеличение (с 76 до 245) числа зарегистрированных преступлений по статьям 205.3 (прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности), 205.4 (организация террористического сообщества и участие в нем) и 205.5 (организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации) УК РФ, введенным в действие в 2013 году. Вместе с тем существенно сократилось – до восьми (на 75,8%) количество зарегистрированных терактов». В 2016 году зарегистрировано 2227 преступлений террористического характера (+44,8%).

Сложнее дело обстоит с выделением круга экстремистских преступлений. Здесь на основании Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. №11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», как правило, учитываются: прямо предусмотренные ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремисткой деятельности» зарегистрированные деяния без признаков терроризма, предусмотренные 11 статьями УК РФ: 136, 141, 148, 149, 212, 239, 280, 282, 282.1, 282.2, 357; а также иные преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ, а также иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с пунктом «е» части 1 статьи 63 УК РФ признаются обстоятельством, отягчающим наказание.

Очевидно, что вторая часть преступлений экстремистской направленности по изложенному основанию может быть выделена полно только по тем преступлениям, уголовные дела о которых расследованы, рассмотрены судом. Иначе нельзя судить о мотивах деяний, выделять преступления экстремистской направленности.

Что касается структуры экстремистской преступности, то, как показывает анализ, преступления экстремистской направленности, выделяемые в соответствии с УК РФ по мотивам, долгие годы составляли в ней доли процентов. Наибольшее число зарегистрированных экстремистских преступлений по данным ГИАЦ МВД России составили деяния, которые могли быть оценены как таковые уже на основе их юридической квалификации. Статистический анализ показывает, что динамика зарегистрирован-

ной экстремистской преступности (совокупность преступлений, предусмотренных 11 статьями УК РФ в указанном пленуме) носила очевидно неблагоприятный характер: в 2004 г. в России было зарегистрировано 144 таких преступления, в 2005г. - 191; в 2006 г. - 267; в 2007 г. - 300; в 2008г. - 271; в 2009г. - 341; в 2010г. - 404; в 2011г. - 410; в 2012г. - 544; 2013г. - 740. В период с 2004 г. по 2013 г. – рост практически в 5 раз. По данным Генпрокуратуры РФ в 2014 г. количество преступлений экстремистской направленности составляло 1034, в 2015 г. – возросло до 1329. Количество случаев возбуждения ненависти, вражды, публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности выросло на 40% . В 2016 г. было зарегистрировано 1450 преступлений экстремистской направленности (+9,1%). Безусловно, реальное положение дел с терроризмом и экстремизмом крайне неполно отражается в официальной статистике, но и имеющиеся данные свидетельствуют об эскалации терроризма и экстремизма, опасность которой является весьма высокой.

Статистический анализ показывает, что, как и в 90-е годы, в настоящий период большая доля преступности террористического характера приходится на Северо-Кавказский федеральный округ. Так, в 2010 г. в регионе было зарегистрировано 464 преступлений террористического характера (что составило 80% преступлений этой категории, совершенных в России), в 2011 г. – 576 (93%), в 2012 г. – 565 (89%), в 2013 г. – 579 (88%), в 2014 г. – 883 (78%). Из 883 террористических преступлений, совершенных в СКФО в 2014 г., 472, то есть 53,5% таких преступлений зарегистрированы на территории Республики Дагестан; 157 (17,8%) – в Кабардино-Балкарской Республике; 121 (13,7%) – в Чеченской Республике; 64 (7,3%) – в Республике Ингушетия; 41 (4,6%) – в Карачаево-Черкесской Республике; 21 (2,4%) – в Ставропольском крае; 7 (0,8%) – в Республике Северная Осетия – Алания.

По данным ГИАЦ МВД России, в 2013г. всего в субъектах СКФО зарегистрировано 81 экстремистских преступлений, предусмотренных пятью статьями УК РФ: ст. 212, 280, 282, 282.1, 282.2, по остальным шести статьям: ст. 136, 141, 148, 149, 239 и 357 УК РФ – зарегистрированных преступлений не было.

Особенностью данного региона Российской Федерации стал процесс массового вовлечения молодежи в структуры экстремистской и террористической направленности. Изучение дел о преступлениях экстремистской направленности, рассмотренных судами Ставропольского края свидетельствует о том, что около 80% осужденных – это несовершеннолетние, которым за совершение убийства (ст. 111 ч.4 УК РФ) назначается наказание 7-9 лет. В 2013 г. среди задержанных за экстремистскую и террористическую деятельность в Республике Дагестан 68% были лицами молодого возраста. 85% среди убитых членов незаконных вооруженных формирований – это также лица молодого возраста. Известно, что около 40 дагестанских учи-

телей активно пропагандировали экстремистские идеи. В республике зафиксированы случаи, когда родители и близкие родственники лидеров бандформирований на протяжении долгих лет работали в учебных заведениях и вели там пропагандистскую деятельность террористической направленности. В ряде отдаленных мест в республике дети начинают учить русский язык только после окончания начальной школы.

Анализ имеющихся исследований по этой проблеме показывает, что большинство авторов (и это вполне справедливо) сложную криминогенную обстановку в регионе связывают со слабым его экономическим развитием, высоким уровнем безработицы, бедностью значительной части населения (выявляются корреляционные зависимости между конкретными социально-экономическими факторами и зарегистрированными в субъектах региона преступлениями террористического характера), акцент делается на просчетах борьбы с коррупцией, должностной и иными видами преступности как основанием недоверия органам государственной власти и официальной системе обеспечения законности.

Разработка и реализация системы мер общесоциального и специального предупреждения, в том числе, последовательной социально-экономической и антикриминальной политики не утрачивает в регионе своей актуальности. Между тем, особого внимания требует культурно-национальный аспект: анализ деятельности национальных диаспор, других неформальных объединений, их влияния на реальное положение граждан в аспекте защищенности их прав и законных интересов, решения проблем в рамках закона, правовых норм, поскольку нельзя не замечать взаимосвязь терроризма и экстремизма в регионе с очевидной конкуренцией официальной и неофициальных систем социального контроля, с субъективно трактуемыми национальными, религиозными интересами и нормами.

Криминологически значимо в аспекте общего и специального предупреждения: приоритетное воспитание детей и молодых людей как граждан Российской Федерации со свободным владением государственным языком России, осознанием себя частью многонационального народа, знанием и уважением Конституции и законов Российской Федерации, отраженных в них систем ценностей, осознанием возможности и способностью жить, учиться, работать, реализовывать свои потребности и интересы в разных регионах России. Это, в частности, значимо для решения проблем ликвидации безработицы, бедности, национальной изоляции и других.

Необходимо осуществлять мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений в регионах в соответствии с Федеральной целевой программой «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 гг.)».

Разделяем мнение о том, что терроризм является формой борьбы, но такой, которая ведется с позиций крайнего личного либо кланового, группового эгоизма при попрании всех норм морали и права. Это – один из са-

мых подлых насильственных способов. Он заключается, в использовании в качестве средств достижения цели наиболее опасных форм насилия, связанных не только с непосредственным силовым воздействием на конкретных жертв, но и с устрашением, созданием атмосферы страха, паники, ужаса у широкого круга субъектов.

Как справедливо отмечает А.И. Долгова, борьба с указанными явлениями должна вестись высокопрофессионально и системно; включать следующие составляющие: общую организацию, в том числе информационно-аналитическую, программирующую, правообеспечивающую и иную деятельность; предупредительную и правоохранительную в ее карающем, правовосстановительном и обеспечивающим безопасность участников борьбы аспектах.

Проведение качественных и систематических криминологических исследований как всей преступности, так и конкретных ее видов с использованием всего спектра методов является не только очевидным, но и весьма необходимым, так как необходима более эффективная борьба с рассматриваемыми явлениями.

Яковлева Лариса Владимировна,
доктор юридических наук, доцент
главный научный сотрудник Федерального государственного казенного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Майорова Елена Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент
ведущий научный сотрудник Федерального государственного казенного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Уголовный проступок в системе мер уголовно-правового характера

Современный этап развития уголовной политики России характеризуется поиском новых подходов к решению глобальных вопросов криминализации и декриминализации, достижения целей уголовного закона путем максимальной экономии репрессии, соблюдения баланса между административной деликтностью и уголовной наказуемостью. Одной из таких проблем является уголовный проступок.

Дискуссия о включении уголовного проступка в Уголовный кодекс Российской Федерации с той или иной степенью интенсивности обсуждается на страницах юридической печати уже в течение достаточно продолжительного периода времени[1]. Однако в последние два года она обрела

[1] Александров А., Головко Л., Есаков Г., Пашин С., Пастухов И., Бастраков А. Уголовный проступок: новые грани уголовного закона // Закон. 2016. № 9. С. 18 – 23; Колоколов Н.А. Как нащупать грань между «преступным и непреступным» // Мировой судья. 2017. № 6.С. 3 – 9 и др.

особую остроту. Целесообразность включения уголовного проступка в УК РФ обусловливают необходимостью дальнейшей гуманизации и либерализации уголовного законодательства.

Концептуальные идеи, относящиеся к уголовным проступкам, заключаются в следующем: уголовным проступком признается деяние, не обладающее высокой степенью общественной опасности; зауголовные проступки не предусмотрено наказание в виде лишения свободы; совершение уголовного проступка не влечет за собой уголовно-правового последствия в виде судимости. В уголовных кодексах ряда стран эти идеи нашли свое воплощение. Так, согласно ч. 3 ст. 10 Уголовного кодекса Республики Казахстан уголовным проступком признается «совершенное виновно деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста».

В связи с тем, что правовые системы Республики Казахстан и Российской Федерации во многом совпадают, а применение норм об уголовном проступке в Республике Казахстан не вызывают затруднений, это обстоятельство предлагают рассматривать как дополнительный аргумент в пользу введения уголовного проступка и в России.

В настоящее время основной вопрос заключается в том, какие деяния относить к уголовным проступкам. Единообразного мнения на этот счет не существует. Так, например, предлагается под уголовными проступками понимать все преступления небольшой тяжести. Согласно второй точке зрения, уголовными проступками следует считать только те преступления небольшой тяжести, которые совершены впервые и за которые не предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Сторонники третьей позиции полагают целесообразным относить к уголовным проступкам преступления с административной преюдицией.

Поскольку совершение уголовного проступка не должно влечь судимости, к нему нецелесообразно относить все преступления небольшой тяжести. Иначе пришлось бы уголовным проступком признать такие деяния, как убийство, совершенное в состоянии аффекта (ч. 1 ст. 107 УК РФ), убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. ч. 1, 2 ст. 108 УК РФ), причинение смерти по неосторожности (ч. ч. 1, 2 ст. 109 УК РФ), склонение к совершениюсамоубийства или содействие совершению самоубийства (ч. ч. 1, 2 ст. 110.1 УК РФ), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ч. 1 ст. 112 УК РФ), умышленное причинение легкого вреда здоровью (ч. ч. 1, 2 ст. 115 УК РФ), истязание (ч. 1 ст. 117 УК РФ) и др.

Полагают, что принятие данной нормы положительно скажется на снижении в общей структуре судимости числа лиц, осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести. В настоящее время тенденция роста доли лиц, осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести, в общем числе осужденных сохраняется. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации[1] в 2014 г. она составляла 46, 0 %, в 2015 г. - 46,7%, в 2016 году - 49,2 %. Подавляющее число преступлений приходится всего на четыре состава - основные составы побоев (ст. 116 УК РФ), кражи (ч. 1 ст. 158 УК РФ), мошенничества (ч. 1 ст. 159 УК РФ);незаконного приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконного приобретения, хранения, перевозки растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ч. 1 ст. 228 УК РФ).В 2016 году за преступления небольшой тяжести было осуждено 364247 лиц, из них 118835 (33,0%) были осуждены по: ст. 116 УК РФ (включая ст. 116 УК РФ до ред. ФЗ от 08.12.2003 № 162-ФЗ и ред. 03.07.2016 ФЗ № 323-ФЗ) - 17807 чел., по ч. 1 ст. 158 УК РФ - 55820 чел., по ч. 1 ст. 159 УК РФ - 3366 чел., по ч. 1 ст. 228 УК РФ - 41842 чел.

При этом в 2016 г. за побои к реальному лишению свободы были осуждены 1,7 % лиц; к наказаниям, не связанным с лишением свободы (ограничение свободы, исправительные работы, обязательные работы), – 58,7 %, к штрафу – 28,3 %, условно к лишению свободы - 4,9 %, условно к иным мерам – 3,5 %; освобождено от наказания по приговору суда – 2,9 %. По ч. 1 ст. 158 УК РФ в 2016 г. было осуждено к перечисленным выше мерам соответственно 18,6 %, 32,6 %, 26,8%, 17,1 %, 2,4 %, 2,5 % лиц. В отношении ч. 1 ст. 159 УК РФ эти цифры выглядят следующим образом: 14,3 %, 37,0 %, 25,1 %, 10,4 %, 2,8 %, 10,4 %, а применительно к ч. 1 ст. 228 УК РФ – так: 17,3 %, 20,8 %, 28,6 %, 31,0 %, 1,1 %, 1,2 %. Как видим, к наказаниям, не связанным с лишением свободы (включая штраф), осуждается свыше 50 % лиц.

Практически аналогично выглядит процентное соотношение примененных к виновным мер и по другим преступлениям небольшой тяжести. Следует также иметь в виду, что по некоторым видам преступлений небольшой тяжести значительно число лиц, освобожденных от уголовной ответственности по различным основаниям (за отсутствием состава, события преступления, непричастностью к преступлению, по амнистии, за примирением с потерпевшим, в связи с деятельным раскаянием и др.). Так, среди совершивших побои число таких лиц вдвое превышает число осужденных по ст. 116 УК РФ. Среди лиц, совершивших простую кражу, более 57 % было освобождено от уголовной ответственности и т.д.

[1] Данные судебной статистики // http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения 20.08.2017).

Таким образом, небезосновательно можно предположить, что реально осуждаются те лица, которые не выразили желания воспользоваться многочисленными возможностями освободиться от уголовной ответственности, предусмотренными УК РФ (ст. 75 УК РФ, 76 УК РФ, 76.1 УК РФ, 76.2 УК РФ).

В связи с этим логично задаться вопросами: на какой стадии уголовного процесса следует освобождать лиц, совершивших уголовный проступок; какие правовые последствия должны наступать для этой категории лиц.

В действующем УК РФ закреплено достаточное число видов освобождения от уголовной ответственности и от наказания. В случае, если лиц, совершивших уголовные проступки, освобождать от уголовной ответственности без соблюдения тех требований, которые закреплены в ст. 75 УК РФ, 76 УК РФ, 76.1 УК РФ, 76.2 УК РФ, выглядеть это будет как прощение им содеянного, поскольку все разумные условия освобождения виновных от уголовной ответственности уже включены в главу XI УК РФ и в примечания к ряду статей Особенной части УК РФ.

Возможно освобождение таких лиц от наказания. Однако освобождение без каких-либо условий (например, без применения иных мер уголовно-правового характера, без возложения обязанностей и т.д.) опять-таки будет представлять собой прощение виновному совершенного преступления. Не ясно, как в таких случаях будет соблюдаться принцип неотвратимости уголовной ответственности и наказания. Кроме того, в главе XII УК РФ закреплен ряд видов освобождения от наказания, и к совершившим уголовный проступок можно было бы применить один из них.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что от включения уголовного проступка в УК РФ сокращения затрат на предварительное расследование, за что ратуют сторонники такого законодательного решения, может и не произойти. В случае, если освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего уголовный проступок, будет разрешено только судом (а при освобождении от наказания – только судом), то осуществлять все необходимые для стадии досудебного производства действия придется в полном объеме.

За что же предполагается такое привилегированное отношение к лицам, совершившим уголовный проступок, остается не ясным. Касаясь вопроса судимости, следует напомнить, что в соответствии с ст. 86 УК РФ лица, освобожденные от наказания, считаются несудимым. Условно осужденные имеют судимость в течении испытательного срока. У лиц, осужденных к более мягким видам наказаний, чем лишение свободы, судимость погашается по истечении одного года после отбытия или исполнения наказания. Три года будут считаться судимыми лица, осужденные к лишению свободы за преступления небольшой (или средней) тяжести.

Как показали приведенные выше статистические данные, подавляющему числу виновных в совершении преступлений небольшой тяжести,

назначаются меры, не связанные с лишением свободы. Отнесение к уголовным проступкам некоторых преступлений небольшой тяжести не столь существенно, как полагают сторонники их включения в УК РФ, повлияет на общую картину судимости в России. Вместе с тем обоснованным выглядит разрешение коллизии с желанием идеологов дополнения УК РФ новым понятием и сложившейся системой отечественного уголовного права путем дополнения ст. 86 УК РФ новой частью 2.1, которая бы устанавливала, что «лица, совершившие преступление небольшой тяжести, за которые настоящим Кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, считаются несудимыми».

Кроме того, в УК РФ закреплены нормы, позволяющие назначать наказание ниже низшего предела (ст. 64 УК РФ), и их использование также способствовало бы облегчению участи тех, кто совершает уголовные проступки.

Высказанные аргументы распространяются и на преступления с административной преюдицией (ст. 116.1 УК РФ, ст. 151.1 УК РФ, ч. ч. 1, 2 ст. 157 УК РФ, ст. 158.1 УК РФ, ст. 171.4 УК РФ, ч. 1 ст. 215.4 УК РФ, ст. 264.1 УК РФ, ч. 2 ст. 314.1 УК РФ), поскольку они относятся к преступлениям небольшой тяжести, а санкции части из них не предусматривают наказание в виде лишения свободы.

Пожалуй, единственным положительным итогом включения уголовного проступка в УК РФ как свидетельства дальнейшей гуманизации уголовного законодательства в целом, следует признать возможность оказывать исправительное воздействие на лиц, их совершивших, без изоляции от общества, без разрыва социально-полезных связей и негативных последствий для близких родственников. Немаловажно и то, что такие лица сохраняют работу, не лишая тем самым дохода себя и свою семью, остаются полноценными членами общества. Однако такие же результаты получаются и от применения условного осуждения либо наказаний, не связанных с лишением свободы. Данные меры воздействия, как наглядно было продемонстрировано выше со ссылками на статистические данные, главным образом используются и в настоящее время за совершение деяний небольшой тяжести.

В заключении следует отметить, что перевод ряда преступлений в категорию уголовных проступков потребует широкомасштабного пересмотра приговоров в связи с принятием закона, улучшающего положение осужденных (ст. 10 УК РФ). И если в этом случае можно будет говорить об экономии уголовной репрессии, то об экономии государственных средств придется забыть.

Акопджанова Марианна Олеговна,
кандидат юридических наук
старший преподаватель кафедры философии, политологии и права
Краснодарского государственного института культуры

Уголовно-правовая защита жизни и здоровья, отношений собственности и общественной безопасности на современном этапе

Действующее российское уголовное законодательство призвано обеспечить правовые средства противодействия опасным угрозам современности, актуальность, адекватность данных правовых средств характеру и степени общественной опасности посягательств на права и законные интересы личности, общества и государства.

Осуществлению указанной задачи служит ныне наблюдаемое совершенствование ряда действующих уголовно-правовых норм, а также закрепление в уголовном законодательстве новых уголовно-правовых норм.

Например, в целях повышения уровня уголовно-правовой защиты жизни и здоровья личности Федеральным законом от 7 июня 2017 года № 120-ФЗ была введена уголовная ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ), организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ).

Ст. 110.1 УК РФ устанавливает ответственность за склонение к совершению самоубийства посредством уговоров, предложений, подкупа, обмана, иным способом (при отсутствии признаков доведения до самоубийства); содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств, орудий совершения самоубийства, устранением препятствий к его совершению, обещанием скрыть средства, орудия совершения самоубийства, а также указанные деяния, совершенные в отношении несовершеннолетнего либо лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, в материальной, иной зависимости от виновного; в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; в отношении двух или более лиц; группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). При этом наиболее строгая мера ответственности устанавливается за указанные деяния, повлекшие самоубийство или покушение на самоубийство.

Ст. 110.2 УК РФ предусматривает ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства посредством распространения информации о способах совершения само-

убийства, призывов к совершению самоубийства; сопряженное с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Объектом посягательств, за которые устанавливается уголовная ответственность в ст. 110.1 и 110.2 УК РФ, признаются жизнь и здоровье личности. Объективная сторона преступлений включает совершение действий, предусмотренных в диспозиции каждой из данных уголовно-правовых норм. Состав преступлений – формальный: деяние окончено в момент совершения хотя бы одного из перечисленных в статьях действий. Состав преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 110.1 УК РФ – материальный: преступление признается оконченным в момент совершения потерпевшим самоубийства.

Субъективная сторона преступлений, указанных в ст. 110.1 и 110.2 УК РФ характеризуется умышленной формой вины: виновное лицо осознавало общественную опасность совершаемых действий, предвидело соответствующие последствия и желало их наступления.

Субъект преступлений – общий: физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности – шестнадцати лет.

При этом в примечании к ст. 110.2 УК РФ в качестве основания освобождения от уголовной ответственности по данной статье, а также статьям 110 и 110.1 УК РФ, предусматривается добровольное прекращение соответствующей преступной деятельности и активное способствование раскрытию, пресечению указанных преступлений – при условии отсутствия в действиях виновного лица иного состава преступления.

Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ в Уголовный кодекс России была введена ст. 116.1 «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию», предусматривающая уголовную ответственность за нанесение побоев, совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 УК РФ, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного статьей 116 УК РФ, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние. Диспозиция данной нормы носит отсылочный характер, исключая из общего объема деяний, подпадающих под признаки данного преступления, действия, характеризующиеся как умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ) и побои (ст. 116 УК РФ), и бланкетный характер, поскольку в каждом случае применения данной нормы правоприменителю надлежит обращаться к нормам административного законодательства, устанавливающего административную ответственность за нанесение побоев (ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Объектом посягательства, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ, выступает здоровье личности. Объективная сторона состоит в совершении

виновным действий, перечисленных в диспозиции данной уголовно-правовой нормы, состав преступления – формальный: преступление окончено с момента совершения хотя бы одного из данных действий. Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины, субъект преступления – общий: физическое вменяемое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет.

Этим же Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ в Уголовный кодекс России была введена и ст. 158.1 УК РФ «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию», также содержащая в законодательной конструкции элементы административной преюдиции. Данная статья предусматривает уголовную ответственность за мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Объектом посягательства, уголовная ответственность за которое установлена ст. 158.1 УК РФ, являются отношения собственности. Объективная сторона включает действия, характеризующиеся как противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного (ране подвергнутого административному наказанию за мелкое хищение) или других лиц; общественно опасные последствия в виде причинения виновным ущерба собственнику или иному владельцу этого имущества на сумму, не превышающую 2500 рублей, и причинно-следственную связь между указанными действиями и наступившими общественно опасными последствиями. Состав преступления – материальный. Субъективная сторона деяния характеризуется умышленной формой вины. Субъект преступления – общий: физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцати лет.

В результате внесенных изменений в уголовное законодательство был также повышен уровень уголовно-правовой защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, что очень важно в свете обеспечения нормального и безопасного развития подрастающего поколения, будущего нашей страны.

Так, Федеральным законом от 7 июня 2017 года № 120-ФЗ была введены в Уголовный кодекс России ст. 151.2 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего», предусматривающая уголовную ответственность за склонение или иное вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, путем уговоров, предложений, обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, при отсутствии признаков склонения к совершению самоубийства, вовлечения несовершеннолетнего в

совершение преступления или антиобщественных действий; то же деяние, совершенное в отношении двух или более несовершеннолетних; группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).

Диспозиция данной уголовно-правовой нормы также носит отсылочный характер и исключает из общего объема деяний, характеризующихся признаками данного состава преступления, деяния, подпадающие под признаки склонения к совершению самоубийства (п. «а» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ), вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) или антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ).

Объектом преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ, является жизнь несовершеннолетнего. Объективная сторона характеризуется совершением виновным действий, предусмотренных в диспозиции данной уголовно-правовой нормы. Состав преступления – формальный: деяние окончено в момент совершения хотя бы одного из перечисленных в диспозиции нормы действий, создающих опасность для жизни несовершеннолетнего. Субъект преступления – специальный: физическое вменяемое лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста. Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме прямого умысла.

Федеральным законом от 6 июля 2016 года № 375-ФЗ в Уголовный кодекс была введена ст. 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении», устанавливающая ответственность за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ. При этом в примечании к данной статье отмечается, что лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления его супругом или близким родственником. Уголовная ответственность по данной статье наступает с четырнадцатилетнего возраста (ч. 2 ст. 20 УК РФ).

Введение уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за несообщение о преступлении, в структуру уголовного закона, призвано повысить эффективность превентивной функции уголовного права, устранить причины и условия, способствующие совершению преступления. Если ранее подобная возможность предоставлялась в рамках института деятельного раскаяния, то в настоящий момент законодатель расширил границы превентивной деятельности, включив в круг обязательных участников борьбы с преступностью общество в целом.

Федеральным законом от 3 апреля 2017 года № 60-ФЗ была введена ст. 267.1 УК РФ «Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транс-

портных средств», устанавливающая ответственность за совершение из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств. Введение данной статьи в структуру уголовного закона является важным шагом на пути повышения уровня обеспечения безопасности дорожного движения.

В свете внесенных в уголовное законодательство изменений представляется важным также отметить такое нововведение, как институт освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Согласно ст. 76.2 УК РФ, лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

Данная норма нашла отражение и в ч. 3 ст. 78 УК РФ, устанавливающей в качестве одного из условий приостановления течения сроков давности уклонение лица, совершившего преступление, от уплаты судебного штрафа, назначенного в соответствии со ст. 76.2 УК РФ. В этом случае течение сроков давности возобновляется с момента задержания указанного лица или явки его с повинной.

Институту освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в Уголовной кодексе в настоящий момент посвящена целая глава – глава 15.2 «Судебный штраф», также введенная Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ.

В данной главе дается определение судебного штрафа как денежного взыскания, назначаемого судом при освобождении лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ. Отмечается, что в случае неуплаты судебного штрафа в установленный судом срок судебный штраф отменяется и лицо привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ (ст. 104.4 УК РФ). Кроме того, устанавливается порядок назначения размера судебного штрафа, который не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. В случае, если штраф не предусмотрен соответствующей статьей Особенной части УК РФ, размер судебного штрафа не может быть более 250 тыс. рублей. При этом размер судебного штрафа должен определяться судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи, а также с учетом возможности получения указанным лицом заработной платы или иного дохода (ст. 104.5 УК РФ).

Алихаджиева Инна Саламовна,
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовно-процессуального права
и криминалистики Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)

Некоторые особенности государственной политики противодействия преступлениям против общественной нравственности: теоретико-правовой аспект

В Российской Федерации отдельным направлением государственной политики противодействия негативным последствиям проституции является использование арсенала средств уголовной политики как своей составляющей. Содержание таких средств, изложенных в уголовном законе в виде норм, предусмотренных ст. ст. 240-241 УК РФ, периодически подвергается ревизии.

Основными этапами реформирования рассматриваемой группы преступлений с момента принятия УК являлись:

1. Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» изменил уголовно-правовую формулу двух составов. Законодатель устранил описательную диспозицию, когда вовлечение излагалось посредством использованных для него способов – путем применения насилия или угрозы его применения, шантажа, уничтожения или повреждения имущества либо путем обмана, – и добавил к вовлечению новую разновидность – принуждение к занятию проституцией, отсутствовавшую в прежней редакции. Изменилась и часть вторая, в которую вместо организованной группы, перешедшей в часть третью, впервые были внесены новые квалифицирующие признаки: а) с применением насилия или с угрозой его применения; б) с перемещением потерпевшего через Государственную границу Российской Федерации или с незаконным удержанием его за границей; в) группой лиц по предварительному сговору. В формулировке третьей части появился признак вовлечения, совершенного «в отношении заведомо несовершеннолетнего».

После редакционных поправок статьи 241 УК, прежде именовавшейся «Организация или содержание притонов для занятий проституцией», в ней появились и новые формы организованной деятельности в сфере проституции – деяния, направленные на организацию занятия проституцией другими лицами и систематическое предоставление помещений для занятия проституцией. Объективная сторона дополнялась частями второй и третьей с закреплением в них квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков – лицом с использованием своего служебного положения; с применением насилия или с угрозой его применения; с использованием

для занятия проституцией заведомо несовершеннолетних; с использованием для занятия проституцией лиц, заведомо не достигших четырнадцатилетнего возраста.

К сожалению, проведенная модернизация норм не устранила их конструктивные и редакционные неточности, основными из которых является, во-первых, разное толкование термина «вовлечение», а отсюда – правоприменительный хаос при определении момента окончания вовлечения в занятие проституцией; не различение вовлечения и принуждения и неучет последнего как преступного, если оно имело место вместе с вовлечением; во-вторых, содержание притонов для занятия проституцией или систематическое предоставление помещений для занятия проституцией есть конкретизированная форма деяний, направленных на организацию занятия проституцией другими лицами, что нарушает описательную логику при построении альтернативной диспозиции; ст. 241 УК и ст. 6.12 КоАП устанавливают наказание за одни и те же действия, порождая конкуренцию двух отраслей.

2. Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» внес поправки в санкции ст. ст. 240-241 УК, снабдив их наказанием в виде ограничением свободы.

3. Федеральный закон от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», когда его поправками в санкциях двух составов появились принудительные работы.

4. Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» исключил из диспозиций ст. ст. 240-241 УК слово «заведомо» в тех случаях, когда эти преступления совершены против несовершеннолетних. На основании этого правового акта санкции были дополнены лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти и пятнадцати лет либо без такового (ч. 2 ст. 240 УК и ч. 3 ст. 241 УК).

5. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 380-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», по которому преступным признается получение сексуальных услуг несовершеннолетнего. Позитивно оценивая саму идею криминализации услуг детской проституции, отме-

чаем, что фактическое отсутствие сложившейся судебной практики по этой категории (как следует из статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, с момента вступления поправок в силу по ст. 2401 УК РФ было вынесено всего тридцать два приговора), явилось результатом ошибок при законодательном конструировании этой нормы.

В первоначальной редакции УК 1996 г. по каким-то причинам не счел возможным своевременно учесть положения специального акта – Конвенции о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами от 02 декабря 1949 года, подписанной СССР еще в 1954 году. Решение о криминализации предусмотренных ею сводничества, эксплуатации проституции и предоставления помещений для целей проституции было принято только спустя шесть лет действия уголовного закона в ходе реформы 2003 г. и повлекло их вменение в нарушение уголовного закона об обратной его силе[1]. До настоящего времени национальным правом не воспринято и другое международное предписание о том, что занятие ребенка проституцией приравнивается к его сексуальной эксплуатации, где он выступает жертвой, а не правонарушителем. Однако по правилам ст. 6.11. несовершеннолетний, достигший шестнадцатилетнего возраста, преследуется в административном порядке за занятие проституцией, что противоречит Факультативному протоколу № 2 к Конвенции ООН о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, и Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений.

Критическое осмысление понятийно-содержательного аппарата показывает, что в национальном уголовном праве нет четко сформулированных дефиниций «проституция», «детская проституция», «коммерческая сексуальная эксплуатация», «сексуальные преступления с коммерческими целями», «эксплуатация в проституции и иной незаконной сексуальной практике» и др. Понятия – сексуальная деятельность, сексуальная практика и их формы – даже не явились предметом нормативного закрепления в действующем праве, несмотря на требования Конвенции о правах ребенка

[1] Заявитель оспаривал конституционность применения ч. 1 ст. 241 УК РФ в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ. По его мнению, применение указанной нормы противоречит статьям 2, 4 (часть 2), 6, 17 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2) и 54 Конституции Российской Федерации, поскольку в момент пресечения сотрудниками правоохранительных органов его преступной деятельности ст. 241 УК РФ действовала в первоначальной редакции и не предусматривала такого признака запрещенного ею деяния, как систематическое предоставление помещений для занятия проституцией, в то время как новая редакция санкции этой нормы не улучшала его положения. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яницкого Вениамина Геннадьевича на нарушение его конституционных прав применением части первой статьи 241 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2015 г. № 866-О[Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

от 20 ноября 1989 г. о наказании за склонение или принуждение ребенка к таковым (ст. ст. 19, 34-35). В общем определении «эксплуатация человека», единожды данном в российском УК, сексуальная эксплуатация, эксплуатация проституции и иные формы сексуальной эксплуатации в ущерб правоприменению упомянуты без уточнения их признаков, удачно представленных в международных правовых источниках. Неразработанность специальных терминов порождает двоякое толкование диспозиции составов преступлений, связанных с занятием проституцией[1].

Не учтена российским законодателем и рекомендация Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. об усилении наказания за сексуальную эксплуатацию ребенка родителями, законными опекунами или любым другим лицом, заботящемся о нем. Для устранения отмеченного дефекта необходимо снабдить исследуемые составы квалифицирующим признаком специального субъекта – «родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего», – тем более что таковой предусмотрен для вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступление (ст. 150 УК), а равно криминализировать принуждение к занятию иными формами сексуальной деятельности.

В современной уголовной политике России нет отвечающей социальным ожиданиям концепции противодействия сексуальной эксплуатации и эксплуатации проституции как одной из ее форм, а потому перечисленные категории не стали терминологической основой уголовной ответственности за преступления, связанные с проституцией. Механизм воспрепятствования сексуальной эксплуатации, рекомендованный международным правом для имплементации в национальный закон, не востребован по причине невосприятия эксплуатации проституции и негативных ее последствий – трэффика, нелегальной миграции с целью занятия проституцией, порнографии, вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией, коррупции – как угроз национальной безопасности. Не механическое дублирование, а искусное использование успешных образцов юридических

[1] Так, в своей жалобе А. Э. Лазарянц оспаривал конституционность статьи 241 УК РФ «Организация занятия проституцией» в связи с тем, что в содержащейся в этой статье понятие «проституция» имеется, по его мнению, неопределенность. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца А. Э. на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 343-О [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Куваева Л. А. на нарушение его конституционных прав статьей 240 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 1494-О [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

решений с учетом достижений российской законодательной техники устранит правоприменительные изъяны уголовного преследования сексуальной эксплуатации и эксплуатации проституции.

Государственная политика противодействия проституции и ею порождаемым преступлениям на постсоветском этапе характеризуется направлением по ужесточению наказания для участников криминального секс-бизнеса. Стимулом правопослушного поведения, по мнению депутатского корпуса, является повышение максимальных пределов штрафа для проституток. Так, в 2004 г. депутаты Сахалинской областной Думы предлагали установить наказание за проституцию, то есть «вступление лица любого пола в половое сношение или иное действие сексуального характера, совершаемое вне брака с целью получения вознаграждения», со штрафом, обязательными работами либо арестом. И это при том, что социально-экономические первопричины проституции не устраняются, хотя и признаются руководством страны. Как заявил российский президент, комментируя доклад о якобы имеющемся у России компромате на избранного президента США Дональда Трампа, «проституция – это серьезное, безобразное социальное явление. Ведь молодые женщины занимаются этим в том числе и в связи с тем, что они по-другому не могут обеспечить себя достойным образом. И это в значительной степени вина общества и государства»[1]. Госдума отклонила законопроект по формальным, но легко устранимым, основаниям – коллизии между нормами уголовного и административного законодательства[2]. В 2014 г. членом Совета Федерации А.В. Беляковым вносился законопроект об исключении из КоАП РФ ст. 6.12. и введении в часть 1 ст. 241 УК новой разновидности организации занятия проституцией – получения дохода от занятия проституцией, если этот доход связан с занятием другого лица проституцией[3].

Предлагается и введение ответственности клиентов за покупку сексуальных услуг. Бывший глава комитета по вопросам семьи, женщин и детей Е.Б. Мизулина, например, еще в 2015 г. предложила установить уголовную ответственность для клиентов проституции взрослых по примеру некоторых штатов США и стран Скандинавии[4]. По новой статье 6.11.1 об

---

[1] Латухина К. Владимир Путин: заказчики фальшивок о Дональде Трампе хуже проституток // Российская газета. Столичный выпуск. – 2017. – 17 января.

[2] Уголовного наказания за проституцию в России пока не будет [Электронный ресурс] // Фонтанка : Интернет-газета: [сайт]. [2004]. URL: http://www.fontanka.ru/2004/11/19/100642/ (дата обращения: 24.08.2011).

[3] Куликов В. Сделано с любовью [Электронный ресурс] // Российская газета : Интернет-газета : [сайт]. [2014]. URL: https://rg.ru/2014/10/14/zakon.html (дата обращения: 17.03.2016).

[4] О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (в части усиления административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные статьями 6.11 и 6.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях): заключение Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей по проекту федерального закона № 29960-6 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

использовании услуг проституции клиенты подлежат денежному штрафу в том же размере, что и само оказание платных секс-услуг. Более крупный размер штрафа предусматривается для лиц, находящихся в зарегистрированном браке[1]. Подобная мера по снижению востребованности возмездных сексуальных услуг, как и введение ответственности за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 2401 УК), на наш взгляд, принципиально не разрешит проблему спроса, поскольку, во-первых, не сократит, а только законспирирует его с изысканием новых способов купли-продажи услуг при заинтересованности в ее непубличности двух сторон; во-вторых, увеличит нагрузку на правоохранительные органы; в-третьих, расширит пределы вторжения государства в личную жизнь граждан, провоцируя распад семьи при огласке факта обращения к проститутке; в-четвертых, повлечет возрастание стоимости услуг детей, поскольку их проституция составляет высокодоходную часть коммерческого сектора интимных услуг. Тем более, что уже имеется неудачный опыт административной наказуемости покупки[2]. В качестве еще одного способа ограничения проституции рассматривается установление уголовной ответственности за рекламу сексуальных услуг[3]. Иными словами, основными тенденциями государственной политики в отношении проституции являются следующие:

1. Проституция, как проблема с разрушительным зарядом социальных последствий, требующих адекватной упреждающей реакции, оставлена за пределами государственного приоритета, что способствует более изощренным и опасным ее формам – виктимизации секс-работников, коррупционным деликтам, нелегальной миграции, рискам вовлечения в проституцию несовершеннолетних и др. Общей стратегии с действенным механизмом, сокращающим ее рост, у государства, демонстрирующего формально отрицательное отношение к проституции, нет. Идет фактическая имитация борьбы с проституцией: провозглашая ее законодательный запрет с номинальной административной ответственностью, власть не предпринимает каких-то решительных действий для искоренения ее фундаментальных причин.

---

[1] Рункевич Д., Малай Е. Клиентов проституток накажут рублем и трудом [Электронный ресурс] // Известия: Интернет-газета: [сайт]. [2015]. URL: http://izvestia.ru/news/588688 (дата обращения: 24.08.2016).

[2] Так, в 2012 г. в Закон Белгородской области от 04 июля 2002 г. № 35 (ред. от 06.03.2017) «Об административных правонарушениях на территории Белгородской области» была введена ст. 6.24. об ответственности за получение сексуальных услуг на возмездной основе от лиц, занимающихся проституцией, предусматривавшая наложение административного штрафа в размере пяти тыс. руб. Ее положения предписывали опрос клиентов для составления административного протокола и их участие при рассмотрении производства о правонарушении в суде, однако через полтора года эта норма была изъята из регионального закона.

[3] Петелин Г., Раскин А. Рекламу проституток подведут под уголовную ответственность [Электронный ресурс] // Известия: Интернет-газета: [сайт]. [2014]. URL: http://izvestia.ru/news/564575 (дата обращения: 11.05.2015).

2. Отечественным законодательством требования императивных международных стандартов учитываются частью либо не предусматриваются вовсе, что обусловливает необходимость законодательной корректировки уголовного закона для усиления его эффективности и соблюдения международных обязательств. Для этого необходимо восполнить пробел в части неурегулированности российским уголовным правом понятий, разработанных на международном уровне. С учетом достижений российской законодательной техники требуется дефинитивная координация терминологического аппарата международных и отечественных норм для его использования во внутригосударственном уголовном праве.

3. В отсутствие за последнее десятилетие значимых специальных, а не общих, как пример – пенализация 2009, 2011, 2012 годов, – изменений уголовного закона по исследуемым преступлениям наблюдается правотворческая интенсивная инициативность в попытке ввести или увеличить административное или уголовное наказание лицам, участвующим в организации занятия проституцией – сутенерам, потребителям и проституткам, признать рекламу проституции преступлением. При этом при криминализации составов преступлений, связанных с проституцией, и поправках их диспозиции допущен ряд существенных пробелов.

Алтухов Сергей Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент
заведующий кафедрой уголовного права
и криминологииуголовного права и криминологии
Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)

Актуальные вопросы обеспечения законности и правопорядка

Законность представляет собой прежде всего точное и безусловное соблюдение всеми гражданами и должностными лицами установленных государством законов и иных нормативных правовых актов. Эта правовая категория и особый социальный феномен в любом государстве является важнейшим средством и условием развития демократического общества, ибо только на основе законности эффективно решаются задачи национально-государственного устройства, формируются соответствующие социально-экономические отношения и предпосылки для интеграции в мировой правопорядок, создаются надежные основы для обеспечения прав, свобод и законных интересов личности.

Определить состояние и уровень законности без такого связанного с нею компонента, как правопорядок, достаточно сложно по многим причинам. Во-первых, достаточно сложно охватить все многообразие общественных и правовых отношений в государстве для соответствующей

оценки соблюдения законов. Во-вторых, этому препятствует интенсивность самих законодательных процессов, изменяющих чуть ли не ежемесячно устоявшиеся принципы жизнедеятельности. Даже уголовное право в этой связи потеряло свою системность и перестало служить четким руководством для правоприменителя. В-третьих, объективность показателей работы соответствующих органов, в том числе по надзору за законностью, также вызывает много вопросов. Так, органы прокуратуры ежегодно выявляют сотни тысяч нарушений законов в той или иной сфере, а порядка не прибавляется.

Следует отметить, что проблемы обеспечения законности и правопорядка за последних несколько лет отошли на второй план. Даже обострение внутриполитической ситуации на Украине и последующие геополитические изменения на мировой арене, вызванные войной в Сирии и соседних с ней странах, а также американские и европейские санкции, не смогли пошатнуть государственно-правовые устои российского общества. Государство, выстроив достаточно мощную централизованную вертикаль управления, адекватно реагирует на соответствующие вызовы современности. Усилившееся внешнеполитическое давление позволило к тому же поднять в обществе дух патриотизма и любви к родине, сильнее сплотиться перед растущей внешней угрозой, ненадолго забыть о внутренних социальных проблемах.

С другой стороны, нарастание социальных противоречий, вызванных последствием острого внешнеполитического и социально-экономического кризиса, не могло не сказаться на состоянии законности и правопорядка в целом. Ухудшение показателей экономического развития страны, сокращение уровня реальных доходов населения, высокие инфляционные издержки и обесценивание национальной валюты и т.д., привело к острому дефициту бюджета, пересмотру государственных и региональных программ, сокращению их финансирования, что в свою очередь обусловило и высокий уровень напряженности в обществе.

Как известно, в условиях острого и затяжного экономического кризиса получают новый импульс многие отрицательные пороки человечества, выражающиеся в росте социального напряжения, формировании отчуждения и чувства безысходности, недоверия власти, повышении нервозности и агрессии и т.д. Указанные негативные тенденции, как правило, сопровождаются ростом преступности. Однако, статистическое благополучие преступности, при котором общее число зарегистрированных преступлений продолжает снижаться даже в период кризиса, приводит к мысли не только об объективности оценки современных тенденций преступности, но и состоянии законности в этой сфере.

Попытка разобраться с такими противоречивыми процессами отнюдь не является самоцелью, однако их анализ и научное обоснование позволит выявить некие проблемы, требующие своевременного и быстрого

разрешения. Так, никак не стыкуется и идет в разрез друг с другом соотношение числа заявлений и сообщений о преступлениях и динамика преступности. Только за период с 2005 по 2016 годы количество заявлений и сообщений выросло более чем в 2 раза – с 15 до 30,8 млн., преступность же за этот период снизилась примерно также – в 1,7 раза (с 3,6 до 2,16 млн.) почему?

В условиях набирающих силу процессов социального расслоения и имущественной дифференциации населения государство продолжает осуществлять выборочный контроль за деятельностью некоторых субъектов, особенно в сфере экономической деятельности, создавая для них дополнительные гарантии для проверок, а также привилегированные условия для освобождения от ответственности и наказания. Все это служит очередным стимулом для массовых и крупномасштабных хищений государственных ресурсов. Эта уже констатируют даже на государственном уровне. Так, по словам руководителя Счетной палаты Российской Федерации Т. Голиковой, только за 2015-2016 гг. половина проектов, полностью профинансированных из бюджета страны, не была сдана в эксплуатацию, строительство каждого четвертого такого объекта так и не началось, а 1700 объектов вообще «таинственно исчезли»[1].

Учитывая объемы финансирования (в 2016 году - 3,7 трлн. руб.) и достаточно высокую цену риска невозврата таких средств, можно с уверенностью сказать, что уровень законности в этой сфере оставляет желать лучшего, ибо субъекты уже освоили не только схемы традиционных приписок и искажений отчетности, но и новые механизмы фальсификации данных о финансовых операциях и расходованию бюджетных средств. Иными словами, состояние и уровень законности в этой, пожалуй, самой криминогенной отрасли, предопределяет развитие и других криминальных отношений.

Отражением низкого уровня законности служит и высокий уровень коррупции. Несмотря на достаточно четкие законодательные рамки и установленные правовые механизмы противодействия коррупционным проявлениям, правоприменительная практика страдает массой справедливых нареканий. Так, в одном из районов Краснодарского края недавно были досрочно прекращены полномочия местных депутатов, которые «забыли» указать в своих декларациях принадлежащее им имущество (автомобили, земельные участки, объекты недвижимости и т.д.)[2]. В другом регионе после обнаружения у депутата 27 незадекларированных квартир, приобретенных его супругой, Совет Думы, несмотря на представление проку-

[1] Он вам не бюджет – 2: куда исчезли 2 триллиона рублей. http://www.banki.ru/news/columnists/?id=10032505&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

[2] Подробнее: http://bloknot-krasnodar.ru/news/dva-khitrykh-deputata-skryli-na-kubani-tseloe-sost-887684?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

ратуры, поддержал своего коллегу и на сайте облдумы обновил сведения о доходах нарушителя антикоррупционного законодательства[1].

Определенным индикатором состояния законности и правопорядка в стране выступают замеры общественного мнения. Известные и не вызывавшие до последнего времени сомнения в объективности своих данных центры изучения общественного мнения демонстрировали кроме всего прочего и повышение уровня безопасности граждан от преступных посягательств. Так, согласно данным ВЦИОМ в 2017 году разгул преступности среди самых распространенных страхов граждан переместился на четвертую строчку вслед за внешними угрозами, экономическими проблемами и состоянием здоровья. Однако опубликованные на сайте центра «Собеседника» результаты расследование деятельности «Всероссийского центра изучения общественного мнения» позволяют сомневаться в подобного рода оценках. Да и собственные наблюдения за состоянием правопорядка на улицах и в общественных местах ряда городов и населенных пунктов показывают, что показатели тревоги и страхов населения оказывается намного выше общероссийских. Позволяют сомневаться в наличии высокого уровня безопасности и криминальные сводки, отражающие информацию о ежедневно совершаемых чрезвычайных происшествиях, совершении резонансных тяжких и особо тяжких преступлений, факты исчезновения людей и т. д.

Изложенное выше свидетельствует не только о серьезных проблемах в обеспечении законности и правопорядка в стране, но и необходимости активизации усилий государства, направленных на формирование духа законности, системы требований, предъявляемых обществом к поведению любого субъекта, независимо от его социального статуса, должностного положения, заслуг и т.д., а также реализации единообразия практики применения закона к любому нарушителю.

Андреева Ирина Алексеевна,
кандидат юридических наук
преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Уральского Юридического института МВД России

Современный криминологический портрет женской преступности

Проблемы женской преступности в современном обществе актуализировались, поскольку совершение преступления женщиной приводит к значительным общественно опасным последствиям, оказывающим влияние на проблему семейного воспитания, моральный климат в семье, где женщина ведет антиобщественный образ жизни, по степени своего воздей-

[1] Подробнее: https://rep.ru/articles/4142-u-deputata-nashli-srazu-27-tajnih-kvartir-prokuratura- potrebovala-lishit-millionera-deputatskih-polnomochij-no-kollegi-za-nego-zastupilis/

ствия оказывается неблагоприятным для членов семьи, особенно для несовершеннолетних, так как именно женщина выполняет обычно основные функции по воспитанию детей, в связи с этим вызвана необходимость в исследовании современных тенденций женской преступности, ее предупреждении и профилактики.

Первостепенное значение для изучения представленной проблематики имеет анализ статистических данных, отражающих количественные и качественные характеристики современной женской преступности. Так, в 2013 году количество женщин, совершивших преступления составляет – 156,2 тыс. лиц, в 2014 г. – 158,1 тыс. лиц, в 2015 г. – 172,1 тыс. лиц, в 2016 г. – 148 тыс. лиц, и в 2017 г. за период январь – февраль – 48,1 тыс. лиц. Исходя из представленных статистических данных, можно сделать вывод, что в целом статистика не стабильна. Нельзя сделать категоричного вывода об уменьшении или увеличении количества женщин, совершивших преступления. Однако, интерес в большей степени привлекли не количественные показатели, а качественные, которые свидетельствуют о таких опасных и негативных тенденциях, как; интенсивный рост тяжких деяний, увеличение рецидивных преступлений, снижение возраста правонарушительниц, немотивированная жестокость и другие. Насильственные способы разрешения конфликтов, подготовленность преступных актов стали характерными признаками личности современной преступницы. Весьма настораживающей реальностью стало выравнивание удельного веса мужчин и женщин, совершивших тяжкие насильственные преступления . Основными видами преступлений, которые совершаются женщинами, являются: кражи личного, государственного и имущественного характера (около 15%), обман покупателей (13-14%), незаконное изготовление, сбыт и хранение спиртных напитков (около 3%), детоубийство (65%), насильственные преступления (около 50%) .

В подтверждение вышесказанного, будет целесообразным, обратиться к конкретному примеру из судебной практики проявления женской преступности. Так, Серовским районным судом Свердловской области был вынесен приговор в отношении Васильевой Ксении Андреевны в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, т.е. убийство матерью новорожденного ребенка. Васильева, будучи беременной, в период с сентября 2013 года по май 2014 года вынашивала ребенка, рождение которого она не планировала и не желала. В вечернее время в установленный период Васильева, находясь у себя по определенному адресу почувствовала, что стали отходить воды и начались схватки, но об этом она никому не сообщила, за медицинской помощью не обратилась, в период с 00:30 до 01:00 прошла в баню, расположенную на прилегающей территории указанного дома, где самостоятельно родила живого ребенка женского пола. Сразу после рождения живого ребенка женского пола у Васильевой, внезапно возник умысел на убийство своей новорожденной дочери. Реализуя

задуманное, Васильева, действуя умышлено, с целью убийства, в один из дней в тайне от окружающих, отнесла своего новорожденного ребенка, находящегося в беспомощном состоянии, в безлюдное место, а именно на левый берег реки Пата в двух километрах от поселка Сосьва. Васильева осознавая, что новорожденный ребенок, оставаясь без одежды, без пищи, в месте и в погодных условиях, создающих опасность для его жизни, желая наступления смерти своей дочери, оставила последнюю в указанном месте на берегу реки. Далее, Васильева, с места происшествия скрылась, о месте нахождения дочери никому не сообщила. Данный пример проявления женской жестокости не является единичным. Совершая насильственные преступления против личности женщины подвержены такому свойству, как ригидность, т.е. невозможность или сложность в приспособлении к неожиданно изменившимся условиям окружающей среды человека. Как правило, непредвиденные ситуации пугают их и парализуют. Также при совершении таких деяний присутствует высокая импульсивность, неспособность адекватно воспринимать и оценивать возникающие жизненные трудности. Что и приводит к необдуманным, дезорганизованным деяниям. Среди осужденных женщин много таких, кто имеет невротические нарушения и иные тревожно-депрессивные состояния.

Итак, предлагается рассмотреть причинный комплекс женской преступности, которые формируются в условиях современной социальной жизни, а именно:

1) смешивание (уравнивание) социальных ролей мужчины и женщины;

2) деформация ценностей в нравственных отношениях между людьми;

3) распространение порнографии, проституции, доступности сексуальных связей;

4) недоступность повышения образовательного уровня женщины;

5) проявление экономической нестабильности, которое приводит к безработице, вследствие этого женщинам приходится выполнять работу не характерную для их психофизиологических особенностей.

6) отсутствие эффективных мер по реабилитации лиц женского пола после отбытия наказания в виде реального лишения свободы.

Все вышеперечисленные причины, способствующие проявлению женской преступности, взаимосвязаны и взаимозависимы между собой. В связи с этим, предупредительная и профилактическая деятельность должна осуществляться постоянно и системно по всем направлениям. Для общества наиболее важным является предотвращение возможных преступлений, а не наказание лиц после того, как они причинили вред общественным отношениям, а в частности предотвращение преступности со стороны лиц женского пола. Особо эффективным в рамках предупредительных и профилактических мер будет разработка и внедрение специальных программ, предназначенных для воздействия и искоренения женской преступности. Такие программы должны быть индивидуализированы, т.е. учиты-

вать психофизиологические особенности женщин. В основе программ должны быть приемы и методы, позволяющие пересмотреть предназначение и участие женщин в социуме, их роль в общественных процессах. При составлении и применении таких программ работа должна вестись в условиях постоянного взаимодействия с сотрудниками морально - психологических подразделений.

Также немаловажным будет проведение работы по формированию государственных стандартов, направленных на доступность повышения образовательного уровня женщин, повышения уровня правовых знаний. В рамках данной работы возможно достигнуть занятости лиц, возможности самоутвердиться в том или ином профессиональном направлении. Помимо этого, необходимо проведение мероприятий, направленных на развитие институтов семьи, что является основой для нашего общества. Несомненно, для этого необходима экономическая и политическая стабилизация нашего государства.

Относительно лиц женского пола, отбывающих реальные сроки в местах лишения свободы и освобожденных из мест лишения свободы. По этому направлению предлагается разработать криминалистические и оперативно-розыскные базы учета лиц женского пола, совершивших преступления по всем категориям. Это позволит систематизировать характеристики указанных лиц, а также максимально индивидуализировать профилактическую работу и предупредить совершений преступных деяний в дальнейшем.

Таким образом, необходимо сделать вывод, что женская преступность – это особое негативно социальное явление, которое требует особого подхода в профилактической и предупредительной деятельности не только сотрудников правоохранительных органов, но и других органов государственной власти, органов местного самоуправления, направленной на искоренение и минимизацию последствий преступности, учитывая психофизиологические особенности лиц женского пола. Современный портрет женской преступности является сложным изменчивым явлением, которое в силу своей специфики оказывает неблагоприятное влияние на общественные процессы и отдельные институты общества, особенно на семью, а также на нравственно-психологическую атмосферу в целом.

Баранчикова Марина Вячеславовна
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры уголовного права,
криминологи и психологии Орловского юридического
института МВД России имени В.В. Лукьянова
Перков Артем Александрович,
преподаватель кафедры уголовного права, криминологии
и психологии Орловского юридического
института МВД России имени В.В. Лукьянова

Обман как способ совершения социального и страхового мошенничества: уголовно-правовой и психологический аспекты

Социальное и страховое мошенничество представляют собой относительно новые и распространенные виды хищений, совершаемых российскими гражданами. Ответственность за данные виды мошенничества дифференцирована и с момента вступления в силу Федерального закона от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ[1] закреплена в самостоятельных уголовно-правовых нормах - ст. 159[2] УК РФ и 159[5] УК РФ.

За пятилетний период применения данных составов практика их уголовно-правовой оценки сталкивалась с рядом сложностей, в числе которых важное место занимало установление и доказывание обмана как способа совершения мошенничества, умысла на его совершение.

Обман выступает конструктивным признаком социального и страхового мошенничества, определят их специфику, отличие от смежных составов преступлений. Он имеет достаточно сложное содержание, включающее как субъективные, так и объективные компоненты, которые можно анализировать с психологических, философских, уголовно-правовых позиций.

Вообще с феноменом обмана, сотрудники правоохранительных органов сталкиваются достаточно часто. Правонарушители в процессе совершения преступления и затем, желая избежать ответственности, используют обман. Обман выступает понятием с четко выраженным негативным смыслом. Специфика правоохранительной деятельности заставляет относиться к обману отрицательно. Однако ряд исследований говорят о том, что ложь способствовала формированию вида Homosapience.

В частности, Н. Хамфри считает основой качественного скачка в развитии мозга человека появление социального интеллекта, в котором

[1] Федеральный закон от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2012. Федеральный выпуск. № 5951.

большая роль отводилась не приспособлению, а умению прогнозировать свое поведение и действовать в условиях неопределенности[1].

Его исследования были продолжены Р. Берном и Э. Вайтеном, которые доказали, что та особь, которая научилась вводить в заблуждение имела преимущество в вопросах репродукции. В своем труде «Маккивиалланский интеллект» ученые сделали вывод о том, что разум людей развился благодаря способности лгать, выстраивая отношения в группе сородичей[2].

Взгляды ученых на ложь никогда не отличались однозначностью. Многие философы осуждали этот феномен (М. де Монтень, А. Блаженный), другие высказывались за невозможность существования общества безо лжи (Ф. Ницще, З.Фрейд). Однако очевидно, что использование лжи при совершении преступлений, том числе мошенничества, выступает негативным показателем определенной дерзости преступника, открыто вводящего в заблуждение потерпевшего и причиняющего ему имущественный ущерб. При этом модно говорить о тождественности понятий «ложь» и «обман».

Пол Экман в своей работе «Психология лжи» отмечал, что ложь выступает «…как действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления о своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды»[3]. Он выделяет две формы лжи: умолчание (сокрытие правды) и искажение (сообщение ложной информации). Эти две формы лжи находят свое отражение при определении обмана как способа мошенничества, когда речь идет о сообщении лицу заведомо ложных сведений или умолчании об истинных фактах.

Специфика интерпретации обмана состоит в том, что законодатель обязывает в каждом конкретном случае устанавливать факт того, что лицо заведомо не намеревалось исполнять взятые на себя обязательства, сознательно вводило в заблуждение потерпевшего, желая незаконно обогатиться. При привлечении к ответственности за мошенничество в каждом случае необходимо доказывать, что факт наличия лжи имел место быть.

Правоприменитель должен помнить, что для обмана важен признак – неуведомление потерпевшего об истинных мотивах поступка. В ст. 159[2] УК РФ указано на *заведомость* предоставления ложных и (или) недостоверных сведений для незаконного получения выплат, то есть на наличие у преступника умысла на обман потерпевшего. Экман в своем определении говорит об умышленности, что по смыслу идентично понятию, введенному законодателем.

---

[1] Лесли И. Прирожденные лжецы. Мы не можем жить без обмана. - Москва: РИПОЛ Классик, 2012. С. 45.

[2] Спирица Е. Психология лжи и обмана: как разоблачить лжеца. – СПб.: Питер, 2016. С. 14-20.

[3] Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. – СПб.: Питер, 2010. С.21-23.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничества, присвоении и растрате» указано, что обман «может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений либо в умолчаниях об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение»[1].

При этом в социальном мошенничестве такой обман всегда сопряжен с предоставлением в органы исполнительной власти, учреждения и организации, уполномоченные принимать решения о назначении или продлении социальных выплат, официальных документов. Виновный может инициировать, продлевать такие незаконные выплаты или умалчивать о фактах, влекущих прекращение оснований для их получения.[2]

В свою очередь в ст. 1595 УК РФ, предусматривающей ответственность за мошенничество в сфере страхования, в качестве способа совершения указан обман относительно наступлении страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу. Соответственно обман может состоять в предоставлении в страховые организации заведомо ложной информации об основаниях возникновения страховых выплат, их объеме, обстоятельствах получения, их продлении; либо умолчании о прекращающих их фактах. Совершение преступления возможно и со стороны страховщика, когда его страховая деятельность является незаконной, в частности осуществляется без наличия специальных лицензий, разрешений, на недостоверных, поддельных бланках и т.п.

При оценке обмана важным обстоятельством выступает установление умысла виновного на введение в заблуждение потерпевшего. Если при активном обмане очевиден прямой умысел виновного, то при пассивном обмане не все так однозначно. Например, социальное мошенничество «предполагает наличие прямого умысла. Однако умолчание о фактах, влекущих прекращение выплат, может быть связано с забывчивостью, необязательностью лица, незнанием об обязанности уведомления компетентных органов о соответствующих фактах»[3]. В таких ситуациях важно установить характер вины виновного, специфику осознания им обмана как способа неправомерного получения выплат. При недоказанности умышленной формы вины можно говорить об отсутствии состава мошеннических действий со стороны виновного лица.

---

[1] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27.12.2007 № 51 // Рос.газ. 2008. 12 янв. № 4.

[2] Митрофанов Т.И. К вопросу об общественной опасности мошенничества при получении выплат // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 2 (31). С. 50-55.

[3] Бавсун М.В., Вишнякова Н.В. Реализация принципа вины при квалификации мошенничества при получении выплат // Уголовное право. 2015. № 1. С. 11 - 15.

Для страхового и социального мошенничества могут быть характерны разные виды обмана. Это могут быть обман относительно действительных намерений, в том числе обещание выплаты значительной страховой суммы, превышающей сумму внесенных страховых платежей при накопительном страховании; обман, содержащийся в документах, дающих право на получение денежных средств; обман в каких-либо фактах или событиях, обман в личности виновного и др. Обман может быть связан даже с событиями, которые якобы должны произойти в будущем. Классическим примером такого обмана является обман о наступлении страхового случая, при котором лицо сначала страхует свою автомашину, а затем имитирует ее хищение для получения страхового возмещения.[1]

В большинстве случаев обман в рассматриваемых видах мошенничества связан с основанием получения денежных средств и сопряжен с предоставлением ложных (или сокрытием) фактов и использованием недостоверных документов, дающих право на получение социальных и страховых выплат.

В п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 указано, что «действия, состоящие в противоправном получении социальных выплат и пособий.. или другого имущества на основании чужих личных или иных документов (например, пенсионного удостоверения, свидетельства о рождении ребенка..), подлежат квалификации по статье 159 УК РФ как мошенничество путем обмана. Если виновным указанные документы были предварительно похищены, то его действия должны быть дополнительно квалифицированы по части 1 статьи 325 УК РФ (если похищен официальный документ) либо по части 2 этой статьи (если похищен паспорт или иной важный личный документ)». С учетом данной рекомендации Пленума аналогичным образом должны быть квалифицированы действия лиц, совершивших социальное и страховое мошенничество с использованием чужих или похищенных документов, то есть по совокупности ст. 159^2 УК РФ или 159^5 УК РФ и ст. 325 УК РФ.

По утверждению Н.А. Лопашенко, поскольку вст. 159 УК РФ ничего не говорится об обязательной подделке документов при обмане или злоупотреблении доверием, то подделка документов, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей, должна квалифицироваться дополнительно по ч. 1 или ч. 2 ст. 327 УК РФ, а в некоторых случаях - по ст. 292 УК РФ.[2] Соответственно при совершении социального и страхового мошенничества с использованием поддельных документов требуется аналогичная дополнительная квалификация.

---

[1] Лопашенко Н.А.Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. М.: ЛексЭст, 2005. С. 142-145.

[2] Лопашенко Н.А.Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. М.: ЛексЭст, 2005. С. 142-145.

В ситуациях, когда социальное или страховое мошенничество были пресечены на этапе состоявшейся подделки виновным документов для их совершения, квалификация осуществляется как приготовление к мошенничеству, если оно имеет квалифицирующие признаки, предусмотренные соответствующей статьей, то есть является тяжким преступлением.

Очевидно, что разнообразие обмана как способа совершения социального и страхового мошенничества может быть великое множество. Специфика же его для данных видов составов состоит в том, что виновный не просто обманывает обычных граждан, он посягает на интересы организаций. В результате вред причиняется сфере социального обеспечения, страховым компаниям. Такие деяния сопряжены с незаконным воздействием на сферу официального документооборота, деятельностью иных государственных органов, взаимодействующих с потерпевшей стороной. Последствия мошенничества усугубляются подрывом не только экономической состоятельности и надежности конкретных сфер, призванных оказывать помощь гражданам, но дальнесрочными неблагоприятными тенденциями повышения затрат государства и страховых компаний за компенсацию вреда, причиненного мошенниками.

В современный период уголовно-правовая охрана социальной и страховой сфер выступает важным направлением государственной политики противодействия преступности. Совершенствование практики контроля за фактами необоснованных претензий на незаконное получение социальных и страховых выплат, обеспечение неотвратимости ответственности за мошенничество, представляется окажутся сдерживающим фактором противоправного воздействия на экономическую сферу.

Бахур Олег Иванович,
кандидат юридических наук, доцент
заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии
Минской академии МВД Республики Беларусь

Проблемы криминализации жестокого обращения с животными в Республике Беларусь

Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. среди прочего примечателен и тем, что перейдя к новой иерархии ценностей, охраняемых международными нормами права и действующей Конституцией Республики Беларусь, где во главу угла поставлен человек, он впервые выделил в самостоятельную группу преступления против общественной нравственности. Так, например, уголовные кодексы 1922 и 1928 годов вообще не выделяли общественную нравственность в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. Вместе с тем, нравственные устои обще-

ства, его нравственное здоровье являются элементом общественной безопасности, определяют будущее любого общества и государства. Общественную нравственность составляет система норм и правил поведения, идей, обычаев, традиций, представлений о добре и зле, справедливости и несправедливости, долге и чести.

В настоящее время система преступлений против нравственности в уголовном законодательстве Беларуси продолжает формироваться. Об этом свидетельствуют и последние изменения в УК Республики Беларусь. В УК была включена ст. 339-1 «Жестокое обращение с животным».

Отметим, что в настоящее время нельзя говорить о полной ясности в вопросе криминализации такого рода деяний. Так, в научной литературе в качестве оснований криминализации указывается на:

1) необходимость защиты животных от жестокого обращения;
2) утверждение в обществе принципов гуманности и укрепление его нравственного состояния.

Ряд ученых обосновывает общественную опасность жестокого обращения с животным тем, что жестокость по отношению к животным, их истязание способствуют формированию у людей, особенно у подростков и молодежи, чувства равнодушия к страданиям живых существ, закрепляют в поведении человека низменные стремления, что порождает подчас агрессивность и насилие по отношению к окружающим, вандализм, глумление над людьми. Высказывается мнение, что жестокость по отношению к животным часто порождает многие преступления, отмечается, что люди, мучающие животных, часто переносят такое поведение на своих близких и на других им подвластных людей. Отмечается, что это является одним из главных причин криминализации жестокого обращения с животным.

Однако, необходимо отметить, что не смотря на то, что ряд криминологов и специалистов в области уголовного права ссылаются на научные исследования и судебную практику, обосновывая то, что издевательства над животными, их умерщвление (особенно в малолетнем или несовершеннолетнем возрасте), определяет формирование личности большинства убийц, лиц, совершающих тяжкие телесные повреждения, разбои, хулиганство, данный тезис остается не доказанным и дискуссионным. Поскольку ни в одной из опубликованных работ не указывается на наличие прямой причинно-следственной связи в этом вопросе и четко не установлено какова доля лиц, мучавших животных, среди преступников, совершивших насильственные преступления.

Безусловно, существует необходимость гуманного обращения с животными, которое не полностью исчерпывается отсутствием жестокого обращения с ними в трактовке ст. 339-1 УК, где указывается на наличие последствий в виде гибели или увечья животного. Тут важно отметить, что правоотношения в рассматриваемой сфере предполагается комплексно урегулировать Законом Республики Беларусь «Об обращении с животны-

ми», проект которого в настоящее время рассматривается Национальным собранием (далее – Проект). Проект предусматривает правила обращения с животными вне зависимости от их вида (домашними, дикими, используемыми в культурно-зрелищных мероприятиях, сельскохозяйственными животными и т.д.), исключающие боль и страдания животных. При этом, под жестоким обращением с животными предлагается понимать – действия (бездействие), влекущие чрезмерные физиологические нагрузки, истощение от длительного голодания, травму, увечье или гибель животных, побои, истязание животных. Полагаем, что наиболее эффективными механизмами реализации положений Проекта были бы гражданско-правовые и административно-правовые меры. Установление же уголовной ответственности в данной сфере, мы считаем не в полной мере обоснованным с криминологической точки зрения. Тут целесообразно упомянуть о принципе экономии мер уголовного принуждения, а также необходимости проведения борьбы с правонарушениями в рассматриваемой сфере наиболее рациональными и экономически обоснованными методами.

Отметим, что проблемы, связанные с гуманным обращением с животными, входят в сферу отношений по охране общественной нравственности. Поскольку не гуманное отношение к животным является показателем нравственности людей, то эта проблема должна решаться путем повышения нравственности общества. Криминологической наукой давно доказано, что наибольшую эффективности в этом имеют общесоциальные меры, а не уголовно-правовые. Трудно утверждать, что установление уголовной ответственности за жестокое обращение с животными повысит нравственность белорусского общества.

Обратимся к юридическому анализу нового состава преступления, предусмотренного ст. 339-1 УК. Предметом данного преступления могут быть как домашние, сельскохозяйственные, так и дикие животные, живые существа, как взрослые особи, так и их молодь.

Объективная сторона нового состава преступления включает: деяние – жестокое обращение с животными, преступные последствия – гибель животных или причинение им увечья, причинно-следственную связь между указанными деянием и последствиями.

Как уже указывалось выше жестокое обращение может выражаться как в действии, так и в бездействии. При этом совершенное деяние должно трактоваться в контексте норм Проекта. Так, к действиям можно отнести избиение животных, их истязание, умерщвление, использования для опытов (за исключением лабораторных опытов, соответствующих требованиям ст. 18 Проекта), использование животных для соревнований, при которых они гибнут или причиняют себе увечья (например, бой бойцовых собак).

Жестокое обращение в форме бездействия может выражаться в лишении животного пищи, воды, помощи. Ответственность за бездействие наступает только в том случае, если лицо, было, обязано заботится о животном, тут так же важна корреляция с нормами Проекта.

Для наступления уголовной ответственность законодатель предусматривает четыре обязательных условия. Одно из них относятся к объективной стороне: жестокое обращение с животными в присутствии малолетних, то есть лиц, не достигших 14 лет.

Три других условия характеризуют субъективную сторону преступления: 1) совершение деяния из хулиганских побуждений; 2) совершение деяния из корыстных побуждений, выражающихся стремлении лица получить материальную выгоду или избавиться от материальных затрат; 3) совершение деяния из иных низменных побуждений.

Состав преступления, предусмотренного ст. 339-1 УК сконструирован как материальный.

Полагаем, что анализируемая норма вызовет ряд сложностей с применением. Так, в ст. 35 Проекта указывается на легальность умерщвления животных при указанных условиях, среди которых предусматривается необходимость умерщвления новорожденного приплода и приплода с врожденными физическими пороками (п. 1.4). Однако в этом случае обязательным условием является осуществление умерщвления приплода специалистом ветеринарной службы до трехсуточного возраста приплода. Отметим, что практика умерщвления приплода домашних животных широко распространена в Беларуси (особенно в деревнях) и весьма далека от указанных выше требований. Представляется сомнительным, что ради решения этого вопроса деревенские жители станут обращаться к ветеринару (особенно когда это связано с поездкой в районный центр). Как известно кошки прячут свой приплод, поэтому не ясно как быть если он обнаружен на четвертый день? Возникает закономерный вопрос, должен ли нести уголовную ответственность человек совершивший умерщвление сам, или если оно совершено на четвертый день? Формально все признаки состава на лицо, однако в чем тут общественная опасность, присущая преступлению?

Таким образом, резюмируя вышеуказанное, отметим, что с введением анализируемой нормы в УК можно было бы согласится в случае, если бы в ее конструкцию была включена административная преюдиция:

«Жестокое обращение с животным, повлекшее его гибель или увечье, совершенное из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений либо в присутствии заведомо малолетнего (жестокое обращение с животным), совершенное в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение».

Бимбинов Арсений Александрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

Незарегистрированная медицинская продукция как предмет преступления, предусмотренного статьей 238.1 УК РФ

Предметом преступления являются вещи материального мира или интеллектуальные ценности, воздействуя на которые виновный нарушает или ставит под угрозу нарушения общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Как правило, предмет преступления относится к факультативным признакам состава. Однако в отельных случаях, когда законодатель конкретно определяет предмет преступления в статье Особенной части УК РФ, он является обязательным признаком. В статье 2381 УК РФ указано, что одной из разновидностью предмета преступления выступают-незарегистрированные лекарственные средства или медицинские изделия (медицинская продукция), поэтому точное установление содержания названных категорийявляется залогом правильной квалификации и законного справедливого решения правоприменителя.

В отличие от фальсифицированных и недоброкачественных лекарственных средств и медицинских изделий указанные категории законодательного определения не имеют. Характеристика данной медицинской продукции приводится в научной литературе, причем не всегда однозначно. Так, Ю.В. Грачева пишет, что незарегистрированными лекарственными средствами и медицинскими изделиями являются такие средства и изделия, у которых отсутствует регистрационное удостоверение, подтверждающее факт государственной регистрации[1]. Такого же мнения относительно предмета преступления придерживается И.В. Фирсов[2]. К.А. Барышева же считает, что незарегистрированными лекарственными средствами являются лекарственные средства, не прошедшие регистрацию, а также препараты, прошедшие клинические испытания и применяемые за рубежом, но не вошедшие в государственный реестр в РФ[3].

Изложенные определения, безусловно, отражают суть рассматриваемых категорий. Однако для более точного установления признаков назван-

[1] См.: Грачева Ю.В. Предмет преступления, предусмотренного ст. 238[1] УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIII Международной научно-практической конференции (28-29 января 2016 г.). М., 2016. С. 375.

[2] См.: Фирсов И.В. Незаконный оборот медицинской продукции: уголовно-правовое исследование: дисс. …канд. юрид. наук. М., 2017. С. 110.

[3] См.: Барышева К.А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. М., 2017. 736 с. // СПС «КонсультантПлюс».

ной разновидности исследуемого предмета преступления необходимо детальное изучение регулятивного законодательства.

Анализ нормативного материала в сфере государственной регистрации лекарственных средств и медицинских изделий1 показывает, что производитель зарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий может не иметь регистрационного удостоверения, например в случае утраты, и восстановить его, уплатив государственную пошлину. Незарегистрированными лекарственными средствами могут являться препараты, прошедшие регистрацию, но лишившиеся ее в связи с окончание срока или отмены.

Более того, законодательство о здравоохранении допускает в отдельных случаях обращение незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий. Согласно закону об обращении лекарственных средств не подлежат регистрации лекарственные препараты, изготовленные аптечными организациями по рецептам, приобретенные за границей лекарственные препараты для личного использования, лекарственные препараты, ввозимые в Российскую Федерацию для оказания медицинской помощи по жизненным показаниям конкретного пациента на основании разрешения Минздрава РФ, лекарственные средства, ввозимые для проведения клинических исследований и экспертизы в целях государственной регистрации, радиофармацевтические лекарственные препараты, лекарственные препараты, производимые для экспорта. Также допускается ввоз незарегистрированных лекарственных препаратов для осуществления медицинской деятельности на территории международного медицинского кластера, использования работниками дипломатического корпуса или представителями международных организаций, лечения пассажиров и членов экипажей транспортных средств, лечения участников международных культурных, спортивных мероприятий и участников международных экспедиций. Относительно медицинских изделий допускается их обращение без регистрации, если они: изготовлены по индивидуальным заказам пациентов для личного использования, предназначены для использования на территории международного медицинского кластера или на территориях инновационных научно-технологических центров, ввезены для проведения допинг-контроля в порядке, установленном Правительством Российской

[1] Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства РФ, 19.04.2010, № 16. Ст. 1815.; Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 28.11.2011, № 48. Ст. 6724.; Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1416 «Об утверждении Правил государственной регистрации медицинских изделий» // Собрание законодательства РФ, 07.01.2013. № 1. Ст. 14.; Постановление Правительства РФ от 19.06.2012 № 615 «Об утверждении Правил ведения государственного реестра медицинских изделий и организаций (индивидуальных предпринимателей), осуществляющих производство и изготовление медицинских изделий» // Собрание законодательства РФ, 25.06.2012. № 26. Ст. 3532.

Федерации, произведены или ввезены для проведения испытаний или исследований, в том числе в целях последующей регистрации.

Все это свидетельствует о том, что характеристика рассматриваемой разновидности предмета преступления должна быть более определенной.

Представляется, что под незарегистрированными лекарственными средствами следует понимать не включенные в государственный реестр лекарственные препараты, подлежащие государственной регистрации, но не имеющие ее. Так, Приговором Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону Кочерьянц А.В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 2381 УК РФ. По делу установлено, что Кочерьянц А.В. сбыл [ФИО6] партию незарегистрированных в Государственном реестре лекарственных средств препаратов на общую сумму 108 000 рублей[1].

Под незарегистрированными медицинскими изделиями следует понимать не включенные в государственный реестр медицинские изделия, подлежащие государственной регистрации, но не имеющие ее. Так, Приговором Октябрьского районного суда г. Самары Севцов А.А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 2381 УК РФ. По делу установлено, что Севцов А.А., осознавая, что медицинские изделия «Dermal Filler Platinum Gold», «Dermal Filler Platinum Silver», «Dermal Filler Platinum Bronze» не зарегистрированы и не допущены к обращению на территории Российской Федерации, осуществил их сбыт через своего работника на общую сумму 114 тысяч 346 рублей[2].

Следует отметить, что как в науке, так и в профессиональном сообществе высказываются резонные сомнения относительно криминализации обращения незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий. Так, Е.С. Иликбаева пишет, что в связи с предусмотренной законом возможностью в определенных случаях ввозить и реализовывать незарегистрированные лекарственные средства, встает вопрос о целесообразности включения в предмет преступления, предусмотренного статьей 2381 УК РФ, указанной медицинской продукции без объяснения по вопросу о том, какие именно лекарственные препараты будут относиться к данной категории[3].Т.П. Деревянская считает, что обращение незарегистрированной медицинской продукции, которая раннее была зарегистрирована в

[1] Приговор Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону от 27 августа 2015 года. Дело № 1-600/2015 // https://rospravosudie.com/court-pervomajskij-rajonnyj-sud-g-rostova-na-donu-rostovskaya-oblast-s/act-503859361/

[2] Приговор Октябрьского районного суда г. Самары от 11 мая 2016 года. Дело № 1-164/2016 // https://rospravosudie.com/court-oktyabrskij-rajonnyj-sud-g-samary-samarskaya-oblast-s/act-524537028/

[3] См.: Иликбаева Е.С. Фальсифицированные, недоброкачественные и незарегистрированные лекарственные средства как предмет преступления, предусмотренного статьей 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 78.

России или зарегистрирована в других странах, не является общественно опасным деянием, так как не несет угрозы для жизни и здоровья людей[1].

Изложенные позиции по данному вопросу действительно обоснованы в определенных ситуациях. Так, например, по выше названному приговору Октябрьского районного суда г. Самары от 11 мая 2016 года Севцов А.А. признан виновным в сбыте незарегистрированных медицинских изделий и приговорен к трем годам лишения свободы условно. Между тем, 19 июля 2016 года, через два месяца после постановления приговора, Росздравнадзор выдал регистрационное удостоверение реализованным Севцовым А.А. медицинским изделиям[2], что свидетельствует о крайне не высокой степени общественной опасности содеянного.

Представляется, тем не менее, что криминализация обращения незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделийвполне разумна и социально обусловлена. Стандарты оказания медицинской помощи предполагают использование исключительно легальной во всех смыслах медицинской продукции. Применение незарегистрированного лекарственного препарата или медицинского прибора по назначению врача указывает на некомпетентность медицинского работника или, по крайней мере, на его чрезмерную рискованность. Использование же медицинской продукции, не включенной в государственный реестр, самостоятельно пациентом, без ведения и контроля со стороны врача,представляет прямую угрозу его жизни и здоровью. Так, распространяемые в настоящее время доступные лекарственные препараты для лечения вирусного гепатита С, не имеющие государственной регистрации в Российской Федерации, представляют серьезную опасность для пациентов и в лучшем случае просто не оказывают никакого лечебного эффекта[3].

---

[1] См.: Деревянская Т.П. Незарегистрированные лекарственные средства как предмет преступления, предусмотренного ст. 238[1] УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIV Международной научно-практической конференции (26-27 января 2017 г.). – Москва: Оригинал-макет, 2017. С. 447.

[2] Регистрационное удостоверение № РЗН 2016/3989 от 19.07.2016 г. //http://www.roszdravnadzor.ru/services/misearch

[3] См.: Шестакова И.В. Насколько велика опасность использования не зарегистрированных в Российской Федерации лекарственных средств для лечения хронического гепатита С? // Инфекционные болезни: новости, мнения, обучение. 2016. № 2 (15). С. 28.

Бикмашев Виталий Абдулхаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России заслуженный юрист Кубани

Арифметика уголовного закона

Подобно тому, как все искусства тяготеют к музыке,
все науки стремятся к математике.
Джордж Сантаяна[1]

20 лет прошло с момента как Уголовный кодекс вступил в законную силу на территории Российской Федерации. За этот период он, на наш взгляд, подвергся большому количеству корректив. Достаточно сказать, что по состоянию на 1 октября 2017 года в Уголовный кодекс внесено 1795 изменений и дополнений. Данный факт проиллюстрируем с помощью таблицы1.

Название разделов и глав УК РФ	Кол-во статей по состоянию на 01.01.1997 г.	Кол-во статей по состоянию на 01.10.2017 г.	Кол-во поправок
Общая часть			
Раздел I. Уголовный закон			
Глава 1. Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации	8	8	-
Глава 2. Действие уголовного закона во времени и в пространстве	5	5	3
Раздел II. Преступление			
Глава 3. Понятие преступления и виды преступлений	5	4	9
Глава 4. Лица, подлежащие уголовной ответственности	5	5	2
Глава 5. Вина	5	5	1
Глава 6. Неоконченное преступление	3	3	-
Глава 7. Соучастие в преступлении	5	5	3
Глава 8. Обстоятельства, исключающие преступность деяния	6	6	3
Раздел III. Наказание			

[1]Джордж Сантаяна, американский философ (1863-1952)

Глава 9. Понятие и цели наказания. Виды наказаний	17	17	46
Глава 10. Назначение наказания	15	17	50
Раздел IV. Освобождение от уголовной ответственности и от наказания			
Глава 11. Освобождение от уголовной ответственности	4	5	12
Глава 12. Освобождение от наказания	5	7	37
Глава 13. Амнистия. Помилование. Судимость	3	3	6
Раздел V. Освобождение от уголовной ответственности и от наказания			
Глава 14. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних	10	10	28
Раздел VI. Иные меры уголовно-правового характера			
Глава 15. Принудительные меры медицинского характера	8	8	29
Глава 151. Конфискация имущества	-	3	40
Глава 152. Судебный штраф	-	2	3
Особенная часть			
Раздел VII. Преступления против личности			
Глава 16. Преступления против жизни и здоровья	21	24	105
Глава 17. Преступления против свободы, чести и достоинства личности	5	6	37
Глава 18. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности	5	5	29
Глава 19. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина	14	19	88
Глава 20. Преступления против семьи и несовершеннолетних	8	9	29
Раздел VIII. Преступления в сфере экономики			
Глава 21. Преступления против собственности	11	17	99
Глава 22. Преступления в сфере экономической деятельности	32	54	249
Глава 23. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях	4	6	20
Раздел IX. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка			
Глава 24. Преступления против общественной безопасности	23	39	217

Глава 25. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности	18	34	150
Глава 26. Экологические преступления	17	18	91
Глава 27. Преступления противбезопасности движения и эксплуатации транспорта	9	17	55
Глава 28. Преступления в сфере компьютерной информации	3	4	7
Раздел X. Преступления против государственной власти			
Глава 29. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства	10	16	55
Глава 30. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления	9	15	61
Глава 31. Преступления против правосудия	23	24	99
Глава 32. Преступления против порядка управления	14	22	96
Раздел XI. Преступления против военной службы			
Глава 33. Преступления против военной службы	22	22	21
Раздел XII. Преступления против мира и безопасности человечества			
Глава 34. Преступления против мира и безопасности человечества	8	10	15

Как видно из содержания таблицы, количество глав увеличилось на две, а количество статей на 109. Наибольшее количество изменений коснулось главы 151, в которой статьи, в среднем, корректировали 13,3 раза (!). Но больше всего вносилось поправок в статью 1041 УК РФ «Конфискация имущества» - 35 раз в течение 11 лет. В целом, получается, что за анализируемый период времени, в среднем, каждая статья УК подвергалась поправкам 5 раз.

Понятно, что правоприменительная практика не стоит на месте и постоянно нуждается в переоценке взглядов. Для сравнения приведем в качестве примера исторический аспект УК РСФСР. За 36 лет существования уголовного законодательства РСФСР в него было внесено 705 поправок, что в переводе на язык математики означает, что нормы УК РСФСР подвергались корректировкам в среднем 2,6 раза. Напрашивается вывод, что данное сравнение идет не в пользу Уголовного кодекса Российской Федерации, а применение новых поправок не соответствует целям, ради которых эти поправки принимаются. Например, увеличение видов мошенничества с одного до семи, на наш взгляд, избыточно, поскольку идет в разрез с

постановлением Пленума Верховного Суда РФ 27.12.2007 №51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». В материалах данного Пленума достаточно доступно были раскрыты вопросы квалификации мошенничества, что говорит о том, что необходимости принимать новые виды мошенничества не было. Тем более, что в июле 2016 года из УК РФ была исключена статья 1594 «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности», поскольку противоречила Конституции РФ.

Небезынтересным, на наш взгляд, представляются обоснования исключений отдельных статей из УК. Так, например, в декабре 2003 года утратила силу статья 16 УК РФ «Неоднократность преступлений». В результате чего из Особенной части были исключены 53 квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков. Для более убедительной наглядности прокомментируем данный факт с помощью таблицы 2.

№ п/п	Название статьи УК РФ	Квалифицирующие признаки	Особо квалифицирующие признаки
1	Статья 105. Убийство	п. «н» ч.2	
2	Статья 111. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью		п. «в» ч.3
3	Статья 112. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью	п. «ж» ч.2	
4	Статья 126. Похищение человека	п. «б» ч.2	
5	Статья 127. Незаконное лишение свободы	п. «б» ч.2	
6	Статья 131. Изнасилование	п. «а» ч.2	
7	Статья 132. Насильственные действия сексуального характера	п. «а» ч.2	
8	Статья 146. Нарушение авторских и смежных прав	ч.2	
9	Статья 147. Нарушение изобретательских и патентных прав	ч.2	
10	Статья 151. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий		ч.3
11	Статья 152. Торговля несовершеннолетними	п. «а» ч.2	
12	Статья 158. Кража	п. «б» ч.2	
13	Статья 159. Мошенничество	п. «б» ч.2	
14	Статья 160. Присвоение или растрата	п. «б» ч.2	
15	Статья 161. Грабеж	п. «б» ч.2	
16	Статья 162. Разбой	п. «б» ч.2	

17	Статья 163. Вымогательство	п. «б» ч.2	
18	Статья 164. Хищение предметов, имеющих особую ценность	п. «б» ч.2	
19	Статья 165. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием	ч.2	
20	Статья 166. Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения	п. «б» ч.2	
21	Статья 174. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем	п. «б» ч.2	
22	Статья 178. Ограничение конкуренции	ч.2	
23	Статья 179. Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения	п. «а» ч.2	
24	Статья 180. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)	ч.2	
25	Статья 181. Нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм	ч.2	
26	Статья 184. Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса	ч.2	
27	Статья 187. Неправомерный оборот средств платежей	ч.2	
28	Статья 188. Контрабанда		п. «а» ч.3
29	Статья 194. Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица	ч.2	
30	Статья 199. Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией - плательщиком страховых взносов	ч.2	
31	Статья 202. Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами	ч.2	
32	Статья 204. Коммерческий подкуп	ч.2	
33	Статья 205. Терроризм	п. «б» ч.2	
34	Статья 206. Захват заложника	п. «б» ч.2	
35	Статья 211. Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава	п. «б» ч.2	
36	Статья 221. Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ	п. «б» ч.2	

37	Статья 222. Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов	ч.2	
38	Статья 223. Незаконное изготовление оружия	ч.2	
39	Статья 226. Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств		п. «б» ч.3
40	Статья 227. Пиратство	ч.2	
41	Статья 228. Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества		п. «б» ч.3
42	Статья 229. Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества	п. «б» ч.2	
43	Статья 230. Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов	п. «б» ч.2	
44	Статья 231. Незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры	п. «б» ч.2	
45	Статья 234. Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта	ч.2	
46	Статья 245. Жестокое обращение с животными	ч.2	
47	Статья 260. Незаконная рубка лесных насаждений	п. «а» ч.2	
48	Статья 290. Получение взятки		п. «б» ч.4
49	Статья 291. Дача взятки	ч.2	
50	Статья 323. Противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации	ч.2	
51	Статья 326. Подделка или уничтожение идентификационного номера транспортного средства	ч.2	
52	Статья 327. Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков	ч.2	
53	Статья 335. Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности	п. «а» ч.2	

Одним из обоснований исключения «неоднократности» из уголовного закона было провозглашение равенства всех перед законом. По нашему глубокому убеждению, этот аргумент не совсем убедительный и, более того, сомнительный. Нельзя, на наш взгляд, ставить знак равенства между лицом, совершившим преступление небольшой тяжести впервые, и лицом, совершившим тяжкое или особо тяжкое преступление два и более раза. Тем более, что одним из признаков принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) является соответствие наказания личности виновного. А как видно из содержания приведенной таблицы, среди преступлений находятся деяния, обладающие более высокой степенью и характером общественной опасности, направленные против жизни, здоровья, свободы, половой неприкосновенности, собственности, сферы экономики, общественной безопасности, здоровья населения, интересов государственной службы, порядка управления, военной службы.

Из 469 статей УК по состоянию на 1 октября 2017 года 50 статей не подверглись изменениям и дополнениям, из них 41 статья Общей части и 9 статей Особенной части (статьи 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 18, 19, 21, 22, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 55, 60, 66, 67, 81, 84, 85, 89, 94, 98, 284, 336, 339, 340, 341, 345, 353, 356, 358).

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о том, что законы перед принятием должны проходить серьезную апробацию с учетом национальных интересов, национальной безопасности, специфики законодательства и правоприменительной судебной практики в Российской Федерации. На наш взгляд, к этому процессу необходимо привлекать в качестве экспертов профессорско-преподавательский состав из числа лиц, имеющих необходимый уровень профессиональных компетенций.

Бохан Андрей Петрович,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Новороссийского филиала
Краснодарского университета МВД России

Тенденция реформирования уголовного законодательства Российской Федерации в части обеспечения безопасности движения и эксплуатации транспорта

Действующий Уголовный Кодекс Российской Федерации имеет собственную историю изменений, учитывающих политические и социально-экономические тенденции общества.

Уголовный кодекс РФ постоянно изменяется, за 20 лет его действия (с 1 января 1997 года по 1 января 2017 года) было принято 150 законов, внесших в него более 1000 изменений.

Основываясь на собственных исследованиях, обсудим вопросы реформирования уголовного закона в части обеспечения безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Так в течение всего времени действия Уголовного кодекса Российской Федерации, внесены изменения, направленные на повышения эффективности уголовно-правовых норм в сфере обеспечения безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Первое, Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ ст. 264 УК РФ дополнена квалифицирующим признаком «совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения» .

Второе, внесены изменения в санкцию статьи 264 УК РФ .

Кратко о сути проблемы. В санкции ч.ч. 1 - 6 ст. 264 УК РФ, был предусмотрен дополнительный такой вид наказания как лишение права управлять транспортным средством. Однако в тексте УК (ст. 44 УК РФ) данный вид наказания не предусмотрен. В связи с этим возникал вопрос, является ли лишение права управлять транспортным средством самостоятельным видом наказания. Если «да», то соответственно он должен быть включен в перечень видов наказания ст. 44 УК РФ. Если все-таки речь идет о предусмотренном ст. 47 УК уголовном наказании «Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью», необходимо привести в соответствие со ст. 44 УК РФ санкцию ст. 264 УК РФ.

Законодатель принял на наш взгляд вполне взвешенное решение не стал включать в перечень видов наказания в ст. 44 УК РФ новый вид наказания «лишение права управлять транспортным средством». Федеральным законом от 31.12.2014 № 528-ФЗ в санкцию ст. 264 УК РФ внесены изменения, а именно слова «управлять транспортным средством» заменены

словами «занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью».

Установлена уголовная ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения.

Так, Федеральным законом от 31.12.2014 № 528-ФЗ, Уголовный кодекс дополнен новой ст. 264.1 Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию.

Данная уголовно-правовая норма вступила в действие с 1 июля 2015 года. Соответственно сегодня еще рано говорить о том достигли ли тех целей, которые ставил законодатель, устанавливая ответственность за данное деяние.

Как уже было отмечено, Федеральный закон вступил в силу с 01.07.2015. В пояснительной записке к законопроекту подчеркивалось, что актуальность предлагаемых изменений обусловлена тревожной тенденцией постоянного роста числа дорожно-транспортных происшествий, произошедших по вине водителей, находящихся в состоянии опьянения. И действительно, состояние, структура и динамика дорожно-транспортных происшествий в России неблагоприятны. Так, за последние 8 лет в России произошло более 1 млн. дорожно-транспортных происшествий, в которых погибли и получили ранения более 1,5 млн. чел. Ежегодно в стране погибает от 30 до 35 тыс. чел., более чем 200 тыс. причиняется вред здоровью различной тяжести, из них более 10 тыс. становятся инвалидами. Аварийность на транспорте наносит экономике России ущерб, который, по оценкам экспертов, составляет 4 - 5% валового национального продукта. При этом общее количество нарушений Правил дорожного движения водителями только в 2014 г. составило 35 315 388, были задержаны за управление транспортным средством в состоянии опьянения около 2 млн. чел.

Подобная норма была известна и уголовному законодательству советского периода. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 19.06.1968 «Об усилении административной ответственности за нарушение Правил движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам и правил пользования транспортными средствами», принятым вместо Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 05.10.1961 «Об ответственности водителей автомототранспорта и городского электротранспорта за управление транспортом в нетрезвом состоянии», впервые была введена уголовная ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения. В УК РСФСР была включена ст. 211.1 следующего содержания: «Управление автомототранспортным или городским электротранспортным средством, трактором или иной самоходной машиной лицом, находящимся в состоянии опьянения и лишенным права на управление транспортными средствами за такое нарушение». Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30.11.1972 указанная статья была дополнена ч. 2: «Управление транспортными средствами, указанными в части первой

настоящей статьи, лицом, находящимся в состоянии опьянения и не имевшим водительских прав, совершенное повторно в течение года». 24.12.1992 ст. 211.1 исключена из УК РСФСР.

В связи с принятием данной нормы ч. 4 ст. 12.8 КоАП РФ, предусматривавшая ответственность за повторное управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, или за передачу управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения, признана утратившей силу.

Ответственность по указанной статье возможна при наличии условий, относящихся к характеристике лица, управляющего транспортным средством:

1) оно подвергалось административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения;

2) имеет судимость за совершение преступления, предусмотренного ч. 2, 4 или 6 ст. 264 либо ст. 264.1 УК РФ;

3) вновь управляет транспортным средством в состоянии опьянения.

Таким образом, рассматриваемое преступление носит сложный характер, включает в себя, во-первых, административную преюдицию; во-вторых, не погашенную или не снятую в установленном законом порядке прежнюю судимость за перечисленные виды преступлений. При этом необходимо иметь в виду, что законодатель не указывает момент совершения повторного правонарушения, следовательно, в этом случае необходимо руководствоваться общими положениями КоАП РФ. Согласно ст. 4.6 КоАП РФ лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения 1 года со дня окончания исполнения данного постановления.

Понятие лица, находящегося в состоянии опьянения, дается в примечании к ст. 264 УК РФ: «Для целей настоящей статьи и статьи 264.1 настоящего Кодекса лицом, находящимся в состоянии опьянения, признается лицо, управляющее транспортным средством, в случае установления факта употребления этим лицом вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, или в случае наличия в организме этого лица наркотических средств или психотропных веществ, а также лицо, управляющее транспортным средством, не выполнившее законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях,

предусмотренных законодательством РФ». К сожалению, законодатель вышел за пределы собственно определяемого понятия, приравняв отказ от освидетельствования к состоянию опьянения. Эти деяния не тождественны, и если необходимо было криминализировать отказ от освидетельствования (целесообразность такого шага вызывает большое сомнение), то это следовало прямо и указать в уголовном законе. Иначе получается, что состояние опьянения презюмируется. В таком случае надо признать, что указанным обстоятельством ставится под сомнение действие одного из конституционных принципов - презумпции невиновности.

Подводя итог, обратимся к результатам опроса граждан РФ.

Согласно результатов опроса Фонда общественного мнения, большинство опрошенных россиян поддерживают ужесточение наказание за вождение в пьяном виде.

Согласно исследованию, каждый второй россиянин (52%) считает, что пьяных водителей, по вине которых погибли люди, нужно сажать в тюрьму на срок до 20 лет. При этом 28% считают, что наказание за такое преступление не должно превышать девяти лет, 6% не поддерживают оба наказания, так как считают их слишком мягкими, 3% не поддерживают эти варианты, поскольку, напротив, считают их слишком жесткими, 7% затруднились ответить.

По мнению большинства граждан (60%), если наказание за вождение в нетрезвом виде в РФ ужесточится, то это приведет к уменьшению количества дорожно-транспортных происшествий, 23% считают, что с ужесточением законодательства ничего не изменится, 8% полагают, что ужесточение закона за езду в пьяном виде не приведет к уменьшению дорожно-транспортных происшествий, 9% затруднились ответить.

Буз Стелла Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

К вопросу о личности субъекта насильственных преступлений условиях реализации современной уголовной политики

Одно из центральных мест в категорийном аппарате криминологии занимает личность преступника. Человек совершает преступление исходя из конкретных мотивов, побуждений, способностей, воспитания, принципов и ценностей, определение самих «преступных черт» позволяет определить обстоятельства и условия возникновения данных черт. В целом, особенности личности преступника в купе с объективными и субъективными

обстоятельствами, политическими и общественными факторами образуют совокупность причин совершения преступления.

По мнению А.Б. Сахарова причины конкретного преступления могут быть поняты только с учетом личности виновного.[1]

Исследование черт характера, особых поведенческих моделей, личности преступника в целом является одной из основных задач криминологии. Это крайне важно для профилактики преступлений, в первую очередь для устранения негативных свойств личности, изменении ее ценностей и идеалов, которые образуют предрасположенность к криминогенному поведению.

Важно воспринимать личность преступника, как систему, совокупность различных внутренних факторов, изменяющихся под влиянием внешних. При этом ученые используют разные понятия: одни юристы, рассматривая данную проблему с позиций юридической науки, говорят о лице, совершившем преступление, другие пишут о человеке, предрасположенном к совершению противоправного деяния от рождения, который участвует в преступлении, третьи больше уделяют внимание психологическому аспекту, то есть личности преступника.

С.И. Кириллов оправдывает применение понятия «личность преступника» в качестве исследовательской проблемы.[2]

А.Е. Миронов отмечает, что преступность является совокупностью множества различных факторов, выражаемых актами криминогенного поведения и тех лиц, которые их совершают. Указанные элементы образуют сложную и разветвленную структуру, которая характеризуется системой различных параметров и свойств.[3]

Вне сомнений утверждение, что информационная составляющая криминологии практически полностью формируется на основе изучения личности преступника и его поведения, иными словами, фундамент криминологии – это знания о преступлении и лице, его совершившем.

Алауханов предлагает две концепции рассмотрения личности преступника: определять преступника либо как человека, обладающего набором «преступных свойств» от рождения, тогда преступника обладает «преступной» личностью, либо как социальное существо, которое совершило преступление из-за социальных условий и обстоятельств.[4]

Криминология сохраняет неразрывную связь между противоправным поведением и личностью преступника. Данная константа находит

---

[1] Сахаров А.Б. Актуальные вопросы учения о личности преступника // Теоретические проблемы учения о личности преступника. М., 1979. С. 10.

[2] См.: Кириллов С. И. Личность преступника (проблемы типологии). Курск, 1998; Башкирский А. И. Психология личности преступника. Типология преступных личностей и мотивация преступного поведения. М., 1998.

[3] Миронов А.Е. Системный подход и преступность. М., 2005. С. 34.

[4] См.: Алауханов (Алаулов) Криминологические проблемы предупреждения корыстно-насильственных преступлений. Алматы., 2002.

свое отражение в теории и практике науки, особое место среди которых занимают свойства лиц, совершивших преступное деяние.

Хотя и существует множество точек зрения по данному вопросу, уже в 70-90 гг. многие ученые подтверждали существование особенностей в криминологической характеристике лиц, совершающих тяжкие насильственные преступления против личности.[1]

Хотя проблема личности преступника уже давно является многократно пройденной тропой в криминологии и смежных науках, даже в настоящее время ученым-юристам по-прежнему не удается создать универсальную и эффективную профилактическую систему. Не смотря на явную правовую природу криминологии, криминологи зачастую обращаются к психологии, биологии, экономике и другим неюридическим наукам, разработки которых помогают в решении задач, стоящих перед криминологией.

Опираясь на результаты криминологических исследований, включая собственные, мы согласны с позицией, согласно которой человек не обладает какими-либо врожденными или природными преступными свойствами и качествами, которые обуславливаются генетикой, или говоря иначе – наследственностью. Человек не рождается с предрасположенностью к совершению преступления. Доказано, что человек является социальным существом, а его отношение к различным сферам общества и социальной действительности определяется совокупностью факторов: объективными условиями среды, политической обстановкой, процессом социализации, принадлежностью к социальной группе и т.д. Данные факторы и формируют отношение личности к различным видам деятельности, в том числе и к незаконным.

Как было сказано ранее, изучение личности преступника сопряжено с конкретизацией причин совершения преступных деяний. Различные ученые-юристы разделяются во мнении о главных личностных факторах личности, определяющих ее, как преступную.

Мы согласны с позицией А.М. Яковлева, который негативно относится к использованию в криминологии категории общественной опасности личности преступника, объясняя это тем, что данное отношение к личности угрожает режиму законности.2

При этом мы не согласны с точкой зрения Ю.Д. Блувштейна и А.В. Добрынина, которые категорично выступают против понятия «лич-

---

[1] См.: Аванесов Г. А. Криминология. М, 1984. С. 249 - 250; Кириллов С. И. Личность преступника (проблемы типологии). Курск, 1998. С. 13; Дагель П. С. Неосторожные преступления. Владивосток, 1977. С. 96 - 98; Лейкина Н. С. Личность преступника и особенности преступного поведения // Вестник Ленинградского университета. Серия: Право, 1979, № 4. С. 18; Осипов Е. В. Некоторые проблемы теории личности // Социальные исследования. М, 1970. С. 20. Сахаров А. Б. Личность преступника и предупреждение преступлений с корыстной мотивацией // Борьба с преступностью. М. 1989. С. 41 - 42.

[2] Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985. С.89-93.

ность преступника», обуславливая данное утверждение недопустимостью появления своеобразного клейма ненормальности каждого, кто нарушил уголовный закон.[1]

Использование понятия «личность преступника» необходимо в первую очередь для того, чтобы определить особую категорию человеческого существа – «социальное лицо», важную для выявления человека в социуме, предрасположенного к совершению преступления. Несомненно, в процессе криминологического исследования также важен анализ взаимодействия личности с окружающей его социальной средой, так как преступное поведение формируется не самой личностью, а взаимоотношениями личности и среды. Определенно точно, что главной целью анализа и изучения личности преступника является конкретизация и оценка ее свойств и черт, обуславливающих противоправное поведение, и предупреждение формирования указанных особенностей личности.

В конце 60-х годов возникла концепция, в соответствии с которой преступник как личность выделяется в обществе тем, что он совершил преступное деяние из-за собственных антисоциальных ценностей и негативного отношения к интересам общества.[2]

Необходимо понимать, что снижение интенсивности профилактических мер и обострением социальных проблем способствует возникновению подобных взглядов.

Необходимо сослаться на мнение В.Н. Кудрявцева, который полагает, что вернее было бы утверждать следующий тезис: нет такого единственного (и единого) свойства личности, которое вызывало бы отклоняющееся поведение и отличало бы лиц, склонных к такому поведению, от лиц, соблюдающих нормы.[3]

При этом, ведя речь об исследовании лица, которое совершило тяжкое насильственное преступление против личности, приоритет социологического подхода не безоснователен. Подобные преступления имеют различие в объекте, но обладают определенным единым фактором – агрессивной либо агрессивно-насильственной мотивацией.

Эта мотивация, по мнению С.Н. Абельцева, коррелирует с соответствующими типами личности, в связи с этим преступления отличаются и по типу личности.[4]

---

[1] См.: Блувштейн Ю.Д., Добрынин А.13. Основания криминологии. Минск. 1990, С. 161.

[2]Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. С.9. Криминологические и организационно-управленческие проблемы борьбы с преступностью. М., 1991.

[3] См.: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.

[4] См.: Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. М., 2000. Он же профилактика преступлений и защита личности от преступных посягательств. М, 2000.

По-нашему мнению указанное утверждение не верно. Единые агрессивные мотивы создают основание для возниццуц687чскновения соответственно единого типа личности – насильственного преступника. Исследования личности преступника вместе с преступным поведением криминологами отражаются в различных теориях и выводах из анализа практики об особенностях личности лиц, совершивших преступление.

Суть изучения отличительных свойств личности преступников, совершивших тяжкие деяния против личности, заключается в уникальности этих свойств относительно типов личности иных категорий преступников. Вместе с этим криминология опирается на общие теоретические знания о личности преступника.

Одним из наиболее перспективных криминологических методов изучения личности преступника является типология личности преступника.[1]

Данная типология является одним из методов научного познания, сущность которого заключается в дифференциации исследуемой группы объектов на родовые классы и создании образца – наиболее типичного представителя конкретного класса объектов. Указанный образ-представитель иначе именуется типом. Тип концентрирует в себе только то существенное и общее, что является исключительными признаками представляемой им группы. Однако реальные объекты обычно обладают небольшими отличиями, хотя в общем подобны ему.

Благодаря типологии также возможно определение различных направлений исследования лиц, совершивших насильственные преступления, при этом не только в отношении общего типа, но и касательно конкретных категорий лиц: рецидивистов, женщин и т.д. Выявляется и степень отчужденности подобных лиц от общества, обнаруживается относительная устойчивость моделей их поведения. Учет особенностей, которые проявляются в преступных действиях, дает возможность рассуждать не только о «почерке» виновного, но и помогает определить тип преступника.

Конечно, следует отметить и то, что кроме определенного уголовно-правового признака они также должны обладать какими-либо общими психологическими особенностями. Было бы неверно ограничивать себя таким грубым упрощением, в особенности в тех случаях, когда рассматривается только одна уголовно-правовая категория. Но если взглянуть с иной точки зрения, то, как показывает практика, характер совершаемых этими лицами преступных деяний обычно сильно дифференцирован, более того - они сами отличаются друг от друга.

Наблюдения позволяют предполагать, что данная категория лиц, обособленных по уголовно-правовому признаку, неоднородна по своим индивидуальным чертам. Таким образом, необходимо выделить ряд под-

[1] Кириллов Д.А. К вопросу о методологии в системе юридических наук. М., 1988. С. 37.

групп, которые объединят похожих между собой по индивидуальным особенностям преступников.

Как отмечает Н.Ф.Кузнецова, личность субъекта насильственных преступлений характеризуется относительно постоянными социально-демографическими и мотивационными признаками и новациями, порождаемыми острыми противоречиями вхождения в рынок.[1]

Н.Ф.Кузнецова предлагает следующую классификацию насильственных преступников, которая нам представляется весьма удачной:

1. Случайные. Подобные лица, как правило, в обычной обстановке ведут себя, как обычные граждане. Однако в условиях внезапно возникшего конфликта или при попадании в ситуацию, кардинально отличающуюся от типичного хода жизни данного лица, они начинают совершать неадекватные действия и зачастую утрачивают над собой контроль. Катализатором негативного поведения выступают: групповое давление и скоротечность события, провоцирующие действия внешней среды, состояние опьянения, сильное душевное волнением из-за поведения потерпевшего и т.п. Исследованные нами уголовные дела наглядно показывают, что около 40% случаев совершения убийств, характеризуются нежданностью и противоречивостью причин преступного выбора виновного, например из-за ссоры с потерпевшим на почве чрезмерного употребления спиртных напитков. И лишь в 3% случаев убийца оправдывал свое поведение оскорблением со стороны потерпевшего либо неудавшейся попыткой совершения полового акта.

2. Замыкающиеся на конфликте. Противоправные деяния указанных лиц в большинстве случаев вызваны обстановкой прогрессирующего конфликта, например в семье. Мотивация в основном вызвана чувством обиды, ревности, или мести. Возможна также мотивация групповой солидарности либо сопряженная с безнаказанностью «обидчика». Общая характеристика личности постепенно ухудшается с развитием конфликта, растет ее внутренняя напряженность. Наши исследования продемонстрировали, что среди убийц и причинителей вреда здоровью указанный тип соответствует примерно каждому четвертому случаю (23,8%).

3. Отрицательно ориентированные. Поведение данных лиц обусловлено личными негативными взглядами и ценностями, наличествует опыт совершения правонарушений. В таких случаях мотивацией выступает пренебрежение требованиями социума, неуважение к ним. Для рассматриваемого типа преступников характерны трактовка любых слов и действий потерпевшего как повода для конфликта и драки, преимущественно силовые методы разрешения конфликтных ситуаций, хулиганское поведения, оправдание своего поведения «традиционностью».

4. Злостные. Поведению таких лиц практически не присущ ситуационный характер: большинство деяний характеризуется предумышленно-

[1] Криминология. / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой. М., 1996. С, 75.

стью, виновный планирует свои действия. Создается преступная модель поведения, перед тяжкими преступлениями обычно совершается ряд небольших правонарушений. Эгоцентризм, жестокость, озлобленность, агрессивность, несдержанность превращаются в ведущие черты личности, «ядро» ее психологии, что многократно повышает вероятность специального рецидива и значительно осложняет исправление таких лиц.

Необходимо дифференцировать в каждом указанном типе лиц, преступное поведение которых большую роль играют психопатологические черты (в границах вменяемости), что требует сочетания мер уголовно-правового, административно-правового и медицинского характера.

Следует сказать, что приведенная выше типология не является единственной. Например, Э.Ф. Побегайло, выделяет преступников с четко и устойчиво выраженной специфической (агрессивно-насильственной) антиобщественной направленностью, выражаемой в пренебрежении общечеловеческими ценностями и убежденности в допустимости конфликта, как средства разрешения конфликта. Такой поведенческий стереотип - результат глубокой деформации их личности.[1]

По нашим наблюдениям, в общем числе осужденных за насильственные преступления таких личностей более 55%. У 10-15% лиц агрессивно-насильственная направленность носит глубоко укоренившийся, т.е. их решения в значительной мере утрачивают ситуационный характер. Примерно такие же данные были получены С.Н. Абельцевым и Институтом психологии РАН.[2]

Стоит отметить, что ряд преступлений совершается указанными лицами по внезапно возникшему умыслу, при этом насильственное, агрессивное поведение является не редким сопровождением противоправного деяния.[3]

Для более глубокого анализа этих видов преступников необходимо познать типичное в этих лицах. Проблемы решаются путем сведения индивидуального в личности преступника к социальному и наоборот.[4]

Вместе с этим исследуются и определяются схожие черты в рассматриваемых категориях лиц. Из этого познания и возникает уникальный облик преступника совершившего тяжкие насильственные преступления против личности.

---

[1] Побегайло Э.Ф. Тенденции современной преступности и совершенствование уголовно-правовой борьбы с нею. М., 1990. С. 21.

[2] См.: Абельцев Э.П. Личность преступника и проблемы криминологического насилия. М., 2000; Пискарев Э.П. Социально-психологические стереотипы противоправного поведения. Кострома, 1999.

[3] См.: Землянухина Л.М. Личность вооруженного преступника как объект криминологического изучения. СПб, 2001.

[4] Данилов А. Н. Интеллект и преступление. М., 1997; Личность преступника. Профилактика тяжких преступлений против личности. СПб., 2005.

На основании типологии можно утверждать о наличии группы направлений исследования лиц, совершающих тяжкие насильственные преступления против личности, при этом не только касательно общего типа, но и в отношении конкретных категорий лиц: рецидивистов, женщин и т.д. Вместе с этим, учитывая признаки частного порядка (пол, возраст, судимость и т.п.), возникает возможность рассуждать уже о более конкретных типах, как убийца, насильник, похититель и т.п. Определяя уровень отчужденности подобных преступников от общества, устанавливается и стабильность их форм поведения. Но во всех случаях непременно должно учитывать взаимосвязь между типом личности (например, рецидивист или случайно вовлеченный в преступную деятельность) и типом совершаемого преступления (скажем, похищение человека, или истязание).

Говоря о классификации и типологизации преступников, совершающих тяжкие преступления против личности, полагаем, что можно выделить два уровня изучения личности преступника. Если на первом уровне дается описание изучаемого объекта, то на втором - его объяснение, т. е. с помощью типологии вскрываются природа личности, причины и условия преступления, делается прогноз поведения и т.д. В этом плане типология по сравнению с классификацией является более высоким уровнем познания. Однако в целом эти две криминологические категории нельзя отрывать друг от друга - научное исследование личности преступника предполагает использование как типологии, так и классификации. Они дополняют друг друга и используемые в единстве, приводят к положительным результатам исследования.

Данные криминологических исследований свидетельствуют, что личностные особенности современных преступников существенно изменились. Ухудшение уровня материального обеспечения населения граждан стимулирует развитие таких социальных пороков как пьянство и наркомания, ведет к увеличению числа лиц, не имеющих постоянного источника доходов, безработных, маргиналов и т.д. Следствием этого в криминальный образ жизни стали вовлекаться представители различных социальных групп, в том числе и те, которые ранее сравнительно редко совершали преступления (служащие, предприниматели). Лица, совершающие насильственные преступления, зачастую используют современные виды оружия, оснащены и материально обеспечены намного лучше сотрудников правоохранительных органов. Ущерб от их преступной деятельности исчисляется многими тысячами погибших и искалеченных людей, громадными материальными издержками, появлением люмпенизированной части социума. Особый цинизм и выраженное пренебрежение человеческой личностью, ее жизнью, достоинством, гражданскими правами, ведут к девальвации ценности личности в общественном сознании, снижению уровня правовой культуры, провоцируют дальнейший рост криминогенной зараженности общества.

Вертепова Татьяна Александровна,
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Актуальные проблемы квалификации торговли людьми, совершенной с перемещением потерпевшего через Государственную границу Российской Федерации или с незаконным удержанием его за границей

Проблема торговли людьми привлекает внимание международного сообщества и отдельных государств с 90-х годов прошлого века, которые отмечают, что торговля людьми обладает универсальным характером во всем мире: в криминальную торговлю живым товаром вовлечены как экономически развитые, так и развивающиеся страны, она совершается как с пересечением государственных границ, так и внутри государств, как в странах с развитыми демократическими традициями, так и вгосударствах с тоталитарной системой власти.

В г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 года Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций была принята Конвенция против транснациональной организованной преступности и дополняющий ее Протокол о предупреждении, пресечении и наказании за торговлю людьми, особенно женщинами и детьми[1]. Этот документ на высшем международном уровне определил обязанности государств по противодействию торговле людьми, а также более эффективное содействие сотрудничеству в деле предупреждения торговли людьми и борьбы с ним. Конвенцию подписали 100 государств, в том числе и Российская Федерация.

Торговля людьми - это современная форма рабства, которая сопровождается самыми циничными и жестокими нарушениями прав человека. Человек становится объектом манипулирования, к нему применяется право собственности, как к вещи. Людей насильно перевозят через государственные границы, принуждают к труду, ставят в долговую зависимость, лишают свободы передвижения; над ними совершается физическое, психическое, сексуальное насилие в самых извращенных формах. Непропорционально большую часть среди жертв торговли людьми составляют женщины и девочки. В последнее время растет число преступлений, связанных с торговлей детьми и человеческими органами.

[1] Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 15.02.2017 г.).

Как показывает судебно-следственная практика эффективность мер по противодействию торговле людьми в значительной степени зависит от объединения усилий и сотрудничества между государствами, международными и неправительственными организациями, поскольку в современном мире торговля людьми как правило совершается с незаконным перемещением потерпевшего через Государственную границу Российской Федерации или с незаконным удержанием его за границей.

Торговля людьми, совершенная с перемещением потерпевшего через Государственную границу РФ (п. «г» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ)понимается как законное, так и незаконное пересечение границы потерпевшим, которое может быть осуществлено как с использованием обмана, введения в заблуждение потерпевшего в отношении целей вывоза, так и с применением насилия или угрозы его применения. При этом наличие согласия потерпевшего на выезд в иностранное государство уголовно-правого значения не имеет.

Торговля людьми, совершенная с незаконным удержанием потерпевшего за границей (п. «г» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ) означает лишение потерпевшего возможности реального возвращения на территорию России или обращения или установления контактов с представителями российского посольства или консульства.[1]

Следует обратить внимание на то, что законодатель в диспозиции п. «г»ч. 2 ст. 127¹ УК РФ указывает на незаконный характер только таких действий как удержание потерпевшего за границей, однако в отношении перемещения потерпевшего через Государственную границу Российской Федерации законодатель не указывает на незаконный характер данного перемещения.

Относительно незаконного перемещения через государственную границу лиц, ставших жертвами торговли людьми, при квалификации по п. «г» ч. 2 ст. 127¹УК РФ возникают спорные вопросы относительно того, требуется ли дополнительная квалификация по ст. 322 УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации.[2]

Так, в теории уголовного права существует точка зрения, согласно которой в случае незаконного пересечения границы требуется дополни-

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. д.ю.н., профессора С.В. Дьякова, д.ю.н., профессора Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2015. С. 290.

[2] Порядок пересечения границы установлен Федеральным законом от 18 июля 1996 г. «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029; 1999. № 26. Ст. 3175).

тельная квалификация по ст. 322 УК РФ. Данной точки зрения придерживаются В.А. Казакова, А.С. Михлин,[1] В.П. Степалин,[2] Н.Г. Кадников.[3]

Однако, на наш взгляд, данная квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 127^1 УК РФ и ст. 322 УК РФ не совсем обоснована. Так, согласно толковому словарю С.И. Ожегова «перемещение» означает занять другое место, расположиться в другом месте, переместиться на новую позицию, а «пересечь» - перейти через что-нибудь, поперек чего-нибудь, пересечь дорогу, пройти по поверхности чего-нибудь от одного края к другому.

Исходя из этого можно сделать вывод, что «перемещение» и «пересечение» являются равнозначными понятиями, в связи с чем норма ст. 127^1 УК РФ включает в себя часть нормы ст. 322 УК РФ, что порождает конкуренцию части и целого. Согласно правилам квалификации при конкуренции норм, одна из которых представляет целое, а другая - ее часть, содеянное квалифицируется по той норме, которая охватывает с наибольшей полнотой все ее квалифицирующие признаки (по норме, представляющей целое).[4]

При этом следует отметить, что наказание предусмотренное п. «г» ч. 2 ст. 127^1 УК РФ от трех до десяти лет лишения свободы полностью охватывает наказание предусмотренное ч. 1 ст. 322 УК РФ, предусматривающей наказание до двух лет лишения свободы, что соответствует степени общественной опасности торговли людьми, совершенной с перемещением потерпевшего через Государственную границу РФ, если учесть то обстоятельство, что торговля людьми предусмотренная ч. 1 ст. ст. 127^1 УК РФ предусматривает наказание до шести лет лишения свободы.

Полагаем, в целях правильной и точной квалификации торговли людьми совершенной с перемещением потерпевшего через Государственную границу РФ и единообразного применения п. «г» ч. 2 ст. 127^1 УК РФ следует внести законодательные изменения в ст. 127^1 УК РФ, дополнив примечание пунктом 3, закрепив в нем положение, согласно которому, лица, в отношении которых была совершена торговля людьми и признанные потерпевшими освобождаются от уголовной ответственности за незаконное пересечение Государственной границы РФ по ст. 322 УК РФ.

---

[1] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред А.С. Михлин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Спарк, 2004. С. 277.

[2] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /под ред. А.И. Рарога. М., 2004. С. 203.

[3] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. д.ю.н., профессора С.В. Дьякова, д.ю.н., профессора Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2015. С. 290.

[4] Проблемы квалификации преступлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studfiles.net/preview/5964820/page:19/

Воронин Вячеслав Николаевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

Уголовно-правовое противодействие обращению медицинской продукции: сравнительно-правовой аспект

Всемирная организация здравоохранения ежегодно фиксирует случаи появления контрафактной фармацевтической и медицинской продукции по всему миру[1]: Комитет министров Совета Европы открыл для подписания Конвенцию Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения (Конвенция «Медикрим»)[2] - противодействие распространению фальсификации медицинской продукции» (далее по тексту – «Конвенция «Медикрим», «Конвенция). На сегодняшний день конвенция «Медикрим» подписана 22 государствами, являющимися членами Совета Европы (Австрия, Албания, Бельгия Босния и Герцеговина, Венгрия, Германия, Дания, Испания, Исландия, Италия, Кипр, Лихтенштейн, Люксембург, Молдова, Россия, Португалия, Турция, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Швейцария) и 4 государствами, которые не входят в Совет Европы (Буркина Фасо, Гвинея, Израиль, Марокко)[3]. Интересным представляется вопрос о том, как справились с исполнением международно-правовых обязательств те зарубежные государства, которые уже ратифицировали Конвенцию. Наверняка, особенности правовых режимов государств-участников Конвенции обусловили различные модели имплементации ее положений. Процедуру ратификации исследуемая Конвенция прошла в 8 государствах-членах Совета Европы, а также в одном государстве, которое не входит в Совет Европы (Гвинея). Те изменения, которые произошли в национальном уголовном законодательстве государств, ратифицировавших конвенцию подлежит отдельному пристальному исследованию, с целью выявле-

[1] Rapport fait au nom de la commission des affaires étrangères, de la défense et des forces armées sur le projet de loiautorisant la ratification de la convention du Conseil de l'Europe sur la contrefaçon des produitsmédicaux et les infractions similairesmenaçant la santé publique (N° 237 Sénat session ordinaire de 2015-2016. Enregistré à la Présidence du Sénat le 9 décembre 2015) http://www.senat.fr/rap/l15-237/l15-2371.pdf (Датаобращения: 10.07.2017).

[2] Конвенция Совета Европы по контрафактной медицинской продукции и аналогичной преступной деятельности, представляющей угрозу для здравоохранения. Москва, 28/10/2011 // http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/211/signatures?p_auth=GGK47xGF (Дата обращения: 10.07.2017).

[3] Конвенция Совета Европы по контрафактной медицинской продукции и аналогичной преступной деятельности, представляющей угрозу для здравоохранения. Москва, 28/10/2011 // http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168008482f (Дата обращения: 10.07.2017).

ния наиболее полной модели имплементации положений Конвенции в национальное уголовное право, поскольку отнюдь не все государства в полной мере выполнили ее условия. Наиболее близки нам по правовым традициям государства бывшего СССР, анализ уголовного законодательства которых в части борьбы с фальсификацией будет приведен ниже.

Уголовный кодекс Армении содержит статью 280 «Незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью, изготовление или сбыт поддельных лекарств», в которой часть вторая предусматривает уголовную ответственность за изготовление или сбыт поддельных лекарств, а часть 3 – за те же деяния, повлекшие по неосторожности смерть человека[1]. Закон Республики Армения «О Лекарствах» под таковыми понимает дозированное средство, обладающее биологической активностью, полученное на основе одного или нескольких лекарственных и вспомогательных веществ, имеющее стандартный состав, неизменное название, необходимые лекарственные дозу, форму и оформление. Оно предназначается для лечения, диагностики, профилактики болезней человека и животного, обезболивания, предотвращения беременности, воздействует на функции организма[2].

Уголовное законодательство Республики Молдова содержит статью 214 «Незаконное врачевание или осуществление фармацевтической деятельности», часть первая нормы предусматривает уголовную ответственность за занятие врачеванием как профессией или осуществление фармацевтической деятельности лицом, не имеющим лицензии или другого разрешения, повлекшие причинение по неосторожности вреда здоровью, наказываются штрафом в размере от 550 до 850 условных единиц или лишением свободы на срок до 2 лет. В части второй – квалифицированный состав - за те же действия, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего, наказываются лишением свободы на срок до 3 лет[3].

Статья 214.1 Уголовного кодекса Молдовы «Изготовление или сбыт поддельных лекарств» в части первой названные деяния наказывает штрафом в размере от 1350 до 2350 условных единиц с лишением или без лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет, а в случае юридического лица – штрафом в размере от 4000 до 6000 условных единиц с лишением или без лишения права заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет.

---

[1]Уголовный Кодекс Республики Армения от 18.04.2003 // http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&sel=show&lang=rus (Дата обращения: 10.07.2017).

[2] Закон Республики Армения «О лекарствах» принят 27.10.1998 // http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1474&lang=rus (Дата обращения: 10.07.2017).

[3] Уголовный Кодекс Республики Молдова (Кодекс Nr. 985 от 18.04.2002) Опубликован: 14.04.2009 в MonitorulOficialNr. 72-74 статья №: 195 // http://lex.justice.md/ru/331268/ (Дата обращения: 10.07.2017).

Квалифицированный состав - те же действия, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью либо смерть человека, наказываются лишением свободы на срок до 5 лет, а в случае юридического лица – штрафом в размере от 4000 до 6000 условных единиц с лишением права заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет или с ликвидацией предприятия.

Статья 3 Закона Республики Молдова «О лекарствах» содержит следующую дефиницию: фальсифицированное лекарство - лекарство, которое имеет фальшивую маркировку, намеренно искажающую его подлинность и/или его происхождение, что проявляется в искажении как торговых наименований, так и международного непатентованного наименования, и которое может содержать необходимые ингредиенты, другие ингредиенты, или не содержать активных веществ, или содержать их в недостаточном количестве либо иметь поддельную упаковку[1]. Наличие такого определения в законодательстве – несомненный положительный момент, поскольку он ориентирует правоприменителя. Поскольку само определение «фальсифицированное лекарство» содержится в регулятивном законодательстве, это позволяет сконструировать диспозицию статьи 214.1 Уголовного кодекса Молдовы как бланкетную. Однако здесь же можно отметить не полную имплементацию положений Конвенции относительно предмета преступления, в него включаются только поддельные лекарства, не ясной остается судьба фармацевтических субстанций, вспомогательных веществ, частей, материалов и аксессуаров, незаконные действия с которыми Конвенция также предписывает запретить.

Уголовный кодекс Украины в части первой статьи 321-1 «Фальсификация лекарственных средств или обращение фальсифицированных лекарственных средств» предусматривает уголовную ответственность за изготовление, приобретение, перевозку, пересылку, хранение с целью сбыта или сбыт заведомо фальсифицированных лекарственных средств - лишением свободы на срок от трех до пяти лет. В части второй рассматриваемой статьи перечислены следующие квалифицирующие признаки: действия, совершенные повторно, по предварительному сговору группой лиц, в крупных размерах, или если они повлекли длительное расстройство здоровья лица, а так же производство фальсифицированных лекарственных средств - наказываются лишением свободы на срок от пяти до восьми лет с конфискацией имущества. Часть третья содержит особо квалифицированный состав, в котором предусмотрена уголовная ответственность за действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, ес-

[1] Закон Республики Молдова от 17 декабря 1997 года №1409-XIII «О лекарствах» (В редакции Законов Республики Молдова от 13.03.2003 г. №104-XV, 21.07.2005 г. №154-XVI, 16.03.2007 г. №63-XVI, 01.04.2011 г. №60, 06.03.2012 г. №33, 14.06.2013 г. №142, 03.04.2015 г. №53, 06.04.2017 г. №63)) // http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3470 (Дата обращения: 10.07.2017).

ли они повлекли смерть лица или другие тяжкие последствия, или совершенные в особо крупных размерах, -наказываются лишением свободы на срок от восьми до десяти лет или пожизненным лишением свободы, с конфискацией имущества.

Как мы видим украинский законодатель подошел весьма репрессивно, предусмотрев в третьей части пожизненное лишние свободы, однако в норме предусмотрены также основания для освобождения от уголовной ответственности, в случае, если лицо добровольно сдаст фальсифицированные лекарственные средства и укажет источник их приобретения или способствует раскрытию преступлений, связанных с их оборотом.

Украинский законодатель также криминализовал деяния, которые в Конвенции не предусмотрены и могут быть совершены на предварительном этапе перед производством лекарственных средств. Так, статья 321-2 УК Украины «Нарушение установленного порядка доклинического изучения, клинических испытаний и государственной регистрации лекарственных средств» предусматривает уголовную ответственность за умышленное нарушение установленного порядка доклинического изучения, клинических испытаний лекарственных средств, фальсификация их результатов, а также нарушение установленного порядка государственной регистрации лекарственных средств, которое наказываются лишением свободы на срок от трех до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного до трех лет. В статье также нашли отражение квалифицированный и особо квалифицированный составы.

Также статья 305 УК Украины «Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров или фальсифицированных лекарственных средств» в числе прочего предусматривает ответственность за перемещение через таможенную границу Украины вне таможенного контроля либо с сокрытием от таможенного контроля фальсифицированных лекарственных средств.

Приведено в соответствие с Конвенцией и позитивное законодательство, а именно в Законе Украины «О лекарственных средствах» появилось понятие «фальсифицированное лекарственное средство» под которым понимается лекарственное средство, которое преднамеренно промаркировано не идентично (несоответственно) сведениям (одному или нескольким из них) о лекарственном средстве с соответствующим названием, которые внесены в Государственный реестр лекарственных средств Украины, а так же лекарственное средство, преднамеренно подделано другим способом, и не соответствует сведениям (одному или нескольким из них), в том числе

составу, о лекарственном средстве с соответствующим названием, которые внесены в Государственный реестр лекарственных средств Украины"[1].

Если делать выводы из анализа и сопоставления приведенных норм, то наименьшим изменениям в направлениях, предусмотренных Конвенцией подверглось законодательство Республики Армения, в частности, законодатель не посчитал необходимым криминализовать фальсификацию документов для лекарств, импорт поддельных лекарств. Не ясным остается ситуация с медицинскими продуктами: исходя из дефиниции лекарственных средств, предложенной позитивным законодательством, медицинские продукты к лекарственным средствам не отнесены, а уголовная ответственность предусмотрена только за изготовление или сбыт поддельных лекарств, к слову понятие таковых тоже отсутствует. Следовательно, законодателю Республики Армения необходимо предпринять серьезные изменения как уголовного, так и в целом фармацевтического законодательства для того, чтобы соответствовать требованиям Конвенции. Что касается законодательства Молдовы и Украины, то здесь законодателем наиболее полно проведена имплементация, и самый удачный опыт такой имплементации на постсоветском пространстве можно проследить в уголовном и регулятивном законодательстве Украины, однако неразрешенной остается проблема предмета, который имплементирован в узком значении, нежели того предписывает Конвенция.

Грибанов Евгений Викторович
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Культура противодействия преступности и технологии предупреждения преступлений

Культура противодействия преступности представляет собой достаточно сложную и многогранную категорию криминологической науки. Мы определяем ее как «опосредованную историческими, социально-экономическими, политическими, духовными и иными закономерностями общественного развития совокупность различного рода компонентов антикриминальной практики и ее результатов, характеризующих отношение

[1] Закон Украины "О лекарственных средствах" (123/96-ВР) // Сведения Верховной Рады Украины, 1996 г., № 22, ст. 86; 2007 г., № 3, ст. 30, № 34, ст. 446.

государства к преступности. Культура противодействия преступности есть процесс и результат антикриминальной практики государства»[1].

Формирование культуры противодействия преступности адекватной потребностям населения невозможно без насыщения ее профилактическим содержанием правоохранительной деятельности, снижение гипертрофии карательных и формальных средств воздействия на криминальные процессы. Решить эту проблему невозможно без развития в криминологической науке и антикриминальной практике технологий предупреждения преступлений.

Развитие культуры противодействия преступности невозможно без трансляции накопленных научных знаний в правоохранительную практику. Такая трансляция возможна посредством формирования криминологических технологий, т.е. совокупности различного рода приемов, способов, средств, методов и форм применения криминологических теорий и учений в практике правоохранительной деятельности, а также прикладных теоретико-методологических инноваций.

Особое положение в системе криминологических технологий занимают технологии предупреждения преступлений. В широком смысле технологии предупреждения преступлений мы определяем как совокупность приемов, методов и решений, применяемых для достижения прогнозируемого результата по недопущению совершения преступлений путем выявления, устранения или минимизации криминогенных факторов, посредством опредмечивания криминологических знаний в антикриминальной практике. В узком смысле технологии предупреждения преступлений образуют совокупность различного рода приемов, способов, средств, методов и форм применения криминологических теорий и учений в практике предупреждения преступности .

В зависимости от территориального приложения технологии предупреждения преступлений могут внедряться на федеральном, региональном, местном и объектном уровнях.

Субъектами формирования и реализации технологий предупреждения преступлений выступают представительные и исполнительные органы региональной власти, органы местного самоуправления, территориальные подразделения правоохранительных органов, научные и образовательные организации, ученые, общественные объединения.

Следует сказать, что реализации технологий предупреждения преступлений должна предшествовать реализация технологий изучения состояния криминологической безопасности, криминальной ситуации или показателей преступности и связанных с ней фоновых явлений, которые в совокупности позволяют говорить об уровне криминологической безопас-

[1] См.: Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Уголовная политика и культура противодействия преступности в России: состояние и перспективы // Общество и право. 2017. № 3. С. 11.

ности региона или конкретной территории. Фиксация и правильная интерпретация имеющих место криминологических показателей является отправной точкой для выработки предупредительных мер воздействия на криминальный феномен.

Технологии предупреждения преступлений целесообразно классифицировать по ряду оснований:

в зависимости от степени охвата профилактируемых лиц: технологии общего предупреждения преступлений, технологии предупреждения преступлений в малых группах, технологии индивидуального предупреждения преступлений;

в зависимости от субъектов реализации: технологии предупреждения преступлений правоохранительными субъектами, технологии предупреждения преступлений органами власти общей и специальной (неправоохранительной) компетенции; технологии участия общественных объединений и граждан в предупреждении преступлений;

в зависимости от объекта приложения предупредительного воздействия: технологии предупреждения отдельных видов преступлений, технологии предупреждения маргинальных явлений, связанных с преступностью (детской безнадзорности, беспризорности, семейного неблагополучия, алкоголизации и наркотизации населения, бродяжничества, попрошайничества, проституции и т.п.);

в зависимости от охраняемого объекта: технологии обеспечения личной и имущественной безопасности, технологии обеспечения безопасности жилища и другие.

Остановимся на отдельных достаточно прогрессивных и не получивших полного освещения на страницах юридической литературы технологиях предупреждения преступлений.

Значительный резерв повышения предупредительной составляющей в антикриминальной практике составляют технологии общего предупреждения преступлений. В данном случае нас интересуют такие разновидности общего предупреждения преступлений как предупреждение преступлений с использованием средств массовых коммуникаций (далее – СМК) и предупреждение преступлений в малых группах.

Огромный потенциал предупреждения преступлений заложен в возможностях СМК. Речь идет как о достаточно традиционных СМК (телевидение, радио, газеты, журналы, книги), так и более новационных (интернет и другие информационно-телекоммуникационные сети). Сюда же можно отнести традиционные средства наглядной агитации, которые в современных условиях приобрели разнообразные формы (плакаты, баннеры, листовки, флаеры, промостойки, троллы, суперсайты, ситилайты, брандмауеры, стритлайны, призматроны и другие).

Все СМК также следует разделить на относящиеся и не относящиеся к средствам массовой информации (далее – СМИ). Подготовка и размеще-

ние профилактических материалов в официальных средствах массовой информации должна строиться через специализированные подразделения информации и общественных связей.

С использованием СМК подлежат размещению материалы, направленные на виктимологическую профилактику и профилактику противоправного поведения различных субъектов. Формы представления профилактических материалов могут быть совершенно различны: видео и аудио материалы, памятки, различного рода материалы наглядной агитации, иные формы интренет-контента.

На данный момент такого рода материалы широко используются в профилактике дорожно-транспортных правонарушений и наркотизма. В иных сферах обеспечения криминологической безопасности такого рода материалы создаются лишь эпизодически и редко приобретают массовые формы. Так иногда можно встретить отдельные материалы, направленные на профилактику отдельных видов мошенничества, фальшивомонетничества, карманных и квартирных краж и другие.

Вместе с тем, в современном информационном обществе степень профилактического воздействия с использованием СМК ничтожно мала. Отсутствует и четкий организационно-правовой механизм разработки и реализации такого рода материалов в целом и на уровне субъектов профилактики.

Здесь же нужно сказать и об ином резерве повышения эффективности профилактики правонарушений. Речь идет об активном вхождении субъектов профилактики в сетевое пространство интернета. Не секрет, что значительную часть своего времени все больше людей (особенно молодежи) проводят в социальных сетях интернета, вступая в различные общественные отношения, распространяя и потребляя значительные объемы информации. Сегодня активно формируются и развиваются сетевые сообщества, объединяющие жителей городов, поселков, микрорайонов, улиц, многоквартирных домов и т.п. В таких сообществах присутствуют разнообразные сегменты: новости, реклама и объявления, знакомства, благотворительная деятельность, досуг, форумы и обсуждения и многое другое. Однако в этом пространстве практически не присутствуют субъекты профилактики правонарушений, чем объективно значительно ограничены их возможности. И если на федеральном и региональном уровне созданы и функционируют официальные страницы большинства субъектов профилактики в социальных сетях, то на уровне местном и на уровне отдельных сотрудников такая деятельность не осуществляется вовсе. Так, например, мы сегодня фиксируем отсутствие в социальных сетях интернета таких ведущих субъектов профилактики правонарушений на местном уровне как участковые уполномоченные полиции, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, работники органов опеки и попечительства, социальной защиты населения, образования, органов местного самоуправления.

Отсутствует и соответствующий организационно-правовой механизм вхождения субъектов профилактики в сетевое пространство: статус размещаемой и получаемой такими сотрудниками информации от граждан, особенности ее обработки, реализации и т.п. Вместе с тем, создание сообщества (группы) в одной или нескольких социальных сетях интернета позволило бы, например, участковому уполномоченному полиции быстро и эффективно распространять информацию профилактического содержания, доводить ее до граждан, осуществлять сбор необходимой информации, оперативно реагировать на жалобы граждан, получать оперативную о состоянии безопасности на территории. Это лишь малая часть тех возможностей, которые открываются перед субъектами профилактики при вхождении в сетевое пространство интернета.

К сожалению, высокая степень консервативности органов власти, бюрократизация и формализация большинства сфер их деятельности, не позволяет им в должной степени приблизиться к общественным отношениям, находящимся в сетевом пространстве.

Разновидностью технологий общего предупреждения преступлений и иных правонарушений является технологии профилактической работы в малых группах. Малые группы представляют собой «немногочисленную по составу социальную группу, члены которой объединены общей социальной деятельностью и находятся в непосредственном личном общении, что является основой для возникновения эмоциональных отношений, групповых норм и групповых процессов». В силу отраженных в указанном определении свойств, малые группы представляют особую социальную среду для реализации профилактического воздействия. В повседневной деятельности субъектов профилактики доступны для профилактической работы такие малые группы как семья, учебная группа (в школах, ссузах, вузах, в учреждениях дополнительного образования детей), родительские коллективы, коллективы собственников жилья (ТСЖ), трудовые коллективы, малые группы в местах социальной изоляции, религиозные и этнические общины и другие. Работа в малых группах субъектами профилактики проводится лишь эпизодически, не носит системного характера. Вместе с тем, речь идет по сути об основном пласте профилактической работы.

Для организации профилактической работы в малых группах следует определить субъектов профилактик, способных эффективно провести работу в соответствующей группе. Это может быть как один субъект профилактики, так и взаимодействие, а точнее совместная работа, сразу нескольких субъектов профилактики. Например, эффективная профилактическая работа с семьей, находящейся в социально-опасном положении, невозможна без совместных действий сотрудников полиции, органов опеки и попечительства, социальной защиты населения, органов по делам молодежи, образования, органов местного самоуправления и других. В случае ор-

ганизации на местном уровне эффективного взаимодействия указанных субъектов эффективность профилактического воздействия крайне высока. Однако чаще всего каждый субъект профилактики действует самостоятельно и достаточно формально. Следовательно, необходимо создание на местном уровнях организационно-правового механизма совместной деятельности различных субъектов профилактики правонарушений.

Для работы с различными малыми группами в арсенале субъектов профилактики должны быть технологии оказания профилактического воздействия: сценарии выступлений, профилактические материалы в форме презентаций, фото и видеоматериалов, алгоритмы действий по оказанию помощи, применения мер принуждения и пресечения и т.п. Следует разработать строгие алгоритмы действий субъектов профилактики в типичных ситуациях.

Таким образом, развитие рассмотренных нами выше и массы иных технологий предупреждения преступлений является важной предпосылкой совершенствования культуры противодействия преступности.

Евтушенко Инна Ивановна,
кандидат юридических наук
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Проблемы квалификации мошенничества со средствами материнского капитала (по материалам Республики Крым)

В соответствии с официальными данными статистики за 2016 год в России, преступления в сфере экономики составили 86 % от общего количества преступных деяний. Число преступлений по статьям «Мошенничество» увеличилось приблизительно на четверть по сравнению с 2015 годом и заняли второе место в общей структуре экономических преступлений, после кражи.

По данным Прокуратуры Республики Крым, количество зарегистрированных мошеннических действий возросло более чем в 2 раза за три года. Среди новых разновидностей мошенничества наиболее часто встречающимися на практике стали мошенничества при получении выплат, но самым распространенным по-прежнему является общий состав мошенничества.

Сведения о зарегистрированных, расследованных, прекращенных уголовных делах о мошенничестве в Республике Крым за 2014-2017 годы

	2014 г.			2015 г.			2016 г.			за 7 мес. 2017 г.		
Статья	Зарегистрировано	Направлено в суд	Прекращено	Зарегистрировано	Направлено в суд	Прекращено	Зарегистрировано	Направлено в суд	Прекращено	Зарегистрировано	Направлено суд	Прекращено
159	681	380	19	1479	624	106	1359	506	117	1026	339	39
159.1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
159.2	23	29	3	101	83	57	30	9	10	36	24	4
159.3	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
159.4	2	3	-	3	-	-	6	6	-	-	-	-
159.5	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-
159.6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-

Мошенничество при получении выплат в соответствии со ст. 159.2 УК РФ – «хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат».

Непосредственным объектом это преступления являются отношения собственности на денежные средства, являющиеся социальными выплатами, а в качестве дополнительного выступают общественных отношений в сфере социального обеспечения.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, являются установленные законами и иными нормативными правовыми актами пособия, компенсации, субсидии и иные социальные выплаты. Это позволяет отграничить данную разновидность мошенничества от общего состава мошенничества, предусмотренного частями 1-4 ст. 159 УК РФ.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», «государственная социальная помощь – предоставление малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам, а также иным категориям граждан, указанным в настоящем Федеральном законе, социальных пособий, социальных доплат к пенсии, субсидий, социальных услуг и жизненно необходимых товаров, а социальное пособие – безвозмездное предоставление гражданам определенной денежной суммы за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Материнский капитал сегодня одна из самых востребованных мер финансовой социальной поддержки семей, решившихся родить или усыновить (удочерить) второго или последующего ребенка. Ее предоставление регламентируется ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

Данный федеральный закон определяет сроки действия данной меры поддержки, порядок ее предоставления, круг лиц, которые имеют право на получение выплаты, виды разрешенного использования средств материнского капитала и пр.

При этом обналичить средства материнского капитала, кроме как получить единовременную выплату в сумме 25 тыс. руб., нельзя ни при каких условиях. Средства материнского капитала выплачиваются только в безналичной форме, денежные средства хранятся на счетах Пенсионного фонда РФ и перечисляются на счет получателя средств в соответствии с отведенными целями их использования. Владелец сертификата на материнский капитал может только распоряжаться данными средствами по указанным направлениям при его предъявлении.

Самой востребованной формой реализации средств материнского капитала согласно данным Пенсионного фонда РФ является улучшение жилищных условий (покупка, реконструкция, строительство жилья), в том числе компенсация ранее понесенных затрат на строительство жилья.

Использовать средства государственной субсидии по действующему законодательству можно по достижении ребенком (вторым или последующим) 3 лет (а также через 3 года после вступления в силу решения суда об усыновлении (удочерении). Исключение: случаи использования материнского капитала на ипотеку 1) либо в счет погашения ранее взятого кредита или займа на покупку или строительство жилья; либо 2) в качестве первоначального взноса на получение нового жилищного кредита или займа.

Именно с вышеуказанными законодательными ограничениями и связаны самые распространенные способы мошенничества со средствами материнского капитала, направленные в первую очередь на его обналичивание и использование не в соответствии с его целевым назначением.

Согласно требованиям закона, право на дополнительные меры государственной поддержки возникает при рождении (усыновлении) ребенка (детей), имеющего гражданство РФ у гражданина РФ не зависимо от места жительства, в том числе бывших граждан Украины, принявших российское гражданство после вступления Республики Крым и города федерального значения Севастополь в состав России.

Таким правом обладают женщины родившие (усыновившие) второго или последующего ребенка начиная с 01.01.2007 г. и ранее не воспользовавшиеся правом на дополнительные меры государственной поддержки; мужчины, являющиеся единственными усыновителями второго, третьего или последующих детей, ранее не воспользовавшихся правом на дополнительные меры государственной поддержки, если решение суда вступило в силу с 01.01.2007 г.

Если родители направляют средства по сертификату на покупку недвижимости, то дети должны получить в приобретаемом или строящемся жилье долю по соглашению родителей, причем все дети, а не только вто-

рой или третий ребенок. Однако родители нередко не оформляют приобретенное за счет материнского капитала жилье, земельные участки в общую долевую собственность с детьми. Соответствующий контроль за реализацией этого требования закона не установлен и не закреплен ни за Пенсионным фоном РФ, ни за органами опеки и попечительства. Такими действиями недобросовестных родителей нарушаются права несовершеннолетних детей на жилище.

Вопрос о потерпевшем от такого вида мошенничества является дискуссионным. Неоднозначная складывается и судебная практика. Поскольку ущерб причиняется бюджету соответствующего уровня, то и потерпевшими в таком случае должны выступать распорядители социальных выплат. Пенсионный фонд РФ, например, при перечислении средств материнского капитала выступает их распорядителем, а собственником – государство, поскольку это средства государственной казны РФ, находящиеся как в бюджетах различных уровней, так и государственных внебюджетных фондах. Именно на Пенсионный фонд РФ возложена обязанность проверять документы, обосновывающие списание денежных средств, а значит, именно он и должен признаваться потерпевшим и защищать интересы собственника.

Кроме того, в случае хищения денежных средств материнского капитала, цель – улучшение жилищных условий, остается недостигнутой. Соответственно потерпевшими в таком случае выступают и все несовершеннолетние дети, которые вследствие действий мошенников лишись своего права на жилище как базовую социально-экономическую ценность, от имени которых могут выступать органы опеки и попечительства.

Ошибочно считать потерпевшими матерей, которые добровольно и осознано уступили право требования средств материнского капитала различным дельцам за возможность получить денежные средства в значительно меньшем объеме, чем сумма данной субсидии (453 026 руб.) – в среднем от 25 000 до 100 000 руб.

Так в частности Прокуратура Республики Крым сообщила, что «работники потребительского кооператива совершали фиктивные сделки, под видом которых получали от держателей сертификаты на материнский (семейный) капитал, обналичивали и похищали эти средства... Пострадавших в результате будет точно больше, но официально установлено 50 на сегодняшний день», – отметили в пресс-службе. Мошенники оперировали на всей территории Республики Крым. В настоящий момент устанавливается, сколько должностных лиц кооператива принимали участие в афере. Однако матери не могут в данном случае выступать пострадавшими, так как согласно разработанной злоумышленниками схеме они непосредственно сами подавали заявления в Пенсионный фонд РФ либо выписывали доверенности на это, подписывали фиктивные договоры займа и купли-продажи земельных участков под строительство дома в совершенно других, отда-

ленных от Крыма сельских населенных пунктах, не имея ни какого намерения туда переезжать и преследуя одну единственную цель – получить средства материнского капитала в наличной форме немедленно, пусть и в значительно меньшем объеме.

Говорить о введении матерей в заблуждение не приходится, поскольку и в средствах массой информации, и непосредственно в отделениях Пенсионного фонда РФ, и в органах социальной защиты населения информация о разрешенных способах использования средств материнского капитала доводится в легкодоступной форме, особенно подчеркивается ее безналичный способ реализации. Однако это условие заставляет мошенников искать все новые и новые схемы обналичивания данной субсидии.

Что касается определения признаков субъекта преступления, то и в этом случае нет единства мнений. В статье отсутствуют какие-либо признаки специального субъекта. Однако некоторые авторы к таким субъектам относили «лицо, в отношении которых принято решение о производстве выплат», «заявители, претендующие на назначение выплат, или получатели таких выплат» и даже «лица, имеющие право на соответствующую социальную выплату».

При таком подходе, сотрудников различных финансовых организаций, через которые в подавляющем большинстве случаев по данным МВД России обналичиваются средства материнского капитала признать субъектами мошенничества при получении выплат нельзя.

Полагаем, что такое утверждение не основано на законе и не поддерживается судебной практикой. Ни сама диспозиция ст. 159.2 УК РФ, ни способ его совершения не позволяют выделить признаки специального субъекта данного вида мошенничества, а значит его исполнителями и соисполнителями должны признаваться все: как заявители, так и сотрудники финансовых организаций; как лица, имеющие право на соответствующие выплаты по закону, так и не имеющие их.

Так в частности, в Красногвардейском районе Республики Крым в январе 2016 года необоснованно было отказано в возбуждении уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в виду отсутствия состава преступления по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ поскольку следователь СО РОВД пришла к выводу, что мать, действительно родившая второго ребенка и действительно получившая жилищный сертификат и в последующем добровольно вступившая в преступный сговор с сотрудниками кредитного потребительского кооператива (КПК), не может быть субъектом преступления, так как субъектом являются только лица, не имеющие действительного права на получение данной социальной выплаты.

В случаях хищения мошенническим путем средств материнского капитала матери, имеющие по закону право на получение сертификатов и в последствии их обналичившие не должны признаваться потерпевшими, если только они не были введены в заблуждение относительно сущности

совершаемых ими действий (например, полагали, что действительно приобретают жилье, позволяющее им улучшить условия жизни их детей, а их обманули). Например, ГСУ ГУ МВД России по Волгоградской области расследовано уголовное дело по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, в ходе которого к уголовной ответственности привлечен председатель правления КПК «Пенсионный», с использованием своего служебного положения, опосредованно, через неосведомленных о его преступном умысле сотрудников КПК в период времени с июля по ноябрь 2013 года, из корыстных побуждений, имея умысел на хищение денежных средств при получении материнского капитала у матери Н., ввел ее в заблуждение и обманул сотрудников УПФ Российской Федерации, в 2013 году обратил в свое незаконное пользование разницу между поступившими на расчетный счет КПК средствами материнского капитала в сумме 408 960, 50 руб. и денежными средствами, перечисленными на счет Н. в сумме 375 000 руб., то есть похитил денежные средства в сумме 33 960,50 руб. и распорядился ими по своему усмотрению. Было доказано 5 эпизодов его преступной деятельности.

Как правило, матери являются активными участницами всей незаконной схемы по обналичиванию средств материнского капитала, и не являются свидетелями, а непосредственными исполнителями, выполняют предусмотренную преступной схемой роль – подают заявление в УПФ РФ, прилагают к нему подтверждающие документы, подписывают договоры купли-продажи недвижимости, договоры займа или ипотеки и, как следствие, получают за это денежное вознаграждение, которое и является их целью.

Как правило, такие преступления совершаются организованными преступными группами, состоящими из руководителей и сотрудников кредитных организаций, сотрудников риэлтерских фирм, пособников, подыскивающих матерей, имеющих право на получение выплаты и конечно, самих матерей, соглашающихся участвовать в преступной схеме. Так в частности, в Нижегородской области было направлено в суд уголовное дело № 100099, возбужденное 27.06.2013 ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области в отношении организованной группы, состоящей из организатора всей преступной группы, владельцев сертификатов – матерей и продавцов недвижимости, фиктивно ее продающих. Всего 35 лиц.

Поскольку данные проблемы квалификации остаются нерешенными, а субъектах РФ складывается противоречивая практика, полагаем они могут быть решены только путем разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Жилкин Максим Геннадьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Проблемы дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности

По мнению исследователей, дифференциация уголовной ответственности является одним из генеральных направлений уголовно-правовой политики в сфере борьбы с преступностью любого цивилизованного общества[1]. Она представляет собой разделение мер уголовно-правового характера, применяемых за совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, на основании характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного в целях достижения баланса между строгостью ответственности за тяжкие преступления и мягкостью за преступления, не представляющие большой общественной опасности[2].

На фоне глобальных вызовов экономической безопасности России остаются недостаточно исследованными вопросы о понятии, средствах и критериях дифференциации уголовной ответственности преступлений в сфере предпринимательской деятельности, определении показателей размера ущерба этих преступлений, имеющие не только теоретическое, но и практическое значение.

Экономическая преступность – это использование предпринимательской деятельности ее субъектами для достижения необоснованного обогащения путем нарушения уголовного и иного законодательства, а главное – принципа эквивалентности обмена и справедливости; выявляются структурообразующие признаки экономической преступности[3]. Преступления в сфере предпринимательской деятельности – это общественно опасные деяния, совершаемые в рамках самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли

---

[1] См.: Кругликов Л. Л. Понятие, основания и виды дифференциации ответственности за преступления и иные правонарушения // Lex russica. 2014. № 3. С. 305; Жилкин М. Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: постановка проблемы // Российский криминологический взгляд. 2015. № 4. С. 918–921;Лапшин В. Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления: Автореферат дис. ... доктора юрид. наук. 2016. С. 38.

[2] См.: Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: Автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 14.

[3] См.: Александрова И. А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции: Автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. С. 35.

от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

По нашему мнению к преступлениям в сфере предпринимательской деятельности следует отнести:

1. Преступления, сопряженные с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности и кредитных отношений (ч. ч. 5–7 ст. 159, 176, 177 УК РФ).

2. Преступления, связанные с воспрепятствованием законной предпринимательской деятельности (ст. 169, 185, 185^1, 185^2, 185^4 УК РФ).

3. Преступления, совершающиеся с нарушением установленного порядка ведения предпринимательской деятельности (ст. 171–173^2, 185^5 УК РФ).

4. Преступления, подрывающие условия справедливой конкуренции и равенства участников хозяйственных отношений (ст. 178, 185^2 , 185^6, 180 УК РФ).

5. Преступления, связанные с банкротством (ст. 195, 196, 197 УК РФ).

Изменения уголовного законодательства о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности свидетельствуют об активизации процесса уточнения действующих и поиска новых средств дифференциации уголовной ответственности.

Так Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ[1] в Уголовный кодекс Российской Федерации внесены изменения, направленные на дифференциацию ответственности за различные виды мошенничества, в том числе совершенные в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В частности, уголовный закон дополнен статьями 159^1–159^6, предусматривающими ответственность за мошенничество, совершаемое в сфере кредитования, предпринимательской деятельности, страхования, компьютерной информации, а также при получении выплат либо с использованием платежных карт. Указанные виды преступления представляют собой специальные разновидности общего состава мошенничества, ответственность за которое предусмотрена в статье 159 УК РФ. Впоследствии Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ норма, предусмотренная статьей 159^4 УК РФ «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности», признана утратившей силу с одновременной криминализацией этого деяния в частях 5–7 статьи 159 УК РФ.

Введение в уголовное законодательство новых норм о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности поставило перед оперативными и следственными подразделениями органов внутренних дел и судами вопросы, связанные с квалификацией данной группы преступлений как совершенных в сфере предпринимательской деятельности. На это обраща-

[1] Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 49, ст. 6752.

ет внимание Верховный Суд Российской Федерации, разъясняя неоднозначно применяемые на практике законоположения.

Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации высшая судебная инстанция внесла уточнения в отдельные вопросы, ранее неоднозначно решавшиеся на практике. В частности, в пункте 1.3.3 разъясняется, что если осужденный на момент совершения мошенничества не являлся индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации (отсутствовали доказательства) либо представлялся руководителем несуществующих коммерческих организаций, он не может нести ответственность в качестве субъекта преступления в сфере предпринимательской деятельности. В пункте 1.3.4 данного документа говорится, что для квалификации мошенничества как совершенного в сфере предпринимательской деятельности не имеет значения, кто является другой стороной договора (коммерческая организация, предприниматель или физическое лицо)[1].

Обобщив проблемы правоприменения по рассматриваемой категории дел, высшая судебная инстанция в пункте 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» указала, что преступления, предусмотренные статьями 159-159[6], 160 и 165 УК РФ, следует считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность самостоятельно или участвующим в предпринимательской деятельности, осуществляемой юридическим лицом, и эти преступления непосредственно связаны с указанной деятельностью. К таким лицам относятся индивидуальные предприниматели в случае совершения преступления в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим им имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также члены органов управления коммерческой организации в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности[2].

---

[1] См.: Обзор судебной практики по применению Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (ред. от 24.05.2016) // Российская газета. 2013. 27 декабря.

В свою очередь, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 11 декабря 2014 г. разъяснил, что в рамках уголовно-правового регулирования ответственности за преступления против собственности предпринимательская деятельность является объектом государственной защиты постольку, поскольку она осуществляется лицами, которые имеют соответствующий статус и выполняют обусловленные этим статусом предусмотренные законом и (или) не противоречащие ему экономические функции, направленные на получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Напротив, осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии (в случаях, когда такая лицензия обязательна), если оно причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере, влечет уголовную ответственность по статье 171 «Незаконное предпринимательство» УК РФ и относится к преступлениям в сфере экономической деятельности (глава 22), равно как и предпринимательская деятельность, осуществляемая для прикрытия иных противоправных деяний, а также преступные действия, совершенные под прикрытием предпринимательской деятельности (статья 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем», статья 174[1] «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления», статья 175 «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем», статья 176 «Незаконное получение кредита» УК РФ и др.)[1]. При этом при несоблюдении обязанности пройти государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, не вправе ссылаться в отношении заключенных им сделок на то, что он не является предпринимателем, отсутствие государственной регистрации само по себе не означает, что деятельность гражданина не может быть квалифицирована в качестве предпринимательской, если по своей сути она фактически является таковой[2].

---

[1] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // Российская газета. 2014. 24 декабря.

[2] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. 2013.16 января.

Опираясь на вышеизложенные правоположения[1], можно сделать вывод, что «легальные» предприниматели в случае причинения вреда путем обмана или злоупотребления доверием должны нести ответственность за преступления против собственности, а «нелегальные» – по нормам, предусматривающим ответственность за преступления в сфере экономической деятельности.

Однако руководствоваться данным разъяснением не удастся при разграничении мошенничества в сфере кредитования (ст. 159[1] УК РФ) и незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ). Законодатель совершенно определенно описал субъекта в диспозиции статьи 176 УК РФ, которым может быть индивидуальный предприниматель или руководитель организации, то есть лицо, имеющее легальный статус предпринимателя или представляющее легальное предприятие.

Здесь, на наш взгляд, дифференцирующим критерием при квалификации должен выступать характер причиненного ущерба. Если в результате получения кредита путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии заведомо причиняется прямой (действительный) ущерб, заключающийся в реальном уменьшении наличного имущества кредитной организации и безвозвратной утрате суммы выданного кредита, такие действия следует квалифицировать по статье 159[1] УК РФ. Ущерб в данном случае возникает ввиду невозвращения заемщиком кредита на сумму, превышающую две с половиной тысячи рублей.

Если же ущерб кредитной организации причиняется в виде неполученных доходов, которые она должна была получить в силу кредитного договора, а также других убытков, связанных с временным выведением средств из фондов банка, действия виновных при установлении крупного размера такого ущерба следует квалифицировать по статье 176 УК РФ. Такой подход подтверждается судебной практикой.

Так, в кассационном определении от 16 ноября 2015 г. Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что, предоставляя кредитору ложные сведения о хозяйственном положении либо финансовом состоянии, виновное лицо рассчитывает на временное пользование полученными обманным путем деньгами. Взятие банком-кредитором на себя неучтенного

[1] См.: Жилкин М. Г. К вопросу о понятии и значении правоположений // Приоритеты современной российской уголовной политики: проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования: Материалы межведомственного научно-практического семинара, Московская область, г. Руза, 4 декабря 2013 года / Под ред. Э. Ф. Побегайло, Ю. С. Жарикова. М.: Изд-во СГУ, 2014. С. 11–23; Васильченко А. Прецедентный характер правоположений в уголовно-правовом регулировании // Уголовное право. 2014. № 3. С. 19–25; Жилкин М. Г. Понятие, происхождение, правовая природа правоположений и их роль в правовом регулировании // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 73–78.

кредитного риска, в силу необеспеченности займа, может повлечь за собой возникновение угрозы интересам кредиторов и вкладчиков, что в свою очередь и является тем ущербом (риском) для банка, заложенным законодателем в диспозицию статьи 176 УК РФ[1].

На наш взгляд, такой подход следует распространить на все ситуации разграничения преступлений в сфере предпринимательской деятельности, предусмотренные главами 21 и 22 УК РФ. Если в результате предпринимательской деятельности причиняется прямой (действительный) ущерб, ответственность должна наступать по нормам о преступлениях против собственности. Исключение составляет преступление, предусмотренное статьей 165 УК РФ, где качественное содержание ущерба выражается в упущенной выгоде[2].

При этом, по нашему мнению, статья 165 УК РФ является общей нормой по отношению к преступлениям в сфере предпринимательской деятельности, расположенным в главе 22 УК РФ, поэтому качественное содержание ущерба в этих преступлениях должно устанавливаться с учетом неполученных доходов, которые потерпевшее лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)[3].

Также мы полагаем, что в целях унификации терминологии уголовного законодательства и достижения единства значения соответствующих уголовно-правовых терминов, возможно закрепить в уголовном законе единую для всех преступлений в сфере предпринимательской деятельности дефиницию понятия «ущерб». Под ним следует понимать неполученные доходы, на поступление которых субъект должен рассчитывать в силу закона или иного законного основания[4]. Кроме того необходимо разграничить содержание данного понятия в зависимости от конкретных количественных параметров в различных составах преступлений.

---

[1] См.: Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2015 г. № 71-УД15-6 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства (утв. ФССП России 15 апреля 2013 г. № 04-4) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] См.: Яцеленко Б. В., Жилкин М. Г. Ущерб как последствие преступлений в сфере экономической деятельности // Налоговые и иные экономические преступления: Сб. научных статей. Вып. 5 / Под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль, 2002. С. 21–32.

[4] См.: Жилкин М. Г. Уголовно-правовая оценка последствий преступлений в сфере экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук М., 2001. С. 66-147.

Закаляпина Лейла Александровна,
кандидат юридических наук
преподаватель кафедры уголовного процесса
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России

Детерминанты курортной преступности в России

Курортная преступность представляет собой негативное социально-правовое явление на освоенных и используемых в лечебно-профилактических и спортивно-оздоровительных целях территориях, располагающих природными лечебными ресурсами и необходимой для их эксплуатации инфраструктурой[1]. К детерминантам рассматриваемого явления относятся причины, порождающие преступность на курортах России, и условия, им способствующие. Причины курортной преступности – это совокупность находящихся в сложном взаимодействии социальных, правовых, психологических явлений, процессов, в том числе обусловленных спецификой городов-курортов и порождающих преступность в таких городах как свое закономерное следствие. Условия преступности в городах-курортах России представляют собой различные явления, в том числе обусловленные спецификой городов-курортов, которые самостоятельно не порождают преступность в городах-курортах, но интенсифицируют формирование и действие ее причин.

Детерминанты курортной преступности коренятся буквально во всех без исключения сферах жизнедеятельности. Это обусловливает их классификацию по уровню действия (субординации): на уровне всего общества (общесоциальные, или макроуровень), личностно-микросредовые и индивидуальные[2]. Данные уровни взаимосвязаны, но содержание причин и условий преступности (преступного поведения, преступления) на каждом из них не тождественно. В данной статье нами изучаются входящие в предмет исследования криминокурортологии[3] общесоциальные детерминанты наиболее распространенных видов преступности в городах-курортах юга России: корыстной, насильственной и в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Пристальное внимание к указанным видам преступности обусловлено результатами анализа качественно-количественных показателей преступности в

[1] Закаляпина, Л. А. Криминокурортология как частное криминологическое учение / Л.А. Закаляпина // Гуманитарно-правовые аспекты развития российского общества: сборник научных трудов по итогам региональной научно-практической конференции (05 мая 2017 года) / Под ред. А.В. Власова, А.Д. Котенева. – Ставрополь: СЕКВОЙЯ, 2017. – С. 280.

[2] Старков, О. В. Лекция по теме: «Причины и условия преступлений» // Российский криминологический взгляд. – 2008. - № 2 (14). – С. 129.

[3] Закаляпина, Л. А. Криминокурортология: основные понятия и система / Л.А. Закаляпина // Российский криминологический взгляд. – 2015. - № 4. – С. 917.

городах-курортах Ставропольского и Краснодарского краев за период 2007-2016 гг., показавшего, что самую большую долю (55,6%) уголовно-наказуемых деяний составляют наиболее распространенные корыстные и корыстно-насильственные преступления (кражи, грабежи, разбои, мошенничества, присвоения, растраты). Значительный удельный вес имеют преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (14,9%).

Для начала отметим, что содержательная сторона причин и условий курортной преступности многообразна, что позволяет условно классифицировать их на социально-экономические, политические, социально-демографические, культурно-воспитательные, социально-бытовые, социально-психологические, организационно-управленческие. К социально-экономическим детерминантам следует, в первую очередь, отнести степень социально-экономической дифференциации и неравенства[1], порождающую противоречие[2] между потребностями людей и реальными возможностями (шансами) их удовлетворения, зависящими, прежде всего, от места индивида или группы в социальной структуре общества. Поведенческое реагирование на такое противоречие зависит от глубины переживания состояния фрустрации (от лат. frustratio – обман, неудача), формирующегося при сравнении с другими индивидами (как правило, с отдыхающими, приехавшими на курорт для праздного досуга, нередко с размахом). Отличия в социально-экономическом положении разных групп местного населения, а также местного населения и отдыхающих вызывает агрессивность со стороны тех, кто считает себя обделенным; ухудшение социального статуса, в том числе в силу действия последствий мирового финансового кризиса, изменения геополитической ситуации и турпотока в городах-курортах России[3], продолжающейся инфляции, привело к еще большему разрыву

[1] Гилинский, Я. И. Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К. Маркса до С. Олькова) / Я.И. Гилинский // Экономика и право / ред. А. Заостровцев. - СПб.: Наука, 2009. - С. 169-188.

[2] Номоконов В. А. подчеркивает, что преступность продуцируют не любые противоречия, которые порой являются основой движения общества вперед, а лишь те, что играют «социально регрессивную роль». См.: Номоконов, В. А. Причинный комплекс преступности в современной России / В.А. Номоконов // Российский криминологический взгляд. - 2009. - № 1 (19). - С. 202.

[3] В новых условиях развития многие южно-российские курорты проигрывают по соотношению цены и качества турецким, египетским, тунисским, хорватским, греческим, черногорским аналогам. К сожалению, объективное позитивное действие природных факторов нивелируется плохим состоянием социальной, досуговой, транспортной инфраструктуры, законодательными инициативами по введению курортного сбора (См.: Федеральный закон от 29.07.2017 № 214-ФЗ"О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае" // "Российская газета", № 169, 02.08.2017). Лишь ограничение авиасообщения с Турцией и Египтом в 2015-2017 гг. в связи с нестабильной внутриполитической обстановкой и совершением резонансных терактов вынудило большинство российских туристов отдыхать на отечественных курортах.

между притязаниями и реальными возможностями их осуществления, к росту массовых негативных настроений и, как следствие, к формированию конфликтов, разрешаемых насильственным путем.

Изучение личности выявленных преступников, совершивших уголовно-наказуемые деяния в городах-курортах России, показало, что 84,7% из них являлись местными жителями и лишь 15,3% - приезжими и лицами без определенного места жительства. Получается, что местные жители чаще, нежели приезжие, испытывают на себе действие различных жизненных ситуаций (проблемных, стрессовых, конфликтных и пр.), могущих породить преступление из-за влияния более широкого спектра криминогенных факторов (причин). В частности, речь идет о фактической безработице («незанятости») определенной части жителей городов-курортов и лиц, приехавших сюда с целью совершения преступлений[1]; кроме того, на рынке труда конкуренцию местному населению составляют лица, прибывшие из соседних трудоизбыточных республик[2] с высоким уровнем безработицы[3] и предлагающие дешевую рабочую силу.

К социально-экономическим причинам преступности в городах-курортах также относятся преступная активность вокруг крупных капиталов и сопутствующая ей слабость социально-правового контроля за экономической деятельностью, ведь криминалитет выше там, где есть возможности быстрого оборота и извлечения высокой прибыли, а также материальная нужда, заставляющая, однако, похитителей расходовать выручен-

---

[1] За период с 2007 по 2016 гг. в среднем по городам-курортам России доля преступников, не имеющих постоянного источника дохода, была стабильно выше, чем в стране (73,9% против 63,6%), а доля безработных, наоборот, значительно ниже (0,7% против 5,1%).

[2] По плотности населения Северо-Кавказский федеральный округ, где расположены курорты КМВ, находится на 1-м месте (56 чел. на 1 кв. км), а Южный федеральный округ, где расположены черноморские курорты, - на 3-м месте (32,6 чел. на 1 кв. км). При этом плотность населения в Ингушетии составляет 123 человека на 1 кв. км, Северной Осетии - 88, Чечне – 85, Кабардино-Балкарской Республике - 69, Дагестане - 59. См.: О федеральной целевой программе «Юг России (2014 – 2020 годы)»: Постановление Правительства РФ от 26.12.2013 № 1297 (ред. от 21.12.2015) // СЗ РФ. 13.01.2014. № 2 (часть 1). Ст. 121.

[3] Речь идет об очень высоком уровне безработицы в соседних республиках (Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Северная Осетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Чечня), которые приказами Минтруда РФ ежегодно включаются в «Перечень территорий, отнесенных к территориям с напряженной ситуацией на рынке труда». Наиболее высокий уровень безработицы в Ингушетии – 53%, Чечне – 42%, Дагестане - 17,2%. См.: Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 06.09.2010 № 1485-р (ред. от 28.10.2014) // СЗ РФ. 04.10.2010. № 40. Ст. 5107; Об утверждении Перечня территорий, отнесенных к территориям с напряженной ситуацией на рынке труда по итогам 2014-2015 годов: Приказ Минтруда РФ от 29.04.2016 № 200н // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 13.09.2016.

ные деньги не на удовлетворение витальных потребностей (в пище, одежде, жилье и пр.), а на посещение увеселительных заведений, коих в рассматриваемых городах великое множество, на приобретение наркотиков и т.п.

Транспортная отрасль экономики Ставропольского и Краснодарского краев представлена всеми видами магистрального транспорта (железнодорожным, водным, автомобильным и воздушным транспортом). С позиции борьбы с преступностью, в первую очередь - в сфере незаконного оборота оружия, наркотических средств и психотропных веществ, высокий транзитный потенциал является, к сожалению, криминогенным фактором, усложняющим работу правоохранительных органов на курортах[1].

К политическим причинам и условиям курортной преступности следует отнести внутриполитическую и внешнеполитическую обстановку, в том числе на юге России и в странах ближнего зарубежья, в результате которой города-курорты оказались в непосредственной близости с зонами военных действий и режима контртеррористических операций. Фактор милитаризации формирует в общественном сознании установку на обесценивание человеческой жизни и представление о дозволенности насилия, а также детерминирует нелегальное распространение огнестрельного оружия среди населения и рост насильственной преступности.

К социально-демографическим причинам и условиям курортной преступности в первую очередь следует отнести миграцию, породившую сосредоточение в городах-курортах России как маргинальных масс из беженцев и вынужденных переселенцев, так и обычных мигрантов, приехавших из соседних субъектов федерации в города-курорты для учебы и (или) поиска работы; такая «механическая» миграция ложится дополнительной нагрузкой на социальную инфраструктуру городов, влечет за собой цепь неблагоприятных изменений социально-бытового характера. Полинациональность и полирелигиозность населения городов-курортов России используются определенными политическими силами для культивирования нетерпимости к «чужакам», что детерминирует насильственную преступность в совокупности с другими факторами, например - большим притоком в города-курорты России молодежи из соседних республик в силу ряда объективных условий[2], а также благодаря идее уравнивания в пра-

[1] Так, помимо канабиоидного трафика из Казахстана и героинового из Афганистана, юг России испытывает также опиоидное давление из Украины. См.: Арямов А.А. Криминальный риск-менеджмент / А.А. Арямов // Российский криминологический взгляд. 2010. № 3 (23). С. 231.

[2] Вследствие традиционно высокой рождаемости более одной трети общей численности населения СКФО составляет молодежь (около 2,8 млн. чел). Кроме того, в северокавказских республиках значение показателей обеспеченности учреждениями среднего профессионального и высшего образования ниже значения такого показателя в России в 1,8 - 2,3 раза. См.: Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 06.09.2010 № 1485-р (ред. от 28.10.2014) // СЗ РФ. 04.10.2010. № 40. Ст. 5107.

вах выпускников российских школ, когда в высшие учебные заведения рассматриваемых городов приезжают с высоким количеством баллов по ЕГЭ выпускники из соседних республик, впоследствии нередко формирующие группировки по национальному признаку и конфликтующие с другими учащимися.

Сезонность посещения городов-курортов отдыхающими (сезонная миграция) приводит к их «скученности», высокой концентрации в местах отдыха и, как следствие, облегчает злоумышленникам совершение преступлений: на выбор предмета хищения тратится меньше времени, впоследствии легче скрыться с места происшествия, «затерявшись» в толпе, обнаруженную пропажу туристы порой списывают на свою забывчивость и пр.

К социально-демографическим причинам и условиям следует еще отнести наличие и постоянное увеличение числа маргиналов (бомжей, наркоманов, проституток, несовершеннолетних попрошаек и т.п.), которых в города-курорты России привлекают теплый климат, наличие спроса на услуги проституток, возможность «опустошить» карманы у зазевавшегося туриста или просто выпросить у него денег и пр., а также безразличное отношение к судьбам представителей такой категории населения (отих присутствия власть предпочитает избавляться механически посредством применения силовых методов, проводя соответствующие «очистительные» мероприятия в курортных зонах и иных местах проведения досуга отдыхающими).

В числе культурно-воспитательных причин и условий преступности в городах-курортах России можно указать существенные пробелы семейного и школьного воспитания, которые влекут распространенность среди отдельных групп населения представления о допустимости насильственных действий, стереотипов агрессивно-насильственного поведения в конфликтных ситуациях, правовой нигилизм. Развращающее влияние старших по возрасту, примеры развязного сексуального поведения, семейное неблагополучие, безнадзорность подростков в период полового созревания детерминируют преступность на сексуальной почве. Сюда же следует отнести негативную роль СМИ, «обрушивших» на россиян информационные потоки порнографии и насилия, формирующие циничный взгляд на отношения полов, на ценность человеческой жизни и распространяющие представления об «абсолютной половой свободе» как якобы атрибуте современной молодежи. Также в числе культурно-воспитательных причин и условий можно назвать неудовлетворительную организацию досуга как местных жителей, так и отдыхающих, а наличие в городах-курортах России большого числа дискотек и ночных клубов следует рассматривать в качестве криминогенного фактора, детерминирующего преступность, особенно в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных

веществ и их аналогов[1]. Низкий уровень культуры населения обусловливает девальвацию традиционных нравственных, гуманистических ценностей, а недоработки в сфере правового воспитания - отсутствие или недостаточность правовых представлений об ответственности.

К социально-бытовым причинам и условиям преступности в городах-курортах России относятся: алкоголизация и наркотизация населения, особенно молодежи вследствие праздности и неразвитости сферы досуга, а также терпимости в обществе к пьяницам и наркоманам; неблагоприятные материально-бытовые условия, провоцирующие агрессивную разрядку (помимо материально-бытовых проблем местных жителей городов-курортов, это еще и скученное проживание туристов, неоднородность их массива); конфликтные отношения в семье, с соседями, с сослуживцами, не получившие оценки и соответствующей реакции со стороны власти, общества, ближайшего окружения, и т.п.

Рассматривая социально-психологические причины и условия, следует отметить, что далеко не во всех случаях преступность детерминируется только имевшими место в исследуемом периоде кризисными явлениями, отразившимися на различных сферах жизнедеятельности городов-курортов. Ведь если даже в экономике, политике и других областях функционирования городов-курортов не происходят выраженные отрицательные изменения, но, однако, и отсутствуют позитивные сдвиги («стагнация кризиса»), то у их жителей, продолжительное время пребывающих в такой ситуации, происходит аккумуляция довольно серьезных социально-психологических деформаций, что вкупе со специфическими, присущими курортам факторами нравственно «ломает» людей, стимулирует возникновение разного рода конфликтов, становится катализатором алкоголизации и наркотизации местного населения, формирует благоприятную нравственно-психологическую основу для противоправного поведения. В числе основных психологических условий, детерминирующих, в первую очередь, корыстную преступность в городах-курортах России, следует указать виктимное поведение отдыхающих в виде их беспечного отношения к сохранности собственного имущества, демонстрации ими стереотипов материальной обеспеченности (порой – ложной), нередко в виде неправомерного допреступного поведения жертв мошенничества, легкомысленного допреступного поведения жертв половых преступлений и пр. К организационно-управленческим причинам и условиям курортной преступности следует отнести низкую эффективность взаимодействия правоохранительных органов городов-курортов между собой и с другими субъектами предупре-

[1] По мнению В. С. Овчинского, «…ночные клубы по всей стране превратились фактически в наркопритоны, где различные ОПГ вкупе с владельцами клубов извлекают сверхприбыль. По существу, сами ночные клубы часто являются прикрытием для массового сбыта наркотиков». См.: Овчинский, В. С. Российская организованная преступность как форма социальной организации жизни / В.С. Овчинский // Российский криминологический взгляд. - 2010. - № 3 (23). - С. 66.

дительной деятельности, недостаточную материальную и социальную защищенность сотрудников правоохранительных органов, нередко детерминирующую коррупционность последних, незначительную результативность проводимых мероприятий, например, в рамках ежегодной операции «Курорт», а также усилий по выявлению, регистрации и раскрытию преступлений и привлечению злоумышленников к уголовной ответственности (в том числе слабые оперативные позиции в среде отдыхающих ввиду их быстрой сменяемости, сложности в проведении различных следственных действий в силу необходимости вызова в качестве потерпевших или свидетелей лиц, постоянно проживающих не только в других населенных пунктах, но и субъектах федерации, и т.п.), несовершенство или отсутствие в местах массового скопления отдыхающих, а также хранения личного имущества граждан и юридических лиц инженерно-технических средств охраны, оповещения, безопасности, средств сигнализации и связи и т.п.

Таковы основные аспекты, составляющие специфику причин и условий курортной преступности. Из всего набора существующих детерминантов рассмотрены лишь те, которые «находятся» в основных сферах функционирования городов-курортов и их социальных групп, что чрезвычайно важно для практики предупреждения преступности в городах-курортах России.

Ивасюк Ольга Николаевна,
кандидат юридических наук
старший преподавателькафедры криминологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Влияние культурных факторов на бытовые преступления, совершаемые на почве пьянства, алкоголизма и наркомании

В ряду значимых характеристик современной преступности не последнее место занимает ее маргинализация, проявляющаяся, в том числе, и в увеличении удельного веса преступлений, совершаемых в быту. Преступность в сфере бытовых отношений способна порождать целый комплекс взаимосвязанных социальных, психологических, экономических и прочих последствий, сочетание которых в свою очередь оказывает «обратное» воздействие на преступность, стимулируя ее рост и качественные трансформации. Преступления в сфере семейно-бытовых отношений причиняют значительный материальный и моральный ущерб, затрудняют решение социальных задач, стоящих перед обществом на современного этапе развития[1].

[1] См.: Ивасюк О.Н. Роль культуры в профилактике семейно-бытовых преступлений / В сборнике:Уголовная политика и культура противодействия преступности / материалы Международной научно-практической конференции. 2016. С. 302-306.

По данным официальной статистики, 80% бытовых преступлений совершаются в состоянии алкогольного опьянения. Многие из них поражают своей жестокостью. Часто протрезвевший преступник ни себе, ни следствию не может даже объяснить причины и мотивы, подтолкнувшие его к совершению преступления. По нашим данным, 4 из 5 умышленных убийств и причинений вреда здоровью, 3 из 4 изнасилований, 7 из 10 хулиганств совершаются именно в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Т.е. на сегодняшний день 70-80% тяжких насильственных преступлений совершенно в состоянии алкогольного опьянения.

Семейно-бытовые преступления преимущественно совершаются против лиц зрелого возраста (26-50 лет), на долю которых в структуре всех жертв семейно-бытовой насильственной преступности приходится 57,8%. При этом самой виктимной является возрастная группа 36-45 лет, представители которой пострадали от насилия в семье почти в каждом третьем случае (27,9%). Повышенной виктимностью также обладают возрастные группы 31-35 лег и 46-50 лет, на долю которых в структуре всех жертв криминального семейного насилия пришлось соответственно 10,9% и 10,2%[1].

О социальном положении (роде занятий) лиц, пострадавших от насильственных преступлений в семье, нами были получены следующие данные: рабочие − 22,4%; служащие, специалисты в сфере строительства, производства, торговли и оказания услуг − 9,1%; служащие, специалисты в области науки, образования, здравоохранения и социального обеспечения − 8,4%; сотрудники правоохранительных органов − 1,4%; предприниматели − 2,1%; пенсионеры − 18,9%; учащиеся школы, колледжа, техникума, вуза и т.д. − 9,1%; нигде не работали и не учились − 28,6%[2].

Кроме того, лица, лишенные постоянных средств к существованию (это относится не только к неработающим потерпевшим, но и к жертвам из числа учащихся школ, колледжей, техникумов, вузов), обычно попадают в материальную и психологическую зависимость от других членов их семьи, которые в дальнейшем начинают злоупотреблять своей ролью «кормильца» семьи, стараясь установить свою власть, главенство над зависимыми членами семьи, нередко прибегая с этой целью к насильственным действиям. Поэтому не случайно, что более трети (36%) жертв насилия в семье на момент совершения преступления находились на иждивении преступника или другого члена семьи.

Вместе с тем, большинство (58,5%) потерпевших, которые на момент совершения против них рассматриваемых преступлений нигде не работали

---

[1] См.: Ивасюк О.Причины и механизм индивидуального преступного поведения в семейно-бытовой сфере // Закон и право. 2007. № 2. С. 46-49.

[2] См.: Ивасюк О.Н.Проблемы профилактики семейно-бытовых преступлений // Российский криминологический взгляд. 2015. № 1. С. 352-355.; Ивасюк О.Н. Криминологические особенности семейно-бытовых преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 7. С. 153-156.

и не учились, злоупотребляли алкоголем или употребляли наркотики, а 39% – вели аморальный, антиобщественный образ жизни. Безусловно, данные обстоятельства способствуют обострению внутрисемейных отношений и значительному повышению виктимности этой категории лиц.

Известно, что повышенной способностью становиться жертвами криминального насилия в семье обладают лица, характеризующиеся морально-бытовой распущенностью, стойким антиобщественным поведением. Так, почти каждый четвертый (23,6%) изученный потерпевший на момент совершения против него внутрисемейного насилия отличался антиобщественным поведением по месту жительства. К тому же на момент совершения в семье насильственного преступления каждый седьмой (14,2%) потерпевший привлекался сотрудниками органов внутренних дел (ОВД) к административной ответственности, а 7,5% состояли в ОВД на профилактическом учете в качестве правонарушителя или преступника[1].

К сожалению, в последние годы преступлений совершенных в состоянии алкогольного и наркотического опьянения становится все больше. По статистике в Российской Федерации каждое третье преступление совершается взрослым человеком в состоянии алкогольного опьянения, а каждое шестое – пьяным подростком.

Особого внимания заслуживают бытовые преступления, совершаемые на почве пьянства и алкоголизма, наркомании. В системе профилактики указанных преступлений все еще отсутствует должное культурное, антиалкогольное и антинаркотическое воспитание. Между тем такое воспитание является одной из основных функций профилактики и предупреждения преступности, в том числе и бытовой.

Криминогенное и виктимогенное влияние наркотиков и алкоголя представляется очевидным и обусловлено, прежде всего, прямым и довольно сильным его воздействием на психику, интеллект, эмоции, волю, мотивацию поведения людей. Алкоголь, его систематическое потребление, глубоко воздействует на человека. Человек под действием алкоголя меняется и внешне и внутренне. Изменяется до неузнаваемости моральный облик человека, сужается круг его духовных потребностей, притупляется интеллект.

Эти изменения в своей совокупности способствуют совершению преступлений. Но не только систематическое злоупотребление алкоголем может привести к таким ужасным последствиям. И однократный прием наркотиков или спиртного в больших дозах также может привести человека к таким необратимым преступным последствиям. В последнем случае, алкоголь и наркотики представляют большую опасность для подростков. Известно, что употребление алкоголя, как и наркотических средств, отри-

[1] См.: Ивасюк О.Н. К вопросу минимизации последствий преступлений в сфере бытовых отношений // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 148-150.

цательно влияет на нервную систему человека, дезорганизуя важнейшие психологические процессы возбуждения и торможения. Будучи в состоянии опьянения, человек легко выходит из равновесия, становится развязанным, циничным, агрессивным и т.п.[1] Такое состояние чаще всего и способствует совершению насильственных действий в семье. Пьяный теряет способность к адекватному восприятию внешней среды, людей, их поступков, утрачивает самоконтроль, становится несдержанным, грубым. В мотивации его поведения на первый план выходят эгоцентрические побуждения, низменные влечения и инстинкты, аморальные и антисоциальные наклонности, которые в трезвом виде подавляются, сдерживаются позитивными взглядами, отношениями и привычками[2].

Систематическое пьянство способствует неблагоприятному нравственному формированию личности, существенно деформирует процесс ее социализации, ослабляет или подрывает социально полезные связи в различных типах микросреды, а также способствует созданию конкретных жизненных ситуаций криминогенного характера.

Очевидно, что проблема алкоголизма и наркомании, это проблема не отдельной семьи или отдельного человека, это настоящее бедствие для всего общества. В данном случае должны сочетаться общая и индивидуальная профилактика, которая должна базироваться на целостной информационной стратегии, ориентирующей граждан (особенно молодежь) на сохранение своего здоровья и работоспособности, как основных и обязательных факторов личного благополучия. Однако без участия общественности государство может сделать очень мало[3].

Первичная профилактика должна включать не только раннее воспитание у несовершеннолетних и молодежи внутренней системы запретов на прием одурманивающих и наркотических средств, токсических и психотропных веществ, но и обучение родителей навыкам бесконфликтного общения с детьми. Необходима также подготовка специалистов по профилактике наркомании и токсикомании, обучение их приемам раннего выявления аддиктивного поведения, проведению профилактических бесед и иным методам профилактической работы с неблагополучными семьями.

В системе профилактики необходимо активизировать деятельность по созданию организаций молодежи, иных общественных объединений,

---

[1] См. подробно: Иванцов С.В., Калашников И.В.Организованность как криминологическая особенность преступности несовершеннолетних. Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 4.

[2] См.: Ивасюк О.Н. Роль культуры в профилактике семейно-бытовых преступлений / В сборнике:Уголовная политика и культура противодействия преступности / материалы Международной научно-практической конференции. 2016. С. 302-306.

[3] См. подробно: Иванцов С.В., Ивасюк О.Н., Калашников И.В. Криминологическая характеристика и предупреждение организованной преступности с участием несовершеннолетних: Учебно-методическое пособие. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.

пропагандирующих здоровый образ жизни, и обеспечение их развития, деятельность по созданию условий досуговой занятости несовершеннолетних и молодежи. Необходимо проведение мероприятий с целью пропаганды здорового образа жизни, расширение социальной рекламы ценностей здорового образа жизни; создание и поддержка детских и молодежных средств массовой информации для формирования позитивной жизненной ориентации в семейной и молодежной среде; психологическое консультирование семей, входящих в группу риска.

Ищук Ярослав Григорьевич,
кандидат юридических наук
старший преподаватель кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России

Афганская наркоиндустрия как объект криминологического анализа

Существующие в нашем государстве проблемы в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков обусловлены не только пробелами в законодательстве и несовершенной практикой[1], но и процессами происходящими в зарубежных государствах. Так, одним из главных источников «нарко-угрозы» для России является Афганистан, все ощутимее приобретающий признаки наркогосударства. В настоящее время в Афганистане производится героина больше, чем когда-либо за всю историю этой страны. С 2003 г. по настоящее время Афганистан является мировым монополистом в производстве героина.

По оценкам Управления по борьбе с наркотиками и преступностью ООН, начиная с 2006 г., ситуация в Афганистане ухудшилась. Не получив обещанной помощи в развитии традиционного сельского хозяйства от правительства страны, афганские крестьяне вернулись к культивированию опийного мака, в результате чего площадь маковых полей увеличилась по сравнению с 2005 г. более чем в полтора раза и составила 165 тыс. га. Выращиванием опийного мака занимаются более 3 млн. человек, и эта цифра неуклонно растет.

Уничтожение посевов мака вызывает озлобление и противодействие местного населения. Попытки склонить крестьян к переходу на другие сельскохозяйственные культуры практически провалились, т.к. доходность от наркопосевов несравненно выше. Талибы в качестве противостояния

[1] См.: Шкабин Г.С. Правовая оценка причинения вреда при осуществлении орд в сфере незаконного оборота наркотиков // Наркотизм: исторический и современный аспекты: материалы науч.-практ. конф., Рязань, 3 нояб. 2005 г. Ред. О.Н. Харькин. Рязань, 2005. С. 44-46.

международным силам всячески поощряли выращивание опиумного мака на контролируемых ими территориях для укрепления своего влияния. правительство Афганистана предложило афганским земледельцам 1 250 долл. за каждый уничтоженный гектар опийного мака, в то время как скупщики сырья для нарколабораторий предлагали 16 000 долл. за урожай с одного гектара (в этих климатических условиях можно собирать по два-три урожая в год)[1].

Афганистан относится к одному из крупнейших регионов незаконного оборота опия «Золотому полумесяцу». Наркотические средства из мака в настоящий период являются наиболее распространенными в России, и занимают второе место после производных конопли[2].

Большинство производимого в мире опия перерабатывается в маковую соломку, морфин, кодеин и героин. Афганский наркобизнесс интересует именно героин, так как он вызывает сильное и быстрое привыкание, а значит имеет постоянный спрос; может изготавливаться в подпольных условиях и может производиться на территории Афганистана в огромном количестве.

Афганистан за последнее десятилетие превратился в крупнейшее в мире нарко-государство, где производится 95% опия в мире. Уже в 2011 году маком были засеяны 130 тысяч гектаров афганских полей. Урожай опия в Афганистане вырос на 61%. Ежегодные доходы от афганского наркобизнеса составляют десятки, если не сотни, миллиардов долларов[3].

Таким образом, основным видом афганского наркотика является героин.

Остается плачевным состояние афганской экономики, которая многие годы находится в состоянии «застоя» и не развивается, что порождает массовую коррупцию, безработицу, моральную депрессию в крестьянской среде фактически побуждая беднейшие слои населения выращивать наркосодержащие растения в качестве единственного средства источника доходов. Сложившаяся ситуация является прочным «фундаментом» афганского наркобизнеса. Сегодня наАфганистан приходится 90% мирового производства опиума и героина, а доходы от экспорта наркотиков, естественно, обходящие стороной крестьяни оседающие в карманах наркодельцов, составляют2,4 млрд долл., что соответствует 15%ВВП страны[4].

---

[1] Крисанов А.И. Афганистан как наркогосударство. // Власть. 2010. №1. С. 105.

[2] Некрасов Д.Е., Ищук Я.Г., Власов И.Б., Гришко А.Я., Бадальянц Э.Ю., Чистотина О.Н. // Криминогенная обстановка и проблемы противодействия преступности и профилактики правонарушений в Рязанской области. Научно-аналитический обзор. Рязань, 2014. С. 93.

[3] Вести.RU. [Электронный ресурс] URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=349491&cid=549 (дата обращения 03.09.2017)

[4] Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками. [Электронный ресурс] URL: https://www.unodc.org (дата обращения 03.04.2017).

Одной из самых серьезных и трудноразрешимых проблем современного Афганистана является то, что за годы войны в нем, по сути дела, полностью разрушен тонкий европеизированный культурно-политический слой населения, на который обычно опиралась афганская власть. Этот слой сложился в эпоху британского колониального господства, сохранился и традиционно доминировал в политической жизни в последующий период независимого существования Афганистана, в том числе и в годы присутствия советского воинского контингента в этой стране.

Приход к власти сначала моджахедов, а потом талибов привел к тому, что в самом Афганистане европеизированный слой населения практически исчез. В настоящее время от него остались жалкие остатки, не оказывающие никакого значимого влияния на происходящие в стране процессы[1].

За время присутствия в стране Международных сил содействия безопасности («М С С Б»), находящихся под командованием НАТО от произведенных в Афганистане наркотиков во всем мире умерло свыше одного миллиона человек[2]. С момента введения международного военного контингента в Афганистан объемы урожая опия выросли в несколько раз, за год в Россию поступало 549 тонн афганских наркотиков в опиумном эквиваленте, а в страны ЕС – 711 тонн. Через «Иранский канал» в Южную Европу следует порядка 105 тонн героина в год.

Отметим, что наркобизнес перебрасывая сотни тонн героина в РФ и в Европу грузовом транспортом зарабатывает огромные доходы, а также подрывают экономический и человеческий потенциал России и Европы.

Россия стала основным потребителем героина в мире – в стране ежегодно потребляется 70 тонн героина. «В России примерно 1,7 миллиона человек употребляют наркотики-опиаты»[3]. По различным оценкам, в настоящее время четверть преступлений, совершаемых в социальном сегменте сети Интернет в России, представляют собой деяния, связанные с оборотом наркотиков. В 6,7% случаев предметом преступлений является героин[4].

От афганских наркотиков за 10 лет пребывания НАТО в Афганистане погибло как минимум полмиллиона российских граждан до 25 лет. Эта цифра в 40 раз больше числа потерь солдат за десять лет войны СССР в Афганистане. Ежегодная смертность среди гражданского населения в

---

[1] Орлов А.А. Положение в Афганистане и возможная его эволюция в контексте «фактора 014» // Международные отношения. [Электронный ресурс] URL: http://cyberleninka.ru (дата обращения 02.09.2017).

[2] Журнал Международная жизнь. [Электронный ресурс]URL: https://interaffairs.ru/news/show/8430?show_desktop_mode=true (дата обращения 06.09.2017).

[3] РИА НОВОСТИ. [Электронный ресурс]URL: https://ria.ru/interview/20150626/1088210959.html (дата обращения 04.09.2017).

[4] Соловьев В.С. Соловьев В.С. Преступность в социальных сетях Интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10, № 1. С. 63.

самих странах НАТО от передозировки афганского героина в 50 раз превышает их же военные потери в Афганистане, а в США количество наркозависимых людей достигло 2 миллионов человек[1].

Президент РФ Владимир Путин обозначил, что террористическая и наркоугроза, исходящая из Афганистана, не снижается… Н. О. Н. превратился в одну из острейших угроз, подрывает генофонд целых наций, создает питательную среду для коррупции и криминала и ведет к дестабилизации обстановки в самом Афганистане… Россия сталкивается с настоящей героиновой агрессией, наносящей огромный ущерб здоровью наших граждан»[2].

Повсеместное сращивание нарко- и террористических группировок порождает другую важную проблему: происходит идеологическое обоснование наркоторговли, как одного из действенных инструментов политической борьбы и криминализации политики. Нестабильная обстановка в Афганистане ведет к ухудшению ситуации в сфере внутренней безопасности в соседних государствах, в первую очередь, в странах Центральной Азии. Усиление криминальных и экстремистских структур создает угрозу их влияния на легитимные институты власти и способствует формированию нестабильного и депрессивного пространства в регионе.

Оценивая деятельность в Афганистане С Ш А и их союзников по НАТО начиная с 2001 года и по настоящее время, сложно говорить о каких-либо серьезных успехах в борьбе с терроризмом и наркобизнесом. В реальности все наоборот. Так, количество совершенных терактов, численность экстремистских сетей, способных создать террористические угрозы, за десятилетний период пребывания иностранного контингента на территории Афганистана не только не снизилось, а наоборот возросло. Введенные в регион иностранные войска, которые отказались бороться с проблемой выращивания и распространения опиатов, позволяют террористическим организациям по-прежнему иметь постоянный доход от реализации наркотических средств. Следовательно, и в ближайшем будущем сложно говорить о каком-либо улучшении внутриполитический ситуации в стране.

Данная ситуация усугубляется и мировыми политическими играми двойных стандартов. Так О.С. Борисов и Е.Н. Кондрат указывают, что виной многолетней нестабильности в Афганистане, широкому распространению наркобизнеса послужили практики смены легитимных режимов с использованием «гибридных войн», появление «Исламского государства», политика двойных стандартов[3].

---

[1] Журнал Международная жизнь. [Электронный ресурс]URL: https://interaffairs.ru/news/show/8430 (дата обращения 03.09.2017).

[2] РИА НОВОСТИ. [Электронный ресурс]URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=726754&cid=7 (дата обращения 04.09.2017)

[3] Борисов О.С., Кондрат Е.Н. Комментарий к ФЗ от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты РФ в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (постатейный). М.: Юстицинформ, 2017.С. 2-3, 176.

Другой значимой проблемой для руководства государства Афганистан является безработица. Выращивание и продажа сырья для производства опиума для многих афганцев – это главный, а чаще всего, и единственный источник дохода. По оценкам UNODC (Управление ООН по наркотикам и преступности), общий финансовый объем наркоиндустрии Афганистана от выращивания мака составляют 1,4 миллиарда долларов США, эквивалентным 9 процентам ВВП Афганистана[1].

Представляя доклад Управления Верховного комиссара ООН (OHCHR) о ситуации с правами человека и бедностью в Афганистане, основанный на исследовании, проведенном в 14 (из 34) афганских провинций, Н. Ниланд отметила, что сегодняшний Афганистан – одно из самых бедных государств мира, где треть населения живет в тотальной нищете[2].

Считаем, что все выше обозначенное говорит о том, что пока в Афганистане не произойдет стабилизации и улучшения социально-экономического положения государства, о прекращении производства опия и его контрабанды по всему миру не может быть и речи.

Основная масса афганского героина поступает в Россию через Казахстан. Из Афганистана наркотики напрямую в Россию не поставляются, они поставляются из Афганистана в Таджикистан, оттуда в Россию через Киргизию и Казахстан[3].

Героиновый трафик из Афганистана через Таджикистан, Киргизию и Казахстан существует уже давно. Это одно из основных направлений сбыта афганского героина на постсоветском пространстве. В эту дилерскую цепочку включены не только организованные преступные группы нескольких республик СНГ, но и местные силовые структуры.

---

[1] Afghan opium prices soar as production rises [Электронныйресурс] URL: http://www.unodc.org/. (датаобращения 05.09.2017)

[2] Нищета убивает в Афганистане больше людей, чем вооруженный конфликт [Электронный ресурс]URL: http://ria.ru/world/. http://www.unodc.org/. (дата обращения 05.09.2017)

[3] ИнтерФакс. [Электронный ресурс]URL: http://www.interfax.ru/russia/530129 (дата обращения 05.09.2017)

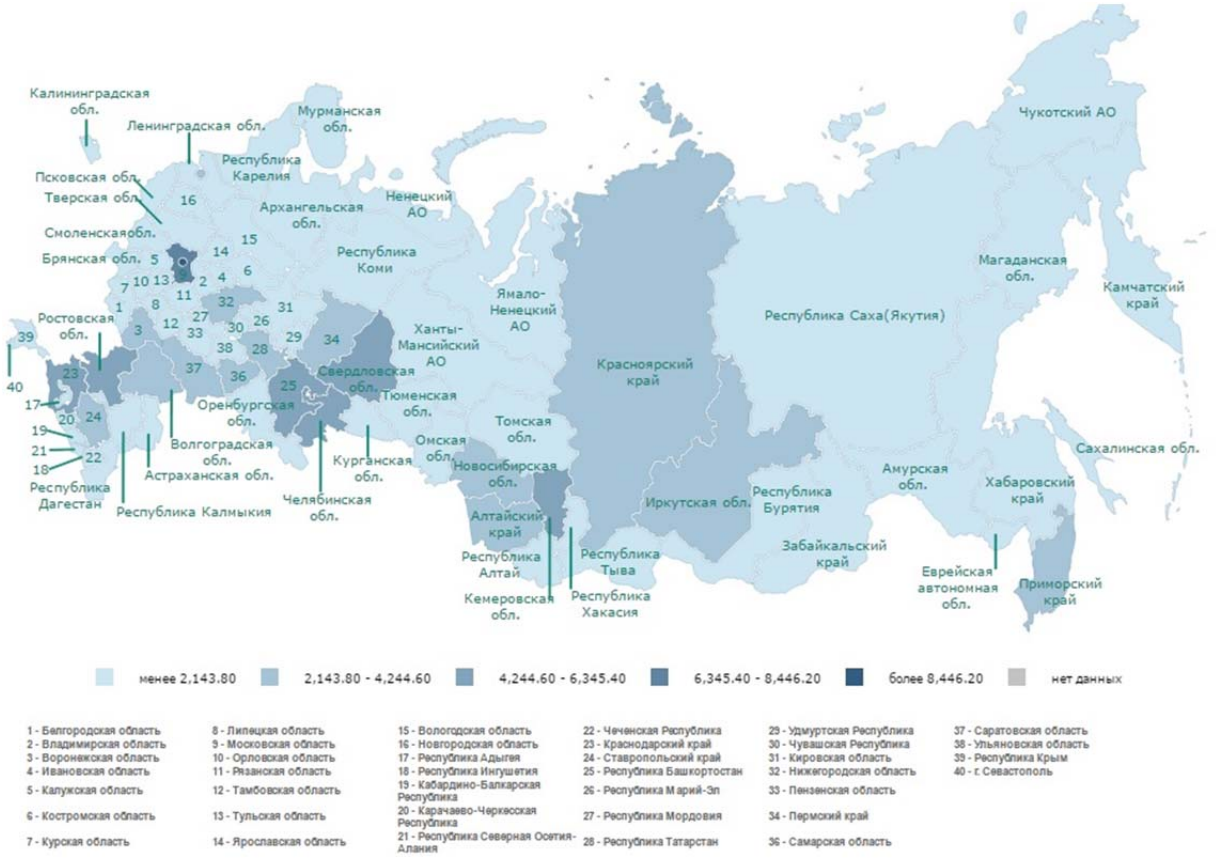

Источник: Институт демографии, миграции и регионального развития

Разумеется, в эту систему включены и коррумпированные российские чиновники. Афганский героин не производился бы, если бы не поставки прекурсоров из-за рубежа. Как отмечают афганские спецслужбы, занятые борьбой с героином, прекурсоры поступают из Ирана, Китая, России, республик Центральной Азии. Так что производство афганского героина, на самом деле, результат усилий наркомафии сразу нескольких стран.

Сопоставив карту зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков[1] с картой маршрутов поставок героина из Афганистана, видно, что именно на территориях по которым проходят пути незаконного перемещения наркотических средств являются наиболее «зараженными» наркопреступлениями.

[1] Кримстат. [Электронный ресурс]URL : http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения 05.04.2017)

Необходимо отметить, что одним из существенных факторов, влияющих на состояние российского наркорынка являются большая протяженность недостаточно обустроенных южных рубежей государственной границы и значительное увеличение масштабов ввоза героина, прежде всего из Афганистана через территорию государств Центрально-Азиатского региона. Прослеживается явная взаимосвязь наркобизнеса с экстремизмом и терроризмом, средства, вырученные от продажи наркотиков идут на финансирование террористических группировок с целью дестабилизации обстановки и разжигания региональных конфликтов[1].

Борьба против наркобизнеса является важным аспектом помощи Афганистану со стороны международного сообщества. В настоящее время наркомафия проникает во все большие слои населения государств мира и становится международной проблемой. Продолжающееся незаконное производство в Афганистане наркотических веществ и их распространение, подрывает национальную безопасность как самого Афганистана, так и стран-соседей, других государств евразийского континента, в том числе и России.

[1] Министерство иностранных дел РФ. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru (дата обращения 04.04.2017)

Кашкаров Алексей Александрович,
кандидат юридических наук
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

Организационные и тактические основы предупреждения должностной преступности органах внутренних

Следует всегда помнить, что выявление объективных и субъективных детерминант должностной преступности в органах внутренних дел не является самоцелью, а необходимым условием целенаправленной, последовательной и системной работы по борьбе с ней. При этом главное внимание должно уделяться именно предупреждению противоправных проявлений, что, в свою очередь, дает возможность в меньшей степени прибегать к инструментам уголовно-правовой репрессии, что также способствует повышению положительного имиджа органов внутренних дел в социуме. Меры предупреждения преступности обязательно должны быть научно обоснованными, соответствовать научным достижениям в той или иной области, научным рекомендациям[1].

Общесоциальные меры по предупреждению преступности реализуется по средствам проведения общегосударственных мероприятий, которые направленны на нивелирование (нейтрализацию) влияния деструктивных факторов должностной и коррупционной преступности не только в органах внутренних дел, но и во всех органах публичной власти государства. Общесоциальное предупреждение преступности достигает своего результата опосредованно в процессе совершенствования всей системы отношений в обществе. Ясно, что совершенное с точки зрения экономики, политики и социальной сферы общество больше, нежели несовершенное, защищено от разного рода противоправных и криминальных деликтов. Однако и в общесоциальных вопросах заложен определенный целенаправленный антикриминогенный потенциал, когда речь идет о социальной помощи семье, развитии молодежной политики, государственной поддержке малого предпринимательства и др. Все эти направления, безусловно, работают в первую очередь на укрепление общих позитивных начал развития всего населения страны[2].

Вместе с тем принимаемые общесоциальные программы могут иметь не только положительный эффект, но и обратное, негативное влияние на развитие общественных отношений. С целью устранения различного рода

[1] Предупреждение преступности в России: Монография / Под ред. проф. Ю.М. Антоняна. М., 2014. 344 с. С. 25.

[2] Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Г.А. Аванесов и др.]; под ред. Г.А. Аванесова. 6 –е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 576 с. С. 330–331.

криминологических рисков на стадии принятия программ, нормативных правовых актов сегодня внедряется проведение криминологических экспертиз нормативных правовых актов.

На сегодняшний день нормативного закрепления порядка проведения криминологических экспертиз государственных программ и нормативных правовых актов, к сожалению, нет, однако, с позитивной стороны следует отметить, что с целью минимизации коррупциогенных фактов в органах внутренних дел в соответствии с Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»[1], а также Приказом МВД России от 24 февраля 2012 г. № 120 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в системе МВД России»[2]. Осуществление антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в системе органов внутренних дел способствует формированию общесоциального предупреждения коррупционной и как следствие должностной преступности в органах внутренних дел. Проведение такого рода экспертизы позволяет установить потенциально опасные коррупционные риски и устранить их до принятия нормативного правого акта.

Специально-криминологическое предупреждение должностной преступности в органах внутренних дел реализуется посредством принятия специальных, адресных нормативных правовых актов в сфере противодействия должностной преступности, к ним можно отнести принятие различных федеральных законов в сфере предупреждения должностной преступности, указов Президента России, постановлений Правительства РФ, ведомственные приказы и распоряжения.

Профилактика должностной преступности в органах внутренних дел представляет собой комплекс мероприятий, осуществляемых подразделениями ДГСК МВД России, собственной безопасности МВД России, а также руководителями подразделений органов внутренних дел, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению должностных преступлений сотрудниками, служащими и работниками органов внутренних дел, а также на пресечение противоправного поведения указанных лиц на стадии приготовления и/или покушения на совершение должностных преступлений сотрудниками, служащими и работниками органов внутренних дел.

---

[1] Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ. – URL: http://base.garant.ru/195958/#block_5#ixzz46q1cp1h8.

[2] Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в системе МВД России [Электронный ресурс]: Приказ МВД России от 24 февраля 2012 г. № 120. – URL: https://mvd.ru/mvd/documents/20120328164545/item/210427.

Общая профилактика должностной преступности в органах внутренних дел проводится по ряду направлений, одним из них является формирование у населения неприязненного отношения к должностной преступности сотрудников, служащих и работников органов внутренних дел. Такого рода мероприятия проводятся с привлечением средств массовой информации посредством информирования населения о возможности обратится в подразделения собственной безопасности органов внутренних дел, специальные кадровые подразделения органов внутренних дел, а также напрямую к руководителю того либо иного структурного подразделения органов внутренних дел. Главная цель мероприятий – сформировать у населения активную гражданскую позицию и нетерпимость к любым фактам нарушения прав и законных интересов граждан, а также повысить правовую культуру и грамотность у граждан. Еще одной целью такого рода профилактических мероприятий также выступает налаживание обратной связи указанных подразделений органов внутренних дел с населением по фактам совершения сотрудниками, служащими или работниками органов внутренних дел должностных преступлений.

Проведение профилактических мероприятий по формированию негативного отношения к проявлениям должностной преступности в органах внутренних дел целесообразно, чтобы осуществляли гласные, контактные подразделения полиции и внутренний службы, например, сотрудники ГИБДД, ППСП, кадрового аппарата, участковые уполномоченные полиции. Так, например, сотрудниками МВД по Республике Крым на системной основе проводятся подобные социальные профилактические мероприятия «Твое НЕТ имеет значение»[1], «Нет – коррупции!»[2], которые имеют положительный социальный эффект.

Также следует понимать, что кроме внутриведомственной профилактики должностной преступности в органах внутренних дел профилактические мероприятия осуществляют органы прокуратуры, государственной безопасности, общественные негосударственные общественные организации, представители гражданского общества.

Составной частью профилактики преступлений в сфере должностной (служебной) деятельности сотрудников органов внутренних дел являются меры, направленные на устранение факторов, способствующих незаконному обогащению (получение взяток, совершение иных корыстных преступлений). С целью пресечения незаконного обогащения сотрудников, служащих и/или работников органов внутренних дел необходимо обеспечить жесткий контроль за всеми источниками доходов указанных лиц, эффективными в этом плане являются такие меры, как:

---

[1] В Республике Крым состоялась социальная акция «Твое НЕТ имеет значение». – https://82.mvd.ru/news/item/6876650/.

[2] Сотрудники ГИБДД Советского района провели акцию «Нет – коррупции!». – URL: https://82.mvd.ru/news/item/7610683/.

– обеспечение реального контроля за доходами и расходами сотрудников органов внутренних дел, предусматривающий обязательное декларирование доходов сотрудника и членов его семьи;

– декларирование финансовых источников при приобретении недвижимого имущества, земельных участков, дорогостоящего движимого имущества;

– усиление ответственности за непредставление деклараций, уклонение от налогообложения и любых других способов сокрытия фактически полученных доходов;

– осуществление сверок (сплошных либо выборочных), по предоставленным сведениям, по открытым банковским счетам подразделений ДГСК МВД России с коммерческими банками и иными финансовыми учреждениями.

Профилактика должностной преступности в органах внутренних дел также должна основываться на продуманной воспитательной работе в органах внутренних дел. Такого рода работа должна быть направлена на формирование у сотрудников ОВД и иных лиц высоких моральных и деловых качеств и культуры, ответственного отношения к выполнению должностных (служебных) обязанностей. Бесспорным является тот факт, что правомерное поведение это приобретенный навык человека, формируемый правовой культурой социума, который находится в определенной среде.

С учетом того, что большая часть должностных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, имеют корыстный мотив, предупреждение данного вида преступности должно основываться на формировании у сотрудников, служащих или работников органов внутренних дел альтруистической идеологии, основная цель правоохранительной деятельности оказание содействия и помощи физическим и юридическим лицам, обществу и служение государственным интересам. То есть в системе органов внутренних дел должен быть сформирован пропагандистский аппарат с целью создания у сотрудника, служащего или работника органа внутренних дел позитивной морально-нравственной установки по бескорыстному выполнению профессиональных обязанностей, предусмотренных должностными регламентами.

Перманентное реформирование и перестройка органов внутренних дел требует не только реорганизации структуры, но и изменения системы действительных ориентаций и отношения сотрудников органов внутренних дел к своей служебной деятельности. Предупреждение преступлений в сфере служебной деятельности сотрудников и иных лиц органов внутренних дел предусматривает помимо контроля организации воспитательной работы, которая должна быть направлена в первую очередь на реализацию морально-нравственных функций, к которым относятся формирование профессионального сознания сотрудников, служащих и работников орга-

нов внутренних дел, повышение уровня их профессиональной и правовой культуры, правосознания, сознательного отношения к выполнению служебных обязанностей, сочетание высокого профессионального уровня с нравственностью и культурой, стремление к истине, к торжеству справедливости, профессиональной гордости и этики.

Воспитательная работа в органах внутренних дел как социально-психологическая система должна обеспечить совокупность функциональных связей и логических отношений между ее элементами: содержанием воспитания, методами, целями, организационными формами воспитательной работы и ее реальными результатами. Осуществление воспитательной работы и иных видов морально-психологической работы в органах внутренних дел регламентируется приказом МВД России от 11 февраля 2010 года № 80 «О морально-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»[1]. Воспитательная работа носит как массовый, так и индивидуальный характер.

Методы воспитательной работы по противодействию должностной преступности в ОВД могут быть различными. Так, А.В. Симоненко указывает, что методами криминологического воспитания могут выступать:

метод убеждения – реализуется посредством разъяснения, доказательства и иллюстрации определенных фактов, опровержения, обобщения;

метод примера – используется в отношении лиц, которые склонны к подражанию и заимствованию чужого опыта;

метод поощрения – это система средств и приемов морального и материального стимулирования людей и коллективов, такого рода метод повышает собственное мнение у человека и коллектива, вселяет уверенность в собственных силах;

метод организации положительной деятельности – направлен на формирование стереотипов положительного поведения;

метод оказания помощи – направлен на улучшение социально-бытовых условий, организацию досуга сотрудников, служащих и работников ОВД;

метод соревнования – реализуется посредством создания в коллективе здорового духа конкуренции и товарищества, а также сотрудничества и взаимопомощи;

метод принуждения – система дисциплинарно-воспитательного воздействия, с возможностью применения мер дисциплинарного воздействия[2].

Воспитательная работа, связанная с профилактикой должностной преступности в органах внутренних дел, должна основываться на право-

---

[1] О морально-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 11 февраля 2010 г. № 80. – URL: http://docs.cntd.ru/document/902252453.

[2] Симоненко А.В. Воспитание в криминологии. Монография / под ред. проф. С.Я. Лебедева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. 234 с. С. 103–117.

вом воспитании сотрудников, служащих и работников органов внутренних дел. В процессе правого воспитания сотрудникам, служащим и работникам органов внутренних дел разъясняются нормы и положения действующего законодательства, правовые и иные последствия его нарушения, порядок и последовательность разрешения конфликтных ситуаций, которые могут возникнуть в процессе службы в органах внутренних дел. В рамках правого воспитания целесообразно также осуществлять рассмотрение обзоров о состоянии дисциплины и законности в органах внутренних дел, негативных примеров, связанных с привлечением сотрудников, служащих или работников ОВД к уголовной ответственности за совершение должностных преступлений.

Одной из основных задач воспитательной работы в органах внутренних дел является культивирование у сотрудника, служащего или работника органа внутренних дел желания самовоспитания. Самовоспитание продуцирует в дальнейшем познавательную деятельность, связанную с осмыслением собственного поведения, мировоззрения, переоценке ценностных ориентиров, что, в конечном итоге, приводит к формированию позитивных, социально значимых стереотипов поведения, а также к самопрофилактике сотрудника, служащего или работника. Сотрудник, служащий или работник органа внутренних дел, обладающий возможностями по самопрофилактике и самокоррекции поведения, должен выступать примером в служебно-оперативной и иных видах профессиональной деятельности, его позитивный опыт должен популяризироваться в подразделениях органов внутренних дел, молодые сотрудники должны ориентироваться и подражать таким лицам. В качестве примера самопрофилактики и самокоррекции поведения можно привести положительный опыт из деятельности подразделений УГИБДД МВД по Республике Крым, в 2015–2016 годах отмечается устойчивая тенденция к увеличению количества зарегистрированных преступлений по признакам преступлений, предусмотренных ст. 291 УК РФ, в которых пытались склонить сотрудников УГИБДД МВД по Республике Крым к получению взятки, сотрудники ОВД сами заявляют о фактах дачи им взяток.

В качестве индивидуальных мер предупреждения должностной преступности к сотрудникам органов внутренних дел могут быть применены меры, связанные с привлечением к дисциплинарной ответственности, которые предусмотрены ст. 50 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342 – ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1], а в отношении служащих или работников органов внутренних дел

[1] О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. – URL: http://base.garant.ru/12192456/#help.

трудовым законодательством Российской Федерации. С целью устранения причин и условий, способствующих совершению должностного преступления сотрудником, служащим или работником органов внутренних дел, руководителем подразделения органов внутренних дел может быть осуществлен перевод сотрудника на другую должность или перевод в другую службу или подразделение органов внутренних дел.

Подразделениями собственной безопасности органов внутренних дел в рамках индивидуальной профилактики должностной преступности в органов внутренних дел могут проводиться мероприятия, направленные на пресечение и предупреждение противоправного поведения сотрудника, служащего или работника органов внутренних дел посредством использования негласного аппарата, с использованием гласных и негласных методов воздействия, проведения оперативных комбинаций, обеспечивают контроль за реализацией и развитием преступного умысла.

Превентивная деятельность подразделений собственной безопасности органов внутренних дел и руководителей подразделений органов внутренних дел по недопущению должностной преступности в органах внутренних дел также должна быть направлена на минимизацию и устранение влияния представителей преступной среды на деятельность сотрудников, служащих и работников органов внутренних дел.

Профессиональные возможности сотрудников, служащих и работников органов внутренних дел представляют интерес для отдельных лиц и групп, имеющих высокий уровень криминальной и коррупционной активности, указанные лица могут преследовать различные цели, основными из них являются: уклонение от уголовного преследования, получение различного рода незаконных преимуществ, контроль за служебной и профессиональной деятельностью сотрудника, служащего или работника органов внутренних дел. Достижение указанных целей сопровождается вовлечением сотрудника, служащего или работника ОВД в преступную деятельность, в ходе которой сотрудник, служащий или работник органа внутренних дел совершает различные должностные преступления.

Вовлечение сотрудника органа внутренних дел в противоправную деятельность осуществляется различными методами, наиболее распространенный склонение по средствам дачи взятки (подкуп), шантаж имеющимися компрометирующими материалами, угроза физического насилия в отношении сотрудника либо его родственников.

Превентивные меры в сфере противодействия вовлечения сотрудников, служащих или работников органов внутренних дел в преступную деятельность должны быть направлены на:

проведение разъяснительной работы среди сотрудников полиции, служащих и работников органов внутренних дел о необходимости незамедлительного информирования подразделений собственной безопасности органов внутренних дел и непосредственного руководителя о факте склонения к преступной деятельности;

выявление и контроль лиц, склоняющих сотрудников полиции, служащих или работников органов внутренних дел к преступной деятельности, а также заангажированных сотрудников органов внутренних дел;

выявление и устранение причин и условий, дающих возможность осуществлять вовлечение сотрудников, служащих или работников работник орган в преступную деятельность;

установление коррупционных связей сотрудников, служащих или работников органов внутренних дел с представителями криминалитета.

Киселев Сергей Сергеевич,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Киберпреступления против жизни и здоровья в обществе потребления. Первая ласточка

Новости об очереди на Тверской за новой моделью телефона у психически здорового человека вызывают только одну реакцию: «Остановите планету, я сойду». Дело в том, что каждый новый гаджет дает доступ к большему объему информации. И в этом колоссальном потоке всеобъемлющего контента как раз и существует новое информационное (постиндустриальное) общество. Из 90 млн. интернет-пользователей в России, около 50 млн. сегодня пользуются интернетом через мобильные устройства, т.е. имеют доступ к любому контенту круглосуточно и в любом месте. Информация стала новой нефтью: на протяжении 2016 года владельцам «ВКонтакте» удалось заработать 8,9 миллиардов рублей, что вдвое превышает результаты, зафиксированные в 2015 году (главным источником дохода является актуальный контент и реклама).

В условиях такого тотального потребления информации и технологий первыми под удар новых злоумышленников попали дети. Ребенка стало трудно удивить чем-либо. Родители чрезвычайно отстали от нового поколения и не могут или не хотят предупреждать трегедию. На этом фоне множество подростков и даже дошколят, практически не выходя из своей комнаты, подверглись воздействию ужасающего тренда танатофилии (танатомании). Смерть стала крайне интересна для них, при этом в большинстве случаев они вообще не понимают, что происходит.

На протяжении долгого времени в сети Интернет в свободном доступе распространено изображение с очень странной инструкцией для детей. Девочки в возрасте примерно от 4 до 7 лет благодаря предлагаемой инструкции могут узнать как стать огненной феей «Винкс» в ночное время, с помощью газовой кухонной плиты.

На данный момент трагических случаев не зафиксировано, но прецеденты по применению этой инструкции имели место. Изображение с этой инструкцией может стать доступной ребенку через простой поисковый запрос. Почему оно не блокируется и не оценивается как опасный контент? Может потому что еще никто не погиб?...

Примечательно, что 10 лет назад девочки играли в куклы «Барби» и хотели быть красивыми как они. Сейчас же они играют в куклы монстры «Хай» и раскладывают их не по кукольным домикам, а по гробам. Ученые доказали, что куклы «Барби» нарушают психику по отношению к внешнему виду женщины. Но почему до сих пор не доказано, что куклы монстры «Хай» калечат психику ребенка, изменяют его отношение к смерти? Почему эти куклы являются хитом продаж, взрослые люди – родители покупают своим детям этих монстров, не понимая, что этим самым они превращают отношение к смерти в игру? Девочки с несформированной психикой и понятием о смерти считают, что гроб это уютный домик, в котором живет ее любимая кукла, расчлененная по частям на ночь. Почему эти куклы не снимают с продажи в нашей стране? Почему родители не осознают вредность таких подарков? Бесспорно, что такое отношение к ребенку в детстве приводит к серьезным последствиям в подростковом возрасте.

Где их ждет следующие игры уже посерьезнее. Такие, например как: «Синий кит», «Тихий дом», «Разбуди меня в 4.20».

Государственная власть борется с различными видами преступлений и общественно вредных явлений, но перед этой игрой, как показывает практика, оказалась бессильна. Не смотря на изменение законодательства, в социальных сетях по-прежнему создаются «группы смерти».

В них с детьми работают взрослые люди, осознающие свою цель и идущие системно и планомерно к ней. Суть действий этих лиц – психологическое воздействие на ребенка через социальные сети. Внушение ему того, что он неудачник и есть другой мир, там, где он будет избранный. Говорить о системе игры можно очень долго учитывая особенности каждой истории гибели ребенка. Суть в следующем: ребенок желающий вступить в эту игру размещает на своей странице, в комментариях надпись следующего содержания: #хочу в игру, разбуди меня в 4:20, синий кит, ищу куратора. Далее если его страница подходит, т. е. давность ее создание, фотографии, возраст, посты, размещенные в профиле, с этим ребенком связывается куратор и приглашает в игру, входя к нему в доверие откровенными разговорами. Затем предлагает выполнить 50 заданий, конечным из которых является суицид. Эта цифра связана с книгой «50 дней до самоубийства», автором которой является Стейс Крамер[1]. Считается, что человек решивший покончить жизнь за 50 дней может осмыслить и сделать осознанное решение «за» или «против». Но в этой игре на протяжении этих дней на игрока идет колоссальное психо-

[1] Крамер Стейс 50 дней до моего самоубийства. М., 2015. 576 с.

логическое воздействие под давлением которого ситуация только усугубляется. Когда ребенок получает статус игрока, с ним каждый день в 4.20 связывается куратор и дает задания. Определенной последовательности в этих заданиях нет, кроме первого и последнего. В середине пятидесятидневного срока они варьируются в зависимости от эмоционального состояния ребенка.

Если ребенок осознает, что с ним происходит что-то страшное и хочет выйти из игры ему объясняют, что это уже не возможно и начинают угрожать. Обещают, что если он перестанет отвечать или кому-либо расскажет, убьют его родителей и близких. В подтверждение своих слов присылают адрес его проживания, который они получают посредством специальной программы в тот момент, когда игрок переходит по ссылке для просмотра видео групп.

Начало этого движение было положено еще в 2015 году. С тех пор количество детских суицидов увеличилось втрое. Точные цифры по количеству самоубийств не публикуются, но по некоторым данным в прошлом году было совершено более 700, то есть практически по 2 каждый день.

Самое страшное, что для подростков это превратилось в моду. Не смотря на то, что ежедневно эти группы блокируются, ежечасно появляются новые (только за 2016 год было заблокировано более 150 подобных сообществ). И даже после ареста Филиппа Будейкина (ник Филипп Лис) – администратора нашумевшей группы смерти «f57», такие сообщества не прекратили действовать. А в сети появлялись видео с новыми и новыми самоубийствами, так называемых китов.

Самым известным случаем стало самоубийство девочки Рины Паленковой в ноябре 2015 года (ее куратором являлся упомянутый выше Филипп Лис). Она легла под поезд и перед этим выложила свою фотографию с прощальной надписью. На фото девочка завязала нижнюю часть лица шарфом. Все участники игры считают эту девочку героем и хотят быть такой как она. Предсмертное фото является своего рода иконой этого движения, шарф на лице символом кита.

В целом действия лиц, организующих и курирующих эти группы, несут потрясающего объема общественную опасность. Жертвами данного преступного деяния становятся совершенно не защищенные в информационном поле дети.

На данный момент уголовное законодательство абсолютно бессильно перед стоящим глобальным вопросом. На первый взгляд имеет место состав преступления регламентированного статьей 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Доведение до самоубийства». Но в ходе расследования выясняется: есть жертва – ребенок, который покончил жизнь самоубийством, есть виновный, но в его действиях нет состава преступления. В рамках объективной стороны доведения до самоубийства требуется установить, что имели место угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего. Но когда злоумышлен-

ник, используя возможности глобальной сети, склоняет ребенка к суициду, практически никогда нет с его стороны ни реальных угроз, ни жесткого обращения, ни систематического унижения достоинства ребенка. В этом и есть весь парадокс происходящего помешательства. Перед нами юридический казус, который возник из-за появления современных средств общения.

Преступник заставляет детей в результате сложной манипуляции над их сознанием совершать суицид, тем самым он не доводит детей до самоубийства, а является организатором убийства потерпевших их же руками. Жертвы, подвергшиеся такому психологическому насилию уходят из жизни, до конца не понимая суть происходящего. Манипуляции над сознанием ребенка с целью его ухода из жизни, должны рассматриваться как способ убийства человека – посредственное исполнительство.

В дальнейшем для более точного и простого применения уголовной нормы необходимо рассмотреть вопрос о включении во вторую часть ст. 105 УК РФ квалифицирующего признака «путем гипноза или любой другой специальной методики психологического воздействия на лицо не достигшие 14 летнего возраста»[1].

Спустя два года после создания групп несущих смертельную угрозу молодому поколению России, Совет Федерации инициировал включение в уголовный закон норм (ст.ст. 110.1 и 110.2 УК РФ) по аналогии с законодательством Белоруссии. Остается только надеяться, что это позволит привлекать к ответственности создателей и администраторов данных сообществ, купировать любую деятельность, которая несет информационную угрозу не сформировавшейся психики наших детей.

Но проблема сегодня не только в том, за что и как наказывать этих злоумышленников, а больше в трезвом восприятии нового формата киберпреступности и предупреждении новых трагедий. Сегодня родители как минимум должны научить детей адекватно воспринимать информацию. Повысить уровень общей безопасности медиа-устройств.

Если же говорить в целом о предупреждении новых киберпреступлений против жизни и здоровья, то правоохранители и криминологи должны вплотную работать с социологами и маркетологами, использовать методики микротаргетинга, обращаться к зарубежному опыту. Например, методам Михаила Козинского (разработчика Кембриджской лаборатории психометрии (психографии)), но об этом в следующих публикациях.

[1] Ищенко Е.П., Плоткин Д.М., Батманов А.В. Детский суицид: недетские проблемы квалификации и профилактики // Библиотека криминалиста. 2016. № 5. С. 9-20.

Коваленко Вера Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент ведущий научный сотрудник
НИЦ № 1 ФГКУ «ВНИИ МВД России»

Противодействие криминальной эксплуатации человека: проблемы криминологической оценки и предупреждения

Аннотация: В статье исследованы актуальные проблемы выявления, анализа, учета, предупреждения посягательств в сфере криминальной эксплуатации человека, рассматриваются основные направления предупредительно-профилактической деятельности, связанные с усилением мер социальной поддержки уязвимых групп граждан, снижением «спроса» на услуги в «теневом» секторе экономики, предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: криминальная эксплуатация человека, гендерная эксплуатация, торговля людьми.

Криминальная эксплуатация человека – относительно новая фундаментальная проблема, научный интерес к которой в нашей стране стал проявляться в последние два десятилетия. Складывающаяся к началу XXI века новая геополитическая карта мира, усиливающиеся процессы глобализации, политической, религиозной, культурной интеграции, расширение зоны военных конфликтов, последующая активизация миграционных процессов и увеличение потока беженцев в условиях нарастающих кризисных процессов в мировой финансово-экономической системе привели к тому, что такие древние социально негативные явления как рабство, работорговля, криминальная эксплуатация человека получили «второе рождение», стали проявляться в конкретных и наиболее крайних общественно опасных формах, таких как сексуальная эксплуатация детей, использование рабского труда несовершеннолетних, инвалидов, пожилых людей, в том числе на территории нашей страны. Многочисленные факты нарушения базовых принципов обеспечения неотъемлемых прав человека и гуманитарных ценностей получили широкое распространение не только в мировом масштабе, но и на постсоветском пространстве российского государства.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, подчеркивается, что в настоящее время «появляются новые формы противоправной деятельности, в частности с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий. Обостряются угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, торговлей людьми, наркоторговлей и другими проявлениями транснациональной организованной преступности» (п. 22)[1]. Данные преступные посягательства отнесены к числу основных угроз государственной и общественной безопасности (п. 43)[2].

[1] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // [Электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391.

[2] См. там же.

В этой связи полагаем необходимым обратить внимание на следующие проблемы в связи с выявлением, оценкой и предупреждением криминальной эксплуатации человека (КЭЧ): отсутствие единых подходов к понятийному аппарату КЭЧ, проблемы выявления и статистической оценки состояния и динамики КЭЧ, установление перечня общественно опасных деяний, относимых к криминальной эксплуатации человека, классификация основных видов и особенности криминальной эксплуатации человека, оценка эффективности борьбы с криминальной эксплуатацией человека.

Прежде всего, отметим, оценить в полном объеме природу и общественно опасную сущность криминальной эксплуатации человека достаточно затруднительно, опираясь на какие-либо достоверные, как минимум, официальные статистические данные. До настоящего времени криминальная эксплуатация человека рассматривалась лишь в связи с проблемой торговли людьми, не изучалась как самостоятельное общественно опасное деяние и не получила должной уголовно-правовой и криминологической оценки. А в совокупности с небольшим объемом правоприменительной практики (трудно бороться с тем, что не корректно определено в законе) стало одной из причин отсутствия единых подходов в оценке рассматриваемого вида преступности, эффективных мер противодействия криминальной эксплуатации человека.

Отметим, что в специальной юридической литературе наблюдаются три основных подхода к определению КЭЧ - криминальную эксплуатацию человека прочно связывают: 1) с торговлей людьми; 2) с противоправным перемещением людей с целью эксплуатации; 3) криминальная эксплуатация человека понимается как самостоятельный вид преступной деятельности.

Анализ существующих подходов к определению понятия криминальной эксплуатация человека показал, что большинство специалистов рассматривают эксплуатацию человека в широком смысле – как совокупность всех действий, ведущих к эксплуатации человека, к которым может быть отнесена торговля людьми с целью эксплуатации человека, похищение и незаконное лишение свободы, применение различных видов насилия, вербовка, транспортировка и т.д.

Мы разделяем точку зрения Е.Б. Мизулиной, которая отмечает: «включение в понятие цели «торговли людьми» различных, пусть и вполне определенных, видов эксплуатации жертвы привело, на наш взгляд, к смещению двух самостоятельных видов преступлений: собственно торговля людьми как способа обращения человека в положение, сходное с положением раба, и эксплуатация человека, ставшего жертвой торговли людьми. Возможно, именно с этим связано почти повсеместное неразличение данных преступлений в национальных законодательствах большинства стран»[1] [4, с. 97].

[1] Мизулина Е.Б. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект. М.: Юристъ. 2006. С. 97.

В соответствии с Протоколом ООН «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» 2000 г. (ProtocoltoPrevent, SuppressandPunishTraffickinginPersons, EspeciallyWomenand-Children (GeneralAssemblyresolution 55/25, annexII), «эксплуатация включает как минимум эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов».

Криминальная эксплуатация – это противоправное использование физических, сексуальных, интеллектуальных свойств человека, осуществляемое в коммерческих или иных целях (получение иных выгод) или в пользу третьих лиц.

Как криминологическое явление криминальная эксплуатация человека проявляется в таких ее формах как торговля людьми (с целью эксплуатации) (ст. 127.1 УК РФ), использование рабского труда (127.2.), принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ), вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ), получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 240.1 УК РФ), организация занятия проституцией (ст. 241 УКРФ), незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ), изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242.1 УК РФ), использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (ст. 242.2 УК РФ).

Официальная статистика абсолютных показателей зарегистрированных преступлений в сфере торговли людьми и криминальной эксплуатации человека на территории Российской Федерации отражает их отрицательную динамику на протяжении ряда последних лет. Вместе с тем в 2016 год в пять раз возросло количество зарегистрированных фактов использования рабского труда (21 преступление зарегистрировано – в 2016 г., 4 – в 2015 г.), в девять раз увеличилось количество преступлений, связанных с получением сексуальных услуг несовершеннолетнего (27 преступлений – в 2016 г., не зафиксировано в 2015 г., 3 – в 2014 г.), в два раза увеличилось количество посягательств, связанных с использованием несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (193 преступления – в 2016 г., 88 – в 2015 г., 45 – в 2014 г.)[1]. Признаем, что полученные данные лишь отчасти отражают реальное положение дел в рассматриваемой сфере, поскольку получены по результатам выявленных и расследованных органами внутренних дел преступлений.

Безусловно, в последние годы Российской Федерацией предпринят ряд мер, направленных на оптимизацию ситуации в сфере противодействия торговле людьми и криминальной эксплуатации человека. В то же время предпринимаемые органами государственной власти и муниципального управле-

[1] Состояние преступности январь-декабрь 2016 года. Официальный сайт МВД России. 2016. Электронныйресурс. URL: https://mvd.ru/folder/101762/item/

ния, неправительственными общественными, в том числе правозащитными организациями, усилия, направленные на выявление и предупреждение различных форм криминальной эксплуатации человека, не привели к какому-либо заметному результату: данный вид преступности продолжает оставаться одним из самых высоколатентных, количество пострадавших от этих преступлений ежегодно увеличивается, при этом установить максимально приближенную к действительности численность жертв является трудновыполнимой задачей даже для специалистов.

Так, судя по данным официальной статистики МВД России за последние пять лет в ходе регистрации и расследования рассматриваемых посягательств ежегодно выявляется, как минимум, от пятидесяти до ста потерпевших от различных форм криминальной эксплуатации – в сфере торговли людьми с целью сексуальной и трудовой эксплуатации (нелегального принудительного труда) и использования рабского труда, от шестисот до полутора тысяч жертв, в связи с вовлечением и организацией занятия проституцией (т.е. эксплуатацией проституции), от тысячи до двух тысяч жертв в сфере незаконного изготовления и оборота порнопродукции, причем две трети из них - несовершеннолетние. Наиболее высоколатентные формы криминальной эксплуатации человека, такие как нелегальное использование и оборот трансплантационных органов и тканей человека – выявлено и зарегистрировано по одному случаю в 2005, 2006 и в 2015 г.г., во всех случаях подозреваемые оправданы.

Вместе с тем вне поля деятельности правоохранительных органов остался огромный пласт не выявленных преступлений рассматриваемой категории, не вошедших в официальную картину преступности. Это касается как преступлений, совершаемых в сфере сексуальной эксплуатации, а также использования принудительного, рабского труда в полутеневых секторах экономики (строительство, производство, сфера услуг, сельское хозяйство), а также традиционно околокриминальных сферах (эксплуатация попрошайничества женщин с младенцами, инвалидов, детей, пожилых людей).

Полагаем необходимым отметить, что наряду с хорошо известными видами КЭЧ, такими как сексуальная и трудовая формы эксплуатации человека, в настоящее время фиксируется новые виды деятельности, которые мы, следуя международным императивам, относим к криминальной эксплуатации человека: эксплуатация человека в антиобщественной деятельности (эксплуатация попрошайничества) и криминальной деятельности (наркотрафик, незаконный оборот оружия, терроризм, экстремистская деятельность).

Так, по выявленным и зарегистрированным единичным фактам незаконного принуждения и эксплуатации потерпевших в качестве попрошаек, в ходе криминальной деятельности (наркотрафика), нелегального суррогатного материнства и незаконного усыновления, виновные были привлечены к уголовной и административной ответственности по различным основаниям, не связанным с противоправной эксплуатацией потерпевших (ст. ст. 154, 228, 292, 327 УК РФ).

Например, в сфере эксплуатации попрошайничества, в зависимости от категории задержанных за попрошайничество в общественных местах (лица «бомж», мигранты-нелегалы, «беженцы» из зоны военных конфликтов, «инвалиды», «мадонны» с ребенком, «цыгане»), жертвы-попрошайки, как правило, привлекались к штрафу за нарушение миграционного законодательства, к административной ответственности за «мелкое хулиганство, то есть нарушение общественного порядка» (в соответствии со статьей 20.1 КоАП РФ), или за «приставание к гражданам в общественных местах» (согласно статье 3.8 Закона г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» с изм. и доп. Законом г. Москвы от 13.05.2015 г. № 25), в то время как лицам, эксплуатирующих их «труд», полностью удавалось избежать ответственности.

Кроме того, отсутствуют статистические данные, касающиеся посягательств в относительно новых, стремительно развивающихся отраслях. Так, активно развиваются новые направления преступной деятельности, связанной с криминальной эксплуатацией человека: в медицинской отрасли нелегальная трансплантация органов и тканей человека, эксплуатация в сфере репродуктивных технологий (суррогатное материнство, принудительная беременность, принуждение к аборту с целью получения ценного «биоматериала»), эксплуатация жертв в антиобщественной и криминальной деятельности (наркотрафик, незаконный оборот оружия), в том числе использование жертв в крайних радикальных формах – экстремистской и террористической деятельности, религиозно-сектантской деятельности – эксплуатация «послушников», «последователей веры».

При этом особую тревогу вызывает тот факт, что указанные преступления все чаще совершаются международными преступными группами, в отношении наиболее уязвимых граждан, стали сферой повышенного внимания представителей транснациональной организованной преступности. Можно констатировать, что в настоящее время рассматриваемый вид преступной деятельности трансформировался в высокодоходную организованную индустрию криминальной эксплуатации человека, имеющую мощную коррупционную поддержку, о чем неоднократно подчеркивали как международные специалисты и эксперты ОБСЕ[1], так и российские специалисты.

В связи с исследованием криминальной эксплуатации человека полагаем необходимым обратить внимание на гендерные предпосылки криминальной эксплуатации человека. Как самостоятельный феномен гендерная эксплуатация может проявляться либо в нелегальной форме, либо как легальный этап, условие последующей криминальной эксплуатации в сексиндустрии или в сфере криминальной эксплуатации труда. К ней также могут быть отнесены: эксплуатация в сфере репродуктивных технологий, принудительные и подне-

[1] См.: Holmes L., “Human Trafficking & Corruption: Triple Victimization?”(2009), citing L. Mann and I. Dolea, OSCE Trial Observation Manual for the Republic of Moldova.p.79-84; 182.

вольные браки, браки по сделке, сговору или за вознаграждение в целях деторождения, незаконное усыновление (удочерение), в том числе с целью эксплуатации.

Упоминание в ходе анализа противоправной эксплуатации человека и осуществляемой в ее целях торговли людьми гендерного вопроса не случайно, на что также обращается внимание в ходе международного обеспечения борьбы и расследований преступлений в рассматриваемой сфере.

Так, в изданном ООН руководстве для парламентариев по борьбе с торговлей людьми прямо подчеркивается, что «движущими силами торговли людьми являются гендерное неравенство, отсутствие равных возможностей, вопиющее экономическое неравенство как внутри государств, так и между ними, коррупция и уязвимость, являющиеся результатом неадекватности судебной и правоохранительной систем, гражданской нестабильности и невыполнения государствами своих функций по защите и обеспечению своих граждан… Одним из факторов, способствующих процветанию торговли людьми, является наличие спроса на платные сексуальные услуги и дешевую рабочую силу для строительства, обрабатывающего производства, промышленности и домашнего хозяйства»[1].

Кроме того, в разделе, специально посвященному «учету гендерного фактора», подчеркивается: «Поскольку жертвами торговли людьми часто становятся женщины, важно обеспечить, чтобы в законодательстве по вопросам борьбы с торговлей людьми были приняты подходы, должным образом учитывающие гендерный фактор. Например, на всех этапах производства по делам, связанным с торговлей людьми, включая этапы следствия и слушания дела в суде, должны задействоваться женщины (в том числе женщины – работники служб социального попечения)»[2].

Многолетний мониторинг криминальной эксплуатации человека позволяет выделить не только хорошо видимые внешние проявления (признаки) ее отдельных форм: сексуальной и трудовой, незаконной эксплуатации физиологических свойств организма женщины (например, принудительная беременность), противоправной эксплуатации уязвимого положения лица (мигрантов, инвалидов, людей преклонного возраста, детей), но и внутренние (содержательно более глубокие) свойства, в частности гендерные признаки.

На наш взгляд, гендерная эксплуатация – сложившаяся в конкретных социально-экономических условиях форма эксплуатации человека (группы лиц), обусловленная полоролевым (социополовым) поведением и статусом личности, определяемого совокупностью социокультурных, нравственно-идеологических ценностных установок и сложившимися в общественном сознании (общественной психологии) гендерными экспектациями (ожиданиями)

[1] Борьба с торговлей людьми: руководство для парламентариев // Межпарламентский союз и ЮНОДК.ООН. № R.09.V.5 С. 32. С. 8.

[2] Там же. С. 32.

и допускающими различные формы неравенства, крайней степенью которой является эксплуатация человека.

Отмечая приоритетные направления предупреждения криминальной эксплуатации человека (КЭЧ), представляется необходимым, на взгляд автора, выделить следующие: снижение уровня уязвимости потенциальных жертв криминальной эксплуатации, замещение социально массового спроса на незаконные (криминальные) виды услуг (сексуальных, трудовых и т.п.) легальными способами удовлетворения социальных потребностей, разработка государственной программы нравственного воспитания молодежи (в качестве приоритета социальной политики российского государства).

В ходе осуществления профилактической деятельности, представляется важным учитывать статус жертв, поскольку одной из особенности КЭЧ является ярко выраженное уязвимое положение, состояние жертвы (у 60% потерпевших такой фактор как явное (острое) состояние уязвимости сыграл определяющую роль в превращении их в жертву), которое, как установлено, может быть вызвано, как объективными (правовое положение, миграционный статус, трудовые правоотношения, финансовая зависимость, кредиторская задолженность), так и субъективными факторами (возраст, родственная зависимость, состояние здоровья, беременность). Виктимообразующее воздействие вышеперечисленных факторов существенно усиливают асоциальные и преступные действия другого лица в отношении потерпевшего.

В качестве одной из мер предупреждения указанных посягательств и минимизации социальных последствий представляется целесообразным внесение изменений в действующее законодательство, направленное на совершенствование уголовно-правового регулирования ответственности за ряд посягательств, в частности, необходимости криминализации отдельных видов противоправной эксплуатации человека, характеризующихся высокой степенью общественной опасности, – принудительного труда, получения дохода от занятия проституцией, эксплуатации попрошайничества. Рассматривается необходимость введения уголовной ответственности за куплю-продажу и иные незаконные сделки с органами и тканями человека, иными фрагментами организма человека (эмбрионами, стволовыми клетками, кровью).

Представляется целесообразным обсуждение дискуссионного вопроса законодательной регламентации частичной легализации деятельности по оказанию сексуальных услуг, официальной регистрации лиц, занимающихся проституцией, их учет, криминологический мониторинг, социальный контроль, медицинское наблюдение.

Коровин Евгений Павлович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Соотношение преступления, предусмотренного п. «а» ст. 282 УК РФ, с насильственными преступлениями против личности экстремистской направленности

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года прямо указывается, что экстремизм во всех его проявлениях ведет к нарушению гражданского мира и согласия, подрывает общественную безопасность и государственную целостность Российской Федерации, создает реальную угрозу сохранению основ конституционного строя, межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия[1].

Экстремизм является одной из наиболее сложных проблем современного российского общества, что связано в первую очередь с многообразием его проявлений, которые угрожают национальной безопасности Российской Федерации. Спектр наносимого экстремистской преступностью вреда варьируется от психологического и материального ущерба обществу и государству до лишения жизни конкретных людей. Все преступления, совершаемые с экстремистской мотивацией, в конечном итоге направлены на дестабилизацию, раскол общества и государства, создание состояния напряженности между отдельными группами населения, перерастание ее в открытую конфронтацию.

Одним из главных направлений государственной политики в области противодействия экстремизму является совершенствование нормативного правового регулирования. Эффективное противодействие экстремистской деятельности невозможны без использования средств уголовно-правового воздействия. В рамках деятельности по совершенствованию государственного управления в области противодействия экстремизму был принят Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ, который внес существенные изменения и дополнения в нормы УК РФ, касающиеся преступлений экстремистской направленности. Так, п. 2 примечания к ст. 282.1 УК РФ впервые на законодательном уровне было закреплено определение «преступления экстремистской направленности». Новая редакция п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, установила мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении ка-

[1] Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утв. Президентом РФ 28.11.2014. № Пр-2753 // http//www.scrf.gov.ru. (дата обращения 16.04.2017).

кой-либо социальной группы. Кроме этого, в УК РФ внесен ряд дополнений и изменений, касающихся совершения различных преступлений, совершаемых по экстремистским мотивам.

Данное решение развивает конституционные положения о недопустимости любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, о политическом и идеологическом многообразии в Российской Федерации

Наибольшая часть нововведений затронула преступления против жизни и здоровья. К таковым с учетом принятого определения преступлений экстремистской направленности относятся: убийство (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ), умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести (п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ), умышленное причинение легкого вреда здоровью (п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ), побои (ст. 116 УК РФ), истязание (п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 119 УК РФ), совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Положительно оценивая инициативу государства об усилении уголовной ответственности за экстремистские преступления, следует отметить, что в правоприменительной деятельности нередко возникают затруднения при квалификации насильственных преступлений против личности, совершаемых по экстремистским мотивам, и отграничении их от преступлений экстремистской направленности против основ конституционного строя и безопасности государства.

Рассмотрим некоторые проблемные вопросы соотношения указанных преступлений.

Так, при квалификации преступлений против жизни и здоровья, совершенных по экстремистским мотивам у правоприменителей нередко возникает вопрос о соотношении этих деяний с преступлением, предусмотренным п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения).

Применение насилия по смыслу п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ является способом совершения преступления, который существенно повышает степень общественной опасности основного состава преступления. Судебной практикой и доктриной уголовного права выработано правило, согласно которому, если способ совершения преступления является более общественно опасным, нежели преступное деяние, то деяния, образующие способ, следует дополнительно квалифицировать по соответствующей статье. Поскольку в п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ не раскрывается характер применяемого насилия и угрозы, полагаем, что разрешить анализируемую ситуацию

следует путем сопоставления санкций рассматриваемой нормы с санкциями преступлений против жизни и здоровья, совершенных по экстремистским мотивам. Сравнительное исследование санкций дает основание полагать, что преступление, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ, охватывает нанесение побоев и иное причинение физической боли (ст. 116 УК РФ), причинение легкого вреда здоровью потерпевшего (п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ), угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 119 УК РФ). Вместе с тем причинение тяжкого вреда, истязание либо убийство смерти требует дополнительной квалификации соответственно по (п. «е» ч. 2, ч. 3 и ч.4 ст. 111 УК РФ, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ или п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Сложности в квалификации возникают в случаях возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, совершенное с применением насилия, повлекшего причинение средней тяжести вреда здоровью. В этой связи справедливым представляется решение Сахалинского областного суда по делу Комарова С.А. Преступление совершено при следующих обстоятельствах: являясь охранником охранного агентства и получив по месту работы для выполнения профессиональных обязанностей служебное огнестрельное оружие – гладкоствольное ружье МР-133 10 патронов к нему, снаряженных дробовыми зарядами, Комаров С.А. пришел в Воскресенский Кафедральный собор религиозной организации «Южно-Сахалинская и Курильская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)» и осознавая, что собор является общественным местом, специально предназначенным для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, понимая, что его действия носят публичный характер и повлекут большой общественный резонанс и разжигание религиозной ненависти и вражды, демонстрируя имевшееся у него оружие – гладкоствольное ружье МР-133, высказал в грубой форме с использованием ненормативной лексики требование покинуть собор в адрес находившихся в нем людей, после чего для безусловного выполнения этого унижающего человеческое достоинство требования, понимая, что его ружье заряжено дробовыми патронами и производство выстрелов из него создает реальную угрозу для здоровья присутствовавших в соборе лиц, действуя общеопасным способом на почве религиозной ненависти и вражды, произвел из указанного оружия прицельный выстрел в покидавших собор людей, в результате чего умышленно причинил: З.В.В. и П.О.Н. - смерть.;К.В.А. –тяжкий вред здоровью; Л.А.И. и В.К.В. – вред здоровью средней тяжести; Л.И.Б., П.С. и С.И.В. - легкий вред здоровью; З.О.В. – ушиб мягких тканей и ссадину наружной поверхности левого коленного сустава, не причинившие вред здоровью.

Принимая во внимание, что насилие, примененное Комаровым С.А. к людям, находившимся в Воскресенском Кафедральном соборе, унижение их достоинства, явилось выражением ненависти и проявлением вражды не

только в отношении конкретных потерпевших, но и было направлено на возбуждение религиозной ненависти и вражды у других, разделяющих схожие взгляды лиц, указанные преступные действия Комарова С.А. суд квалифицировал по пункту «а» части 2 статьи 282 УК РФ – как действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение достоинства человека и группы лиц по признакам отношения к религии, совершенные публично с применением насилия и с угрозой его применения. Суд также признал Комарова С.А. виновным в преступлениях, предусмотренных пунктом «л» части 2 статьи 105, пунктом «е» части 2 статьи 111, пунктом «е» части 2 статьи 112 УК РФ, как совершенных по мотивам религиозной ненависти и вражды.

Мотивируя свое решение, суд указал, учитывая, что производство выстрела в покидавших по его требованию собор людей, последствием которого явилось, в том числе, причинение Л.А.И. и В.К.В. вреда здоровью средней тяжести, было обусловлено не только ненавистью и враждой к потерпевшим в связи с их отношением к христианской православной религии, но и одновременно направлено на возбуждение религиозной ненависти и вражды, негативного отношения к Русской Православной Церкви у других лиц, эти преступные действия подсудимого в силу положений статьи 17 УК РФ квалифицированы судом как совокупность преступлений, предусмотренных пунктами «а», «е» части 2 статьи 112 и пунктом «а» части 2 статьи 282 УК РФ.

При этом в пользу необходимости квалификации по совокупности преступлений свидетельствует и сопоставление санкций данных статей уголовного закона, по результатам которого видно, что санкция части 2 статьи 112 УК РФ, в связи с наличием в санкции части 2 статьи 282 УК РФ альтернативных видов наказания, является более строгой[1].

Таким образом, основным разграничительным признаком насильственных преступлений экстремистской направленности против личности и экстремистских преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства выступает объект преступления.

Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, выступает совокупность общественных отношений в сфере обеспечения основ конституционного строя и безопасности государства. Следовательно, указанная норма направлена на охрану общественных отношений, гарантирующих признание и уважение достоинства личности независимо от каких-либо физических или социальных признаков, и устанавливает уголовную ответственность не за любые действия, а только за те, которые совершаются с целью возбудить ненависть или

[1] Архив Сахалинского областного суда. Уголовное дело № 2-3/15. // https://oblsud--sah.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2875549&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=3452. (дата обращения: 12.05.2017).

вражду. Преступления против жизни и здоровья экстремистской направленности, содержащиеся в главе 16 УК РФ, в отличие от преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, не преследуют цели возбуждения национальной, расовой или религиозной вражды. Основным непосредственным объектом таких преступления являются права человека и гражданина, а именно жизнь и здоровье.

В связи с изложенным диспозиция действующей редакции ч. 1 ст. 282 УК РФ представляется не совсем корректной, поскольку искажает понимание сущности экстремистской деятельности, и порождает противоречивую правоприменительную практику. Для разрешения указанной проблемы, считаем целесообразным внести изменения в указанную норму, указав, что действия, направленные на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе должны быть совершены с целью возбуждения ненависти или вражды.

Лукашов Алексей Ильич,
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного права юридического факультета
Белорусского государственного университета

Правовая природа освобождения от уголовной ответственности (в поисках концептуального решения)

Потребность в институте освобождения от уголовной ответственности, подтвержденная опытом правоприменительной практики, подталкивает законодателя к поиску новых решений и форм, направленных на его совершенствование. Исходным при введении в уголовный закон новых норм об освобождении от уголовной ответственности либо корректировке имеющихся всегда выступало и будет выступать в дальнейшем знание концептуальных основ такого освобождения, среди которых главенствующим является вопрос о правовой природе этого института.

Понимание того, что представляет собой институт освобождения от уголовной ответственности, зиждется на таком фундаментальном понятии уголовного права как «уголовная ответственность». Не определив то, чем является уголовная ответственность, невозможно установить, от чего же освобождается лицо, совершившее преступление, каковы основания для освобождения от уголовной ответственности, как и кем оно должно осуществляться.

Значительные достижения в области научной разработки понятия «уголовная ответственность» не завершились созданием общепринятой

теории уголовной ответственности. Следствием этого явились достаточно скромные результаты закрепления в уголовном законе концептуальных положений, определяющих правовую природу уголовной ответственности и освобождения от нее. В немалом числе случаев, не имея под собой концептуальной базы, законодательные решения, относящиеся к институту освобождения от уголовной ответственности, на наш взгляд, содержат спорные положения, не согласующиеся с конституционными нормами и нормами-принципами уголовного закона.

Примером таких едва ли удачных законодательных поисков может служить статья 86 УК (здесь и далее, если не оговорено, имеются в виду УК и иные кодексы Республики Беларусь), предусматривающая административную ответственность лица, совершившего преступление, в отношении которого принято решение об освобождении от уголовной ответственности, с указанием в этой статье УК видов и размеров административных взысканий, которые могут налагаться на такое лицо. Ей корреспондируют статьи 6.5 и 6.6 КоАП и статья 30 УПК. Меры административного взыскания в таких случаях применяет прокурор, хотя до 2003 года, в котором статья 30 УПК подверглась изменению, предусматривалось, что освобождение от уголовной ответственности и наложение административных взысканий за совершенное преступление являлось исключительной компетенцией суда.

Приведенные нормы КоАП, УК и УПК об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с применением мер административного взыскания сопряжены между собой, но противоречат предмету правового регулирования указанных кодексов, определенному в статье 1.1 КоАП, статье 1 УК и статье 1 УПК. Но главное, что в основе административной и уголовной ответственности лежит совершение лицом деяния, содержащего все признаки состава соответственно административного правонарушения или преступления. Такое деяние является либо административным правонарушением, либо преступлением. При таком концептуальном решении рассматриваемого вопроса невозможно и недопустимо применение административной ответственности за преступление.

В 2015 году белорусский законодатель ввел в уголовный закон нормы об уголовно-правовой компенсации, определив ее в части 16 статьи 4 УК как меру материального характера, применяемую в отношении лица, совершившего преступление, и выражающуюся во внесении этим лицом денежных средств в сумме, определенной органом, ведущим уголовный процесс, на депозитный счет этого органа с последующим обращением ее в бюджет.

В других нормах УК компенсация представлена в двуедином качестве: как одно из условий освобождения от уголовной ответственности и как составная часть альтернативных наказанию иных мер уголовной ответственности.

В случае применения уголовно-правовой компенсации при освобождении от уголовной ответственности возникает противоречие с частью 1 статьи 44 УК, согласно которой уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с УК.

При применении альтернативных наказанию иных мер уголовной ответственности (глава 11 УК) уголовно-правовая компенсация является обязанностью, возлагаемой на осужденного обвинительным приговором суда. В этом качестве уголовно-правовая компенсация выступает составной частью мер уголовной ответственности, а не условием их применения.

Таким образом, определение понятия «уголовно-правовая компенсация» не только не согласуется с понятием «уголовная ответственность», но и превратно трактует правовую природу этой компенсации, ставит под сомнение обоснованность применения ее при освобождении от уголовной ответственности[1].

Российский законодатель также ищет новые подходы в применении института освобождения от уголовной ответственности. К числу таких новаций можно отнести дополнение уголовного закона новым видом освобождения от уголовной ответственности – освобождением от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статьи 76.2, 104.4 и 104.5 УК РФ, введенные в него в 2016 году). Не без оснований Н.И. Пикуров рассматривает этот шаг российского законодателя как ориентированный на возврат в уголовный закон особого вида общественно опасного деяния – уголовного проступка. Правда, не путем законодательного конституирования его в этом качестве в уголовном законе, а посредством отнесения решения этого вопроса к компетенции правоприменителя в лице суда[2].

На наш взгляд, освобождение от уголовной ответственности, сопряженное с применением мер уголовно-правового воздействия к лицу, в отношении которого принимается такое решение, в действительности является не освобождением, а привлечением лица к уголовной ответственности.

Если уголовная ответственность выражается в осуждении от имени государства по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с УК, то меры уголовно-правового воздействия, применяемые судом к лицу, освобождаемому от уголовной ответственности, являются ничем иным как «иными мерами уголовной ответственности».

---

[1] См. подробнее: *Лукашов А.И.* Уголовно-правовая компенсация как мера ответственности / А.И.Лукашов // Юридический мир. – 2014. – № 6. – С. 90 – 96.

[2] *Пикуров Н.И.* Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: юридическая природа и перспективы применения / Н.И.Пикуров // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIV Международной научно-практической конференции (26-27 января 2017 г.). – Москва: Оригинал-макет, 2017. – С. 2652 – 267.

Не случайно белорусский законодатель выделяет такую форму реализации уголовной ответственности как осуждение без назначения наказания (статья 79 УК), когда суд постановляет обвинительный приговор, не назначает наказание, но к осужденному применяются меры уголовно-правового характера в рамках профилактического наблюдения: в течение срока судимости такое лицо обязано предварительно уведомлять орган внутренних дел об изменении места жительства, о выезде по личным делам в другую местность на срок более одного месяца, являться в указанный орган по его вызову и при необходимости давать пояснения относительно своего поведения и образа жизни (статья 81 УК).

Полагаем, что освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.1 УК РФ) является ничем иным как применением к лицу уголовной ответственности, но не в виде наказания, а в виде судебного штрафа.

Судебный штраф не включен в систему наказаний в статье 44 УК РФ. Как отметил высший судебный орган Российской Федерации, судебный штраф не имеет статуса наказания1. Судебный штраф отнесен законодателем к числу «иных мер уголовно-правового характера» (нормы главы 15.2 «Судебный штраф» помещены в раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера»). К тому же в случае неуплаты судебного штрафа в установленный судом срок эта мера уголовно-правового характера подлежит отмене судом и лицо привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК в иной форме реализации этого вида юридической ответственности (часть 2 статьи 104.4 УК РФ).

Если судебный штраф является формой реализации уголовной ответственности, то тогда нужно признать, что статья 76.2 по ошибке оказалась в главе 11 УК «Освобождение от уголовной ответственности» раздела IV «Освобождение от уголовной ответственности и от наказания». Ее место в главе 10 УК РФ «назначение наказания» после статьи 74 УК РФ. Отнесение статей 76.2, 104.4 и 104.5 УК РФ к институту освобождения от уголовной ответственности, а не к иным мерам уголовно-правового характера, что предлагают некоторые авторы2, не согласуется с правовой природой освобождения от уголовной ответственности. Как справедливо отмечала Э.А.Саркисова, уголовная ответственность сводится к осуждению лица, признанного виновным в совершении преступления по приговору суда, а

---

[1] Пункт 7.1 постановления Пленума Верховного Суда от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 2.

[2] *Белик Ю.С.* Особенности реализации уголовно-правовых норм о судебном штрафе / Ю.С. Белик // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 30 сент. 2016 г.: в 2 т. / редкол.: К.В. Вишневецкий, И.А. Паршина, И.В. Танага, П.В. Максимов, А.З. Хун. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. – Т. I. – С. 221.

освобождение от уголовной ответственности означает освобождение от осуждения. Поэтому при освобождении от уголовной ответственности к лицу не может быть применена никакая мера, подвергающая его каким-либо ограничениям, в том числе материального характера[1].

Проблема освобождения от уголовной ответственности с применением к лицу, совершившему преступление, альтернативных наказанию мер государственного принуждения имеет и процессуальный аспект.

В литературе обращалось внимание, что передача органам уголовного преследования права прекращать уголовные дела по нереабилитирующим основаниям, т.е. с признанием лиц, освобождаемых от уголовной ответственности, виновными в совершении преступления, не в полной мере отвечает конституционному принципу[2], согласно которому никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда (статья 26 Конституции Республики Беларусь, статья 49 Конституции РФ). В решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 03.11.2003 № Р-161/2003 «О гарантиях обвиняемому при прекращении предварительного расследования в связи с истечением сроков давности» вполне определенно констатировано, что, допущение УПК прекращения производства по уголовному делу на стадии предварительного расследования по нереабилитирующим основаниям является в определенной мере отступлением от принципа презумпции невиновности, хотя и гарантирует рассмотрение дела в суде в случаях, если обвиняемый возражает против прекращения производства по уголовному делу по таким нереабилитирующим основаниям[3].

Иную позицию по вопросу о конституционности прекращения производства по делу по нереабилитирующим основаниям занял Конституционный Суд РФ. Из трех решений этого суда по указанному вопросу следует, что решение о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему лицо основанию, не подменяет собой приговор суда, по своему содержанию и правовым последствиям не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено Консти-

---

[1] *Саркисова Э.А.* Уголовная ответственность: содержание, цели, принципы в контексте современных тенденций уголовной политики / Э.А.Саркисова // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе: сб. науч. тр. – Минск: Акад. МВД, 2012. – С. 109 – 110.

[2] См., например: *Хомич В*. На пути формирования эффективной уголовной политики // Судовы веснік. – 2001. – № 4. – С. 55; *Лукашов А.И.* Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности / А.И.Лукашов // Юстиция Беларуси. – 2002. – № 4. – С. 55.

[3] Национальный правовой реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2003. – № 124. – 6/377.

туцией РФ[1]. Формально такое понимание конституционной нормы безупречно: раз решение о виновности лица изложено не в приговоре суда, то такое решение, каково бы оно не было, не устанавливает виновность или невиновность лица. Однако по сути, по своему содержанию прекращение дела по нереабилитирующему основанию не по приговору суда есть ничто иное, как признание лица виновным в совершении преступления, поскольку такое прекращение допускается лишь при доказанности совершения лицом преступления, одним из обязательных признаков которого является виновность лица в его совершении (статьи 3, 10, 11 и др. УК; статьи 5, 6, 14 и др. УК РФ).

Среди возможных способов решения проблемы рассогласования конституционных, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм об освобождении от уголовной ответственности учеными предлагается, в частности, использование такого способа разрешения указанной коллизии как толкование Парламентом указанной конституционной нормы[2].

Возможен также отказ от признания лица виновным в совершении преступления только судом. Международные договоры, закрепляющие принцип презумпции невиновности (статья 14 Международного пакта «О гражданских и политических правах», статья 6 Конвенции Совета Европы «О защите прав человека и основных свобод»), требуют лишь, чтобы признание виновным осуществлялось «согласно закону» или «законным порядком». Такая корректировка, если она произойдет, должна сопровождаться обеспечением обвиняемому существующих гарантий на рассмотрение его уголовного дела судом в случае, если он будет возражать против освобождения его от уголовной ответственности с прекращением уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

Вопрос о правовой природе освобождения от уголовной ответственности концептуально не решен в белорусском и российском уголовном законе. Концептуальным видится подход, в соответствии с которым в уголовном законе имеет право на существование в статусе освобождения от

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ: 1) от 28.10.1996 № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно – процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 45. – Ст. 5203; 2) от 24.04.2003 № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 18. – Ст. 1748; 3) от 05.11.2004 № 359-О «По жалобе гражданина Передерия Максима Геннадьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 47 ипунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 52 (часть 3). – Ст. 5586.

[2] *Кукреш Л.И.* К вопросу о презумпции невиновности / Л.И.Кукреш, Э.А. Саркисова // Юстиция Беларуси. – 2002. – № 3. – С. 45.

уголовной ответственности лишь такой его вид как освобождение от уголовной ответственности без применения каких-либо иных мер уголовной ответственности, как бы они не назывались в уголовном законе. Все ныне существующие виды освобождения от уголовной ответственности с применением тех или иных мер ответственности (судебный штраф и иные) должны быть отнесены к реализации уголовной ответственности в такой ее форме как осуждение с применением иных мер уголовной ответственности. Эту форму реализации уголовной ответственности следует включить в перечень форм реализации уголовной ответственности, предусмотренных в статье 46 УК. Соответственно, следуя указанному подходу, надлежит произвести корректировку уголовно- и уголовно-процессуальных норм, посвященных как формам реализации уголовной ответственности, так и освобождению от уголовной ответственности. При этом нынешние нормы об освобождении от уголовной ответственности с применением указанных иных мер уголовной ответственности должны быть перемещены в главу 11 УК «Иные меры уголовной ответственности». В УК РФ можно было бы учесть белорусский опыт определения понятий «уголовная ответственность» (статья 44 УК) и «формы реализации уголовной ответственности» (статья 46 УК).

Максименко Марина Вячеславовна,
кандидат философских наук, старший преподаватель
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России

Уголовная ответственность за гомосексуализм в системе советского законодательства

В условиях наметившейся негативной тенденции депопуляции в современном российском обществе обретают особую актуальность вопросы, связанные с половой свободой и неприкосновенность личности. С одной стороны, обеспечение прав и свобод человека как достижение современного общества способствует полной и всесторонней самореализации личности, с другой – приводит к негативной тенденции сокращения численности населения ввиду девальвации воспроизводящей функции семьи.

Правильное половое воспитание подрастающего поколения – одно из необходимых средств формирования высоких нравственных качеств молодежи. Уклад половых отношений имеет огромное общественное и государственное значение, поскольку отношения между полами лежат в основе образования семьи и продолжения человеческого рода. Уклад половых отношений строится в соответствии с господствующими в данном обществе мировоззрением и моралью.

Социальный уклад половых отношений носит исторически изменчивый характер. Порядок осуществления отношений между полами в различные периоды истории человеческого общества существенно меняется, соответственно, меняются понятие и признаки половых преступлений, установленные уголовным законодательством различных государств. Даже такое понятие, как изнасилование, понималось далеко не одинаково по уголовному праву различных исторических эпох. Так, феодальное уголовное право не признавало изнасилованием «право первой ночи» помещика в отношении своих крепостных.

Сохраняя «святость брака», уголовное право некоторых государств рассматривает в качестве преступления прелюбодеяние, то есть вступление в половую связь мужчин и женщин, состоящих в браке.

Для изучения вопроса об ответственности за гомосексуализм необходимо рассмотреть проблему не только в современности, но и в историческом аспекте[2]. Советское уголовное законодательство предусматривало уголовную ответственность за мужеложство как «половое сношение мужчины с мужчиной». В этой связи складывается впечатление, что женские сексуальные контакты между друг другом как социальное явление, требующее соответствующей оценки, не представляло ни для общества, ни для государства никакого интереса [3].

Гомосексуализм как половая девиация в современном мире получил значительное распространение, общественное сочувствие и признание, правовую защиту. В ряде современных стран узаконены однополые браки, права сексуальных меньшинств ревностно отстаиваются их представителями, и нарушения либо ущемления этих прав получают значительную огласку и серьезный общественный резонанс.

Впервые специальное постановление, устанавливающее уголовную ответственность за мужеложство в пределах всего Советского Союза было издано ЦИК СССР 17 декабря 1933 года. Это было связано с тем, что в эти годы участились попытки отдельных субъектов вовлекать молодежь в этот вид полового разврата.

В советском уголовном праве ответственность за мужеложство была установлена в 1934 году. Начиная с этого момента ответственность предусматривается всеми уголовными кодексами союзных Республик. Советское уголовное законодательство определяло мужеложство как «Половое сношение мужчины с мужчиной». Такая терминология не совсем точна, ибо с точки зрения медицины половое сношение есть сношение между полами. В случае гомосексуализма (как мужского, так и женского) правильнее говорить об удовлетворении извращенного полового влечения. Однако указание в законе на «половое сношение» преследовало цель отграничить уголовно наказуемое мужеложство от других, ненаказуемых форм удовлетворения половой страсти мужчины с мужчиной (например, взаимный онанизм и т.п.). Мужеложством по смыслу советского уголовного закона считалась педерастия. Мужеложством следует называть только процесс введения полового члена в заднепроходное отверстие.

Нельзя признать правильной попытку отдельных судов расширить понятие мужеложства, относя к нему любое удовлетворение половой страсти мужчины с мужчиной. В случае добровольного совершения мужчинами друг с другом развратных действий и удовлетворения таким образом своей половой страсти уголовная ответственность наступать не должна была, поскольку подобные действия не были предусмотрены советским уголовным законодательством в качестве преступления. Насильственное удовлетворение половой страсти мужчины с мужчиной, но не в форме педерастии, должно было в зависимости от характера совершенных действий квалифицироваться как преступление против личности или злостное хулиганство.

При совершении добровольного мужеложства уголовной ответственности по смыслу советского законодательства подлежали оба субъекта, выполняющие как активную, так и пассивную роль. Очевидно, что субъективная сторона описываемого деяния характеризовалась прямым умыслом, при этом мотивом преступления являлось стремление субъекта к поиску новых половых раздражителей и ощущений. Необходимо отметить, что иногда мужеложство совершается в связи с отсутствием возможности естественного удовлетворения половой страсти – путем совокупления с женщиной.

Часть 2 ст. 12 УК РСФСР 1960 года предусматривала ответственность за совершение мужеложства при отягчающих обстоятельствах, к которым относились: применение физического насилия или угроз, совершение мужеложства в отношении несовершеннолетнего, использование зависимого положения потерпевшего. В отличие от изнасилования не рассматривалось в качестве насильственного мужеложства совершение этого деяния с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Однако факт использования беспомощного состояния потерпевшего должен был учитываться при назначении наказания. Очевидно, что лицо, находившееся в беспомощном состоянии и в силу этого не оказывавшее сопротивление, к уголовной ответственности за мужеложство не должно было быть привлечено.

Применение физического насилия и угроз при мужеложстве понималось в том же смысле, что и при изнасиловании. Под угрозой, о которой упоминалось в части 2 ст. 121 УК РСФСР 1960 года, понималась угроза немедленного применения физического насилия к самому потерпевшему или его близким. Примером применения данной нормы может послужить рассмотренное народным судом Пермской области дело о совершении акта мужеложства К. и Ж., которые совершили акт мужеложства с Г., угрожая последнему ножом и металлическим прутом. Применение угроз другого рода (например, шантажа) с целью склонения кого-либо к совершению мужеложства не могло рассматриваться как насильственное действие. Поэтому мужеложство, сопровождавшееся оказанием психического давления

на другого партнера, но не в виде угрозы применения физического насилия и не путем использования зависимого положения потерпевшего, квалифицировалось по части 1 указанной статьи.

При совершении насильственного мужеложства потерпевшему могут быть причинены телесные повреждения различной тяжести. Если потерпевшему причинялись легкие или менее тяжкие телесные повреждения, все совершенно охватывалось составом насильственного мужеложства и квалификации по совокупности по другим статьям о преступлениях против личности не требовало. При причинении в процессе совершения насильственного мужеложства потерпевшему тяжких телесных повреждений преступление должно было квалифицироваться по совокупности статей 12 и 108 УК РСФСР 1960 года. Необходимость такой квалификации объяснялась тем, что состав мужеложства не включал в себя причинения особо тяжких последствий и потому не охватывал причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Размеры санкций, установленных за насильственное мужеложство в некоторых союзных республиках, были ниже размеров санкций, предусмотренных за нанесение тяжкого телесного повреждения.

В тех случаях, когда совершение мужеложства сопровождалось убийством, преступные деяния должны были квалифицироваться по совокупности. Так, приговором Московского городского суда Д. был осужден по ч. 2 ст. 121 и пп. «г» и «е» ст. 102 УК РСФСР 1960 года. В своей квартире Д. совершил акт мужеложства со своим сыном, после чего с целью сокрытия этого преступления умышленно убил его с особой жестокостью путем причинения множественных телесных повреждений ногами, руками, а также бил ребенка головой об пол и другие предметы.

Умышленное убийство, совершенное в процессе применения насилия с целью совершения мужеложства, должно было квалифицироваться по п. «в» ст. 102 УК РСФСР 1960 года – как убийство с целью облегчить совершение другого преступления.

По совокупности следовало квалифицировать и заражение потерпевшего во время акта мужеложства венерическим заболеванием. При совершении добровольного мужеложства заражение одним из партнеров другого венерическим заболеванием не освобождало последнего от ответственности за мужеложство.

Совершение мужеложства в отношении несовершеннолетнего рассматривалось как отягчающее обстоятельство при всех условиях, в том числе и в случае его совершения по обоюдному согласию. При этом виновный должен был осознавать, что совершает мужеложство в отношении несовершеннолетнего. Ответственность по ч. 2 ст. 121 УК РСФСР 1960 года могла наступить лишь в тех случаях, когда виновный знал возраст потерпевшего, или когда несовершеннолетие потерпевшего очевидно, или, наконец, когда виновный не интересовался возрастом потерпевшего, но осознавал, что лицо, с которым он совершает мужеложство, может быть

несовершеннолетним. Если по обстоятельствам дела было видно, что виновный, совершая мужеложство, на основании конкретных данных полагал, что его партнер – совершеннолетний, а на самом деле он оказывается несовершеннолетним, ответственность должна была наступать по ч. 1, а не по ч. 2 ст. 121 УК РСФСР 1960 года.

По смыслу закона повышенная ответственность за мужеложство наступала в тех случаях, когда несовершеннолетний использовался как пассивный партнер мужеложства. Формулировка закона «мужеложство в отношении несовершеннолетнего», а не «мужеложство с несовершеннолетним» подтверждает это. Поэтому, если несовершеннолетний совершает акт мужеложства с лицом, достигшим 18-летнего возраста, выполняя при этом активную роль, пассивный совершеннолетний субъект должен был привлекаться к ответственности по ч. 1 ст. 121 УК РСФСР 1960 года.

Большую опасность представляют случаи мужеложства (как правило, насильственного) в отношении малолетних мальчиков. При совершении подобных действий потерпевшему может быть причинен серьезный физический вред, а также нанесена глубокая психическая травма.

Предусматривая повышенную ответственность за мужеложство с использованием зависимого положения потерпевшего, советский закон не определял характер этой зависимости. Однако по общему смыслу советского уголовного законодательства зависимость потерпевшего от виновного могла быть материальной, служебной, основанной на отношениях подчиненности или на родственных отношениях (в последнем случае потерпевшие, как правило, являются несовершеннолетними).

Использование зависимого положения предполагает совершение каких-либо действий, ухудшающих положение потерпевшего (например, отказ в материальной помощи или применение угрозы ухудшить положение потерпевшего, угроза уволить с работы, перевести на нижеоплачиваемую работу. Обещание каких-либо выгод, предложение материального вознаграждения за совершение мужеложства, хотя бы и в отношении зависимого лица, не образует квалифицированного состава мужеложства, так как в этом случае отсутствует элемент принуждения, а имеет место лишь склонение к занятию мужеложством.

Использованием зависимого положения по смыслу советского законодательства следовало также считать использование беспомощного состояния потерпевшего со стороны лица, обязанного заботиться о нем. Потерпевший, зависимое положение которого было использовано виновным при совершении мужеложства, уголовной ответственности не подлежал.

В отдельных случаях к ответственности за соучастие в мужеложстве могли привлекаться лица, которые сами не совершали данного преступления. Так соучастием в форме пособничества признавалось подыскание партнеров или предоставление помещения для занятия мужеложством.

Уголовная ответственность за мужеложство была отменена только в 1993 г. По прошествии 20 лет с момента отмены уголовной ответственности за мужеложство нетрадиционные сексуальные отношения были вновь подвернуты гонению.

Михальчук Юлия Павловна,
кандидат юридических наук, доцент
начальник кафедры конституционного и административного права
Краснодарского университета МВД России
Харитонов Илья Константинович,
кандидат юридических наук
доцент кафедры конституционного и административного права
Краснодарского университета МВД России

Проблемы соотношения и взаимного влияния национальной безопасности и уголовной политики в России

Уголовная политика в качестве одного из видов политики государства в определенной сфере представляет из себя сложный набор различных элементов.

Ряд авторов включают в содержание понятия «уголовная политика» всю совокупность существующих механизмов и инструментов государства по борьбе с преступностью, т.е. наблюдается сближение уголовной политики с политикой государства в сфере борьбы с преступностью (П.С. Дагель, И.М. Гальперин, В.И. Курляндский, В.Н. Кудрявцев, А.А. Герцензон, С.С. Восходов, Н.А. Беляев, Э.Ф. Побегайло). Многими учеными уголовная политика рассматривается в узком смысле слова, понимая под ней ту часть государственной политики в сфере борьбы с преступностью, которая реализуется средствами и методами исключительно уголовного права (И.Я. Козаченко, Н.А. Лопашенко и др.).

А.А. Герцензон считает, что уголовная политика реализуется в процессе применения на практике как специальных мер (криминологических, уголовно-процессуальных, исправительно-трудовых, уголовно-правовых), так и мер чисто социального характера (экономических, идеологических, медицинских и т.д.)[1].

Значение уголовной политики состоит в выработке важных, принципиальных моментов в борьбе с преступностью. Приоритеты в уголовной политике особенно важны в сфере обеспечения безопасности, как человека и общества, так и государства.

[1] Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. История советского уголовного права. М.: Юрид. изд-во Мин-ва юст. СССР, 1948. С. 134.

С данным аспектом связываются вопросы социальной обусловленности уголовного закона, когда имеют место пробелы в уголовно-правовом регулировании, либо излишняя криминализация соответствующих деяний, объявленных на сегодняшний день преступлениями. Декриминализация и депенализация деяний происходит по выборочному принципу - в отношении отдельных групп населения (например, предпринимателей), под влиянием различных групп лоббирования.

Уголовный кодекс РФ содержит ряд статей, устанавливающих ответственность за преступления, посягающие на безопасность государства и человека.

Следует отметить, что преступления против общественной безопасности и общественного порядка занимают второе место в структуре преступности. Наиболее опасными среди них являются терроризм, похищение человека, захват заложника, бандитизм, угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, массовые беспорядки, иные деяния, которые нередко в значительной мере накаляют обстановку в обществе.

Важным вопросом остается соотношение уголовной политики и национальной безопасности.

В научной литературе под обеспечением национальной безопасности Российской Федерации понимается деятельность государственных и общественных институтов, а также граждан по выявлению, предупреждению угроз безопасности личности, общества и государства и противодействию им в качестве непременного условия защиты национальных интересов России. Эта деятельность определяется политикой обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Реализация национальных интересов осуществляется посредством взаимодействия государств в международной сфере, а также в результате взаимодействия различных социальных сил внутри их. Эти процессы носят противоречивый характер, выражающийся в борьбе и сотрудничестве различных субъектов.

Это обуславливает прямое и опосредованное взаимодействие между государствами и заставляет их так или иначе учитывать интересы друг друга. В экономической сфере это взаимодействие осуществляется через конкуренцию, а во внеэкономических сферах – в сфере политического и информационного взаимодействия. Формы и средства данных отношений определяются национальными интересами. Поскольку ресурсы, направляемые на развитие, для государств различаются лишь частично, то столкновение их интересов носит комплексный характер.

Именно эти противоречия в ходе удовлетворения национальных интересов порождают угрозы национальной безопасности. Угроза национальной безопасности - это прежде всего опасность для реализации национальных интересов в той или иной сфере отношений.

В научной литературе и в законодательстве упоминаются различные виды безопасности. Так, термин национальная безопасность Российской Федерации закреплен в Указе Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Национальная безопасность Российской Федерации - состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее - граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности[1].

В отечественной доктрине существуют разные подходы к пониманию национальной безопасности. В соответствии с точкой зрения Белькова О.А. национальная безопасность может быть определена как «состояние, тенденции развития (в том числе скрытые, потенциальные) и условия жизнедеятельности социума, его институтов, структур, и установлений, при которых обеспечивается сохранность их качественной определенности с объективно обусловленными инновациями в ней и свободное, соответствующее собственной природе и ею определяемой, функционирование»[2]. Таким образом, сфера национальной безопасности им понимается широко – она включает в себя как правовые, так и иные общественные аспекты, и определяет субъекта национальной безопасности – как общество в целом, там и его отдельные институты.

Среди наиболее серьезных угроз национальной безопасности можно назвать терроризм, коррупционные преступления, экономическая преступность и т.п.

Так, терроризм, имея весьма сложное содержание, затрагивает национальную безопасность страны на всех ее уровнях – межгосударственном, государственном, межнациональном, национальном, классовом и групповом. Россия ведет борьбу с терроризмом не только на своей территории, но и за ее пределами, например в Сирии.

Данное понятие раскрывается в Федеральном законе «О противодействии терроризму». Терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, орга-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации".

[2] См.: Бельков О.А., «Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности» // Безопасность: Информационный сборник, 1994, № 3 (19), С. 91.

нами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий[1]. Терроризм представляет из себя угрозу национальной безопасности России во всех сферах жизнедеятельности, в частности и в информационной сфере, блокируя соблюдение конституционных прав и свобод граждан в области сбора и оборота информационных ресурсов, а также защиту государственных информационных ресурсов от противозаконного доступа[2].

Также выделяют следующие виды угроз национальной безопасности:

- попытки насильственного переворота конституционного строя и нарушения территориальной целостности России;

- планирование, подготовка и осуществление действий по дестабилизации деятельности органов государственной власти и управления, осуществление нападений на государственные, экономические и военные объекты;

- поддержка незаконных вооруженных формирований;

- незаконное распространение на территории Российской Федерации оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ;

- деятельность организованной преступности, создающая угрозу для политической жизни страны;

- деятельность радикальных религиозных национальных движений.

Следует отметить, что уголовная политика государства должна быть направлена не только на защиту частных и общественных интересов, а также и на обеспечение национальной безопасности.

С этой целью необходимо уделить особое внимание и включить в качестве объекта правовой охраны – национальные интересы.

В научных кругах высказываются различные точки зрения на возможные пути совершенствования действующего уголовного законодательства, в том числе и радикальные.

В октябре 2016 г. председатель Верховного суда РФ В. М. Лебедев в одном из своих публичных выступлений высказался в пользу принятия новых УК РФ и УПК РФ. По его мнению, работать в этом направлении необходимо. «Я не знаю, решится ли законодатель создать новую концепцию этих двух законов, но думаю, что их нужно менять. Мы работаем над этим, потому что УК в этом году 20 лет, УПК - 15 лет. За это время и в тот, и в другой внесено по 200 федеральных законов. Но если в УК эти изменения связаны с ужесточением наказания, введением новой ответственности за

[1] Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) "О противодействии терроризму" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017)// Собрание законодательства Российской Федерации от 13 марта 2006 г. N 11 ст. 1146

[2] URL: http://jurnal.org/articles/2008/polit25.html

какие-то деяния, то 200 изменений, внесенных в процедуру рассмотрения уголовных дел, уже говорят о ее несовершенстве»[1].

Как представляется, назрела необходимость переосмысления уголовной политики в том числе и в части обеспечения национальной безопасности.

При этом необходимо учитывать, что концепция уголовной политики по обеспечению безопасности представляет собой систему доктринальных положений, раскрывающих содержание, цель, принципы, направления, приоритеты и критерии эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности государства по защите от преступлений средствами уголовного законодательства и иных отраслей российского права экономических отношений, а также по защите государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, управления в коммерческих организациях[2].

В соответствии со ст. 4 ФЗ «О безопасности» государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней и внешней политики Российской Федерации и представляет собой совокупность скоординированных и объединенных единой целью политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер[3].

В настоящее время связь уголовной политики и национальной безопасности устанавливается через взаимосвязь закрепленных Уголовным Кодексом РФ составов преступлений, посягающих на основы государственного и общественного правопорядка.

Основные составляющие национальной безопасности должны быть обеспечены и угловно-правовыми мерами, в том числе и политическими мерами.

В качестве приоритетного направления противодействия основным угрозам в обеспечении национальной безопасности уголовно-правовыми средствами Мельниченко А.Б. выделяет следующие:

– установление уголовно-правовых мер обеспечения противодействия терроризму и экстремизму;

– разработка уголовно-правовых мер обеспечения противодействия экономической преступности;

---

[1] https://pravo.ru/news/view/134754/

[2] Александрова Ирина Александровна Теоретическая концепция уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции //http://www.iuaj.net/node/1881

[3] Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ "О безопасности" // Собрании законодательства Российской Федерации от 3 января 2011 г. № 1 ст. 2

– введение уголовно-правовых мер обеспечения противодействия организованной преступности и коррупции[1].

Стратегия национальной безопасности требует своего совершенствования, в том числе и в части уголовно-правовых мер, предполагающих диверсификацию уголовных наказаний и декриминализацию отдельных преступлений, имеющих своим объектом отдельные элементы национальной безопасности.

Закрепление понятия «национальной безопасности» в уголовно-правовых документах позволит учитывать при квалификации и определении наказания учитывать степень опасности преступления для национальных интересов.

Для этого необходимо выработать основные концептуальные положения, предусматривающие национальную безопасность как отдельный вид охраняемого уголовным законом объекта и реализовать весь потенциал уголовно-правовых средств в этой сфере отношений.

Намнясева Виктория Вячеславовна,
кандидат юридических наук, доцент
начальник кафедры уголовного права
Волгоградской академии МВД России

Уголовно-правовая характеристика иособенности квалификации преступления, предусмотренного ст. 309 УК РФ

Специфика ст. 309 УК РФ состоит в том, что в ней регламентируется ответственность за два преступления, принципиально отличающихся друг от друга по степени общественной опасности. Ответственность за подкуп свидетеля, потерпевшего в целях дачи ими ложных показаний либо эксперта, специалиста в целях дачи ими ложного заключения или ложных показаний, а равно переводчика в целях осуществления им неправильного перевода регламентирована в ч. 1 ст. 309 УК РФ. В ч. 2 ст. 309 УК РФ установлена ответственность за принуждение свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, эксперта, специалиста к даче ложного заключения или переводчика к осуществлению неправильного перевода, а равно принуждение указанных лиц к уклонению от дачи показаний, соединенное с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества этих лиц или их близких.

В течение последних двадцати лет (с момента вступления в силу УК РФ) в России ежегодно регистрировалось преступлений, предусмотренных

[1] Мельниченко Алеся Борисовна Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дисс. док. юрид. наук., Ростов-на-Дону, 2009. 26 с.

ст. 309 УК РФ[1]: в 1997 г. – 329, в 1998 г. – 362, в 1999 г. – 343, в 2000 г. – 282, в 2001 г. – 298, в 2002 г. – 300, в 2003 г. – 349, в 2004 г. – 442, в 2005 г. – 462, в 2006 г. – 492, в 2007 г. – 370, в 2008 г. – 260, в 2009 г. – 283, в 2010 г. – 279, в 2011 г. – 240, в 2012 г. – 241, в 2013 г. – 254, в 2014 г. – 190, в 2015 г. – 172, в 2016 г. – 159.

Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 309 УК РФ, выступают интересы правосудия в сфере обеспечения процессуального порядка получения доказательств и установления истины по делу.

Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 309 УК РФ, выступают интересы правосудия в сфере обеспечения процессуального порядка получения доказательств и установления истины по делу, а также в сфере обеспечения безопасности перечисленных в диспозиции данной статьи лиц. Общественные отношения в сфере защиты жизни, здоровья и телесной неприкосновенности человека, честь и достоинство личности, право человека на тайну личной жизни, отношения собственности образуют дополнительный непосредственный объект данного преступления.

К предмету преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 309 УК РФ, относятся деньги, ценные бумаги, иное имущество или выгоды имущественного характера. Так, например, совершая подкуп свидетелей в целях дачи ими ложных показаний, С. передал им 400 000 руб., а также на их имя были переоформлены договоры о долевом участии в строительстве жилья 4 квартир. Взамен С. обязал свидетелей изменить показания не только в части обвинения его в совершении преступления, но и в отношении своих соучастников – Ч. и Г.[2] При предоставлении или обещании предоставления выгод неимущественного характера свидетелю или потерпевшему в целях дачи ими ложных показаний, эксперту или специалисту в целях дачи ими ложного заключения или ложных показаний, а равно переводчику в целях осуществления им неправильного перевода речь может идти только о подстрекательстве к даче заведомо ложного показания, заведомо ложного заключения или заведомо неправильного перевода (ст. 33 и 307 УК РФ), если такие действия совершены.

Обязательным признаком преступлений, предусмотренных чч. 1, 2 ст. 309 УК РФ, является специальный потерпевший – свидетель, потерпевший, эксперт, специалист, переводчик. Полагаю, что перечень специальных потерпевших необходимо дополнить указанием на обвиняемого и подозреваемого. В ч. 2 ст. 309 УК РФ в качестве специальных потерпевших указываются также близкие перечисленных лиц. Следует учитывать, что данная норма направлена на охрану интересов правосудия при рас-

[1] Состояние преступности за 1997-2016 годы. М.: ГИАЦ МВД России, 2017.

[2] См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 10 октября 2006 г. Дело № 46-о06-78. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

смотрении не только уголовных, но и гражданских, административных и арбитражных дел, а также при рассмотрении дел в Конституционном Суде РФ. Воздействие на очевидцев преступления или лиц, которым преступлением причинен вред, до получения ими статуса участников судопроизводства квалифицируется как преступление против личности, так как специальный потерпевший, обладающий требуемыми признаками («свидетель» и «потерпевший» в процессуальном смысле), на данный момент еще не существует.

Так, Адмаев был осужден по ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 105 и ст. 119 УК РФ за то, что помогал соучастнику стащить потерпевшего в снег, где соучастник задушил его кнутом, а впоследствии угрожал убийством О., Т. и Е., если те сообщат кому-либо об убийстве. В данном случае угрозы Адмаева были квалифицированы по ст. 119 УК РФ, так как уголовное дело по ст. 105 УК РФ еще не было возбуждено и очевидцы О., Т. и Е. еще не получили процессуального статуса свидетелей[1].

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 309 УК РФ, характеризуется совершением подкупа, т. е. фактической передачей имущества, оказанием услуг имущественного характера или предоставлением имущественных прав за выполнение подкупаемым оговоренных действий (бездействия) в пользу подкупающего лица, а также достигнутым соглашением передать имущество, оказать услуги или предоставить имущественные права. Моментом окончания подкупа признается достижение соглашения о выполнении соответствующих действий (бездействия) за соответствующее вознаграждение; момент окончания не зависит ни от фактического получения незаконного вознаграждения, ни от фактического выполнения оговоренных действий. Содеянное квалифицируется как покушение на преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 309 УК РФ, если подкупаемое лицо отказывается принять предмет подкупа и совершить соответствующие действия – дать ложные показания или заключение либо осуществить неправильный перевод.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 309, характеризуется принуждением свидетеля и потерпевшего к даче ложных показаний или к уклонению от дачи показаний, эксперта и специалиста – к даче ложного заключения, а переводчика – к осуществлению неправильного перевода. В русском языке принудить означает «заставить кого-либо сделать что-нибудь против его воли и желания, поставить его перед необходимостью или неизбежностью совершить что-либо, поступить определенным образом»[2]. Следовательно, под воздействием принуждения свободное волеизъявление потерпевшего либо существенно ограничивается, либо полностью исключается; для того, чтобы избежать неблагоприятных

[1] См.: БВС РФ. 2002. № 12. С. 18.

[2] См.: Словарь русского языка. М., 1983. Т. 3. С. 428.

последствий для своих прав и законных интересов, потерпевший вынужден совершить требуемые действия (бездействие).

Закон дает исчерпывающий перечень способов принуждения: шантаж, угроза убийством, угроза причинением вреда здоровью, угроза уничтожением или повреждением имущества. Воздействие иным способом – например, путем уговоров, просьб и обещаний – не образует состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 309 УК РФ. Так, адвокат Ш., осуществлявший защиту обвиняемого в совершении разбоя Кубрака, в целях освобождения своего подзащитного от уголовной ответственности вступил в сговор со следователем К. Действуя совместно, К. и Ш. путем уговоров и обещаний возместить материальный ущерб склонили потерпевшую П. изменить данные ею показания об опознании Кубрака. В дальнейшем следователь К. изготовил не соответствующий действительности протокол допроса потерпевшей П. Адвокат Ш. и следователь К. были признаны виновными в совершении подстрекательства к даче заведомо ложных показаний и фальсификации доказательств и осуждены: К. по ч. 3 ст. 303; ч. 4 ст. 33; ч. 1 ст. 307 УК РФ, Ш. по ч. 4 ст. 33; ч. 3 ст. 303; ч. 4 ст. 33; ч. 1 ст. 307 УК РФ[1].

Состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 309 УК РФ, формальный. Оно признается оконченным с момента высказывания угрозы независимо от того, удалось ли виновному принудить потерпевшего к совершению требуемых действий (бездействия). Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ рассмотрела кассационную жалобу осужденного по ч. 4 ст. 309 УК РФ Ш., который в обоснование доводов об отмене приговора и прекращении дела производством указывал, что признанные судом действия, выразившиеся в принуждении Ф. к подписанию заявления, где было сказано об оговоре Ш. А., а также к видеофиксации указанного заявления, не подпадают под действия, предусмотренные в ч. 4 ст. 309 УК РФ. Проверив материалы дела, Судебная коллегия указала, что доводы кассационной жалобы о том, что действия осужденных не образуют состав преступления, предусмотренного ст. 309 УК РФ, являются необоснованными. В соответствии с требованиями ст. 309 УК РФ принуждение к даче показаний считается оконченным преступлением с момента высказывания угрозы[2].

В чч. 3, 4 ст. 309 УК РФ регламентируется ответственность за принуждение свидетеля и потерпевшего к даче ложных показаний или к уклонению от дачи показаний, эксперта и специалиста – к даче ложного заключения, а переводчика – к осуществлению неправильного перевода, сопряженное с применением насилия:

не опасного для жизни и здоровья (ч. 3 ст. 309 УК РФ);

---

[1] См.: БВС РФ. 2006. № 4. С. 21—23.

[2] См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 27 сентября 2007 г. Дело № 78-о07-55. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

опасного для жизни и здоровья (ч. 4 ст. 309 УК РФ)[1].

Причинение в ходе совершения рассматриваемого преступления тяжкого вреда здоровью, а также совершение убийства потерпевшего не охватывается составом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 309 УК РФ, и требует квалификации по совокупности преступлений.

Содеянное может быть квалифицировано по ч. 4 ст. 309 и ст. 105 УК РФ только в случае реальной совокупности преступлений. Так, М. был признан виновным в принуждении совместно с К. свидетелей Р. и А. к даче ложных показаний с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, а также в убийстве с особой жестокостью двух лиц в целях сокрытия другого преступления. Преступления были совершены при следующих обстоятельствах. При рассмотрении дела в суде в отношении несовершеннолетнего К., который привлекался к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 111 УК РФ, одним из свидетелей было указано, что очевидцами преступления были Р. и А., в связи с чем дело было отложено для вызова их в суд в качестве свидетелей. Присутствовавший в судебном заседании в качестве законного представителя несовершеннолетнего подсудимого М. решил склонить указанных лиц к даче ложных показаний до вызова их в суд в качестве свидетелей. М. рассказал о своих намерениях К. Получив его согласие, М. и К. спустились в подвал дома, где обнаружили спящими Р. и А. М. стал уговаривать их явиться в суд и дать ложные показания о том, что потерпевших избили не подростки, а неизвестные мужчины, на что Р. и А. ответили отказом, заявив, что его сын за преступление будет наказан. После этого М. стал избивать Р. и А., нанося удары руками и ногами в различные части тела, сбил их с ног. Затем он попросил К. держать потерпевшим руки, а сам с помощью шнура и веревки связал им руки и ноги, продолжая понуждать их дать ложные показания. Вновь получив отказ и желая скрыть совершенные преступления, М. решил убить потерпевших. С этой целью он стал наносить им удары ножом, а К. в это время убежал. М. был осужден по пп. «а», «д», «к» ч. 2 ст. 105 и ч. 4 ст. 309 УК РФ[2].

Если же виновный не пытается принудить лицо к даче ложных показаний или заключения, а равно к уклонению от дачи показаний или к неправильному переводу, а сразу совершает убийство в целях недопущения дачи показаний или заключения, содеянное не может быть квалифицировано по ст. 309 УК РФ. Так, по приговору Самарского областного суда М. был признан виновным в совершении убийства двух лиц в связи с выполнением потерпевшими общественного долга, в принуждении потерпевшей по другому уголовному делу А. и свидетеля по тому же делу Н. к даче

---

[1] Понятие, признаки и характеристика видов физического насилия были рассмотрены во втором параграфе второй главы при анализе способов физического (силового) воздействия на участников уголовного судопроизводства.

[2] См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25 июля 2001 г. № 534п01. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ложных показаний, к уклонению от дачи показаний, совершенном с применением насилия, опасного для жизни указанных лиц, и осужден по пп. «а», «б» ч. 2 ст. 105 и ч. 4 ст. 309 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор в отношении М. в части осуждения его по ч. 4 ст. 309 УК РФ отменила, дело прекратила, указав, что, если осужденный не предпринимал действий по принуждению свидетеля и потерпевшего по уголовному делу к даче ложных показаний, к уклонению от дачи показаний, а лишил их жизни с той целью, чтобы они не дали показаний по уголовному делу, в его действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 4 ст. 309 УК РФ[1].

В данной статье мы кратко остановились лишь на некоторых проблемах, связанных с конструкцией и применением нормы, предусмотренной ст. 309 УК РФ.

Паршина Ирина Алексеевна,
кандидат юридических наук, доцент
заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии

Уголовная политика Российской Федерации в сфере обеспечения экологической безопасности

Стремительный научно-технический прогресс, сопровождающий жизнь нашего общества последние полтора-два столетия, привнес в повседневную жизнь людей многие блага, кардинально облегчающие существование человечества в окружающей природе и расширяющие перспективы его процветания в дальнейшем. К сожалению, одним из неизбежных последствий этого процесса оказалось колоссальное, постоянно нарастающее в своей интенсивности давление на экологию, в конечном итоге поставившее мир на грань катастрофы. Несомненно, обозначенная проблема носит глобальный характер и требует адекватной реакции со стороны национальных правительств всех стран мирового сообщества, в первую очередь – государств с высоким уровнем научно-технического развития.

Базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты России, является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Она определяет цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Рос-

[1] См.: Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2007 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сийской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу[1].

Обеспечение национальных интересов осуществляется посредством реализации стратегических национальных приоритетов, одним из которых Стратегия признает экологию живых систем и рациональное природопользование. Усиление государственного контроля в указанной сфере выступает обязательной мерой, обеспечивающей выполнение положений п.п. 83-86 Стратегии. В этом плане особую важность приобретает борьба с правонарушениями в сфере экологии. Степень общественной опасности посягательств на состояние защищенности природных объектов исключительно высока. Специфической чертой причиняемого ущерба часто выступает существенная отдаленность последствий во времени, способность накапливаться постепенно, достигая критической массы и вызывая, впоследствии, катастрофические изменения в природных системах.

В качестве особенностей современной экологической преступности следует выделить возникновение новых видов противоправного поведения в сфере природопользования; существенное повышение удельного веса ее организованной части; применение преступниками достижений научно-технического прогресса для хищнического использования природных объектов в своих корыстных целях, что с неизбежностью ускоряет их разрушение.

В подтверждение приведем положения следующего программного документа – «Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». Одним из внутренних вызовов экологической безопасности в нем названы существенная криминализация и наличие теневого рынка в сфере природопользования. Кроме того, в качестве внешних угроз экологической безопасности выделяются: трансграничные загрязнения атмосферного воздуха, лесные пожары, перераспределение стока трансграничных водотоков; создание препятствий для миграции животных, в том числе водных; несанкционированная добыча (вылов) водных биологических ресурсов; отстрел мигрирующих видов животных. Исключительно опасным в последнее время стало перемещение на территорию Российской Федерации в качестве товаров зараженных природных организмов, которые способны вызвать в незащищенной среде различного рода эпидемии (эпизоотии, эпифитотии), труднопредсказуемые по своему масштабу и последствиям[2].

---

[1] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 // СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс] – URL: http: //www.consultant.ru /cons/cgi/

[2] Указ Президента РФ от 19.04.2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/popular/obob/

Залогом эффективной борьбы с любым видом преступности является информированность общества и государства об истинных масштабах и внутренней сущности имеющейся проблемы. Анализируя динамические показатели уровня экологической преступности в Российской Федерации за последние три десятилетия, можно сделать вывод о своеобразии ее развития, некотором отличии от основных тенденций изменения преступности в стране.

Прежде всего, отметим, что общий рост абсолютных значений преступности в сфере экологии отличается несколькими относительно стабильными периодами, перемежающимися резкими скачками регистрируемости. В частности, 1990 год, открывающий исследуемый динамический ряд, установил общее число экологических преступлений в 5166, что составило в общей структуре преступности 0,28%. Последующие четыре года этот показатель не превышал 3815, удельный вес находился в промежутке 0,11-0,18%. Как нам представляется, официальная статистика в этот момент слабо отражала реальное положение дел в силу кризисных явлений, с которыми столкнулась Российская Федерация в большинстве сфер общественной жизни[1].

Следующий четырехлетний период начался более чем двукратным повышением абсолютных величин, в основном удерживая уровень7-8 тысяч преступлений в год, в относительных величинах удерживаясь в рамках 0,27-0,29%. Отметим, что рассматриваемый промежуток времени ознаменовался вступлением в силу нового уголовного закона Российской Федерации[2].

Следует отметить, что приведенные выше статистические данные заимствованы из научных работ монографического характера. Последующий период характеризуется показателями официальной статистики – Сборников МВД России о состоянии преступности и результатах деятельности органов внутренних дел, а также Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Итак, 1999 год ознаменовался значительным увеличением абсолютного значения экологической преступности – 11200 преступлений (0,37%), после чего начинается стабильный и достаточно заметный рост, приведший к пиковому показателю в 2009 году – 46607 преступлений (1,56%). Далее наблюдается такое же устойчивое снижение до 23688 в 2016 году (1,09%)[3].

Еще одна специфическая черта – несовпадение тенденций развития экологической преступности с общим трендом преступности в России. Общее наибольшее число официально зарегистрированных преступлений

---

[1] См: Э.Н. Жевлаков Экологические преступления и экологическая преступность. М., 1996. С. 82

[2] См.: Преступность и реформы в России / Под ред. д-ра юрид. наук проф. А.И. Долговой. М., 1998. С. 266

[3] https: //мвд.рф//…/statistics; http://crimestat.ru/offenses_map//...

в нашем государстве приходится на 2006 год. Постепенное снижение абсолютных показателей прерывается в 2014-м, после чего снова начинается снижение уровня. В ряде случаев не совпадают с абсолютными и характеристики удельного веса экологической преступности. Не смотря на то, что, как большинство преступных деяний корыстной мотивации, экологические преступления чутко реагируют на явления и процессы социально-экономического характера, такие, например, как последствия глобального экономического кризиса, существует целый ряд объективных и субъективных факторов, корректирующих, по крайней мере, официальную статистику.

Анализ структуры экологических преступлений в Российской Федерации показывает, что подавляющее их большинство составляют деяния, предусмотренные: статьей 256 УК РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов», статьей 258 УК РФ «Незаконная охота», статьей 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений» и статьей 261 УК РФ «Уничтожение или повреждение лесных насаждений». Остальные нормы Главы 26 УК РФ «Экологические преступления» применяются крайне редко, практически не работают. Чаще всего это явление свидетельствует не столько о недостатках самого закона, сколько о проблемах его реализации в процессе правоприменения.

Повышению эффективности борьбы с преступлениями в сфере экологии должны способствовать не только адекватная оценка их общественной опасности и соответствующая (дифференцированная) реакция государства на причинение вреда охраняемым интересам общества. Требуется систематизированная методика устранения ущерба, причиненного природным объектам, по аналогии с возмещением материального вреда от иных видов корыстной преступности. Ее основы и заложены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Следует отметить, что правоприменитель пытается оптимизировать как превентивное, так и ретроспективное воздействие на складывающуюся ситуацию. В частности, отдельные проблемы применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде в процессе хозяйственной деятельности, освещаются в материалах судебной практики. В постановлении Пленума Верховного суда, посвященного указанным вопросам, отмечается, что одним из важнейших средств охраны окружающей среды и обеспечения права граждан на ее благоприятное состояние является возложенная на лицо, причинившее вред, обязанность по его возмещению в полном объеме[1]. В частности, в Постановлении указывается, что «опасность причинения вреда окружающей среде в будущем, в том числе в связи с эксплуатацией предприятия, сооружения или иной деятельностью, может являться основанием для запрещения деятельности, создающей такую опасность». Данное положение несет также превентивную нагрузку.

[1] О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 30.11.2017 г. № 49. // СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/popular/obob/

Пенионжек Евгения Владимировна,
кандидат философских наук, доцент,
начальник кафедры общей психологии и гуманитарных дисциплин
Уральского юридического института МВД России

Методика убеждения и разъяснения как ценностное содержание профессиональной деятельности сотрудников подразделений дознания

Культура противодействия преступности выстраивается на основании реализации принципа гуманизма как осознания человеческой жизни в качестве высшей ценности. Так одной из специфических сторон службы в органах внутренних дел является целенаправленный характер защиты прав человека. Правоохранительные органы обеспечивают защиту конкретного человека и общества в целом от посягательств правонарушителей на право на жизнь, здоровье, имущество и др. При этом соблюдаются права всех граждан, с которыми сотрудники органов внутренних дел взаимодействуют, в том числе с задержанными и подозреваемыми. При ограничении свободы лица сотрудники органов дознания берут на себя обязательства по уважению и защите прав человека в таких условиях, где будут обеспечены правовые и гуманные условия содержания, защита от запугивания, насилия, издевательств. Также органы внутренних дел разделяют обязанность защиты свидетелей и потерпевших и социальной коррекции осужденных для формирования социально безопасного образа их жизни, исправления противоправных установок их действий на нарушение прав других людей.

Так, сотрудники подразделений дознания, воздействуя на граждан, формируют поле соблюдения прав человека в правовой сфере общества. Объективное состояние соблюдения прав человека в органах внутренних дел находится в прямой зависимости от возможностей применения психолого-педагогической знаний в действиях дознавателя, знаний, которые он реализует в работе с гражданами на основании профессиональной информированности, обученности и воспитанности, опосредующих действия дознавателя в контексте соблюдения прав человека. Правовоспитательная работа с гражданами осуществляется на основании изучения комплекса документов по соблюдению прав человека: от Всеобщей декларации прав человека до конкретных международных и внутригосударственных нормативных актов и ведомственных нормативных правовых актов. Также важную роль играет использование в практической деятельности алгоритмизации применения правовых норм и комплекс профессиональных, нравственных, гражданских качеств личности дознавателя, формирующих культуру противодействия преступности. Любое взаимодействие дознавателя с гражданами имеет педагогический аспект правовоспитательной работы, связанный с правовым просвещением граждан, коррекцией их сознания и поведения, налаживанием с ними контактов для сотрудничества.

Сотрудник подразделений дознания должен понимать, что своей деятельностью он показывает уровень правовой культуры, что имеет социально-педагогическое, управленческое, воспитательное и обучающее назначение в работе с гражданами. Культура противодействия преступности должна быть связана с правовым просвещением, правовым воспитанием граждан, что характеризует работу с гражданами по разъяснению их законных прав и прав сотрудников органов внутренних дел в процессе взаимодействия. Культура противодействия преступности сотрудников органов дознания не должна складываться стихийно. Сотрудник должен осуществлять свою деятельность целесообразно правовоспитательной работе с гражданами: осознавать и самостоятельно ставить правовоспитательные цели и задачи, осмысливать содержательные этапы правовоспитательной работы, избирая обоснованные педагогические формы, методы. Контакты дознавателя не должны иметь деформирующий или негативный характер. Необходимо помнить, что правовоспитательное влияние дознавателя на гражданина должно завершаться правовым самовоспитанием гражданина. Ценностным содержанием такого воздействия является: строгое соблюдение законности и объективность; нравственная допустимость воспитательного воздействия; индивидуальный подход при осуществлении правовоспитательного воздействия, корректность, справедливость, внимательность, ситуативная гибкость и чуткость, эмоциональная устойчивость.

Основным методом педагогического воздействия правовоспитательной работы следователя или дознавателя является убеждение, которое требует активной мыслительной деятельности. Следователь должен создать условия, при которых граждане стремятся понять и осознать правовые характеристики, размышляют, осуждают отрицательное в себе и в других. При реализации данного метода правовоспитательной работы дознаватель или следователь могут встретиться с противодействием, выдвижением контрдоводов, попытками следовать неправовым или даже асоциальным установкам. Чтобы убеждение было реализовано успешнее, необходимо понять причины такого противодействия и усилить убеждение на основании умения мыслить за другого человека. В этом случае правовоспитательная работа не только будет успешной, но и будет способствовать использованию наличной информации о человеке. Прогнозируя ход мыслей убеждаемого, можно менять доводы, направленность убеждения в связи с выявленными его сомнениями, возражениями.

Средствами для активизации рационального размышления может быть целенаправленный разбор определенного события, может даваться оценка поведения лица, оценка значимости побудительных причин для совершения преступных действий. Немаловажное значение может иметь высказывание следователя о том, как могут отнестись, как отнеслись к противоправному поступку человека значимые для него люди. При применении убеждения следует опираться на положительные черты и свойства

личности (например, в таких высказываниях: «Ольга Константиновна, Вы умная женщина» или «Анатолий Владимирович, Вас очень уважают на работе»), что позволяет противопоставить эти сведения противоправным установкам лица. Важно найти сомнения убеждаемого, на основании которых легко устранить установки противоправных действий. Воспринимать доводы следователя, дознавателя помогает психологический контакт, который характеризуется положительным отношением к любому из участников следствия. При этом убеждение должно соответствовать уровню развития убеждаемого; строиться с учетом возрастных, образовательных, профессиональных и иных индивидуальных особенностей личности; быть последовательным, логическим, доказательным; возбуждать психическую активность убеждаемого; содержать как обобщенные положения, выводы, так и конкретные факты, примеры; содержать анализ обоюдно известных фактов; следователь должен разделять правовую позицию, которую он представляет; учитывать свои возможности.

Ценностным потенциалом обладает разъяснение дознавателя или следователя: при разъяснении прав гражданину при получении определенного процессуального статуса (обвиняемому – при объявлении постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 172 УПК РФ), потерпевшему – при объявлении постановления о признании потерпевшим (ст. 42 УПК РФ), ответчику – при объявлении ему постановления о привлечении в качестве такового (ст. 54 УПК РФ), понятому – перед началом следственного действия (ч. 4, ст. 170 УПК РФ), а во-вторых, при разъяснении прав гражданину до начала или в процессе осуществления конкретных процессуальных действий (при объявлении обвиняемому или подозреваемому постановления (определения) о применении к нему меры пресечения (ч. 3, ст. 101 УПК РФ), перед осуществлением следственных действий (ст. 164 УПК РФ), например, допроса, экспертизы, при объявлении обвиняемому об окончании предварительного следствия, дознания). При этом культура сотрудника демонстрируется в содержательной стороне разъяснений; это должны быть не просто увещевания, но формулировка определенного порядка действий (при прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям или при постановлении оправдательного приговора орган дознания, следователь, в соответствии со ст. 11 УПК РФ обязаны разъяснить гражданину порядок восстановления его нарушенных прав и принять предусмотренные законом меры к возмещению ущерба, причиненного гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу). Осуществление такого рода правовоспитательной работы является обязанностью дознавателя или следователя, в ином случае – показания лиц признаются судом полученными с нарушением закона и не могут являться доказательствами виновности.

Культура правового разъяснения исключает выполнение дознавателем или следователем этой обязанности формально, шаблонно, быстро, перечислением, только предлагая поставить подпись. С позиций правовоспитательной работы, такое выполнение будет не эффективным. С позиций правовоспитательной работы, разъяснение – это раскрытие содержания нормы и объяснение правовых последствий реализации своих прав и неисполнения своих обязанностей. Правовоспитательная работа сотрудников органов внутренних дел тогда будет успешна, когда граждане будут уверены, что им оказываются профессиональные юридические услуги помощи и защиты их личности, какого бы характера действия не были ею осуществлены. Культура дознавателя должна демонстрировать его активность, решительность борьбы с преступностью. Положительно воспринимаются гражданами ценности: гуманность, справедливость, непредвзятость, понимание человека, моральность, культурность в общении, стремление ликвидации морального ущерба, если это выразилось в стойких отрицательных психических состояниях, а также стремление ликвидировать общественный вред, наносимый преступностью.

Культура дознавателя способствует адекватному формированию общественного мнения о преступности. Все действия, высказывания дознавателя должны вызывать у граждан уважение к закону, к деятельности органов дознания, способствовать воспитанию правосознания. Дознаватель должен помогать овладевать ценностным содержанием дисциплинированности, ответственности, честности, доверительности, добросовестности, должен создавать основу правового самовоспитания лица, организовывать и активизировать воспитательное воздействие на правонарушителя со стороны семьи, трудового коллективов, начинать процессы ресоциализации. Важную роль играет педагогическое воздействие, возбуждающее чувство вины за совершенные преступные действия. Методом убеждения нужно доказать ошибочность расчетов на безнаказанность, опровергнуть доводы о причинах, приведших к совершению преступления, произвести детальный разбор образа жизни, системы социальных связей, потребностей, привычек, самого процесса подготовки, совершения, сокрытия следов преступления – все это будет осуществляться посредством разъяснения действительной сущности противоправных действий, их опасности для общества, причин, которые повлекли за собой совершение преступления. Необходимо добиваться морального осуждения проступков, осознания противоправности действий, правильного понимания причин неправомерного образа жизни, повлекших эти действия. Также важным средством могут стать факты того, что имеющиеся личностные дефекты правосознания, асоциальные связи и образ жизни принесли и в дальнейшем принесут вред обществу и самому человеку.

Также с помощью метода убеждения следует вызывать отрицательное отношение к своим преступным действиям, образу жизни, сознание

личного вреда и вреда для других граждан. Необходимо развивать в личности стремление стать законопослушным человеком, показывать пути, посредством которых человек мог бы доказать себе, своим близким, следователю, суду действительное желание исправиться, которое может выразиться в активных действиях по возмещению ущерба, содействии следствию, разработке жизненной программы, формулировке мер, которые необходимо предпринять для устранения причин и условий, вызвавших совершение преступления, сознательном принятии решений пересмотреть линию своего поведения, которая противоречит интересам общества и целям правосудия.

Правовоспитательная работа дознавателя завершается, намечая пути ресоциализации, оформлением процессуального документа – постановления о привлечении в качестве обвиняемого или обвинительного заключения с указанием на то, осознало ли данное лицо тяжесть совершенного преступления или не раскаялось, а в отношении обвиняемого в повторных преступлениях – встал или не встал он на путь исправления. Составленная характеристика помогает суду определить возможности правовоспитательной работы, а при направлении его в орган, исполняющий наказание, продолжать работу по ресоциализации. В этой характеристике помимо психологических особенностей (биографических данных, сведений об условиях формирования личности, структуры личности – особенностях психических процессов и состояний, направленности, темперамента, характера, способностей) должны быть отражены и результаты правовоспитательной работы как достигнутые цели процесса педагогического воздействия. В заключительной части характеристики указывается прогноз ожидаемых действий от данного лица, в какие условия жизни и труда его необходимо поместить для лучшего достижения результативности правовоспитательной работы. Оптимальным результатом правовоспитательной работы при завершении предварительного следствия или дознания может считаться такое психическое состояние, отношение и само решение, при котором последующее правовоспитательное воздействие суда и исправительных учреждений будут восприниматься им наиболее полно.

Осуществление правовоспитательной работы требует компетентности не только в педагогических основах воспитательной работы, но и в самых разнообразных знаниях и умениях: знать правовые концепции; владеть культурой межличностного и межнационального общения; быть готовыми честному сотрудничеству; уметь владеть собой в самых экстремальных ситуациях; знать иностранные языки; быть технически грамотным. Необходимо уметь быстро адаптироваться к постоянным изменениям в профессии. И быть примером правомерного поведения. Поэтому необходимо формировать, постоянно развивать и совершенствовать личностно значимые и профессионально необходимые свойства и качества, которые характеризуют культуру дознавателя как всесторонне развитой личности.

Правовая культура дознавателявыражается в соответствии его компетентности современному уровню и потребностям общественного развития. Дознаватель должен оценивать существующую в жизни общества правовую сферу, понимать роль права, ценность правопорядка, оценивать право как благо, как необходимое условие нормальной жизни и развития общества и защиты граждан.

Решение поставленных перед органами внутренних дел задач в работе с гражданами способствует укреплению контактов с населением, общественными организациями для совершенствования работы правоохранительных органов, так как противодействие преступности и правопорядок являются утверждением законности, что одобряется и поддерживается гражданами, а значит, необходимо активно привлекать их к участию в этой работе. Каждый человек имеет определенный уровень правовоспитанности. Построение правового общества необходимо основывается на правовой культуре населения, уровень которой в настоящее время нуждается в повышении. Правомерное поведение граждан невозможно без правовоспитанности граждан. Правовая воспитанность граждан выражается в уважении к законности, отношении к ней как высшей социальной ценности, норме жизни, формирует правовой идеал жизни, социально-правовой идентифицированности личности с законопослушными гражданами и позволяет активно взаимодействовать с правоохранительным органами в устранении причин и условий совершения правонарушений, реализации принципа неотвратимости наказания.

Пимакова Ольга Геннадьевна,
кандидат юридических наук
преподаватель кафедры уголовного права криминологии и психологии
Орловского юридического институтаМВД России имени В.В. Лукьянова

К вопросу о разграничении мошенничества и изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг

Сегодня вопросы разграничения мошенничества от изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг в изучаемой нами литературе освещены на недостаточном уровне.

Анализ изученных уголовных дел показывает, что на практике нередко возникают ошибки в квалификации при возбуждении уголовных дел по факту обнаружения подделанных денег или ценных бумаг. Большинство уголовных дел (при отсутствии подозреваемых) возбуждается по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ, а в последующем, при обнаружении лица, совершившего данное деяние, его действия переквалифицируются по ст. 159 УК РФ, так как устанавливаются новые обстоятельства совершенного преступления, определяется умысел лица, который зачастую направлен на грубый обман потерпевшего.

При получении объяснений сотрудникам необходимо акцентировать внимание на качестве подделок, т.е. была ли подделка грубой, имела ли внешнее отличие от подлинных денежных знаков или ценных бумаг, что имеет существенное значение для квалификации деяния либо как изготовление, хранение, перевозка или сбыт, либо как мошенничество, учитывая при этом сумму причиненного ущерба. Согласно Постановлению Пленума Верховного суда РФ «при решении вопроса о наличии либо отсутствии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ, необходимо установить, имеют ли поддельные купюры существенное сходство по форме, размеру, цвету и другим основным реквизитам с находящимися в обращении подлинными денежными знаками.

В тех случаях, когда явное несоответствие фальшивой денежной купюры подлинной, исключающее ее участие в денежном обращении, а также иные обстоятельства дела свидетельствуют о направленности умысла виновного на грубый обман ограниченного числа лиц, такие действия могут быть квалифицированы как мошенничество»[1]. Оценка «существенности сходства» предмета подделки с подлинной валютой или ценными бумагами носит субъективный характер и зависит от восприятия предмета подделки в целом.

Объективная и единообразная его оценка исключается в силу различного уровня знаний виновного, потерпевшего и сотрудников правоохранительных органов[2].

К примеру, Верховный Суд РФ признал неправильной квалификацию действий лица по ч. 1 ст. 186УК России и оценил содеянное как мошенничество в ситуации, когда виновный изготовил поддельные деньги на черно-белом ксероксе и они соответствовали подлинным купюрам лишь по размеру формата бумаги, изображению и относительному размещению деталей. Поскольку виновный рассчитывался такими купюрами в темное время суток, Верховный Суд РФ счел, что поддельные денежные знаки предназначались для совершения мошеннических действий[3].

В судебной практике не признаются предметом преступления, предусмотренного ст. 186 УК России, купюры с наклеенным номиналом, надписями, изображениями, несоответствующими сторонами как не имеющие существенного сходства с находящейся в обращении валютой[4].

---

[1] О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 № 2 (ред. от 06.02.2007)

[2] Бабий Н.А. Фальшивомонетничество и мошенничество: две грани соприкосновения //Борьба с изготовлением или хранением с целью сбыта поддельных денежных знаков, ценных бумаг Беларуси, России и других государств. Минск, 2010.

[3] БВС РФ. 1994. № 5. С. 3 - 4.

[4] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 8. С. 14.

Уголовной ответственности за сбыт поддельных валюты и ценных бумаг в валюте подлежат не только лица, занимающиеся их изготовлением, хранением, перевозкой или сбытом, но и лица, в силу стечения обстоятельств ставшие обладателями поддельных ценностей, указанных в ст. 186 УК России, сознающие это и использующие их как подлинные[1].

Вместе с тем подход здесь должен быть иным, нежели в случаях, когда виновный изготовляет поддельные деньги или бумаги, а затем пытается их сбыть. В первом случае виновное лицо пытается незаконным путем «возместить» причиненный ему ущерб, во втором - руководствуясь корыстными мотивами, стремится к получению прямой материальной выгоды.

Так, например, по приговору Фрунзенского районного суда г. Саратова, С. Был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ при следующих обстоятельствах. Посетив по сети Интернет один из сайтов, увидел объявление А. о продаже ноутбука с оптической игровой компьютерной мышью, наушниками, веб-камерой по цене 14 500 рублей и решил похитить чужое имущество А. путем обмана с использованием в качестве оплаты фальшивых банковских билетов Центрального Банка РФ. Далее, используя сим-карту с абонентским номером, позвонил А. на абонентский номер и договорился о встрече с ним для покупки ноутбука в 19 часов того же дня вблизи цирка им. Братьев Никитиных. При встрече с А. в назначенное время в указанном месте С. путем обмана, используя в качестве оплаты за приобретаемое имущество изготовленные им поддельные банковские билеты ЦБ РФ номиналом 500 рублей серии в количестве 28 штук, передал их А., а последний, не догадываясь о преступных намерениях С., визуально не обнаружив признаков подделки денежных купюр, передал С. принадлежащие ему ноутбук с оптической игровой компьютерной мышью, наушниками и веб-камерой. Завладев чужим имуществом А., С. с места преступления скрылся, причинив потерпевшему материальный ущерб на сумму 14 000 рублей[2].

Кроме того, в настоящий момент не до конца разработан механизм добровольной сдачи фальшивых денежных знаков населением. Складывается ситуация, когда, обнаружив у себя фальшивую купюру, человек, как правило, не знает, куда и к кому ему обратиться[3]. Поэтому мы поддерживаем предложение О.Н. Васильевой, высказанное ею в статье «Основные

---

[1] См.: Корпушин М.П. Изготовление и сбыт поддельных денег или ценных бумаг // Ответственность за государственные преступления. М.: Юрид. лит., 1988. С. 173; Загародников Н.И. Советское уголовное право. Общая и Особенная части. М.: Юрид. лит., 1976. С. 288.

[2] https://rospravosudie.com/court-frunzenskij-rajonnyj-sud-g-saratova-saratovskaya-oblast-s/act-104898860/

[3] Загайнов В.В. О факторах, детерминирующих фальшивомонетничество в Российской Федерации // Борьба с изготовлением или хранением с целью сбыта поддельных денежных знаков, ценных бумаг Беларуси, России и других государств. Минск, 2009. С. 12.

проблемы правового регулирования преступлений в сфере обращения валютных ценностей», о целесообразности установления порядка, при котором любое лицо, ставшее по воле случая обладателем фальшивой купюры, могло бы обменять ее на настоящую[1]. Это должно быть возможным, например, при условии, если он правдиво укажет на обстоятельства, при которых такая купюра оказалась в его обладании, и если эти сведения помогли выявить лицо, которое изготовило фальшивую купюру, первично ввело ее в обращение.

Таким образом, при отсутствии признаков частичной подделки денежного билета, изготовленного ФГУП «Гознак», будет свидетельствовать о наличии умысла на изготовление в целях сбыта поддельных денег или ценных бумаг, т.е. на признаки состава преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ. А в случае отсутствия совокупности указанных признаков - на наличие умысла на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, т.е. на признаки состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ.

Пихов Аслан Хазрет-Алиевич,
кандидат юридических наук, доцент
начальник кафедры ДОВД УНК СП
Московского университета МВД России имени В.Я.Кикотя

Структурно-географические и культурологические взаимосвязи транснациональной преступности

В рамках исследования транснациональной преступности большое значение приобретает ее структурно-географический анализ, предполагающий изучение территориального распределения соответствующих преступлений с точки зрения того, какие из них начинаются в России и продолжаются или завершаются в другой стране или наоборот, с какими государствами и насколько выражено такое криминальное взаимодействие, какие тенденции здесь развиваются и намечаются2.

Отметим, что география преступности выступала объектом ряда научных исследований применительно к Российской Федерации в целом3 и

[1] Банковское право, 2005, № 6.

[2] Пихов А.Х.-А. Практика противодействия транснациональной преступности: опыт международного сотрудничества // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (34). С. 33-36.

[3] Бадов А.Д. География преступности в России в постсоветский период: дис. д-ра географ. наук. Владикавказ, 2009; Литвяк Л.Г., Павленко О.А. География (территориальные различия) преступности // Новый университет: Серия: Экономика и право. 2015. 5 (51). С. 54-58

отдельным ее регионам, в частности[1], но без выделения специфических черт, относящихся именно к транснациональной преступности. Кроме того, применительно к научному исследованию транснациональной преступности целесообразно использовать структурно-географический анализ, учитывающий не только особенности территорий, в рамках которых протекает соответствующая преступная деятельность, а еще и виды последней и их распределение по тем или иным сопредельным государствам.

Изучение статистических сведений, теоретических источников и публикаций в средствах массовой информации позволяют сделать определенные выводы, отражающие результаты структурно-географического анализа транснациональной преступности.

В первую очередь остановимся на террористических преступлениях как наиболее опасных проявлениях транснациональной преступности. В последние годы транснационализация террористической деятельности происходит вследствие разрастания «Исламского государства», представляющего собой террористическую организацию, запрещенную в России и во многих других странах. Наиболее активное развитие данной террористической организации наблюдается с 2014г. в ирако-сирийском контексте при общем доминировании радикально-исламистских организаций на Ближнем Востоке, в Азии и Африке среди наиболее опасных вооруженных террористических объединений мира. Это также связано с увеличившимся притоком джихадистов из иных конфликтных зон исламского мира и ряда немусульманских стран[2]. В настоящее время «Исламское государство» распространяет свое влияние на боевиков из других исламистских организаций и адептов джихадизма из различных стран. В эту террористическую группировку вступили граждане из стран Европы, США, государств постсоветского пространства, в том числе Российской Федерации.

«Исламское государство» издает пропагандистские материалы на пяти европейских языках, активно используют Интернет-ресурсы и средства массовой информации для распространения своей идеологии и вовлечения в свои ряды все новых членов. В качестве ближайшей цели «Исламского государства» выступает создание на территории Сирии, Ирака и Ливана исламского суннитского «государства», управляемого по законам шариата, а в дальнейшем планируется расширение территории влияния этой органи-

[1] Кулагин А.В. Территориальная дифференциация преступности в субъекте Российской Федерации на примере Самарской области: автореф. дис. …канд. географ.наук. Воронеж, 2009.

[2] Матчанова З.Ш. Вооруженные конфликты как фактор распространения терроризма в национальном и международном масштабе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2015. № 178. С.131; Степанова Е.А. ИГИЛ и транснациональный исламистский терроризм // Пути к миру и безопасности. 2014. №2. С. 14.

зации до границ «классического халифата», охватывающих пространство от Испании до Индии[1].

В последние годы для преступлений, связанных с содействием организованной террористической деятельности, генерирующим фактором является существование и расширение «Исламского государства»[2]. Как показали события 2015 - 2017 годов, террористическая и иная преступная деятельность ИГИЛ распространяется не только на подконтрольную ему территорию, но и находит свое проявление в других странах, причем не только в ближневосточном регионе.

Примерами тому служат подрыв российского пассажирского самолета над Синайским полуостровом в Египте 31 октября 2015 г., теракты в Париже 13 ноября 2015г. и в Брюсселе 22 марта 2016 г. Кроме того, можно утверждать, что преступная деятельность ИГИЛ охватывает практически весь мир, поскольку пропаганда терроризма и вовлечение в ряды этой организации осуществляется членами данной организации в большинстве государств, причем эти действия совершаются как при непосредственном присутствии виновных лиц в соответствующих странах, так и дистанционно за счет использования информационно-телекоммуникационных сетей.

На примере России можно отметить, что члены ИГИЛ выбирают для пропаганды и вовлечения те регионы, где их усилия потенциально будут наиболее эффективны, что в первую очередь относится к территориям с населением, исповедующем ислам, где имеют или имели место сепаратистские движения. В России таким регионом является Северный Кавказ. Напряженность оперативной обстановки в этом регионе обусловливается непрекращающейся деятельностью незаконных вооруженных формирований на территории Чечни, Дагестана, Ингушетии, других кавказских республик и их стремлением расширить фронт диверсионно-террористической активности на сопредельные субъекты Российской Федерации, Южный федеральный округ.

На территории Северо-Кавказского и Южного федеральных округов действуют 62 организованных преступных формирования террористическо-экстремистской направленности, насчитывающие 75 лидеров и свыше 1000 активных участников. Наибольшую общественную опасность из них представляют имеющие международные и межрегиональные связи ПС

---

1 Федорченко А.В., Крылов А.В. Феномен «Исламского государства» // Вестник МГИМО (Университета). 2015. №2 (41). С.175.

2 Пихов А.Х.-А. Правовая оценка последствий отдельных видов транснациональных преступлений в контексте уголовной политики государства//Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: Сборник материалов научно-практической конференции / Под ред. А.В. Бриллиантова и Ю.Е. Пудовочкина. - М.: РГУП, 2015. С. 149-155; Иванцов С.В. Использование международного опыта в системе контроля организованной преступности/ Черные дыры в Российском законодательстве. 2010. № 6. С. 97-100.

«Ваххабиты» (Республика Дагестан), «Серые» (Карачаево-Черкесская Республика), «Кадина» (Волгоградская область), «Фантрайзинг», «Спрут» (Краснодарский край), «Новация», «Возрождение» (Ростовская область), «Ногайцы», «Паутина» (Ставропольский край).

Организованные группы и преступные сообщества сформировались в мощную и разветвленную криминальную систему, которая, опираясь на свои коррумпированные связи, реально претендует на лидерство в политической жизни округа, присутствует во всех основных отраслях экономики, генерирует дальнейшее развитие негативных процессов в динамике и структуре преступности, а также в сфере межнациональных интересов[1].

Репьева Анна Михайловна,
кандидат юридических наук, преподаватель
кафедры уголовного права и криминологии
Барнаульского юридического института МВД России
Красилов Максим Олегович,
курсант 4 курса факультета подготовки
сотрудников полиции и следователей
Барнаульского юридического института МВД России

Профилактика попрошайничества в целях предупреждения совершения преступлений и борьбы с ними

В ходе политических и экономических преобразований, произошедших в конце XX века, уровень жизни населения России претерпел ряд ощутимых негативных изменений. Безработица, снижение благосостояния, раскол в обществе на богатых и бедных – это факторы, способствовавшие формированию класса маргинального населения. Многие из них пополнили ряды лиц без определенного места жительства (далее – лица БОМЖ). По итогам 2016 г. именно данной категорией граждан в Алтайском крае было совершено 218 преступлений.

По данным Федеральной службы государственной статистики РФ в 2016 г. численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в России составляет 22,7 миллиона человек. Вследствие этого, все больше фактов попрошайничества можно встретить на улицах наших городов. Само по себе данное явление, безусловно, – не преступление. Тем не менее, отсутствие средств к существованию, так или иначе, детерминирует совершение преступлений, как указанными лицами, так и в отношении них. К примеру, в 2016 году в Алтайском крае из заре-

[1] См. подробнее: Пихов А.Х.-А. Транснациональная преступность: понятие, особенности, международно-правовые и уголовно-правовые меры противодействия: монография. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2014.

гистрированных 44576 преступлений, 19378 (43,8%) – совершено лицами без постоянного источника дохода. Полгаем, данную цифру не стоит абсолютизировать, но наметившуюся негативную тенденцию нельзя не обозначить.

Отмена уголовной нормы, закрепленной в ст. 209 Уголовного кодекса РСФСР «Занятие бродяжничеством или попрошайничеством либо ведение иного паразитического образа жизни», за которую лицо наказывалось лишением свободы на срок от одного года до двух лет или исправительными работами на тот же срок. Это послужило тому, что с 1991 года попрошайничество стало самостоятельной деятельностью, благодаря которой стало возможным получать достаточно большие доходы за небольшой период времени, при этом, не прикладывая каких-либо усилий. В результате образовались организованные преступные группы, покровительствующие точкам с попрошайками, получая от них до 70 % денежных средств. Попрошайничество, на сегодняшний день, – один из теневых бизнесов криминальных структур.

Стоит отметить, что в последнее время все чаще звучат предложения для организаторов подобного бизнеса ввести уголовную ответственность. Так, в Мосгордуму обратилось руководство ГУ МВД по г. Москве с инициативой внести в Государственную думу РФ законопроект о дополнении Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) новой статьей «Организация занятия попрошайничеством». Однако,предложение пока не получило поддержку. В настоящее время уголовная ответственность за занятие попрошайничеством отсутствует. Существуют лишь статьи, так или иначе сопровождающиеся данным маргинальным поведением. К примеру, ст. 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий».

Укажем, что имются и нормы, отчасти касающиеся возможности наступления ответственности за рассматриваемый вид антисоциального поведения. Так, в ст. 178 Уголовно-исполнительного кодекса РФ указано, что факт занятия попрошайничеством осужденным, которому предоставлена отсрочка отбывания наказания в связи с признанием больным наркоманией, является свидетельством уклонения от прохождения курса лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитации и выступает основанием отмены отсрочки и направления осужденного для отбывания наказания, назначенного приговором суда.

В Кодексе РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) так же нет специальной нормы, и лишь в том случае, если попрошайничество сопровождается оскорбительным приставанием к гражданам возможно привлечение к административной ответственности по ст. 20.1 КоАП РФ . Однако стоит указать, что некоторые регионы Российской Федерации в своих законах об административной ответственности закрепили норму, устанавливающую такую ответственность. К примеру, в Кодексе г. Москвы об административных правонарушениях закреплена ст. 3.8. «При-

ставание к гражданам в общественных местах», которая охраняет общественные отношения в данной сфере; в законе Республики Крым «Об административных правонарушениях в Республике Крым» – часть 2 ст. 7.2 имеет следующее содержание «гадание, попрошайничество в общественных местах влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от ста до одной тысячи рублей».

Обратимся к общемировой практике. Так, данная проблема весьма актуальна не только для нашего государства. На данный момент, в связи с увеличением числа беженцев, законодательно запрещено попрошайничество в Дании и некоторых районах Норвегии. Санкции предусмотрены также в Швейцарии, Испании, Великобритании, Люксембурге и Германии за «агрессивное» попрошайничество и попрошайничество с использованием детей, имитацию телесных увечий и даже художественные представления с использованием непригодных для игры музыкальных инструментов.

Проанализировав законодательство, необходимо затронуть и криминологическую характеристику попрошайничества. Проведенное исследование показало, что причинами рассматриваемого социального явления выступают: потеря жилья; профессиональная непригодность, не позволяющая трудоустроиться; неполноценное умственное или физическое развитие; неэффективная система ресоциализации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы. К примеру, относительно последнего, порядка 30% лиц БОМЖ, занимающихся попрошайничеством, ранее судимы.

Среди факторов, способствующих занятию попрошайничеством можно выделить: 25% – зависимость от алкогольных напитков, наркотических средств; 20% – низкое материальное положение; 19% – тунеядство; 15% – пенсионный возраст; 10% – инвалидность; 5% – деятельность псевдоблаготворительных организаций; 4% – зависимость родителей, детей и т.д.; 2% – отсутствие должного контроля со стороны правоохранительных органов.

Формируя социальный портрет лица с указанным маргинальным поведением отметим, что это в большей степени мужчина (65%), что касаемо возраста, то можно привести две основные возрастные границы: 10-15 лет (21%), 40-60 лет (44%)), имеющий минимальный материальный уровень дохода либо его полное отсутствие, в 83% случаев – страдающий алкогольной или наркотической зависимостью. По социальному положению – не имеющий семьи (81%), ранее отбывавший наказание в виде лишения свободы (55%). К сожалению, в последнее время констатируется факт увеличения количества несовершеннолетних, занимающихся подобного рода деятельностью (подавляющее большинство - дети из неблагополучных семей).

Основные встречающиеся виды попрошаек: «христарадники», «молодые матери», «инвалиды», «родители больных детей», «лжеветераны боевых действий»; «интернет-попрошайки»; использующие животных и т.д. К слову о последнем, в 2015 году были даже разработаны меры по пресе-

чению использования животных в целях попрошайничества, а соответствующий законопроект внесен в Государственную думу РФ (позже был автором отозван).

Основными местами, где можно встретить «попрошаек» – это вблизи торгово-развлекательных центров, церквей, вокзалов, на центральных улицах города. В большинстве случаев одни и те же люди несколько лет «работают» на одном и том же месте. В летний период времени на улицах города можно столкнуться с подростками с прозрачными коробками, собирающими средства на лечение детей. Возникают сомнения в искренности такой благотворительности. И хотя по факту проверок такие благотворительные фонды зарегистрированы в законном порядке в Министерстве юстиции России. Однако известно, что подростки, таким образом подрабатывающие, получают порядка 20 % от собранных средств. Возникает вопрос – сколько денежных средств в итоге остается на лечение детей, и действительно ли они уходят на помощь? Следовательно, данная тема помимо юридического свойства имеет и моральный аспект.

Для искоренения данной деятельности необходимы серьезные меры предупреждения попрошайничества. Обозначим наиболее перспективные, на наш взгляд:

- во-первых, полагаем необходимым закрепить норму в КоАП РФ, которая бы содержала в себе санкцию в виде обязательных работ, так как административный штраф в этом случае нецелесообразен и, скорее всего, данная категория граждан не будут его оплачивать, а исполнительное производство не увенчается успехом из-за отсутствия у лиц, какого-либо имущества. Такую норму можно представить следующим образом:

«Статья 20.35. Занятие попрошайничеством

Занятие попрошайничеством, то есть нарушение общественного порядка, выразившееся в приставании, навязчивых действиях, прошения милостыни гражданином, осуществляемых в отношении других граждан против их воли, в целях получения денежных средств -

влечет обязательные работы на срок до сорока часов»;

- во-вторых, необходимо разъяснять гражданам, ведущим асоциальный образ жизни, о возможности оказания им медицинской, юридической, психологической и иной помощи. Так, в соответствии со ст. 15 федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» оно предоставляется, к примеру, лицам, имеющим пристрастие к азартным играм, страдающим психическими расстройствами, без определенного места жительства и пр;

- в-третьих, к примеру, в Алтайском крае функционируют более 10 различных центров социальной адаптации. Так, одним из учреждений социального обслуживания «Центр социальной адаптации для лиц без определенного места жительства города Бийска» за 2016 г. был предоставлен ночлег 11702 лицам без определенного места жительства, оказана юриди-

ческая помощь 3052 гражданам, содействие в получении экстренной психологической помощи 3464 гражданам, осуществлено обеспечение одеждой, обувью и другими предметами первой необходимости 829 граждан.

Подводя итог, необходимо отметить, что такое явление как «попрошайничество» в настоящее время распространено практически повсеместно, так как число лиц, занимающихся данной деятельностью растет с каждым днем. Законодательное урегулирование попрошайничества и направление людей, нуждающихся в помощи, в специальные центры, это самые эффективные меры по предупреждению и пресечению попрошайничества, и как следствие – преступлений.

Рясов Дмитрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

Международно-правовые основы противодействия финансированию терроризма и экстремизма

Финансирование террористической и экстремистской деятельности, представляет собой сложную процедуру трансфера финансовых средств, включающую множество операций, совершаемых разными методами, которые постоянно меняются. Методы и источники финансирования варьируются от страны к стране, от региона к региону, от террористической группы к террористической группе.

В недавнем прошлом одним из источников финансирования была поддержка его определенными странами. Однако реакция межгосударственных сообществ, в первую очередь ООН (например, использование экономических санкций), помогла убедить «государства-спонсоры» отказаться от финансирования терроризма и экстремизма. Но определенные страны до сих пор сохраняют финансирование.

Помимо государственной помощи террористические и экстремистские организации финансируются также частным капиталом легального бизнеса и теневой экономики.

На уровне теневой экономики в большей степени спонсируют терроризм следующие незаконные действия: контрабанда, торговля наркотиками, нелегальный автобизнес, финансовое мошенничество, отмывание денег.

Возможно также прямое финансирование местными властями под эгидой законной предпринимательской деятельности, личные пожертвования, культурные мероприятия, инвестиции в акции, недвижимость.

Зачастую для того, чтобы перемещать денежные средства, террористы используют легальную банковскую систему. Однако властями разных

стран были приняты меры, позволяющие контролировать и отслеживать передвижение денежных операций через банковскую систему. Тем не менее, существование оффшорных финансовых центров и льготных правил оставляет банковскую систему по-прежнему уязвимой для содействия движению денежных средств через международные границы. Помимо официальной банковской системы террористы преимущественно используют неформальные методы передачи денежных средств, такие как «Хавала»[1].

Другой способ перевода денег, активно применяемый террористами в последнее время как наиболее безопасный в плане обнаружения, – это использование денежных курьеров.

Экстремистские и террористические организации получают существенную финансовую поддержку, в том числе из законных источников – таких как благотворительные организации, фонды, некоммерческие компании и т.д. Во многих случаях средства привлекаются посредством призывов к осуществлению благотворительных акций, и такие методы привлечения денежных средств, в большинстве случаев не вызывают подозрения.

Финансирование экстремистских и террористических организаций осуществляется, в том числе путем создания ими сети сбора денежных средств на пожертвования посредством идентификаторов в системе электронных платежей «Web-money», «Yandex.Деньги» и «QIWI-кошелек». Денежные средства, собранные таким образом не расходуются на благотворительные цели, а присваиваются участниками незаконных вооруженных формирований (далее НВФ) и используются террористами в целях финансирования их деятельности.

Впервые в международной правовой системе понятие «финансирование терроризма» было упомянуто в Декларации ООН «О мерах по ликвидации международного терроризма»[2], принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1994 № 49/60. В документе говорится, что государства обязаны «воздерживаться от организации террористической деятельности, подстрекательства к ней, содействия ее осуществлению, финансирования, поощрения или проявления терпимости к ней и принимать надлежащие практические меры к обеспечению того, чтобы их соответствующие территории не использовались для создания террористических баз или учебных лагерей или для подготовки или организации террористических актов, направленных против других государств или их граждан». Таким образом, финансирование терроризма признано конвенционным преступлением.

Дальнейшее развитие нормативной базы международного противодействия финансированию терроризма получило в виде Конвенции ООН

---

[1] Неформальная финансово-расчетная система на основе взаимозачета требований и обязательств между брокерами, используемая преимущественно на Среднем Востоке, в Африке и Азии.

[2] Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (одобрена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 49/60 от 9 декабря 1994 г.): Действующее международное право, т.3 // Сборник правовых актов 1988г., выпуск 10 – С. 133.

по борьбе с финансированием терроризма[1], принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1999 № 54/109. Данная Конвенция провозгласила следующие ключевые принципы:

– финансирование терроризма должно считаться преступлением и быть отражено в законодательстве;

– государства, присоединившиеся и ратифицировавшие Конвенцию, должны организовывать судебное преследование лиц, совершивших преступление;

– государства должны создать систему противостояния террористическим угрозам и бороться с финансовой подпиткой терроризма.

Учитывая настоятельную необходимость в укреплении международного сотрудничества между государствами в деле разработки и принятия эффективных мер по недопущению финансирования терроризма, а также борьбе с ним путем преследования и наказания совершающих его лиц, 03.04.2000г. Россия ратифицировала Международную Конвенцию о борьбе с финансированием терроризма, принятую Генеральной Ассамблеей ООН 09.12.1999 г.[2]

Подписанная позже Российской Федерацией 15.06.2001г. Шанхайская конвенция[3] урегулировала взаимодействие правоохранительных ведомств и спецслужб государств-участников в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также регламентирует такие ключевые направления и формы сотрудничества, как обмен информацией, осуществление оперативно-розыскных мероприятий, принятие совместных мер по пресечению поставок вооружения и боеприпасов террористическим группировкам, их финансирования и мер по прекращению деятельности центров подготовки боевиков.

Эти положения получили свое закрепление в отечественном законодательстве.

Базовым нормативным актом в этой сфере выступает Федеральный закон РФ от 07.08.2001г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»[4] статья первая которого гласит: «Настоящий Федеральный закон направлен на защиту прав и законных интересов граждан, общества и государства путем создания правового механизма противодействия лега-

---

[1] Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 марта 2003 г. № 12 ст. 1059

[2] Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йорк, 10.01.2000) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 5.

[3] Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, 15.06.2001 // Собрание законодательства РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.

[4] О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон РФ от 07.08.2001 № 115-ФЗ (в ред. ФЗ от 29 июля 2017г. №281-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 августа 2001 г. № 33 (Часть I) ст. 3418.

лизации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Данным нормативным актом финансирование терроризма определено как «предоставление или аккумуляция финансовых ресурсов или оказание финансовых услуг, подразумевая, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения преступных действий террористического уклона либо для обеспечения организованной группировки, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения указанных преступлений».

В качестве еще одного нормативного акта, регулирующего деятельность по пресечению каналов финансирования, следует упомянуть Указ Президента РФ от 10.01.2002 № 6 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1373 от 28 сентября 2001 г.»[1].

В указе отмечено: «В связи с резолюцией Совета Безопасности ООН 1373 от 28 сентября 2001 года, согласно которой акты международного терроризма представляют собой угрозу для международного мира и безопасности и в которой подтверждается необходимость бороться всеми средствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций с угрозами для международного мира и безопасности, создаваемыми террористическими актами, федеральным органам государственной власти и органам государственной власти субъектов Российской Федерации в своей деятельности в пределах соответствующих полномочий…».

Борьба с финансированием терроризма является одним из основных направлений в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Террористические организации полагаются на финансирование и поддержку определенных групп, чтобы подкреплять действия и осуществлять атаки. Эффективными мерами по борьбе с финансированием терроризма могут быть финансовые расследования, аналитическая работа, сдерживающие и профилактические меры.

На международном уровне в настоящее время в мире не существует организации, целью которой являлась бы только борьба с финансированием терроризма. Например, такие организации, как ФАТФ, Группа «Эгмонт», Форум финансовой стабильности осуществляют борьбу не только с финансированием терроризма, но и с отмыванием денег.

Межправительственная комиссия по борьбе с отмыванием криминальных капиталов (ФАТФ) была учреждена в 1989 г. Штаб-квартира располагается в Париже. Россия присоединилась к ней в 2003 г. Основными задачами ФАТФ являются:

[1] О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1373 от 28 сентября 2001г: Указ Президента РФ от 10.01.2002 № 6 // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 августа 2001 г. № 2 ст. 137.

– разработка рекомендаций в сфере борьбы с финансированием терроризма;

– анализ и оценка национального законодательства на предмет соответствия рекомендациям ФАТФ;

– оценка и анализ ситуации с терроризмом в разных странах;

– организационная работа по проведению конференций по финансовым и законодательным аспектам финансирования терроризма.

Рекомендации ФАТФ не дублируют и не подменяют соответствующие положения иных международных актов, а при необходимости, дополняя их, сводят в единую систему организационные принципы и правовые нормы, играя при этом важную роль в процессе кодификации норм и правил в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма.

В феврале 2012 г. ФАТФ утвердила новую редакцию 40 Рекомендаций ФАТФ-2. На данный момент они восприняты большинством национальных законодательств стран – членов ФАТФ.

Содержание

Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Риски в сфере принятия уголовно-политических и уголовно-правовых решений: понятие и виды…… 3

Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Неопределенность уголовно-правовых норм…… 13

Пудовочкин Ю.Е., Бавсун М.В. Влияние идеологии постмодерна на содержание уголовно-правового воздействия…….. 20

Беляева Л.И. Реализация в деятельности МВД России международных стандартов предупреждения правонарушений несовершеннолетних…….…….. 27

Бойко А.И. Эвфемизмы в политике и юриспруденции…… 32

Бурлаков В.Н. Современная уголовная политика противодействия преступности……. 39

Вишневецкий К.В., Сапрунов А.Г. Предотвращение корыстных преступлений в отношении лиц преклонного возраста как объект научного исследования…… 43

Гаврилов Б.Я. Уголовно-правовая политика назначения наказания: законодательные мифы и реалии правоприменения..…….. 53

Генрих Н.В. Предмет уголовного права в контексте задач современной уголовной политики……. 61

Голик Ю.В., Коробеев А.И. Зигзаги уголовно-правовой политики России: из огня да в полымя…….. 69

Готчина Л.В. О перспективах уголовной политики и противодействия наркопресупности…….. 75

Гришко А.Я. Реализация основных направлений уголовной политики в нормах уголовно-исполнительного права……. 78

Иванцов С.В. Современная культурология и обстоятельства, способствующие совершению преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей…….. 84

Игнатов А.Н. Антикриминогенный потенциал транзитивного периода (на примере Крыма)…….. 90

Карнаушенко Л.В., Федоренко С.А. Правовая культура трансформирующегося общества……...…… 98

Кибальник А.Г. Псевдоуголовная ответственность юридических лиц за налоговые преступления……. 103

Козаев Н.Ш. К вопросу обеспечения безопасности информационного пространства в условиях глобализации…… 106

Корецкий Д.А., Исакова Ю.И. Уголовное законодательство и судебная практика: тенденции и эффективность…….. 109

Кузнецов А.П. Правоприменительная практика в разъяснениях Пленума Верховного суда Российской Федерации…….. 114

Лебедев С.Я. Инновационно-технологические перспективы Российского уголовного законодательства и политики его применения…… 123
Лазовский Д.Н., Лазовская Н.Н. К вопросу о понятии термина «расследование преступлений»…….. 132
Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. О содержании категории «общественная опасность»……. 136
Шевелева С.В., Мусьял И.А. Уголовно-правовая охрана объектов гражданских прав при совершении мошенничества…….. 140
Щербакова Л.М. Терроризм и экстремизм: некоторые аспекты криминологического исследования……... 146
Яковлева Л.В., Майорова Е.И. Уголовный проступок в системе мер уголовно-правового характера…….. 151
Акопджанова М.О. Уголовно-правовая защита жизни и здоровья, отношений собственности и общественой безопасности на современном этапе…….. 156
Алихаджиева И.С. Некоторые особенности государственной политики противодействия преступлениям против общественной нравственности: теоретико-правовой аспект…… 161
Алтухов С.А. Актуальные вопросы обеспечения законности и правопорядка……. 167
Андреева И.А. Современный криминологический портрет женской преступности…… 170
Баранчикова М.В., Перков А.А. Обман как способ совершения социального и страхового мошенничества: уголовно-правовой и психологический аспекты…….. 174
Бахур О.И. Проблемы криминализации жестокого обращения с животными в Республике Беларусь……. 178
Бимбинов А.А. Незарегистрированная медицинская продукция как предмет преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ…… 182
Бикмашев В.А. Арифметика уголовного закона…….. 186
Бохан А.П. Тенденции реформирования уголовного законодательства Российской Федерации в части обеспечения безопасности движения и эксплуатации транспорта……... 193
Буз С.И. К вопросу о личности субъекта насильственных преступлений в условиях реализации современной уголовной политики……... 196
Вертепова Т.А. Актуальные проблемы квалификации торговли людьми, совершенной с перемещением потерпевшего через Государственную границу Российской Федерации или с незаконным удержанием его за границей…….. 204
Воронин В.Н. Уголовно-правовое противодействие обращению медицинской продукции: сравнительно-правовой аспект…… 207

Грибанов Е.В. Культура противодействия преступности и технологии предупреждения преступлений…….…… 211
Евтушенко И.И. Проблемы квалификации мошенничества со средствами материнского капитала (по материалам Республики Крым)……... 216
Жилкин М.Г. Проблемы дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности……. 222
Закаляпина Л.А. Детерминанты курортной преступности в России……. 228
Ивасюк О.Н. Влияние культурных факторов на бытовые преступления, совершаемые на почве пьянства, алкоголизма и наркомании…… 234
Ищук Я.Г. Афганская наркоиндустрия как объект криминологического анализа……. 238
Кашкаров А.А.Организационные и тактические основы предупреждения должностной преступности органах внутренних….. 245
Киселев С.С. Киберпреступления против жизни и здоровья в обществе потребления. Первая ласточка…… 252
Коваленко В.И. Противодействие криминальной эксплуатации человека: проблемы криминологической оценки и предупреждения….. 256
Коровин Е.П. Соотношение преступления, предусмотренного п. «а» ст. 282 УК РФ, с насильственными преступлениями против личности экстремистской направленности…….. 263
Лукашов А.И. Правовая природа освобождения от уголовной ответственности (в поисках концептуального решения)……. 267
Максименко М.В. Уголовная ответственость за гомосексуализм в системе советского государства……. 273
Михальчук Ю.П., Харитонов И.К. Проблемы соотношения и взаимного влияния национальной безопасностим и уголовной политики в России…….. 278
Намнясева В.В. Уголовно-правовая характеристика и особенности квалификации преступления, предусмотренного ст. 309 УК РФ……... 283
Паршина И.А.Уголовная политика Российской Федерации в сфере обеспечения экологической безопасности…….. 288
Пенионжек Е.В. Методика убеждения и разъяснения как ценностное содержание профессиональной деятельности сотрудников подразделений дознания……. 292
Пимакова О.Г. К вопросу о разграничении мошенничества и изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг…… 297
Пихов А.Х. Структурно-географические и культурологические взаимосвязи транснациональной преступности…….. 300

Репьева А.М., Красилов М.О. Профилактика попрошайничества в целях предупреждения совершения преступлений и борьбы с ними……. 303
Рясов Д.А. Международно-правовые основы противодействия финансированию терроризма и экстремизма…… 307

Научное издание

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Материалы
Международной научно-практической конференции

(15 сентября 2017 г.)

Том I

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Н. А. Никитиной*

ISBN 978-5-9266-1333-6

9 785926 613336

Подписано в печать 15.12.2017. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 18,4. Тираж 150 экз. Заказ 647.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.